РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

3(96)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Октябрь 1917: Его человеческая цена
October 1917: Its Human Price

Россия в глобальном мире: Торговые и военные аспекты
Russia in the Global World: The Trade and Military Aspects

Советская история: Литература, идеология, правосудие
Soviet History: Literature, Ideology, Justice

Бюрократия в Великобритании и России
The Bureaucracy in the UK and Russia

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

москва
2017

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75

ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

Редакционная коллегия:

В.С. Мирзеханов – доктор исторических наук, профессор, главный редактор, *В.Н. Бабенко* – доктор исторических наук, профессор, *Л.Н. Верченов* – кандидат философских наук, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, *О.И. Киянская* – доктор исторических наук, профессор, зам. главного редактора, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, *Л.Н. Шаншиева* – кандидат философских наук

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*
Ведущий редактор *Д.А. Семенова*
Художник обложки *Г.И. Козубов*

Р 75 **Россия и современный мир** = Russia and the contemporary world: Научный журнал / РАН. ИНИОН, Институт экономики; Редкол.: В.С. Мирзеханов (гл. ред.) и др. – М., 2017. – ISSN 1726–5223. – № 3 (96). – 296 с.

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009
ISSN 1726–5223
© ИНИОН РАН, 2017

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

А.С. Ципко
Что дал России большевистский Октябрь? О человеческой цене «великого Октября» 6

Ю.Н. Саямов
О Гаагских конференциях 1899 и 1907 гг. 33

Т.В. Котюкова
Туркестанский плен: Немецкие и австро-венгерские военнопленные в Русском Туркестане в годы Первой мировой войны 47

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

A.S. Tsipko
What Was the Bolshevik October for Russia? The Human Cost of the «Great October» 6

Yu.N. Sayamov
The Hague Conferences 1899, 1907 33

T.V. Kotyukova
Turkestan Captivity: German and Austro-Hungarian War Prisoners in Russian Turkestan During the First World War 47

РОССИЯ И МИР, В XXI ВЕКЕ

Г.А. Дробот, А.Я Щербакова
Лидерский потенциал России в глобальном мире 65

В.И. Бажуков
Россия и НАТО: Партнерство или противостояние? 75

Д.С. Миронова
Современный этап трансформации НАТО 89

М.М. Бороденко
Встреча на берегах Дуная: Проблемы и перспективы российско-венгерских отношений 103

RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY

G.A. Drobot, A.Ya. Shcherbakova
Leadership Potential of Russia in the Global World 65

V.I. Bazhukov
Russia and NATO: Partnership or Confrontation? 75

D.S. Mironova
Transformation of NATO at the Present Stage 89

M.M. Borodenko
Meeting on the Danube: Problems and Prospects of Russian-Hungarian Relations 103

А.В. Шурубович
Белорусская экономическая модель перед лицом тяжелых испытаний 116

О.Г. Леонова
Индийско-российские отношения в XXI веке: Взгляд с другой стороны 133

Л.В. Новоселова
Российско-китайское инвестиционное сотрудничество в контексте «поворота России на Восток» 149

А.Г. Пылин
Внешнеторговое взаимодействие ЕАЭС и Вьетнама в контексте создания зоны свободной торговли 164

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Д.М. Фельдман
Литература и политика: Российские писательские сообщества 1890–1920-х годов в политическом контексте 177

А.Л. Юрганов
Как товарищ Сталин стал руководить литературным фронтом 200

В.С. Парсамов
Идеологическая экспертиза и историческое знание в большевистской России 1920-х – первой половины 30-х годов 222

A.V. Shurubovich
The Belarusian Economic Model Facing Serious Challenges 116

O.G. Leonova
Indian-Russian Relations in the 21st Century: A View from the Other Side 133

L.V. Novoselova
Russian-Chinese Investment Cooperation in the Context of «Russia's Turn Eastward» 149

A.G. Pylin
Foreign Trade Cooperation of the EAEU and Vietnam in the Context of the Free Trade Zone Creation 164

PHENOMENOLOGY OF THE SOVIET SOCIETY

D.M. Feldman
Literature and Politics: Russian Literary Community of 1890–1920-ies in Political Context 177

A.L. Yurganov
As Comrade Stalin Started to Govern the Literary Front 200

V.S. Parsamov
Ideological Expertise and Historical Knowledge in Bolshevik Russia of 1920-ies – the First Half of 30-ies 222

В.Н. Бабенко
Проблемы формирования советской системы правосудия (1917–1920) 250

РАЗМЫШЛЕНИЯ. СООБЩЕНИЯ. КОММЕНТАРИИ

Г.А. Борщевский
Реформа бюрократии: Сравнение опыта Великобритании и России 260

Э.Э. Шульц
Русская революция: Проблема легитимности 280

Ю.В. Смородина
«Мягкая сила» России и пути повышения ее эффективности 290

V.N. Babenko
The October Revolution and Problems of Formation of the Soviet Justice System (1917–1920)

REFLECTIONS. COMMUNICATIONS. COMMENTS

G.A. Borschevsky
The Reform of Bureaucracy: Comparing the Experience of Great Britain and Russia

E.E. Schultz
The Russian Revolution: The Problem of Legitimacy

Yu.V. Smorodina
Russian «Soft Power» and Ways to Improve its Efficiency

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

А.С. Ципко

ЧТО ДАЛ РОССИИ БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ОКТЯБРЬ? О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦЕНЕ «ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ»

Аннотация. *На основе конкретных описаний и размышлений Троцкого в фундаментальном труде-исповеди «История русской революции» анализируются факторы, которые помогли большевикам прийти к власти. Ленинский план перехода к коммунистическому строительству в России находился в вопиющем противоречии с социальными ожиданиями и жизненными планами подавляющей части населения России 1917 г.*

Ключевые слова: *революция, большевизм, крестьянская Россия, диктатура пролетариата, утопизм, Троцкий.*

Ципко Александр Сергеевич – доктор философских наук,
главный научный сотрудник Института экономики РАН.
E-mail: astsipko@yandex.ru

A.S. Tsipko. What Was the Bolshevik October for Russia? The Human Cost of the «Great October»

Abstract. *Factors that helped the Bolsheviks to come to power are analyzed basing on Trotsky's specific descriptions and thoughts in his fundamental confession work «History of Russian revolution». Lenin's plan of transition to Communist construction in Russia was in flagrant contradiction with social expectations and life plans of the majority of population of Russia in 1917.*

Keywords: *revolution, Bolshevism, peasant Russia, the dictatorship of proletariat, utopianism, Trotsky.*

Tsipko Aleksandr Sergeevich – Doctor of Philosophy,
chief research fellow of the Institute of Economics
of the Russian Academy of sciences.
E-mail: astsipko@yandex.ru

Троцкий и Октябрь 1917 года: Как это было?

Мои размышления о цивилизационном наследстве 70-летней советской истории спровоцированы тысячестраничной «Историей русской революции» Льва Троцкого, изданной в Берлине в 1931–1932 гг. на русском языке. Кстати, до сих пор Лев Давидович, сыгравший громадную, если не главную роль в переходе власти к большевикам в октябре 1917 г., убитый Сталиным в 1940 г. в Мексике, у нас не реабилитирован, и его фундаментальное исследование предпосылок и логики перерастания Февраля в Октябрь у нас не переиздано целиком. Мы продолжаем и сегодня рассуждать об октябре 17-го года по Сталину, который еще в 1924 г. провозгласил задачей историков разрушение «легенды об особой роли Троцкого в октябрьском восстании» [16, с. 409]. В ноябре 1918 г. Сталин в юбилейной статье «Правды», впрочем, настаивал на прямо противоположном: «Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета тов. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умело поставленной работой Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому» [16, с. 408].

Сегодня Троцкий со своей правдой об Октябре, его реальных истоках и предпосылках неудобен, ибо «История русской революции» не только камня на камне не оставляет от модной сегодня в России славянофильской трактовки Октября, но и от советской трактовки Октября как пролетарской социалистической революции трудящихся масс.

Мое внимание «История русской революции» привлекла прежде всего попыткой Льва Троцкого ввести описываемые им события в контекст философских споров о роли случайности в человеческой истории, о человеческой цене революционных преобразований. Спустя всего лишь 15 лет после того, что он справедливо называет «большевистским переворотом», он спрашивает себя и своего будущего читателя: а было ли все, что произошло в октябре 1917 г., неизбежным, какова роль в происходящих событиях субъективного человеческого фактора? Взяли бы власть большевики, если бы не поразительная воля, настойчивость Ленина, заставившего партию вопреки сопротивлению всего ее руководства, готовиться к вооруженному восстанию? Взяли бы власть большевики вообще, если бы вопрос о вооруженном восстании был отложен на неделю, на две?

Отвечая на эти вопросы, Троцкий практически слово в слово повторяет размышления из статьи Г.В. Плеханова «О роли личности в истории», в которой тот задолго до Октября писал, что марксизм связывал реализацию исто-

рических законов прежде всего с субъективным фактором, со способностью людей в своих действиях реализовать возможности исторического рывка.

Троцкий не хуже, чем Плеханов, доказывает, что на самом деле никакой фатальной неизбежности прихода к власти большевиков в России в октябре 1917 г. не было. В решающей мере все зависело от приезда Ленина в Россию.

Привожу его рассуждения о роли личности Ленина, ибо они много дают и для понимания смысла человеческой истории. «Остается спросить, и это немаловажный вопрос, как пошло бы развитие революции, если бы Ленин не доехал до России в апреле 1917 г.? …До его приезда ни один из большевистских вождей не сумел поставить диагноз революции. Руководство Каменева – Сталина отбрасывалось ходом вещей вправо, к социал-патриотам: между Лениным и меньшевизмом революция не оставляла места для промежуточных позиций. Внутренняя борьба в большевистской партии была совершенно неизбежна… Можно ли, однако, сказать с уверенностью, что партия и без него нашла бы свою дорогу? Мы бы не решились это утверждать ни в каком случае... Кризис, который неизбежно должно было вызвать оппортунистическое руководство, принял бы, без Ленина, исключительно острый и затяжной характер. Между тем условия войны и революции не оставляли партии большого срока для выполнения ее миссии. Совершенно не исключено, таким образом, что дезориентированная партия могла бы упустить революционную ситуацию на много лет. Роль личности выступает здесь перед нами в гигантских масштабах» [16, с. 366–367].

Анализируя борьбу в руководстве партии накануне Октября, Троцкий без колебаний говорит, что если бы большевики упустили «революционную ситуацию» решающих дней, последовавших после 10 октября, «если бы большевики не взяли власть в октябре-ноябре, по всей вероятности не взяли бы ее совсем… Полученную таким образом передышку буржуазия использовала бы для заключения сепаратного мира… и разгрома революционных организаций… Пролетарский переворот отодвинулся бы в неопределенную даль. Острое понимание этой перспективы внушало Ленину его тревожный клич: «Успех русской и всемирной революции зависит от двух-трех дней борьбы» [16, с. 170–171].

Для нас сегодня, на мой взгляд, актуален и второй, тоже философский вопрос, который задает в заключение своей «Истории русской революции» Лев Троцкий. Оправдывают ли «последствия революции» «вызываемые ею жертвы», гибель людей? Понятно, что и при формулировке этого вопроса, и тем более при ответе на него Троцкий (как несомненный, наряду с Лениным, вождь Октября) не может не дать оптимистический ответ. При этом он, несомненно, занижает прежде всего человеческую цену своей и Ленина победы. К тому моменту, когда он задает вопрос о цене Октября, уже полным ходом идет, кстати активно поддерживаемый им, социалистический экспери-

мент, произошла насильственная коллективизация, приведшая к гибели сотен тысяч крестьян и прежде всего детей, выселенных за Урал, начался голод 1932–1933 гг., практика расстрелов заключенных по «белому списку» уже на всю мощь работала на Соловках. Я уже не говорю о том, что Троцкого принципиально не волновала утрата в результате Октября значительной, если не подавляющей, части образованной России. Октябрь смыл многие цивилизационные достижения дореволюционной России, крепкого крестьянина с его культурой производительного труда, огромные достижения добровольной кооперации, которая охватывала одну треть российского крестьянства, культуру ремесленного труда, в конце концов высокую культуру самостоятельной, свободной мысли образованной России.

Но Троцкий успокаивал себя. Ничего не поделаешь, писал он, хотите развития, тогда соглашайтесь на «неизбежный накладной расход революции, которая сама есть накладной расход исторического развития» [15, с. 52–53].

Но что больше всего меня поразило! Говоря о несомненном влиянии Октября на историю Европы уже первой трети XX в., Троцкий деликатно обходит вопрос о провокационной роли большевистских Советов в зарождении итальянского фашизма, а несколько позже – национал-социализма Гитлера, и это поразительно. В более чем тысячестраничном тексте своей истории Троцкий затрагивает самые разнообразные горячие сюжеты текущего момента начала 30-х годов. Но нигде ни слова ни о Муссолини, который уже десять лет у власти, ни о уже кричащей угрозе прихода Гитлера со своим национал-социализмом к власти. Уже в начале 30-х годов было очевидно, о чем писал, правда, позже Иван Ильин, что «фашизм возник как реакция на большевизм, как «концентрация государственно-охранительных сил направо» [5, с. 86].

Оправдание Троцким жертв Октября ничем не отличается от того, как оправдывал кровь революции в работе, вышедшей в 1937 г. Николай Бердяев. Когда «народы… ищут выход из невыносимых тягот в революции, – писал Лев Троцкий, – нет смысла прибегать к разговорам о ее человечьей цене. Процессы великих преобразований надо мерить адекватными им масштабами… Даже если бы, силой неблагоприятных обстоятельств и вражеских ударов, советский режим – допустим на минуту – оказался временно опрокинут, неизгладимая печать Октябрьского переворота все равно осталась бы на всем дальнейшем развитии человечества» [16, с. 376–377].

И поразительно, что политический противник Троцкого и Ленина, критик большевистского тоталитаризма и большевистского «палачества» Николай Бердяев практически в тех же словах, что и Троцкий, оправдывает историческое значение Октябрьского переворота. Настойчивость Троцкого в позитивной оценке Октября понятна. Речь идет здесь о его личной роли в этом процессе воздействия Октября на человеческую историю. На самом деле самые эгоистичные и самолюбивые представители российской интеллигенции как

раз и выбрали революционный марксизм, дело огня и крови. И то что Троцкий, как и Ленин, своим октябрьским переворотом и его несомненными последствиями оставил след в человеческой истории, не вызывает возражений. Другое дело, как он оценивал эти громадные последствия. Но что заставило Николая Бердяева при оценке Октября перешагнуть через христианское «Не убий!» и призывать, как и Троцкий, измерять революцию «другими масштабами». Но тем не менее цитирую Николая Бердяева. Его мнение и сегодня важно в споре о роли Октября в истории XX в. «Трудно понять тех христиан, которые считают революцию недопустимой ввиду ее насилия и крови, и вместе с тем считают вполне допустимой и нравственно оправданной войну. Война совершает еще больше насилий и проливает еще больше крови. Революция, совершающая насилие и проливающая кровь, есть грех, но и война есть грех, часто еще больший грех, чем революция… Но революция есть рок истории, неотвратимая судьба исторического существования. В революции происходит суд над злыми силами, творящими неправду… Революция ужасна и жутка, она уродлива и насильственна… Таково проклятие греховного мира… И на русской революции, быть может больше, чем на всякой другой, лежит отсвет Апокалипсиса. Смешны и жалки суждения о ней с точки зрения нормативной религии и морали» [1, с. 107]. И последнее, об историческом «отпечатке» Октября. Вот что говорит по этому поводу Николай Бердяев: «Поражение советской России было бы и поражением коммунизма, поражением мировой идеи, которую возвещает русский народ» [1, с. 108–109].

Разница между позитивной оценкой роли Октября Троцким и Бердяевым состоит только в том, что первым при оценке большевистского переворота движет прежде всего личное самолюбие, а Бердяевым – русский патриотизм, желание доказать себе, что русские тоже могут совершить нечто великое. И все-таки надо видеть существенную разницу между подходом Льва Троцкого и Николая Бердяева к проблеме цены Октября и советского эксперимента и нынешним подходом к этой проблеме. Что, кстати, не учитывают в современной, особенно посткрымской, России, в которой идеологическая инициатива принадлежит вождям и идеологам Изборского клуба. И в начале 1930-х годов, когда Троцкий работал над своей, на мой взгляд, эпохальной «Историей русской революции», и во второй половине 1930-х годов, когда Николай Бердяев писал свой основной труд о сути большевизма, сохранялась объединяющая и Троцкого, и Бердяева надежда, что миру капитализма, буржуазной цивилизации уже пришел конец, и что поэтому оправдано даже несомненное зло, неизбежное и даже необходимое для окончательной очистки человечества от скверны капитализма. Не забывайте, Бердяев до конца жизни сохранял негативное отношение к капиталистической цивилизации. И Троцкий в своем рассказе об «искусстве восстания» (речь шла прежде всего

о природе пролетарской революции) настаивал на том, что ее «основная предпосылка состояла в том, что существующий общественный строй оказывается неспособен разрешить насущные задачи развития нации» [16, с. 191–192].

Троцкий на протяжении всей своей «Истории русской революции» демонстрирует веру в неизбежность европейской пролетарской революции, которая закроет последнюю страницу в истории капитализма, буржуазной цивилизации. С 1917 г. он «все… надежды свои возлагал на то, что наша революция развяжет европейскую революцию… Либо русская революция поднимет вихрь борьбы на Западе, либо капитализм всех стран задушит нашу революцию» [16, с. 367].

Бердяев, как и Троцкий, был убежден, что капиталистическая цивилизация себя изжила, о чем он много пишет в своем «Новом Средневековье», изданном, кстати, в Берлине еще в 1924 г., Николай Бердяев посвящает несколько страниц описанию гибели европейской так называемой «индивидуалистской цивилизации» вместе с капитализмом. «Эти оковы падают, – пишет он, – эти формы низвергаются. Человек выходит к общности. Наступает универсалистическая, коллективистская эпоха» [2, с. 233]. Николай Бердяев потому и поддерживал фашизм Муссолини, что видел в нем, наряду с коммунистической Россией, подтверждение общей закономерности перехода человечества к «коллективистской эпохе».

И конечно эта вера во всемирно-историческое значение Октября связана и у Льва Троцкого, и у Николая Бердяева с надеждой, что советская система, социалистический эксперимент не просто вытравит из русского человека и даже русского крестьянина индивидуализм, но родит принципиально нового человека с абсолютно новой целиком духовной мотивацией к труду, к жизни в целом. И надо сказать, что в этом вопросе переделки человека Лев Троцкий был более осторожен, более реалистичен, чем Николай Бердяев. Комментируя ленинский декрет о земле, Троцкий пишет, что в такой «исторически запоздалой» стране, как Россия, в «крестьянской стране, одной из самых отсталых стран Европы, социализм не может победить в ней тотчас: сам факт отмены частной собственности на землю навсегда не изменит сразу же частнособственническую природу крестьянства»... И, говорит Троцкий, в этих условиях одна надежда на «новый режим», который сможет его, крестьянина, перевоспитать, «не сразу, а в течение многих лет, в течение поколений, при помощи новой техники и организации хозяйства» [15, с. 359].

Кстати, Ленин тоже понимал, что на самом деле русский крестьянин, отдавший власть большевизированным советам, хочет совсем другого. Ленин осознавал, что на самом деле «крестьяне хотят оставить у себя мелкое хозяйство, уравнительно его нормировать… периодически снова уравнивать». Но Ленин рассчитывал, что когда будет отменена частная собственность на землю,

когда будет «подорвано господство банков», которые помогали крестьянину покупать инвентарь, когда «господство капитала будет подорвано», то «при переходе политической власти к пролетариату» ему, крестьянину, уже не будет других возможностей, кроме как переходить к коллективному труду, т.е., говорил Ленин, все «остальное подсказано будет практикой» жизни [16, с. 358].

Но история СССР не пощадила этот своеобразный реализм «лидеров большевизма». Двух десятилетий жизни при господстве власти пролетариата не хватило, чтобы убедить крестьян бросить свое собственное хозяйство и идти в колхозы. Отсюда и сталинская насильственная коллективизация, приведшая к массовым антиправительственным выступлениям. Только в 1930 г. органы ОГПУ привлекли по делам об участии в антиправительственных выступлениях 179 620 человек, из которых 20 тыс. были расстреляны [6, с. 890].

Троцкий, как и Ленин, в первые годы после Октября потому и связывал все надежды на реальную победу социализма в России с немецкой революцией, что на самом деле не верил, что «вечно догоняющая Россия» сможет сама переделать на социалистический, коллективистский лад многомиллионную крестьянскую нищую Россию. Хотя при всем этом он считал, что при диктатуре пролетариата русский народ совершит рывок в культурном отношении и создаст нечто такое, что войдет в сокровищницу мировой культуры. Нельзя забывать, что Троцкий, как и Ленин, откровенно пренебрежительно относился к русской культуре XIX – начала XX в., называя ее «дворянской». Он считал, что «опрокинутая октябрьским переворотом дворянская культура представляла собою, в конце концов, лишь поверхностное подражание западным образцам. Оставаясь недоступным русскому народу, она не внесла ничего существенного в сокровищницу человечества» [16, с. 376]. И надо сказать, что подход Троцкого к проблеме возможности построить социализм в одной, к тому же отсталой в цивилизационном отношении стране, ничем не отличался от подхода к этой проблеме Ленина, Бухарина. По крайней мере, до 1924 г. руководство партии, включая Сталина, исходило из резолюции Ленина, одобренной на апрельской конференции 1917 г., которая гласила: «Пролетариат России, действующий в одной из самых отсталых стран в Европе, среди массы мелкокрестьянского населения, не может задаваться целью немедленного осуществления социалистического преобразования» [16, с. 426]. Отсюда и все надежды и планы, связанные с «революционным движением на Западе. Защищая на VII съезде партии в марте 1918 г. подписание Брестского мира, Ленин говорил: «Если смотреть во всемирно-историческом масштабе, то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы безнадежной» [10, с. 11].

Конечно, тогда никто из вождей Октября, вождей большевизма, не задумывался об осуществимости учения Карла Маркса о коммунизме, об осуществимости скачка из царства необходимости в царство свободы. Сомнение в истинности марксизма как подлинной науки никогда не посещало Троцкого, как и Ленина. Марксизм для них был символом веры. Троцкий умирает в 1940 г., сохраняя в своем сердце веру в неизбежность всемирной пролетарской революции. Как истинно верующий человек не сомневается в существовании Бога, так и революционер-марксист не мог, по определению, сомневаться в неизбежности царства коммунизма на земле. Не сомневались в истинности марксистского учения о коммунизме даже меньшевики, тот же Мартов.

До середины 1920-х годов, как утверждалось в «Азбуке коммунизма», партийном учебнике, составленном Бухариным и Преображенским, среди большевиков сохранялась вера, что «коммунистическая революция может победить только как мировая революция… При таком положении, когда рабочие победили в одной стране, очень затруднено экономическое строительство. Для победы коммунизма необходима победа мировой революции» [16, с. 442].

Сегодня можно сказать, что в одном большевики середины 1920-х годов были правы. Коммунизировать русского крестьянина советская власть так и не сумела. Другое дело, что сама по себе коммунистическая идея была утопией. Парадокс состоял еще и в том, что даже враг «большевистской деспотии» Николай Бердяев сохраняет до конца жизни веру в возможность осуществления учения Карла Маркса о коммунизме, о преодолении овеществления человеческих отношений и соответственно позитивно оценивает Октябрь до своей кончины, т.е. до второй половины 1940-х годов. И сам по себе этот факт свидетельствует о том, что жажда преодоления буржуазности была характерна даже для той части русской интеллигенции, которую Ленин обозвал нехорошим словом. Бердяев в своем «Самопознании» признается, что он с чувством облегчения встретил большевистский Октябрь, ибо «верил во внутренний процесс перерождения коммунизма, в освобождение от гнета, которое произойдет через духовное возрождение» [4, с. 346]. «Я был совершенно убежден, – пишет он, – что старый мир кончился и что никакой возврат к нему невозможен и нежелателен» [4, с. 478]. Парадокс на парадоксе. В отличие от материалиста Троцкого идеалист Бердяев верит, что закрепленная в сталинской Конституции 1936 г. отмена частной собственности на производство, запрет на эксплуатацию человека человеком «пробуждает и расковывает огромные силы русского народа». Правда, считает Бердяев, «свободы человека все еще нет» [3, с. 244].

Так вот. Когда мы сегодня возвращаемся к поставленному еще в 1932 г. Львом Троцким вопросу о человеческой цене начатого большевиками

коммунистического эксперимента, мы обязаны учитывать то, что не могли и не хотели предвидеть ни Троцкий, ни Бердяев. История начисто опровергла все, на чем держалась вера последнего в исторический смысл Октября, его вера в то, что «возврата нет к тому, что было до большевистской революции», что все «реставрационные попытки бессмысленны и вредны, хотя бы то была реставрация принципов Февральской революции» [4, с. 476].

Но сегодня Россия вернулась к программе кадетов, к программе строительства того, что называлось «буржуазной цивилизацией». Главное, что мы сегодня должны учитывать, рассуждая об историческом смысле Октября, как раз и состоит в том, что спустя более 70 лет после победоносного октябрьского переворота Ленина и Троцкого, Россия вынуждена, чтобы сохранить условия для своего цивилизационного развития, возвращаться к тому, от чего она ушла после Октября, а именно – к частной собственности на землю, вообще к частной собственности на средства производства, к рыночной экономике и к частнокапиталистическому предпринимательству, вынуждена провозгласить ценности Февраля, ценности либеральной кадетской партии, а именно – свободу собраний, свободу слова, свободу совести, ценность права и человеческой жизни. Павел Милюков в своей «Истории второй русской революции» (для него, как и для Льва Троцкого, Февраль и Октябрь – это два этапа одной и той же революции) вспоминал о меньшевике Либере, который в октябре на заседании Совета республики упрекал «товарища Троцкого», что он, как и большевики, не понимал, что «сама по себе власть, тем более диктатура пролетариата, не может родить хлеб, покончить с голодом» [12, с. 638]. И действительно, как показал коммунистический эксперимент в России, сама по себе железная дисциплина труда, которую принесли в Россию большевики, за 70 лет так и не смогла решить «проблему голода» как продовольственную проблему, так и проблему извечного дефицита. Коллективный труд на земле давал только 30% продовольствия. Остальные 70% продовольствия давал сохранившийся индивидуальный сектор, т.е. так называемые приусадебные участки крестьян и рабочих. Два процента земли, оставшиеся в частном владении, на протяжении всей истории колхозного строя давали от 25 до 30% валового производства сельского хозяйства СССР. Одна треть урожая погибала на протяжении всей истории социалистического хозяйствования на земле. Коллективный труд на земле не родил не только нового человека-коллективиста, но и не привел к какому-либо росту производительности труда на земле. Производительность труда в сельском хозяйстве в СССР в 1980 г., по официальным статистическим данным, была в 4,8–5 раз ниже, чем в капиталистических США. И совсем не случайно продовольственный кризис 1990 г., пустые полки в Москве и в других крупных городах РСФСР, вызванный нехваткой валюты для покупки зерна, как раз и послужил толчком к распаду созданного Лениным социализма. Советская власть, особенно

при Сталине, обладала уникальной возможностью для подавления недовольства, рожденного нехваткой продуктов питания. Но советская власть, контролирующая ровно 50% мировой пахотной земли, так и не смогла решить до конца продовольственную проблему. Большой вклад в дело доказательства утопичности марксизма как раз и привнес русский крестьянин, десятилетиями сопротивлявшийся колхозной системе.

И самое поразительное, на что мало обращают внимание до сих пор, даже несомненные успехи СССР, большевистской власти в деле преодоления неграмотности, невежества подавляющей части населения дореволюционной России, несомненные успехи в деле интеллектуализации населения, не привели к активности сознания, активности мысли, к чувству личной ответственности за свой собственный выбор, к появлению того, чего не хватало русскому человеку, а именно – чувства реальности, не привели к преодолению русского максимализма, русской любви к простым и скорым решениям. В «Истории русской революции» Троцкий пишет, что судьбу революции 1917 г. решили делегаты II съезда Советов, т.е. «тяжеловесный крестьянский гарнизон», имел в виду «крестьян в солдатских шинелях» [16, с. 314]. Дефицит правового сознания, пренебрежение к праву привели крестьян к большевикам в 1917 г. Но вряд ли сегодня в посткоммунистической России правовое сознание русских стало крепче после 70-летнего коммунистического эксперимента.

В стране с многомиллионной интеллигенцией до сих пор, даже четверть века спустя после смерти советской системы, сохраняется русская традиция авторитарной власти. Выяснилось, что мы не в состоянии создать полноценное гражданское общество. Посткоммунистическая Россия является единственной из бывших социалистических стран Европы, если не принимать во внимание Белоруссию Лукашенко, которая так и не сумела создать политическую систему, предусматривающую разделение властей, создать гражданское общество. Советы, лишенные «скрепов», руководящей роли КПСС, как выяснилось, не оставили в народе никакого наследства.

Кстати, сам факт, что в России после 70 лет советского, якобы коллективистского эксперимента, начисто умерла потребность в добровольной крестьянской кооперации, не только производственной, но и бытовой, потребительской, говорит о полном фиаско советской идеи. Кооперативное производство на селе сегодня не охватывает даже нескольких процентов. Поразительно, что советская система убила и традиционную для старой России пролетарскую солидарность, вообще так называемое рабочее, классовое самосознание. И самое главное, что обращает на себя внимание уже в посткрымской России: грамотность, образованность населения не только не породила человека-гражданина, но и не привела к преодолению традиционной русской недооценки ценности человеческой жизни. Мы до сих пор

спокойно жертвуем людьми во имя различного рода государственнических спектаклей.

Мы не имеем права сегодня рассматривать поставленный Троцким драматический вопрос о человеческой цене победы Октября, дела Ленина и Троцкого, не учитывая тот основополагающий факт, что начатый по инициативе вождей Октября и продолженный Сталиным коммунистический эксперимент потерпел фиаско. Конечно, остались позитивные результаты этого эксперимента, наследие советской промышленности и науки, национальный суверенитет, осталась Россия, правда, в границах РСФСР. Но было ли обязательно положить в вечную мерзлоту полмиллиона зэков, чтобы построить норильский комбинат, а спустя десятилетия, передать его в собственность Потанина и Прохорова? И главное, что мы не можем не учитывать сегодня. Надежды русской интеллигенции, Николая Бердяева, надежды большевиков-марксистов, на то, что старый мир, старая буржуазная капиталистическая цивилизация погибнет, что тем самым Россия никогда не вернется назад, рухнули. Капиталистическая цивилизация превратилась в глобальную после Второй мировой войны, она обеспечила невиданный экономический рост, подъем благосостояния не только многих стран Европы, но и Азии.

И поэтому, на мой взгляд, нельзя говорить об Октябре как о «великом» событии в том смысле, что он чем-то обогатил человечество, принес нечто такое, что остается на будущее, на века. На сегодняшний день от советского эксперимента в международном масштабе остается только сталинизм XXI в., т.е. Северная Корея и постепенно уходящая от коммунизма Куба. Скорее оказался прав Петр Чаадаев, который предупреждал, что на самом деле наша русская миссия в том, чтобы показать человечеству, чего не надо ни при каких обстоятельствах делать.

Несомненно, победа большевиков в России, советский эксперимент ускорили социализацию и гуманизацию капиталистического общества. Но при этом не надо забывать, что социализация капиталистического общества, превращение пролетария в гражданина является делом рук немецкой социал-демократии.

Октябрь как бунт против духовных основ человеческой цивилизации

В любом случае для того чтобы осознать смысл и значение Октября в контексте современности, актуализировать этот юбилей в контексте проблем современной России, на мой взгляд, надо составить себе более правдивую и объективную картину наследства советской истории. И надо понимать, что Октябрь ставит ключевой вопрос о цивилизационной состоятельности русского народа. Почему другие народы Европы смогли, в отличие от

русских, решить проблему индустриализации без гражданской войны, без многомиллионных жертв? Почему дореволюционная Россия, Россия Николая II смогла за 20 лет без всякой советской власти совершить рывок и в области производства, и в области роста населения?

Троцкий, как и Ленин, не только не любил, но и откровенно ненавидел «образованную», «просвещенную» Россию. Большевики, считал он, «не пугались отсталых слоев, которые впервые поднимались с самого дна» [16, с. 198]. Никто не говорил так откровенно, как Троцкий, что большевики использовали во имя прекрасного будущего человечества самые низменные человеческие страсти – ненависть к образованным, успешным, богатым. В рабочем, пишет Лев Троцкий, говорит не столько классовое сознание, сколько «инстинкт угнетенного человека» [14, с. 342]. Демонстрация ненависти рабочих и крестьян к «угнетателям» вылилась в расправу кронштадтских матросов над ненавистными офицерами, хотя они, по словам Троцкого, «хватили через край». «Но можно ли сделать революцию без участия людей, которые хватают через край?» – спрашивает он [15, с. 70–71].

Особенность большевиков и их вождя Ленина, пишет Лев Троцкий, состояла в том, что они не побоялись «открыть важную страницу в истории человечества» с помощью нового издания русской пугачевщины, русского бунта. «Не большевики виноваты в том, по мнению Троцкого, что грандиозные крестьянские движения прошлых веков не привели к демократизации общественных отношений в России, – без руководства городов это было неосуществимо! – как не большевики виноваты и в том, что так называемое освобождение крестьян в 1861 г. произведено путем обворовывания общинных земель, закабаления крестьян государством и полного сохранения сословного строя. Верно одно: большевикам пришлось в первой четверти XX в. доделывать то, что не было доделано или вовсе не было сделано в XVII, XVIII и XIX вв. Прежде чем приступить к своей собственной большой задаче, большевики оказались вынуждены очищать почву от исторического навоза старых господствующих классов и старых веков…» [14, с. 448–449]. На самом деле, считает Троцкий, Октябрьский переворот был не столько социалистическим, сколько антифеодальным.

Всем тем, кто сегодня говорит о великом Октябре, надо учитывать, что для большевиков «историческим навозом» была не только русская аристократия, помещики, русское дворянство, потомственное русское офицерство, но и представители третьего сословия, те, кого русские марксисты вслед за Марксом называли «мещанами», т.е. «навозом», были и представители промышленного класса, интеллигенция, образованные классы России в целом. Врагами большевиков и тех народных низов, которые за ними шли, были те, кто превыше всего ставил ценность свободы, ценность собственности и личного успеха, ценность человеческой жизни.

Надо в конце концов учитывать, чего не понимают нынешние псевдопатриоты, пытающиеся соединить Октябрь с так называемой «русской идеей», что именно так называемый «великий Октябрь» породил нынешний дефицит на самое главное – на развитое национальное сознание и национальную память, на наличие национальной элиты, на знание своих национальных святынь и т.д. Деятельность партии большевиков, особенно во время Гражданской войны 1920-х годов, была направлена против всего, что было связано с дореволюционной Россией, не только против православия, национальных святынь, но и против великих побед, против духовных достижений русской общественной мысли, против великой русской культуры как «дворянской». Борьба с «буржуазной Россией» означала для Ленина и Троцкого прежде всего борьбу с образованной Россией. Борьба с буржуазией и интеллигенцией была на самом деле борьбой с основными достижениями человеческой цивилизации, с ее фундаментом.

Мы до сих пор в силу своей неискоренимой советскости не осознаем, что восстание большевиков против так называемого «мира буржуазии» был восстанием против фундаментальных основ европейской цивилизации, против образованных классов, против права, правового сознания, против свободы совести, свободы собраний, мысли и, самое главное, против права человека на жизнь. Наверное, заслуга Льва Троцкого, в отличие от Ленина, склонного к самоанализу и саморефлексии, состоит в том, что он обо всем этом говорит открыто и считает марксистскую революционность против основ буржуазной европейской цивилизации как раз своим моральным преимуществом. Он, как и Ленин, открыто говорит, что их революция, как и революция Робеспьера, является подлинной революцией, ибо присвоила себе право на жизнь людей, право убивать тех, кого считает врагами своего дела.

Троцкий пишет: «В революционной борьбе свобода печати – только один из родов оружия. Право на слово, во всяком случае, не выше, чем право на жизнь. А революция присваивает себе и это право» [14, с. 267]. Честно, но страшно.

Так что Октябрь был великим в том смысле, что передал Россию в руки тех, кто присвоил себе право убивать своих соотечественников по своему партийному усмотрению. Ценность смерти была куда более значимой для большевиков, чем ценность свободы и человеческой жизни. Нельзя ничего понять ни в Октябре, ни в его последствиях, в последствиях 70-летнего эксперимента в России, не принимая во внимание, что возглавляла Октябрь партия, зовущая убивать, призывающая как можно к большему количеству жертв во имя, как оказалось, утопической идеи. Разница между Французской революцией 1789–1794 гг. и Октябрьской состоит в том, что Франция сумела терпеть якобинцев-палачей у власти всего несколько месяцев, а в России подлинные большевики-ленинцы и сталинцы продержались у власти около

40 лет, до смерти Сталина. С моей точки зрения, подлинная власть большевиков в России закончилась во времена хрущёвской оттепели, во второй половине 1950-х годов. Этого было достаточно, чтобы на десятилетия создать особого советского человека, для которого убийство «классового врага» не является преступлением и который сейчас, спустя четверть века после смерти советской системы, обожает убийцу и садиста Сталина.

Троцкий, который постоянно ссылается на якобинскую диктатуру как на пример движения истории вперед, через диктатуру, почему-то забывает, что Франция и Европа на самом деле не захотели двигаться в будущее, опираясь на непрекращающуюся работу гильотины. Соответственно, все рассуждения Троцкого о том, что чем «грандиознее задачи» революционной партии, тем сильнее должна быть ее диктатура и тем больше людей она имеет право убивать, ни на чем не основаны. Человеческой цивилизации куда больше оставил контрреволюционер Наполеон со своим «Кодексом», чем Робеспьер со своей гильотиной и Конвентом. По этой же причине, я настаиваю на этом, ничего позитивного на самом деле не оставила партия Ленина, который еще до Троцкого утверждал, что подлинный революционизм невозможен без права убивать себе подобных. Трагедия состоит в том, и это все более и более дает о себе знать в современной России, что после того как несколько поколений русских людей были воспитаны в духе ленинского «нравственно все, что служит делу победы коммунизма», уже стало невозможным духовное выздоровление русского человека.

Не могла оставить позитивный след в духовном развитии России партия, исповедующая идеологию плебейского терроризма. Не забывайте, Ленин уже в революции 1905–1907 гг. призывает восставших «разделаться с монархией и аристократией “по-плебейски”», т.е. «подавляя силой их сопротивление», убивая их. Призывая к убийствам во имя «очищения почвы» России от остатков аристократии он, Ленин, ощущает себя просто последователем Маркса, который действительно в своей теории революции ставил во главу угла французский терроризм. В своей работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин цитирует соответствующее высказывание Карла Маркса. «Весь французский терроризм, – писал Маркс в знаменитой “Новой Рейнской газете” в 1948 г., – был не чем иным, как плебейским способом разделаться с врагами буржуазии, с атавизмом, феодализмом и мещанством» [8, с. 47]. Обратите внимание! Карл Маркс, а за ним и Ленин, призывает во имя счастливого коммунистического будущего убивать не только аристократов, потомков феодалов, но и так называемое «мещанство». А что такое «мещанин» в соответствии с теорией марксизма? Это порождение буржуазной цивилизации, это человек, имеющий свою крышу над головой, как правило, образованный человек, имеющий собственные наличные доходы. Вот почему ни Ленин, ни Троцкий не скрывали, что их революция направлена

против образованной России. Все это еще раз подтверждает мой тезис, что марксизм, как и его дитя большевизм, был направлен против основ человеческой цивилизации.

В полном соответствии со своим пониманием революции как права на убийство своих соотечественников, не только политических, но и идейных противников, Ленин уже не только после победы Октября, но и после победы в Гражданской войне призывает убивать остатки старой, феодальной России и прежде всего священнослужителей, духовенство. В марте 1922 г., в разгар кампании по разграблению церквей, Ленин как всегда «строго секретно» призывает: «…Изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью. Чем больше число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства нам удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше». Большевизм Ленина и примкнувшего к нему в мае 1917 г. Троцкого, обращаю на это внимание в контексте спора о величии Октября, был направлен не столько против аристократии, наследства феодализма, сколько против образованной, по их словам, «буржуазной России». В этой ненависти Ленина и Троцкого к образованной России было что-то болезненное, идущее не столько от марксизма, сколько от комплексов (особенно это дает о себе знать на страницах «Моей жизни» Льва Троцкого и на страницах его «Истории русской революции»). Ленин в интеллигенции ненавидел то, что он называл «сентиментальностью», подразумевая под нею проявление жалости, сострадания, милосердия. Его девиз: «Сентиментальность есть не меньшее преступление, чем на войне шкурничество» [9, с. 116–117]. Ильич справедливо считал, что это чувство наиболее характерно для людей образованных, высокой культуры.

Октябрь не был пролетарской революцией

Когда мы сегодня хотим понять исторический смысл и истоки Октября, то надо, конечно, учитывать, о чем честно писали и говорили его вожди, что, строго говоря, большевики были партией не столько пролетарского протеста (квалифицированные, мыслящие рабочие, как правило, не шли за большевиками), сколько партией ненависти необразованных народных масс, как честно признавался Троцкий, – партией «дна общества», партией, выражающей интересы и настроения «плебеев». Троцкий не скрывал, что II съезд рабочих и солдатских депутатов, который был политической предпосылкой Октября, его легитимной основой, состоял прежде всего из «плебеев», и это говорит об исходном цинизме вождей большевизма. С одной стороны, как говорил Ленин, «русские – народ держиморда», а с другой – они – необходимый строительный материал для создания «нового мира». «Съезд советской диктатуры», съезд Советов, который открылся в Смольном 25 октября 1917 г.,

накануне штурма Зимнего, пишет Лев Троцкий, был съездом «плебейской нации», парламентом народных низов. Среди делегатов съезда не было, по словам Троцкого, ни «офицерских погонов», ни «интеллигентских очков» [16, с. 327–328]. Мы, бывшие советские люди, воспитанные в духе марксистско-ленинской классовой идеологии, не осознавали реальный человеческий смысл этого признания Льва Троцкого, мы не понимали, что власть большевиков была выбором необразованной, невежественной России, была выбором людей, живущих инстинктом ненависти и зависти, не понимали, что новая власть утвердилась, а потом долгое время существовала вопреки желаниям и настроениям как раз тех, кто обладал способностью мыслить, обладал чувством реальности и обладал профессиональным мастерством.

Текст «Истории русской революции» Льва Троцкого важен тем, что ее автор на многочисленных примерах доказывает, что, строго говоря, Октябрь по лозунгам, по субъекту революции, по требованиям восставших против коалиционного правительства Керенского не был социалистической революцией в марксистском смысле слова. Другое дело, что большевики использовали очередное издание русской пугачевщины для захвата власти и для попытки реализовать в России марксистский проект коммунистического общества. Об этом предельно откровенно говорит Троцкий. Мятежники Балтийского флота, которые сыграли решающую роль в подготовке и осуществлении Октябрьского переворота, пишет Троцкий, поддерживали большевиков именно потому, что это была единственная партия, которая если не поощряла, то не препятствовала их жажде расправы над офицерством. Но все дело в том, что «скорые на жестокую расправу» матросы и солдаты проявляли «детскую доверчивость… к слову большевистских агитаторов» [14, с. 288].

Солдатская база Октября, а потом уже будущая социалистическая русская нация, на самом деле пишет Лев Троцкий, формировалась «из сырого безличного доисторического материала». Но на том этапе, в месяцы, предшествовавшие Октябрю, это были «солдаты, тяжело шевелящие мозгами» [14, с. 315]. И что самое главное, это были люди, у которых уже ничего не осталось в душе от православия, от христианской морали. «Вечные нормы морали, увы, – пишет Лев Троцкий, – оставались чужды этим корявым и вшивым мужикам» [14, с. 316]. Эти люди несли с собой стихию злобы, смерти и всеразрушения, которая была родной только для одной партии, для большевиков. «Казалось, – пишет Николай Суханов в своих воспоминаниях о встрече петербургских большевиков с приехавшим в Петроград Лениным, – из своих логовищ поднялись все стихии и дух всесокрушения, не ведая ни преград, ни сомнений, ни людских трудностей, ни людских расчетов, носится по зале Кшесинской над головами зачарованных учеников» [14, с. 332]. Все это подтверждает, что никто, кроме большевиков, особенно кроме Ленина, не обладал уникальной способностью вызывать у представителей русских

народных масс, у представителей, как говорил Лев Троцкий, «русской плебейской нации» дух всеразрушения, утрату чувства реализма, чувства сомнения, утрату чувства способности отдавать себе отчет в собственных действиях.

Для человечества, на мой взгляд, важен не столько опыт использования большевиками социального хаоса, стихии всеразрушения для своих политических целей, сколько опыт его обуздания. Это на самом деле уникальный опыт. Сначала использовать «красного петуха», но потом спокойно отрубить ему голову. Большевики сумели прекрасно использовать цивилизационную недоразвитость русского человека в своих целях. Ни один обладающий совестью политик, кроме большевиков, не мог бы так откровенно использовать инстинкт ненависти, жажду раздела чужой собственности, невежество народных низов для овладения властью во имя совершенно чуждых этим людям целей. Ведь никто из этих миллионов, которые пошли за большевиками, не хотели, более того, были противниками коммунистической организации труда и распределения, которую уже через несколько месяцев после Октября, весной 1918 г., еще до начала Гражданской войны, начнет воплощать в жизнь партия Ленина.

Парадокс русской истории состоит в том, что люди, жаждущие только одного – сохранить себе жизнь, не погибнуть ни на фронте, ни от голода, отдали себя целиком и без остатка в руки партии смерти, партии бесконечной гражданской войны.

Кем были большевики?

Нельзя ничего понять в том, что произошло с Россией в 1917 г., не составив правдивый образ большевизма, реалистических, правдивых представлений о том, кем были вожди этой партии, что двигало на самом деле их политической активностью. Нельзя понять, почему советский эксперимент не родил новый тип духовности, не принимая во внимание моральное уродство большевизма. Это, во-первых. Во-вторых, надо составить себе точный образ требований, целей, которые, по выражению Троцкого, выдвигали «народные низы», пошедшие за ними и позволившие им взять власть. В-третьих, надо увидеть, как и каким образом большевики, сумевшие взять власть в 1917 г., преодолевали этот вечный разрыв между программой большевиков и ожиданиями людей, которые пошли за ними, отдали в их руки свои судьбы во имя совсем других целей. Нечестно использовать уравнительные, распределительные настроения необразованных крестьянских масс, не имеющих ничего общего с социализмом, писала Ленину Роза Люксембург в 1917 г. Но Ленин считал, что нравственно все, что служит победе коммунизма.

Итак, во-первых. Большевизм был прежде всего **партией гражданской войны**, он ставил тогда своей целью превращение империалистической войны

в гражданскую, сначала в одной стране, а затем в рамках передовых стран Запада, и прежде всего в Германии. Троцкий с гордостью писал, что созданная им в 1917 г. «рабочая гвардия» была партией грядущей гражданской войны. Большевики отличались от кадетов тем, писал здесь же Троцкий, что они не боялись посягнуть на собственность, на богатство, на образование, на закон и на сословные различия. Это была партия тотального присвоения чужой собственности, тотальной конфискации. И в этом состоял реальный человеческий смысл марксистской идеи обобществления всех средств производства. Это были люди, которые считали, что нет ничего недозволенного, невозможного во имя «толчка истории», во имя преодоления аморальной эксплуатации человека человеком, осуществления предначертаний Карла Маркса. Они не побоялись, о чем открыто писал Троцкий, использовать представителей «плебейской нации», людей в серой одежде и с «серыми», невыразительными лицами для осуществления своих партийных и, как они считали, исторических целей [16, с. 327–328]. Большевики, в отличие от меньшевиков, эсеров, приветствовали расправу крестьян над помещиками, приветствовали единственный социализм русского крестьянства, т.е. **коллективный** разгром помещичьих владений, усадеб. Троцкий в своей книге обращает внимание, что стихийный коллективизм крестьянской общины проявлялся в принуждении к участию в разгроме даже «крепких крестьян», кулаков.

Он напоминает, что были случаи, когда «уклонение (крестьянина) от участия в разгроме каралось смертью ослушника» [16, с. 20]. Начиная с последних чисел сентября в Таврической губернии, по воспоминаниям крестьянина Гапоненко, его односельчане «стали громить экономику, разгонять заведующих, забирать хлеб из амбаров, рабочий скот, инвентарь. Даже ставни с окон, двери с построек, полы из комнат и крыши цинковые срывались и забирались» [16, с. 15].

Посвящая несколько страниц рассказу о дикости и зверстве погромщиков-крестьян, какой же вывод делает Троцкий. Все эти погромы в историческом смысле неполноценны, заключает он, ибо оно, «крестьянское движение в 1917 году в социальной основе своей было направлено не против капитализма, а против пережитков крепостничества». Троцкого не волнует, что эти погромы крестьян были проявлением дикости, вандализма, зверства, несли в себе нечто античеловеческое. Его волнует, что в этих погромах не было антикапиталистических мотивов.

«На 4954 аграрных конфликта с помещиками в течение февраля, – октября – сожалеет Троцкий, – приходится **всего** 324 конфликта с крестьянской буржуазией» [16, с. 20]. Дело коренным образом меняется, с чувством удовлетворения, пишет Троцкий, когда в 1918 г. развернулась «борьба с кулачеством», удовлетворением от того, что именно Троцкий, как и Ленин, организовал в 1918 г. широкомасштабную гражданскую войну в деревне. Кстати, по

этой же логике классовой борьбы Троцкий должен был бы всячески поддерживать насильственную коллективизацию Сталина, который довел начатую им и Лениным борьбу с кулачеством до логического конца.

И сами по себе эти рассуждения Троцкого о погромах в деревне очень показательны для характеристики мировоззрения вождей Октября. Эти люди были заинтересованы в обострении социальных конфликтов, в крови, в гибели людей, тем самым, как им казалось, социальная почва очищалась от остатков капитализма, товарных отношений. И самое поразительное, что ни Троцкий, ни Ленин не испытывали никакого уважения к народу, который они сознательно использовали, как кроликов, в качестве материала для создания плацдарма ожидаемой ими всемирной пролетарской революции. Троцкого, в отличие от кадетов, не пугает, что он и партия Ленина, к которой он примкнул, связывает себя с «обычными, бессмысленными, тупыми, злобными физиономиями», с народными низами России.

Троцкого не волнует, что грядущая гражданская война, усиление голода приведут к гибели значительной части образованных людей, плохо приспособленных к такой жизни. Во время военного коммунизма с его продразверсткой ушла из жизни в 1918–1920 гг. половина членов Академии наук России. Троцкого, как и Ленина, не волнует, что их война против образованной России, всех этих, как он любил говорить, работников кафедр, интеллигентов и полуинтеллигентов, профессоров, адвокатов, журналистов, бухгалтеров и т.д. может привести к понижению интеллектуального уровня нации, ее способности адекватно и активно мыслить, ее способности созидать. На протяжении всей своей тысячестраничной «Истории…» он десятки раз говорит о русских как о нации, отличающейся «леностью мышления», нации тугодумов, нации с заскорузлыми, еле двигающимися мозгами. Генералы Русской армии для него сплошь дураки. Неужели Троцкий не понимал, что, лишая России ненавистной ему интеллигенции, он во многом подрывает условия для реализации своей собственной социалистической программы облагораживания русской жизни. Не секрет, что качество мышления, особенно гуманитарной интеллигенции, в СССР было куда ниже, чем в дореволюционной России. Сравните дореволюционные «Вопросы философии и психологии» с советскими «Вопросами философии», тексты Ивана Ильина с текстами Григория Глезермана. Чем больше давала о себе знать недообразованность вождей Октября, тем более жестокие способы изживания из социалистической России интеллектуальной элиты они выбирали. Троцкий не понимал, что сделав ставку на «тяжело двигающиеся» русские мозги, он открывает дорогу к власти, как он писал, «великой посредственности» Сталину и тем самым подписывает себе смертный приговор.

За антиинтеллектуализмом вождей Октября, их откровенной ненавистью к образованной буржуазной России стоит то, в чем их упрекали еще авторы

«Вех», – прежде всего национальный нигилизм. Еще в статье Петра Струве в «Вехах» шла речь о религиозном и государственном нигилизме революционной интеллигенции, прежде всего большевиков. Кстати, Ленин был такой же убежденный враг «дворянской России», как и Троцкий. Отсюда готовность Ленина пожертвовать своей победой над Россией во имя более значимой победы пролетарской революции в Германии. Не было для вождей большевизма таких ценностей, как национальная элита, национальная государственность, национальные святыни, национальное сознание, национальный суверенитет, национальная память и т.д. Отсюда и ставка Ленина на поражение национального государства в империалистической войне. По крайней мере, для Троцкого все великие русские писатели всего лишь представители «чуждой народу дворянской культуры». Даже Достоевский для него, как и для Ленина, всего лишь «эпилептический реакционер». Я уже не говорю о резком отношении вождей большевизма, как воинствующих атеистов, к религии, к православию, к национальной церкви России. Нынешние патриоты, которые говорят о «великом Октябре», забыли, что большевики порохом искореняли основу и образ русскости, не только православных священников, но и церкви. А Россия без красоты церквей – это уже не Россия.

Был ли Октябрь социалистической революцией?

И здесь мы подходим, во-вторых, к важному вопросу нашего исследования: была ли Октябрьская революция социалистической, и хотели ли народные массы какого-либо социализма. Очень важен анализ этой основополагающей проблемы самим Троцким. Он дает, как известно, отрицательный ответ на этот вопрос. Октябрь, говорит Лев Троцкий, нельзя назвать пролетарской, социалистической революцией по средствам ее победы, ибо решающую роль в захвате Зимнего дворца, в свержении буржуазного Временного правительства сыграл не пролетариат Петербурга, а Петроградский гарнизон, т.е. прежде всего крестьяне и отчасти рабочие, одетые в военные шинели.

Решил судьбу Октябрьского переворота тот факт, что на самом деле пружина и весь механизм часов восстания находился в руках Военно-революционного комитета, которым в тот момент руководил Председатель Петроградского совета рабочих и солдат Троцкий. На мой взгляд, важен честный и точный ответ Троцкого на вопрос о субъекте Октября. Октябрьская революция по целям ее вождей, по целям большевиков действительно **была борьбой пролетариата против буржуазии за власть**. Но решил исход этой борьбы не пролетариат, а «в последнем счете мужик». Но мужик, одетый в шинель, т.е. Петроградский гарнизон, не имевший в своих мыслях и в своих целях ничего антибуржуазного, т.е. социалистического, и тем более

коммунистического. Руководствуясь «инстинктом сохранения», он поддержал большевиков потому, что они были против Керенского, который хотел их отправить на фронт, т.е. на смерть. Троцкий на нескольких страницах честно рассказывает, что судьбу Октября, судьбу России определил не идеал социализма, не лежащие в его основе коллективистские чувства, а напротив, пробудившийся индивидуализм, жажда сохранения своей собственной жизни. Зачем нам земля, говорили солдаты, если мы не будем живы, если Керенский снова пошлет нас на фронт.

Никакой загадки, пишет Троцкий, в Октябре не было: «Руководила переворотом партия: главной движущей силой был пролетариат, вооруженные рабочие отряды являлись кулаком восстания; но решил исход борьбы тяжеловесный крестьянский гарнизон». И здесь же: «Безуспешной попыткой вытолкнуть вон революционные полки правительство погубило себя и привело к власти большевиков» [16, с. 314–315]. И уже спустя несколько месяцев, еще до начала гражданской войны, Ленин в «Очередных задачах советской власти» объявляет непосредственный переход от индивидуального частного производства к коммунизму, к «всенародному учету и контролю за производством и распределением продуктов», к созданию трудовых коммун даже в деревне. Большевики пришли к власти, благодаря «тяжеловесным», туго думающим крестьянам, но большевики их откровенно обманули. Ведь ни Ленин, ни Троцкий не говорили этим людям, что на самом деле ни земли, т.е. земли в индивидуальное пользование, им не дадут, как не дадут и мира.

Таким образом, и это надо учитывать, подавляющее большинство населения России и прежде всего **абсолютно все крестьяне** никакого социализма не хотели, они не имели ни малейших представлений о целях и планах партии, которую поддерживали. Главными требованиями широких масс, которые в тот момент пошли за большевиками, были, во-первых, мир, т.е. сохранение жизни; во-вторых, земля, т.е. передел, вернее узаконивание произошедшего передела; в-третьих, сохранение жизни, т.е. устранение надвигающегося голода. Все части, которые находились в октябре в Петрограде, «были связаны единством настроения: опрокинуть как можно скорее Керенского, разойтись по домам и заводить новые земельные порядки» [16, с. 202].

Пробольшевистские настроения не были идейно оформлены, ничего сугубо социалистического в этих настроениях не было. Если бы Ленин сказал не только крестьянам, но и рабочим, что через четыре месяца он их будет загонять в коммуну, займется «продразверсткой», никакого Октября не было бы.

Правда, как признает Троцкий, состоит еще и в том, что никогда большевики не были партией большинства, не пользовались поддержкой большинства населения. Против большевиков было все кооперативное крестьянство, т.е. его самая сознательная, продуктивная часть, против большевиков была подавляющая часть образованной России, все офицерство, все мещанское

население крупных городов, ремесленники и т.д. Даже в критический момент русской истории осенью 1917 г. так называемая пролетарская революция в России победила только потому, что большевикам на время удалось стать главенствующей силой в столице страны. Если бы Временное правительство догадалось перевести столицу из Петрограда в Москву после разгрома июльского большевистского восстания, то не было бы никакого Октября. Большевики Москвы были намного слабее, чем большевики Петрограда.

Желая спастись от наступающего голода, народные массы, население Петрограда доверило свою судьбу партии, которая на протяжении десятилетий решала свои задачи за счет постоянного недоедания своего населения. Но легковерный русский человек этого не понимал. И солдаты, и рабочие решили, что то, что не может решить правительство Керенского, обязательно решат большевики. Парадокс истории состоит в том, что не коллективистские чувства, а именно животный индивидуализм, желание во что бы то ни стало спасти свою жизнь, привели к большевикам, к партии предельного коллективизма миллионы русских людей.

История СССР как различные способы преодоления противоречия между требованиями жизни и марксистской программой социалистического строительства

И, в-третьих, последнее в моем анализе истоков, природы и судьбы Октября. Надо напомнить, что марксистский проект коммунизма, изложенный в «Коммунистическом манифесте», в «Принципах коммунизма» Энгельса, предлагал уничтожение индивидуализма и частнособственнических не только в производстве, но и в быту. До сих пор идут споры, покушались ли Маркс и Энгельс на моногамную семью или нет. В собрании сочинений Маркса и Энгельса, изданном в 1924 г., читаем: «Коммунистов можно было бы упрекнуть разве в том, что они хотят поставить официальную, открытую общность жен на место лицемерно скрываемой». В издании 1955 г. слова «что они» заменены на «будто они». В любом случае, с точки зрения Маркса и Энгельса, коммунизм несовместим с частным, индивидуальным жилищем, обособленным бытом семьи. Маркс, кстати, разделял идеи Руссо о преодолении семейного воспитания и заменой его коллективным воспитанием людей.

В СССР были воплощены в жизнь только некоторые идеи коммунизма, связанные с экономической организацией общества. Вообще-то в основе экономических основ коммунизма лежала идея Бабефа и об использовании военной, командной организации для обустройства производства в национальном масштабе. Предлагалась национализация всех родов производства, отмена частной собственности вообще и планирование в национальном масштабе, исключающее капиталистическую конкуренцию. С точки зрения

Карла Маркса, как и Бабефа, для коммунистической формации начиная с первой фазы коммунизма характерно и необходимо полное устранение денег и товарных отношений, т.е. непосредственное через государственные органы распределение не только производимых продуктов производства, но и продуктов питания. Суть идеи коммунизма большевики-ленинцы, а потом и Сталин все же воплотили в жизнь. Речь идет о принципе мобилизационной экономики со всеобщей трудовой повинностью. Коммунистическая экономика рассматривалась как мобилизационная экономика с жесткой трудовой дисциплиной.

По сути, вводилось крепостное право в национальном масштабе, т.е. жесткое прикрепление всего населения к планам и задачам советского государства. Этот проект коммунистической организации труда подробно описан у Ленина и в «Очередных задачах советской власти», и в «Великом почине». И речь шла о введении «трудовой повинности» не только для «отживших классов», но и для рабочих и крестьян. Кстати, создатель учения о социалистической организации производства и промышленности Сен-Симон прямо говорил, что социализм есть прежде всего «новый феодализм», ибо предполагает жесткое закрепление рабочих за фабриками и даже за бараками, в которых они должны жить. *Ирония истории состоит в том, что на самом деле коммунизм и коммунистическая организация труда были не движением вперед, к чему-то новому, от капитализма с его анархией, а движением назад, к практике государственного закрепления людей за определенными видами производства, движением к опыту крепостного права*. Об этом прекрасно написал Игорь Шафаревич в статье «Социализм» в самиздатовском сборнике «Из-под глыб». В Месопотамии еще в XXII–XXI вв. до н.э. основой экономики являлись храмовые хозяйства, которые полностью утратили свою хозяйственную независимость и превратились в ячейку единого государственного хозяйства. Управляющие этих храмовых хозяйств назначались царем, они предоставляли царю в центр подробную экономическую отчетность о потребляемых и производимых продуктах. И вся эта бухгалтерия контролировалась царскими ревизорами. А группы работников в силу необходимости перебрасывались из одного хозяйства в другое [17, с. 35].

Конечно Ленин, когда писал «Великий почин», не предполагал, что его идеал коммунистического труда, который он хотел силой навязать постоктябрьской России, т.е. когда продукты твоего труда достаются не тебе лично и не твоим «ближним», а «дальним» [7, с. 22], является лишь копией той монастырской организации труда.

Большевики под руководством Ленина и Троцкого сразу же после Октября силой, часто через угрозу расстрела, принуждали к самоотверженному, тяжелому труду «во имя создания коммунистического общества».

Правда, после Кронштадтского восстания 1921 г., когда балтийский моряк превратился из главной опоры большевизма в его заклятого врага, Ленин осознал, что попытки реализовать коммунистический проект сразу же в чистом виде, полностью вытеснить личный интерес из мотивов к труду не удаются. Настало время отступить назад. Ленин осознал, что если и дальше продолжать политику продразверстки, насильственной коммунизации труда и распределения продуктов труда, то не избежать нового русского бунта, на этот раз против большевиков. Ленин и руководство партии не могли не заметить, что восставшие матросы потребовали от большевистской власти то, во имя чего они ее поддержали, – 11-е требование восставших матросов предусматривало возвращение «полного права действия крестьянам над всею землею так, как им желательно, а также иметь скот, который содержать должен и управлять своими силами, т.е. не пользуясь наемным трудом» [13, с. 109].

Декрет от 11 января 1919 г., который вводил продразверстку, т.е. насильственное и бесплатное изъятие продовольствия у крестьян, отменялся, отменялся и декрет от 19 апреля, запрещающий фабрично-заводским рабочим «самовольный» переход на другую работу. Ленин признает, что попытка партии сразу же после захвата власти переходить к коммунистической организации труда, т.е. «произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению», была ошибкой [11, с. 40].

Начинается не только НЭП, но и постепенное приспособление советского варианта коммунистической организации труда к реалиям сохранения власти и, самое главное, к требованиям сохранения жизни, т.е. производства продуктов питания. Николай Бухарин, впадая в другую крайность, говорит крестьянам: «Обогащайтесь».

Ленин перед смертью в своем завещании вносит коррективы в учение Карла Маркса о коммунистической организации труда и признает возможность кооперативного производства, предусматривающего уже и товарное производство, и деньги, и рынок, и групповой интерес. Статья Ленина «О кооперации» уже была откровенной ревизией марксистского учения о коммунистической формации.

Сталин после Ленина со своей насильственной коллективизацией делает новую попытку ввести коммунизм в деревне, снова ввести коммунистическое крепостное право, закрепить крестьянина за его деревней, его колхозом или совхозом. Но и он после голода 1932–1933 гг. отступает и делает уступку «частнособственническим инстинктам крестьянина» и возвращает ему часть земли в виде «приусадебных участков», т.е. дает крестьянину возможность производить продукты питания для себя и на рынок.

Получается, что с марксистской точки зрения, с точки зрения марксистской утопии, социализма в точном марксистском смысле этого слова у нас не было. Наша советская организация производства, соединяющая плановое

хозяйство с рынком и денежными, экономическими стимулами к труду ближе всего к проекту сенсимонистов. От частнособственнической цивилизации у нас остался не только частный индивидуальный быт (в 30–40-е и даже 50-е годы XX в. более половины населения страны жили в частных домах), но и индивидуальное, частное производство в деревне и огромный рынок частно производимых продуктов питания. В СССР было много городов, особенно в Сибири, на Украине, я уже не говорю о Кавказе, Средней Азии, где население покупало мясо, молоко, овощи только на рынке. Подобная ситуация была до середины 1960-х годов и в моей родной Одессе.

Единственное, что никогда до Горбачёва не подвергалось ревизии, так это политическая система, обеспечивающая прикрепление населения, всего населения к СССР. Государственное крепостное право, т.е. отсутствие права на добровольную эмиграцию, выезд за пределы страны, сохранялось до реформ Горбачёва. До реформ Горбачёва сохранялась и уникальная особенность советской экономической системы: она обладала способностью в огромных размерах перерабатывать неживое – уголь, руду, лес, использовать движение воды, – но не умела производить живое, т.е. продукты питания. Мы были велики в своей способности производить орудия войны, орудия смерти, но были ничтожно слабы в умении производить то, что нужно человеку для жизни. Кризис сельскохозяйственного производства, который был спровоцирован коллективизацией, продолжался шесть десятилетий. Сохранялось преследование за инакомыслие, т.е. за попытки поставить под сомнение власть КПСС, советскую экономическую систему и советскую идеологию.

При всем этом медленно, постепенно заложенное в Октябре противоречие между тем, что хотелось и нужно было человеку для нормальной жизни, и тем, что ему навязывала советская система со своим государственным единомыслием и жестким прикреплением человека к стране, к месту проживания, преодолевалось. Карательные функции государства за отступление от единомыслия со времен Хрущёва ослабевали. Моральное отвращение людей от доносительства, от так называемых «сексотов» как раз и было одним из признаков сопротивления советской системе. Правда, при этом недооценивались социальные блага, доставшиеся дорогой ценой советскому человеку, а именно: низкая по русским меркам преступность, отсутствие безработицы, ясность перспектив и уверенность в будущем, равные права на образование.

Лежащее в основе советской системы право государства на жизнь его граждан, на формирование их образа мыслей, системы ценностей, т.е. наследие феодального, а может, даже рабовладельческого авторитаризма, послужило одной из главных причин ее смерти, ибо стало несовместимым с особенностями личности, формирующейся в условиях научно-технической революции, глобального мира.

Перестройка, как я точно знаю, была попыткой, правда неумелой, включить через кооперацию индивидуальные стимулы в процесс производства того, что нужно для жизни. А политика гласности была попыткой, и это удалось, привести политическую систему в соответствие с духовными потребностями многомиллионной интеллигенции, с возрастающим требованием правды, свободы мысли, слова и информации. И сразу же оказалось, что при элементарных человеческих свободах советская система, созданная Октябрем и просуществовавшая семь десятилетий, рассыпается, становится мертвой.

И в заключение последний, самый главный вопрос. Нужны ли были муки, многомиллионные жертвы русских людей, чтобы доказать очевидное, что мобилизационная система, отрицающая главные права личности – свободу выбора, свободу совести, свободу мысли, право на жизнь, – нежизнеспособна, является историческим тупиком?

Библиография

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
2. Бердяев Н.А. Новое средневековье // Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон; Реабилитация, 2002. С. 219–255.
3. Бердяев Н.А. Русская идея. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2002. 624 с.
4. Бердяев Н.А. Самопознание // Бердяев Н.А. Русская идея. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2002. С. 249–603.
5. Ильин И.А. Собр.соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 1993. Т. 2. Кн. I. 494 с.
6. История России. XX век. 1894–1939. М.: Астрель, 2000. 890 с.
7. Ленин В.И. Великий почин // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 39. С. 1–29.
8. Ленин В.И. Две тактики социал-демократии в демократической революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 11. С. 1–131.
9. Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 44. С. 155–175.
10. Ленин В.И. Политический отчет. Седьмой экстренный съезд РКП (б) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 36. С. 1–26.
11. Ленин В.И. Речь при открытии X съезда РКП (б) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 43. С. 1–33.
12. Милюков П.Н. История второй русской революции. Минск: Харвест, 2002. 752 с.
13. Симанов С.Н. Кронштадтский мятеж. М.: Алгоритм, 2003. 256 с.
14. Троцкий Л.Д. История русской революции. Нью-Йорк: Monad Press, 1976. Т. I. 532 с.
15. Троцкий Л.Д. История русской революции. Нью-Йорк: Monad Press, 1976. Т. II. Ч. 1. 388 с.
16. Троцкий Л.Д. История русской революции. Нью-Йорк: Monad Press, 1976. Т. II. Ч. 2. 482 с.
17. Шафаревич И.Р. Социализм // Из-под глыб: Сб. ст. Нью-Йорк: Ymka Press, 1974. С. 29–72.

References

Berdjaev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. Moscow: Nauka, 1990. 224 p.

Berdjaev N.A. Novoe srednevekov'e // Berdjaev N.A. Smysl istorii. Novoe srednevekov'e. Moscow: Kanon; Reabilitacija, 2002. P. 219–255.

Berdjaev N.A. Russkaja ideja. Kharkov: Folio; Moscow: AST, 2002. 624 p.

Berdjaev N.A. Samopoznanie // Berdjaev N.A. Russkaja ideja. Kharkov: Folio; Moscow: AST, 2002. P. 249–603.

Il'in I.A. Sobr. soch.: V 10 t. Moscow: Russkaja kniga, 1993. T. 2. Kn. I. 494 p.

Istorija Rossii. HH vek. 1894–1939. Moscow: Astrel', 2000. 890 p.

Lenin V.I. Velikij pochin // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. Moscow, 1963. T. 39. P. 1–29.

Lenin V.I. Dve taktiki social-demokratii v demokraticheskoj revoljucii // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. Moscow, 1963. T. 11. P. 1–131.

Lenin V.I. Novaja jekonomicheskaja politika i zadachi politprosvetov // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. Moscow, 1963. T. 44. P. 155–175.

Lenin V.I. Politicheskij otchet. Sed'moj jekstrennyj s'ezd RKP (b) // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. Moscow, 1963. T. 36. P. 1–26.

Lenin V.I. Rech' pri otkrytii X s'ezda RKP (b) // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. Moscow., 1963. T. 43. P. 1–33.

Miljukov P.N. Istorija vtoroj russkoj revoljucii. Minsk: Harvest, 2002. 752 p.

Simanov S.N. Kronshtadtskij mjatezh. Moscow: Algoritm, 2003. 256 p.

Trockij L.D. Istorija russkoj revoljucii. New York: Monad Press, 1976. T. I. 532 p.

Trockij L.D. Istorija russkoj revoljucii. New York: Monad Press, 1976. T. II. Ch. 1. 388 p.

Trockij L.D. Istorija russkoj revoljucii. New York: Monad Press, 1976. T. II. Ch. 2. 482 p.

Shafarevich I.R. Socializm // Iz-pod glyb: Sb. st. New York: Ymka Press, 1974. P. 29–72.

Ю.Н. Саямов

О ГААГСКИХ КОНФЕРЕНЦИЯХ 1899 и 1907 гг.*

Аннотация. *В статье, тематически соотнесенной со 110-летним юбилеем Второй Гаагской конференции 1907 г., автор анализирует результаты российской мирной инициативы, выдвинутой на рубеже XIX–XX вв. и имевшей далеко идущие последствия. Отмечая, что Гаагские конференции сделали мировую дипломатию глобальной, автор приходит к выводу о том, что именно тогда была создана система международно-правовых средств мирного разрешения споров между государствами.*

Ключевые слова: *российская мирная инициатива, Гаага, разоружение, Дворец Мира.*

Саямов Юрий Николаевич – кандидат исторических наук,
заведующий кафедрой ЮНЕСКО
факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: y.sayamov@yandex.ru

Yu.N. Sayamov. The Hague Conferences 1899, 1907

Abstract. *The article is devoted to the 110th anniversary of the Second Hague Conference of 1907 and analyzes results of the Russian peace initiative with the far-reaching consequences forwarded at the turn of the19th–20th centuries. During the Hague Conferences the world diplomacy become global and the system of international legal sources of peaceful disputes settlement between states was established.*

Keywords: *Russian peace initiative, the Hague, disarmament, Peace Palace.*

Sayamov Yuri Nikolaevich – Ph.D. (History),
Head of the UNESCO Chair of the Department of Global Studies
of Lomonosov Moscow State University.
E-mail: y.sayamov@yandex.ru

* *Статья подготовлена в рамках исследования «Международные отношения в контексте глобальных процессов и проблем безопасности и противодействия терроризму», проект РГНФ № 15-07-00001 (2015–2017).*

В числе юбилейных дат 2017 г. отнюдь не самой значительной и заметной предстает 110-я годовщина Второй Гаагской конференции мира, отношение к которой было и остается неоднозначным. Советская историография рассматривала эту конференцию в ряду внешнеполитических инициатив павшего царского правительства, в отношении которого было непринято говорить что-либо положительное.

Однако конференция заняла свое место в истории дипломатии и международных отношений. Годовщина дает повод к тому, чтобы осмыслить заново ее результаты в современном контексте.

Для этого необходимо обратиться к обстоятельствам созыва и проведения Первой Гаагской мирной конференции в 1899 г. Известно, что созыв конференции был внешнеполитической инициативой России. 29 августа 1898 г. с этой инициативой выступил лично глава Российского государства император Николай II. Своим предложением он несколько удивил других правителей.

Причины неожиданной для многих государств и правителей мирной инициативы России и ее последующей реализации в виде созыва и проведения исторических Гаагских конференций следует искать в международной политической и военной обстановке. Они кроются в положении и действиях Российской империи и других ведущих держав в условиях нараставшей угрозы крупного конфликта в связи с новым переделом мира. На международную политическую арену вышли и стремились отхватить свой кусок уже поделенного мирового пирога молодые агрессивные державы: Германия, Италия, Япония. В период между Гаагскими конференциями показала свои зубы Япония, нанеся могучей Российской империи постыдное поражение в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Все активнее вмешивались в международные дела Соединенные Штаты Америки. Констелляцию государств во многом определял русско-французский альянс, который базировался на конвенции, заключенной между двумя странами в 1892 г. при императоре Александре III.

Со вступлением на российский престол Николая II Германия попыталась вернуть Россию к былым союзным отношениям, но новый правитель предпочел продолжить союз с Францией, который он рассматривал в долгосрочной перспективе как основу прочного мира в Европе. Союз с Россией был важен и для Франции, которая балансировала на грани войны с Англией за влияние на Ближнем Востоке. Международная обстановка все более осложнялась. Мир шел к большой войне.

В этих условиях Россия оказалась единственным государством, которое выступило против нараставшей военной угрозы. По мнению одного из организаторов и участников Гаагских конференций, известного российского юриста и дипломата Ф.Ф. Мартенса, мирная инициатива России преследовала

две цели. Первая из них предполагала путем миролюбивого обсуждения международных споров и условий ограничения вооружений предупредить войну. Вторая – была направлена на достижение договоренностей на случай возникновения войны с тем, чтобы ее ведение осуществлялось в установленных международными соглашениями рамках наибольшей гуманности и наименьших потерь для участвующих народов [см.: 8].

Нельзя сказать, что российская мирная инициатива была с восторгом встречена основными державами, опасавшимися, что эта инициатива нарушит их планы перевооружения армий современными видами оружия и, возможно, затронет спорные территориальные и иные вопросы. Англия воспринимала российскую инициативу как претензию Российской империи на главную роль в постановке и решении вопросов европейской и мировой политики. Скептически оценивала возможности практической реализации российских предложений Германия. Союзная Франция настороженно относилась к идеям разоружения и запретов новых видов оружия в связи с развернутым перевооружением Французской армии новой скорострельной пушкой. В то же время Австро-Венгрия, Италия и другие государства, испытывавшие финансовые затруднения в контексте развернувшейся гонки вооружений и пытавшиеся избежать ее нового витка, приветствовали российскую инициативу. Левая печать на Западе обвиняла Россию в том, что она, продолжая проводить агрессивную политику, выдвигает мирные предложения, чтобы усыпить бдительность соперников и завоевать общественное мнение. Такую точку зрения высказывал, в частности, известный социал-демократ Карл Каутский в своей статье «Демократическое и реакционное разоружение», опубликованной в газете «Нойе Цайт» [см.: 3]. Газеты консервативного и либерального толка, напротив, поддерживали российскую инициативу как миролюбивый почин, не выражая, впрочем, особых надежд на его реализацию.

В то же время ни одна держава – на фоне общей озабоченности нараставшей угрозой большой войны и пацифистских настроений мировой общественности – не решилась открыто выступить против российских предложений. Но в ходе дипломатической переписки, отчасти до сих пор не опубликованной, сложных переговоров и конференционного процесса заявленные изначально программные приоритеты претерпели существенные изменения. От вопросов сокращения вооружений и военных сил на суше и на море политики и дипломаты перешли к обсуждению проблем предотвращения войн и мирного разрешения международных конфликтов.

Инициатива русского царя, названная «государственным пацифизмом», тем не менее была поддержана основными государствами. За девять месяцев конференцию удалось подготовить, и 18 мая 1899 г., в 31-й день рождения российского императора, она торжественно открылась в Гааге. Нидерланды и город Гаага были выбраны для проведения конференции с учетом активной

поддержки, которую оказывала инициативе Николая II правительница страны 19-летняя королева Вильгельмина. Накануне открытия конференции, 24 апреля 1899 г., российский монарх пожаловал ее Большим крестом ордена Св. Екатерины – высшей женской наградой Российской империи.

В вопросе выбора места для проведения конференции немаловажную роль сыграло и то обстоятельство, что Нидерланды в преддверии нового 100-летия позиционировали себя как государство, занимающее скорее нейтральную позицию во внешнеполитических хитросплетениях того времени.

Первая международная мирная конференция в Гааге, которую называли также Гаагской конференцией разоружения, завершила свою работу 29 июля 1899 г. Два с половиной месяца заседаний в королевском Лесном дворце, дебаты, сфокусировавшие внимание мировой политики на проблематике разоружения, сделали конференцию в последний год уходящего века одним из его самых значимых событий. Фактически был совершен беспрецедентный шаг к созданию практики урегулирования мирным путем споров и конфликтов между государствами, открыт международный диалог в области разоружения, продолженный на Второй Гаагской конференции 15 июня – 18 октября 1907 г.

В итоге работы Второй Гаагской конференции были пересмотрены три конвенции предыдущего форума и приняты десять новых конвенций относительно законов и обычаев войны, а также декларация и семь резолюций. В числе принятых конвенций восемь относились к международному морскому праву, которое до конференции почти не было регламентировано.

* * *

С проведением Гаагских конференций, которые называли «первым парламентом мира», дипломатия становится глобальной. Если в первой конференции участвовали 27 государств, в том числе шесть неевропейских, которыми стали США, Мексика, Персия, Китай, Сиам (Таиланд) и Япония, то на второй конференции к ним прибавились еще 17 государств Латинской Америки, повысив общее число участников до 44.

Нельзя сказать, что Гаагские конференции в результате ознаменовались реальным продвижением в деле сокращения вооружений и военных бюджетов или хотя бы их фиксации на достигнутом на момент конференций уровне. Разоружение осталось лишь добрым пожеланием, которое никто из участников не поспешил выполнить. Однако принятые в Гааге международные конвенции стали первой в истории общей кодификацией законов и обычаев войны на основе международного права и заложили фундамент для мирного разрешения конфликтов между государствами. Решениями Гаагских конфе-

ренций было фактически признано основополагающее значение российской мирной инициативы и отмечена ее плодотворность.

До Гаагских конференций международное право преимущественно являлось правом войны. Государство, выступая стороной в конфликте, могло отказаться от его мирного урегулирования и в соответствии с так называемым «правом на войну» (jus ad bellum) решить спор вооруженной силой. Значение Гаагских конвенций состоит в том, что они впервые создали систему международно-правовых средств мирного разрешения споров между государствами. Эта система в основном действует и поныне, не претерпев в принципе существенных изменений. Чтобы создать ее, в Гааге потребовалось обобщить и кодифицировать имевшиеся инструменты мирного урегулирования и практику их применения. Гаагские конвенции стали первой попыткой на мировом уровне ограничить право на войну и закрепить в международном праве принцип мирного разрешения международных споров.

Принятые документы, которые известны в современном международном праве и истории международных отношений как Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг., охватывали широкий круг вопросов. Среди этих вопросов – мирное разрешение международных споров, ограничение в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам, порядок открытия военных действий, законы и обычаи сухопутной и морской войны, правила нейтралитета в сухопутной и морской войне, запрещение использовать яды, оружие, снаряды и вещества, способные причинить излишние страдания. В настоящее время Гаагские конвенции являются действующими международно-правовыми актами, признанными большинством государств мира. Исключение составляет лишь не получившая поддержки конвенция об учреждении так называемого международного призового суда.

Россия председательствовала на Гаагских конференциях. На первой конференции ее представлял посол России в Лондоне барон Е.Е. фон Штааль, на второй – посол России в Париже А.И. Нелидов. В секретной инструкции главе российской делегации Нелидову министр иностранных дел А.П. Извольский писал: «Созыв Второй Конференции Мира по высочайшей воле государя императора был вдохновлен тем убеждением, что русское правительство, которому принадлежал общий почин в деле пропаганды идей международного мира, не должно выпускать из своих рук дальнейшего его направления». Интересы родины «требуют, чтобы созванная по почину императорского правительства Конференция кончилась успешно и чтобы решения, к которым она приведет, соответствовали пользам России, не налагая на нее никаких обязательств, могущих стеснить ее будущее развитие, и давая вместе с тем возможность пользоваться благами международного правопорядка…» В инструкции были даны общие директивы по четырем группам вопросов, предложенных на рассмотрение конференции. В заключение инструкции

министр особо отметил, что «после войны 1904–1905 гг. России в первый раз приходится выступать здесь в вопросах мирового интереса в руководящей и ответственной роли» [5].

Как и предусматривала разработанная и предложенная Россией программа конференции, вопросы, подлежавшие обсуждению, были сформированы в четыре тематические группы и рассматривались соответственно в четырех комиссиях. Доклады комиссий и подготовленные в них проекты решений выносились на пленарные заседания конференции, которые проходили в историческом Рыцарском зале, в котором обычно торжественно открывались сессии голландского парламента. Четвертую, «морскую», комиссию возглавлял Ф.Ф. Мартенс, имевший опыт организации и проведения первой Гаагской конференции, на которой он разрабатывал принципы мирного разрешения международных споров.

Во многом на основе, наработанной на первой конференции, была сформирована и принята основополагающая *Конвенция о мирном разрешении международных столкновений*. Она открыла исключительно важный процесс нормативного наполнения принципа мирного разрешения международных споров, который сегодня является одним из базовых принципов современных международных отношений и международного права. Конвенция ограничивала государства в использовании права на войну, но, оставаясь в пределах реальности, не могла полностью исключить ее из инструментария решения международных споров.

Конвенция об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам имела своей целью не допустить нападения на страны под предлогом истребования их внешней задолженности, как это произошло с Мексикой, к которой в 1861 г. страны-кредиторы применили военную силу, а Наполеон III попытался осуществить ее колониальный захват.

По инициативе и настоянию России, подвергшейся недавнему внезапному нападению Японии без предупреждения и объявления войны, была принята *Конвенция о порядке открытия военных действий*. Согласно этой конвенции, войны не должны были начинаться без предварительного и недвусмысленного предупреждения. Предупреждение о начале военных действий могло содержать объяснение причин или носить характер ультиматума.

Большое практическое значение в ходе предстоящих войн обрела *Конвенция о законах и обычаях войны*. Она утвердила важнейшие принципы ведения военных действий: разграничение комбатантов и некомбатантов (т.е. лиц, участвующих и не участвующих в боевых действиях). Кроме того, Конвенция зафиксировала право населения на вооруженное сопротивление, права военнопленных с подробной регламентацией. В ней содержались запреты на использование оружия и веществ, причиняющих излишние стра-

дания, на уничтожение и захват собственности неприятеля, если это не вызывается военной необходимостью, на убийство сдавшихся в плен. Согласно Конвенции, запрещалось объявлять, что никому не будет пощады, грабить и конфисковывать частное имущество. Конвенция требовала принимать все возможные меры к защите и сохранению памятников культуры и медицинских учреждений.

В ходе последовавших двух мировых войн эта Конвенция во многих случаях помогла предотвратить излишнюю жестокость, хотя всеобъемлющей она не являлась и применялась не всегда и не полностью. В развитие ее положений после Второй мировой войны были приняты: Конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г.; Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 г. и Четвертая Женевская конвенция 1949 г. в отношении международно-правовой защиты гражданского населения и культурных ценностей.

Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав в сухопутной войне запрещала проводить войска воюющих государств через территории нейтральных стран, создавать на этих территориях сооружения, предназначенные для вооруженных действий, и пользоваться ими. Нейтральные государства обязывались соблюдать равное отношение ко всем участникам конфликта. При этом отражение нейтральной державой, даже с помощью вооруженных сил, покушений на собственный нейтралитет не квалифицировалось как враждебное действие.

Гарантии безопасности в отношении торговых судов, застигнутых войной в портах противника, создавала *Конвенция о положении неприятельских торговых судов при открытии военных действий.* Торговые суда, задержанные в портах или в море, не подлежали конфискации и после войны должны были быть возвращены владельцу.

Конвенция об обращении торговых судов в военные устанавливала требования, при выполнении которых гражданское судно могло быть обращено в военное и наделено правами и обязанностями последнего. С помощью этой Конвенции до сих пор выявляются пиратские и другие незаконные военные суда, к которым применяется иной правовой режим.

Характеристики и порядок применения различного рода морских взрывных устройств содержала *Конвенция о постановке подводных, автоматически взрывающихся от соприкосновения мин*, которую настойчиво проводили представители Великобритании, добиваясь ее принятия сроком на семь лет, но Россия и Германия от нее отказались.

Конвенция о бомбардировке морскими силами во время войны запрещала бомбардировать морскими силами незащищенные порты, города, селения, жилища и отдельные строения, однако этот запрет не распространялся на военные укрепления, учреждения, склады оружия и пр., которые могли

использоваться неприятелем для нужд армии и флота, и военные суда, находившиеся в порту.

Конвенция о применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 года способствовала улучшению положения раненых в ходе военно-морских операций.

Конвенция о некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне устанавливала неприкосновенность почтовой корреспонденции на море и предусматривала освобождение от захвата рыбачьих судов, а также освобождение от плена экипажей неприятельских торговых судов.

Конвенция об учреждении Международного призового суда была единственной, которая полностью осталась на бумаге. Государствам – участникам конференции так и не удалось достичь единства в этом вопросе, и суд так никогда и не был создан.

Из всех международных морских актов, составленных в Гааге, наиболее существенное значение для русского флота имела *Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав в морской войне*, которая определяла положение военных судов воюющих держав в портах нейтральных держав. В этом отношении Россия имела недавний печальный опыт Русско-японской войны, когда русский флот оказался предоставленным самому себе на морских просторах. Разработка конвенции давалась с трудом, на ее составление и согласование потребовалось более трех месяцев напряженных прений. В результате удалось достичь общего согласия на базе действовавшего тогда английского правила о 24-часовой стоянке военных судов в нейтральных портах, и оговорен ряд отступлений от этого срока в сторону его увеличения, в частности для погрузки угля и пополнения запасов воды и продовольствия.

Конференция не успела разработать специальный регламент для морской войны и высказала рекомендацию о применении к морской войне принципов, применяемых к сухопутной войне, пока регламент не будет завершен на Третьей Гаагской конференции, намеченной на 1915 г. Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война перечеркнула планы проведения следующей Гаагской мирной конференции.

* * *

Предпринятая Россией и ее дипломатией попытка продвинуть на мировой арене принципы мирного разрешения международных противоречий и притормозить набиравшую бешеные обороты гонку вооружений не была напрасной. В своем сообщении в МИД России по итогам конференции глава российской делегации посол А.И. Нелидов отмечал, что интересы Российского государства «получили на Второй Гаагской конференции полное удовлетворение» [5]. Результаты этой конференции, определившей на мировом уровне

более гуманные правила ведения военных действий на суше и на море, приобрели особое значение в преддверии надвигавшейся глобальной военной катастрофы. Конференция внесла весомый вклад в развитие международного права, в целом, и международного гуманитарного права, в частности.

Вторая конференция мира, как ее называли, на самом деле не была в состоянии сохранить мир и предотвратить нараставшую угрозу конфронтации, которая семь лет спустя погрузила человечество в пучину мировой бойни. Но ее миротворческий пафос отразился во многих решениях, оказавших и продолжающих оказывать влияние на международные отношения в мире.

К таким решениям относится создание Постоянной палаты третейского суда, учрежденной в 1899 г. и до сих пор действующей в Гааге в качестве международного арбитража для разрешения различных международных споров.

Опыт Гаагских конференций был использован для достижения мирного урегулирования по итогам Первой мировой войны, создания Версальско-Вашингтонской системы международных отношений и первой универсальной организации – Лиги Наций. Показательно, что, выступая на Вашингтонской конференции 9 ноября 1921 г., президент США Уоррен Гардинг напомнил: «Предложение ограничить вооружения путем соглашения между державами не ново. При этом случае, быть может, уместно вспомнить благородные стремления, выраженные 23 года назад в Императорском рескрипте Его Величества Императора Всероссийского. С таким сознанием своего долга Его Величество Император Всероссийский предложил созыв конференции, которая должна была заняться этой важной проблемой» [6, с. 107–108].

Под эгидой Лиги Наций в 1920 г. была учреждена и действовала в Гааге до начала Второй мировой войны Постоянная палата международного правосудия, на смену которой в 1946 г. пришел Международный суд ООН.

В Устав ООН в качестве одной из главных целей созданной после Второй мировой войны универсальной организации вошло разработанное Гаагскими конференциями положение о необходимости мирного, основанного на принципах справедливости разрешения международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира.

В период между двумя мировыми войнами миротворческий «дух Гааги» ощущался в процессе достижения договоренностей в Локарно в 1925 г. и в последующем создании пакта Бриана–Келлога в 1928 г. Основным документом по результатам многосторонних переговоров в Локарно стал Рейнский пакт, который явился арбитражным соглашением Германии, Франции и Бельгии, предусматривавшим мирное разрешение споров между ними посредством Лиги Наций или международных судов. Пакт гарантировал послевоенные границы в Западной Европе и открыл дорогу в Лигу Наций Германии.

В 1922 г. Германия прорвала свою международную изоляцию договором с Советской Россией в Рапалло; теперь она выходила на мировой уровень, восстанавливая позиции, утраченные после поражения в Первой мировой войне. «Отцы» пакта – председатель правительства и министр иностранных дел Франции Аристид Бриан и министр иностранных дел германской Веймарской республики Густав Штреземан получили Нобелевскую премию мира 1926 г.

Подтверждая положения договора 1922 г. в Рапалло, в том же 1926 г. был заключен Берлинский договор о ненападении и нейтралитете между Советским Союзом и Веймарской республикой. Соглашения улучшили дипломатический климат в Европе. Однако это улучшение длилось недолго. Главный переводчик Штреземана, а затем Гитлера Пауль Шмидт, начавший свою карьеру в Постоянной палате международного правосудия в Гааге и принимавший участие в переговорах в Локарно, свидетельствует в своей книге «Статист на дипломатической сцене 1923–1945», что с приходом в 1933 г. к власти в Германии национал-социалистов был немедленно взят курс на отказ от Локарнских соглашений [см.: 9]. Окончательно с ними было покончено в 1936 г., когда Германия ввела свои войска в Рейнскую демилитаризированную зону, положив начало военным авантюрам Гитлера.

«Дух Гааги» определял инициативу заключения договора об отказе от войны как орудия национальной политики, с которой французский премьер и министр иностранных дел Аристид Бриан обратился к США. В ответ государственный секретарь США Фрэнк Келлог, поддержав эту идею, предложил договариваться не о двустороннем, а о многостороннем соглашении, посредством которого присоединившиеся к нему государства взяли бы на себя обязательство исключить войну из арсенала средств их национальной политики. Заключение договора, получившего название пакта Бриана–Келлога, стало первым шагом на пути к созданию системы коллективной безопасности в Европе. Ф. Келлог за продвижение мирной инициативы на многосторонний уровень получил Нобелевскую премию мира за 1929 г. На Нюрнбергском процессе после Второй мировой войны нацистским главарям наряду с прочими предъявленными обвинениями было поставлено в вину нарушение пакта, подписанного Германией вместе с другими государствами 27 августа 1928 г. в Париже.

Советский Союз ратифицировал соглашение 29 августа 1928 г. через два дня после его подписания и выступил инициатором Московского протокола 1929 г. о досрочном введении в силу обязательств по пакту [2]. В решении Коллегии Народного комиссариата иностранных дел СССР от 23 августа 1928 г. по вопросу предстоявшего через несколько дней подписания пакта говорилось: «Заинтересованные в продолжении передышки, мы не должны пренебречь и самой ничтожной гарантией против войны» [1].

Своего рода «продолжением Гааги» наряду с пактом Бриана–Келлога, объявившего вне закона войну как средство национальной политики, можно считать важнейшие послевоенные многосторонние документы, призванные защитить мир и пресечь попытки разжигания новой войны. Это, прежде всего, определения Нюрнбергского трибунала преступлений против мира и Устав ООН, который обязывает государства искать разрешения споров между ними мирным путем.

* * *

Российская инициатива мира без войн и бессмысленной гонки вооружений, выдвинутая на рубеже XIX и XX вв., намного предвосхитила свое время и продолжает сохранять актуальность и сегодня, в XXI в., когда на Земном шаре вновь множатся конфликты и льется кровь. Взгляд на нее из нашего времени побуждает к размышлениям о том, пришлось ли бы человечеству познать ужасы мировых войн, если бы Запад тогда прислушался к призыву России.

О том, что российская инициатива не была пропагандистским маневром и вносилась серьезно и со всей ответственностью, свидетельствует немедленное одностороннее введение по итогам Гаагской конференции в 1907 г. Наказа Русской армии о законах и обычаях сухопутной войны, который стал частью Устава российской полевой службы. Наказ обязывал:

«1. Войска должны уважать жизнь и честь обывателей неприятельской стороны, а также религию и обряды веры. Всякий грабеж строго воспрещается под страхом тягчайших наказаний (вплоть до смертной казни). Раненые и больные военные чины подбираются с поля боя без различия принадлежности к какой-либо армии. С пленными надлежит обращаться человеколюбиво и предоставить им полную свободу в отправлении религиозных обрядов. Содержать их так же, как содержатся чины Русской армии. 2. Во время военных действий воспрещается применять яд или отравленное оружие, ранить или убивать неприятеля, который сложил оружие и сдался, атаковать или бомбардировать города, селения, жилища или строения, не занятые противником, захватывать и уничтожать неприятельскую собственность (если это не является военной необходимостью)» [4, с. 77].

В дальнейшем Советский Союз признал ратифицированные Россией Гаагские конвенции и декларации. Российская Федерация, став правопреемницей Советского Союза, приняла на себя обязательство соблюдать Гаагские конвенции в той мере, в какой они не противоречили Уставу ООН и более поздним международным соглашениям, участником которых являлась Россия.

«Дух Гааги» воплотился, однако, не только в документы. Следствием российской инициативы стало превращение Гааги в международный центр мира и правосудия. Здесь под патронажем императора России Николая II и королевы Нидерландов Вильгельмины на средства, пожертвованные американским железнодорожным магнатом и меценатом Эндрю Карнеги, началось в 1907 г. возведение величественного Дворца Мира, которое было завершено в 1913 г.

Автору этих строк довелось в юбилейном 2007 г. – Году столетия Второй Гаагской конференции – принять участие в качестве представителя Москвы в Международной конференции по дипломатии городов, которая проходила в помещениях Дворца Мира в Гааге. Это были достроенные позже современные помещения. Однако участники имели возможность посетить и исторические залы.

В одном из них внимание привлекала огромная – в человеческий рост и весом более 3 т – необычайно красивая серо-зеленая ваза из яшмы с позолоченным рельефом. Ваза установлена на пьедестале из того же камня с дарственной надписью. Согласно надписи, ваза была подарена Россией в 1908 г. Ваза была первой в уникальной коллекции памятных предметов и изделий, презентованных Дворцу государствами мира. Мне, конечно же, было особенно приятно увидеть среди экспонатов прижизненное издание романа «Война и мир» Л.Н. Толстого, имеющего самое непосредственное отношение к тематике этого уникального международного учреждения.

Однако сегодня приходится констатировать, что знаменитый «дух Гааги» во многом нивелирован. Анализ причин этой нивелировки – тема отдельного исследования.

Но следует отметить, что 110-я годовщина Второй Гаагской мирной конференции отмечается в сложное и опасное время, когда интересы мира вновь требуют защиты перед лицом надвигающейся угрозы глобальной конфронтации. Ситуация во многом повторяется, напоминая существовавшую на рубеже прошлых столетий, когда мир стоял на пороге Первой мировой войны. В истории российской мирной инициативы конца XIX в. и последовавших за ней Гаагских конференций содержится важный урок, забвение которого в эру ядерных вооружений может привести к гибели человечества и жизни на Земле. Этот урок заключается в императиве договариваться даже по самым сложным вопросам. Ибо в третьей мировой войне не победит никто, никогда и ни при каких условиях. Химерой является надежда, что можно обмануть, переиграть противника и в результате выжить самому, уничтожив его. Поэтому в отличие от эпохи Гаагских конференций, когда еще можно было выбрать мир или войну, сейчас выбора между войной и миром не существует. Существует альтернатива: жить вместе или умереть вместе. Очевидным образом предпочтительнее первое.

Библиография

1. Гусева А.Ю. К 75-летию подписания пакта Бриана–Келлога // Дипломатический вестник. 2003. № 8.

2. Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (Париж, 27 августа 1928 года) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М.: Литиздат, 1930. Вып. V. С. 5–8.

3. Кретинин С.В. Карл Каутский, 1854–1914 гг. Воронеж: Научная книга, 2007. 557 с.

4. Марков О.Д. Русская армия 1914–1917 гг. СПб.: Санкт-Петербург, 2001. 160 с.

5. О Второй Гаагской конференции мира // Дипломатия России: От Посольского приказа до наших дней. Историко-документальный департамент МИД России. Информационно-справочные материалы. URL: http://idd.mid.ru/-/o-vtoroj-gaagskoj-konferencii-mira?redirect=http%3A%2F%2Fidd.mid.ru%2Fsearch%3Fp_p_id%3D3%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dmaximized%26p_p_mode%3Dview%26_3_groupId%3D23403248%26_3_keywords%3D%2522%25D0%259E%2B%25D0%25B2%25D1%2582%25D0%25BE%25D1%2580%25D0%25BE%25D0%25B9%2B%25D0%2593%25D0%25B0%25D0%25B0%25D0%25B3%25D1%2581%25D0%25BA%25D0%25BE%25D0%25B9%2B%25D0%25BA%25D0%25BE%25D0%25BD%25D1%2584%25D0%25B5%25D1%2580%25D0%25B5%25D0%25BD%25D1%2586%25D0%25B8%25D0%25B8%2522%26_3_struts_action%3D%252Fsearch%252Fsearch&inheritRedirect=true (Дата обращения: 01.03.2017.)

6. Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. СПб.: Петрополь, 1991. 644 с.

7. Протокол о введении в действие Парижского договора от 27 августа 1928 года об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (Москва, 9 февраля 1929 года) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М.: Литиздат, 1930. Вып. V. С. 8–10.

8. Пустогаров В.В. Фёдор Фёдорович Мартенс – юрист, дипломат. М.: Международные отношения, 1999. 290 с.

9. Schmidt P. Statist auf diplomatischer Bühne 1923–45: Erlebnisse des Chefdolmetschers im Auswärtigen Amt mit den Staatsmännern Europas. Von Stresemann und Briand bis Hitler, Chamberlain und Molotow. München: EVA, 2005.

References

Dogovor ob otkaze ot vojny v kachestve orudija nacional'noj politiki (Parizh, 27 avgusta 1928 goda) // Sbornik dejstvujushhih dogovorov, soglashenij i konvencij, zakljuchjonnyh SSSR s inostrannymi gosudarstvami. Moscow: Litizdat, 1930. Vyp. V. P. 5–8.

Guseva A.Ju. K 75-letiju podpisanija pakta Briana–Kelloga // Diplomaticheskij vestnik. 2003. N 8.

Kretinin S.V. Karl Kautskij, 1854–1914 gg. Voronezh: Nauchnaja kniga, 2007. 557 p.

Markov O.D. Russkaja armija 1914–1917 gg. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburg, 2001. 160 p.

O Vtoroj Gaagskoj konferencii mira // Diplomatija Rossii: Ot Posol'skogo prikaza do nashih dnej. Istoriko-dokumental'nyj departament MID Rossii. Informacionno-spravochnye materialy. URL: http://idd.mid.ru/-/o-vtoroj-gaagskoj-konferencii-mira?redirect=http%3A%2F%2Fidd.mid.ru%2Fsearch%3Fp_p_id%3D3%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dmaximized%26p_p_mode%3Dview%26_3_groupId%3D23403248%26_3_keywords%3D%2522%25D0%259E%2B%25D0%25B2%25D1%2582%25D0%25BE%25D1%2580%25D0%25BE%25D0%25B9%2B%25D0%2593%25D0%25B0%25D0%25B0%25D0%25B3%25D1%2581%25D0%25BA%25D0%25BE%25D0%25B9%2B%25D0%25BA%25D0%25BE%25D0%25BD%25D1%2584%25D0%25B5%25D1%2580%25

D0%25B5%25D0%25BD%25D1%2586%25D0%25B8%25D0%25B8%2522%26_3_struts_action%3D%252Fsearch%252Fsearch&inheritRedirect=true (Data obrashhenija: 01.03.2017.)

Ol'denburg S.S. Carstvovanie Imperatora Nikolaja II. Saint-Petersburg: Petropol', 1991. 644 p.

Protokol o vvedenii v dejstvie parizhskogo dogovora ot 27 avgusta 1928 goda ob otkaze ot vojny v kachestve orudija nacional'noj politiki (Moskva, 9 fevralja 1929 goda) // Sbornik dejstvujushhih dogovorov, soglashenij i konvencij, zakljuchjonnyh SSSR s inostrannymi gosudarstvami. Moscow: Litizdat, 1930. Vyp. V. P. 8–10.

Pustogarov V.V. Fjodor Fjodorovich Martens – jurist, diplomat. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1999. 290 p.

Schmidt P. Statist auf diplomatischer Bühne 1923–45: Erlebnisse des Chefdolmetschers im Auswärtigen Amt mit den Staatsmännern Europas. Von Stresemann und Briand bis Hitler, Chamberlain und Molotow. München: EVA, 2005.

Т.В. Котюкова

ТУРКЕСТАНСКИЙ ПЛЕН: НЕМЕЦКИЕ И АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В РУССКОМ ТУРКЕСТАНЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. *Статья посвящена пребыванию на территории Туркестанского генерал-губернаторства в годы Первой мировой войны военнопленных германской и австро-венгерской армий. Описываются условия их содержания, проблемы взаимоотношений как в среде самих военнопленных, принадлежавших к разным национальностям, так и с населением одной из наиболее отдаленных окраин Российской империи.*

Ключевые слова: *Германия, Австро-Венгрия, Первая мировая война, Туркестан, Центральная Азия, военнопленные.*

Котюкова Татьяна Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); старший научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН). E-mail: kotyukovat@mail.ru

T.V. Kotyukova. Turkestan Captivity: German and Austro-Hungarian War Prisoners in Russian Turkestan During the First World War

Abstract. *The article is devoted to the war prisoners of German and Austro-Hungarian armies on the territory the governor-generalship of Turkestan in the First World War. Maintenance conditions, relations both among war prisoners of different nationalities and with the population of the most remote outskirts of Russian Empire are described.*

Keywords: *Germany, Austria-Hungary, First World War, Turkestan, Central Asia, war prisoners.*

Kotyukova Tatyana Viktorovna – Ph.D. (History), Associate Professor, research-fellow of the Institute of World history of the Russian Academy of Sciences, research-fellow of the Institute of scientific information on social sciences of the Russian Academy of Sciences (INION); research-fellow of the State academic University of humanitarian science (GAUGN). E-mail: kotyukovat@mail.ru

За последние 100 лет история пребывания военнопленных армий стран Четверного союза в годы Первой мировой войны в Туркестане, а это территория свыше 1 млн км^2, как самостоятельная исследовательская задача не удостоилась внимания ни советских и российских историков, ни историков независимых центральноазиатских государств СНГ, ни иностранных коллег.

Размещение военнопленных на территории России не было равномерным. В основном они были сконцентрированы в Восточных районах (Сибирь, Урал, Туркестан) и земледельческих областях европейской части страны. Российские власти пытались учитывать национальный принцип. В соответствии с распоряжением Главного Управления Генерального Штаба в 1914 г. военнопленных немцев, австрийцев, а также венгров, как менее надежных по сравнению с пленными славянами и румынами, размещали, главным образом, за Уралом – в Сибири, Туркестане и на Дальнем Востоке [8, с. 154].

Следует, однако, отметить, что несмотря на принцип раздельного размещения, лагерей только со славянскими или немецкими военнопленными в России создано не было [4, с. 16]. Военнопленные турки в Туркестане не размещались. Всего для содержания пленных на территории России было развернуто более 400 лагерей [10, с. 36].

Российские военные власти первоначально предполагали размещать пленных в Туркестане только в районах, удаленных от крупных городов и железнодорожных линий. Однако большая численность военнопленных и отсутствие специальных казарм заставили изменить планы. Более того, оказалось, что пленных вообще негде размещать. Поэтому первые партии военнопленных селили непосредственно в городах.

Первые военнопленные начали прибывать в Туркестан уже в сентябре 1914 г. Сразу после падения Перемышля в Туркестан прибыли до 50 тыс. военнопленных разных национальностей, большая часть которых была размещена в Ташкенте. Первоначально их размещение не представляло особых затруднений. Для этого были отданы казармы частей Туркестанского военного округа (ТуркВО), ушедших на фронт.

Но свободных помещений в Туркестане остро не хватало. Так, в Катта-Кургане в начале 1915 г. планировали вдобавок к содержавшимся там военнопленным разместить еще 1200, но город мог принять только 600, а в Самарканде из 1000 военнопленных были места только для 508. Чтобы выйти из положения, в помещениях стали устанавливать второй ярус кроватей. 600 пленных, которых должны были содержать в Чарджуе, разместили на баржах Аму-Дарьинской флотилии. В Сыр-Дарьинской области Туркестанского края для размещения 100 пленных офицеров было отдано здание начального училища в Казалинске, под лазарет для военнопленных в лагере у Перовска освободили здание Перовского начального училища, досрочно проведя в нем экзамены и отправив 40 детей в летний лагерь [13, с. 40].

К июню 1915 г., по официальным данным, численность военнопленных в крае превысила 148 тыс. человек. Они были спешно расквартированы в 37 специально построенных лагерях, казармах и других помещениях ТуркВО, срочно приспосабливаемых под проживание людей.

По сообщению главы американской миссии Стерлинга, на которое ссылается в своей работе Г. Вурцер, в 1915 г. в Туркестане находились 82 425 пленных из Австро-Венгрии и 3812 – из Германии [23, с. 53].

Вместе с военнопленными в конце 1914–1915 гг. в Туркестан были завезены 300–350 так называемых «гражданских пленных», или «пленных, не имеющих воинского звания» [14, с. 32]. Это были подданные Австро-Венгрии и Германии призывного возраста, уведенные русскими войсками с неприятельских территорий. И хотя первоначально (несколько месяцев) они были изолированы от местного населения, в дальнейшем многие из них стали пользоваться некоторой свободой. Примерно с середины 1916 г. большинство «гражданских пленных» были освобождены из-под охраны с обязанностью проживать под надзором полиции в указанных местах и без права выезда. Поэтому значительную часть времени, особенно работающие, проводили за пределами мест своего проживания.

С июля 1915 г. в край стали прибывать беженцы. К концу 1915 г. в Туркестане были размещены около 70 тыс. беженцев из Польши, Прибалтики и других регионов [14, с. 32]. В конце 1916 г. началась реэвакуация. По данным Татьянинского комитета, занимавшегося помощью беженцам, на 1 мая 1916 г. их число составило 59 400 человек, а на 1 июня 1916 г. – 15 900. В итоге в крае остались около 7–8 тыс. беженцев [2, с. 90]. Сосредоточение в Туркестане пленных, а затем прибытие беженцев существенно ухудшило материальное положение местного населения и привело к продовольственному и жилищному кризису.

К началу 1916 г. общее число военнопленных в крае достигло 200 тыс. [11, с. 525]. Их количество стало превышать количество населения городов, в которых они размещались. Краевая администрация была этим крайне обеспокоена, считая, что в случае каких-либо беспорядков это усугубит ситуацию.

Причинами посылки такого значительного числа военнопленных в Туркестан были: отдаленность местности и трудности побега оттуда. Во внимание принималась также дешевизна продуктов питания. Однако обеспечить продовольствием такое количество пленных в крае оказалось сложнее, чем предполагали. Особенно чувствовался недостаток муки и невозможность кормить военнопленных привычным для них чистым пшеничным хлебом. Приходилось выпекать для них хлеб из кукурузной муки с небольшой примесью пшеничной [22, с. 249]. Такая непривычная пища часто вызывала желудочные заболевания и служила условием повышенной смертности. По воспоминаниям очевидцев, скудный рацион питания и тяжелый климат

приводили к окончательному ослаблению человеческий организм и без того подорванный длительным переездом в Туркестан, становились благоприятной средой для инфекционных болезней, а медицинское обслуживание, в свою очередь, было недостаточным и малоэффективным. Одним из самых распространенных недугов среди пленных были солнечные удары [9, с. 233]. В лагерях разыгрывались эпидемии. Так, только в Туркестан были отправлены десятки тысяч прививок против малярии из датского Института сыворотки в Копенгагене и из Серо-терапевтического института в Вене [16, с. 151].

Генерал-губернатор Туркестана Ф.В. Мартсон ходатайствовал о выводе военнопленных из Туркестана, ссылаясь на недовольство населения, ухудшение экономической ситуации, крайне тяжелые условия содержания (связанные, в том числе, с особенностями климата) и все возраставшего числа побегов, поскольку охранять пленных было некому (регулярные части ушли на фронт).

Вопросы содержания и обращения с военнопленными регулировались Гаагской конвенцией, подписанной в 1907 г. почти всеми впоследствии участвующими в войне государствами. В России было принято свое Положение о военнопленных, которое почти полностью повторяло положения Гаагской конвенции, несмотря на то что отдельного учреждения, занимавшегося военнопленными, в России не было. Швеция и Дания взяли на себя защиту интересов подданных Австро-Венгрии и кайзеровской Германии в России. Гуманитарные миссии регулярно посещали лагеря военнопленных в Туркестане. Так, в марте 1916 г. в Ташкент прибыла делегация шведского Красного Креста во главе с Хокен фон Шульманом, а в декабре – секретарь-делегат Датского посольства в Петрограде капитан А. Брун [24, с. 13].

Согласно официальным документам, офицеры-военнопленные содержались в удовлетворительных условиях. Об этом свидетельствует ряд фактов: семьям военнопленных разрешалось следовать за ними; труд военнопленных обычно применялся как бесплатная рабочая сила, но иногда им выплачивались, пусть и незначительные, деньги за работу; в холодное время года военнопленных отправляли на работы в военных мундирах низших чинов и т.д. [21, Д. 90. Л. 35, 42, 147 и др.].

Офицеры Австро-Венгерской армии получали содержание по следующей схеме: штаб-офицеры – 900 руб., обер-офицеры – 600 руб. Офицеры Германской армии, от капитана и выше, получали – 564 руб., ниже капитана – 338 руб. в год. Такой дифференцированный подход объяснялся значительно более строгими условиями содержания русских военнопленных в немецком плену в сравнении с австро-венгерским. Духовные лица и все имевшие классный чин приравнивались к соответствующим офицерским чинам. Студенты, ветеринары, аптекари, фармацевты, кадеты, гардемарины, корнеты, фенрихи Австрийской армии – при получении довольствия приравнивались

к обер-офицерам. Военнопленные врачи и студенты-медики получали добавочные деньги и жили по стандартам медперсонала Русской армии [17, Д. 4535. Л. 30 об.].

Для нижних чинов в сутки на человека полагалось 2 фунта хлеба, в месяц по 0,5 фунта мыла. Больные получали довольствие наравне с нашими солдатами. На обзаведение предметами «артельного хозяйства» – по 250 руб. на команду до 160 человек и 300 руб. – если свыше. На поддержание чистоты в помещениях – для команды в 300 человек и менее – 1 коп., а свыше – 0,5 коп. на одного человека в месяц. Полагалось и вещевое довольствие – мундир, шаровары, шинель, фуражка, сапоги, две рубахи, две пары исподнего, три пары портянок, одно полотенце [17, Д. 4535. Л. 28–29 об.].

Военнопленные офицеры, врачи, священнослужители и чиновники Австро-Венгерской армии по прибытии в Туркестанский край, за небольшим исключением, были расквартированы в казармах в городах Ташкенте, Перовске, Казалинске, Туркестане, Намангане, Коканде, Самарканде, Новой Бухаре (Каган), Джизаке, Ходженте.

К провинившимся офицерам применялась высылка в Форт-Александровский (Мангышлакский полуостров) и в деревню Гульча Ошского уезда Ферганской области. Эти места были удалены от населенных пунктов, что делало побеги оттуда практически невозможными.

У каждого пленного офицера в казарме были кровать и казарменный инвентарь.

Отопление и освещение казарм производилось за казенный счет, но лампы и керосин для личных занятий офицеры приобретали за свой. При большинстве казарм и в лагерях имелись колодцы с питьевой водой, а туда, где их не было, воду доставляли в бочках на лошадях. Отапливались казармы за государственный счет. Остаток топлива шел на ежедневное приготовление кипятка, отопление бань и прачечных.

Офицерам, расквартированным в Казалинске и Перовске, разрешили за собственный счет построить отдельные «домики-особняки». Самый дорогой домик мог обойтись в 500 руб., самый дешевый (полуземлянка) – в 150 руб. Отопление таких домов производилось за счет владельцев. Офицеры стремились жить по двое, трое. По мнению русских военных чинов, это объяснялось сильной национальной рознью среди корпуса офицеров Австрийской армии.

Везде при казармах, в которых квартировали военнопленные офицеры, были устроены отдельные кухни, пекарни, кладовые, души, купальни, а во дворах казарм, где возможно, устраивались площадки для игр в футбол. Отхожие места при казармах были общими, но отдельно от нижних чинов.

Пленные-генералы проживали на частных квартирах или в лучших отелях Ташкента [17, Д. 4535. Л. 26 об.].

Военнопленным офицерам полагался денщик из расчета один на четырех офицеров. Генералам назначается персональный денщик. Денщики жили при офицерских казармах.

Книги, журналы, газеты попадали к военнопленным только с разрешения начальника команды. Военнопленным офицерам было разрешено читать российские политические газеты. Письма, посылаемые военнопленными офицерами на родину, сдавались начальнику команды, который отсылал их в военно-цензурный комитет при Штабе ТуркВО [17, Д. 4535. Л. 26–32].

Вся корреспонденция, денежные переводы и посылки на имя военнопленных офицеров выдавались лично начальником команды.

Денежное довольствие офицерам из российской казны должно было выплачиваться своевременно; оно выдавалось начальником команды под расписку в требовательной ведомости.

Все военнопленные офицеры подчинялись специально назначенным русским офицерам – начальникам команд. В помощь начальнику команды назначался русский офицер и несколько нижних чинов. Последние инструктировались начальником команды и следили за поведением офицеров, препятствуя их контактам с посторонними лицами и военнопленными нижними чинами, контролировали явку из увольнений и т.д. В каждой команде военнопленные офицеры разбивались на национальные группы, которые размещались по возможности отдельно. В группе в помощь начальнику команды назначался «за старшего» один военнопленный офицер-славянин из числа «сочувствовавших» России. Такие офицеры-славяне размещались в казармах и бараках лагерей со своими командирами, но в отдельных комнатах.

Военнопленные нижние чины размещались в городах края в казармах частей ТуркВО, ушедших на фронт. Так как пленные продолжали прибывать весь 1915 г., они заняли не только все казармы и старые летние войсковые лагеря, но и все нежилые постройки при казармах.

Спали военнопленные в казармах на двухъярусных деревянных нарах, а в бараках на глинобитных.

Оценивая все постройки в округе, предоставленные военнопленным, наихудшими Военное министерство России признало бараки новых войсковых лагерей и летние бараки старых лагерей, приспособленными под зимние. У этих бараков были низкие потолки, маленькие окна, плохая вентиляция, а имеющиеся печи не могли достаточно прогреть и высушить бараки.

Весной 1915 г. командование ТуркВО, пользуясь трудом военнопленных, приступило к постройке новых лагерей. Лагеря эти расположились вдоль линии железной дороги вблизи Казалинска, Перовска, Туркестана, Черняева, Аулие-Ата, Ходжента, Ката-Кургана, Намангана и Коканда. Пока шло строительство, пленные жили в палаточных лагерях. Общая вместимость всех

казарм (старых и новых лагерей) в конечном итоге была доведена до 200 тыс. человек.

В середине 1915 г. военнопленных из Туркестана стали отправлять на работу в Европейскую Россию. Всего отправлено было 68 тыс. человек, в результате вопрос о скученности размещения пленных отпал. Стоит отметить, что и в самом Туркестане, и в соседнем Бухарском эмирате труд военнопленных использовался очень активно. Так, у частных лиц работали 138 человек, в земских и городских учреждениях – 551, в военном ведомстве (на территории ТуркВО) – 765; в Министерстве путей сообщения (на территории ТуркВО) – 288; в торговых предприятиях – 272; в учреждениях подведомственных Министерству земледелия и землеустройства – 209 человек и т.д. [17, Д. 4535. Л. 44–45].

Однако прибытие в край беженцев, размещаемых совместно с пленными в казармах и лагерях, перевод из Закаспийской области в другие города края 12 тыс. пленных вновь создали проблему с размещением военнопленных.

Тем не менее если бы не все вышеперечисленное, размещение военнопленных (нижних чинов) в пределах ТуркВО можно было бы признать удовлетворительным. Но суровая действительность лишала краевую администрацию и Военное министерство покоя, грозя в недалекой перспективе ростом инфекционных болезней среди военнопленных, особенно сыпного тифа.

Реальное положение дел в Туркестане несколько отличалось от предписанных нормативов содержания пленных. По воспоминаниям последних, например в Троицком лагере (недалеко от Ташкента) находились порядка 18 тыс. человек. В каждом бараке ютились по 600–700 военнопленных [15, с. 99]. В лагере свирепствовали инфекционные заболевания. Люди умирали от антисанитарии и голода, отягощенных тяжелым непривычным климатом Средней Азии.

При посещении лагерей инспекционными комиссиями или представителями Красного Креста жалобы пленных на неудовлетворительное питание были довольно часты. Так, по заявлению представителей Международного Красного Креста Тормейера и Форрьера, осмотревших осенью 1915 г. лагеря Туркестана и Сибири, питание пленных было неудовлетворительным [23, с. 89].

В архивах сохранился достаточный массив документов, позволяющий воссоздать картину туркестанского плена. В первую очередь, это отчеты о посещении лагерей гуманитарными и иностранными миссиями [1, Д. 1665. Л. 1–112; и др.]. Судя по официальной дипломатической переписке плачевным было положение в лагерях военнопленных в г. Ош [1, Д. 2939. Л. 1–2]. В 1915 г. о тяготах плена для австро-венгерских пленных в городах Закаспийской области Туркестана Мерве и Асхабаде шла переписка между США и российским МИДом [1, Д. 2826. Л. 1–4 об.]. В 1916 г. Соединенные Штаты,

выступая в качестве посредника и представляя интересы Австро-Венгрии, предлагали вывозить военнопленных из Мерва, Самарканда и ряда других городов, где летняя жара была особенно невыносимой, в места с более умеренным климатом [1, Д. 3073. Л. 2–5].

В лагерях Туркестана (Самарканд, Ташкент и др.) из рук вон плохо решались санитарные вопросы. На рубеже 1915–1916 гг. Красный Крест и международные посредники (США, Швеция и другие государства) выражали свою чрезвычайную обеспокоенность по этому поводу [1, Д. 3020. Л. 1–7].

В первой половине 1916 г. волна эпидемий трех самых страшных инфекционных заболеваний прокатилась по лагерям Туркестана: в Троицком (близ Ташкента) – эпидемия тифа, в Самарканде – малярия, в Золотой Орде – цинга [1, Д. 3034. Л. 2–10]. Дипломаты Вены и Берлина обращались с нотами в посольства США с просьбой оказать содействие в решении вопроса [1, Д. 3034. Л. 11–16 об.].

Положение пленных-славян Австро-Венгерской армии в Туркестане было значительно лучше. Офицеры пользовались известной свободой, прогуливались в форме по улицам города и собирали толпы зевак. Немецкие же военнопленные помещались, как правило, в тесных и неудобных помещениях, где они находились на положении заключенных и получали худший паек. Приезжавший в Туркестан для инспекции военнопленных представитель США нашел положение австро-венгров более или менее удовлетворительным. В отношении режима, принятого для немцев, он высказался резко отрицательно, настаивая на необходимости его изменения. Эти предложения удовлетворены не были [22, с. 250].

Допуск посторонних лиц в помещения офицеров воспрещался, но на практике это положение часто нарушалось. Например, известен факт проживания в Перовске у своего мужа, австро-венгерского подданного, Марии Гоховской, имевшей паспорт беженки. Пожив в Перовске, она спокойно выехала в Екатеринослав. Еще одной жене военнопленного – Анне Погорской – было разрешено проживать в Туркестане, рядом с мужем, находившемся в плену. Погорская добивалась возможности жить вместе с мужем на частной квартире. Решение этого вопроса туркестанский генерал-губернатор оставил на усмотрение военного начальства лагеря, в котором размещался Погорский, подчеркнув, что в случае положительного решения квартирных денег Погорскому выдавать не будут [17, Д. 4535. Л. 76–77].

Одной из форм протеста против тяжелых условий жизни было бегство военнопленных. Пользуясь слабостью охраны (в крае в это время практически не осталось регулярных войск, они были направлены на Кавказский фронт) и близостью границы с Персией и Афганистаном, с конца 1914 г. и в течение 1915 г. из лагерей, с объектов работ и из госпиталей бежали 489 солдат и офицеров, а в 1916 г. еще 23 офицера и 550 солдат [14, с. 48].

К марту 1917 г. в ТуркВО было зафиксировано бегство 1457 солдат и 72 офицеров [24, с. 12]. Самую большую группу беглецов составляли подданные Габсбургской монархии.

Тяжелый климат Средней Азии и неподготовленность инфраструктуры края к размещению и проживанию военнопленных привлекли в конце 1915 г. внимание правительства и вынудили его ознакомиться с проблемой непосредственно. По распоряжению военного министра генерала А.А. Поливанова, 8 января 1916 г. начальник Азиатской части Главного штаба генерал Михаил Михайлович Манакин был направлен в Туркестан для ознакомления с положением находившихся там военнопленных. В Ташкент Манакин прибыл 15 января, пробыв в столице края шесть дней. К 22 января 1916 г. в Туркестанском военном округе были размещены 2114 офицеров Австро-Венгерской армии и 86 478 нижних чинов [17, Д. 4535. Л. 26].

В докладе генерала М.М. Манакина много места уделяется описанию внешнего вида военнопленных. Так, офицеры могли носить цивильное платье. Это давало возможность офицерам свободно перемещаться по городу, не привлекая к себе внимания. Но каждый имел и бережно хранил свой мундир. В качестве меры по борьбе с побегами офицерам запрещалось приобретать одежду азиатского типа. Стоит отметить, что австрийская военная форма была недостаточно теплой для зимних холодов в горах Туркестана. К 1919 г. форму военнопленные уже не носили. Она просто пришла в негодность. Все ходили в штатском [3, с. 136].

Военнопленные офицеры должны были первыми приветствовать русских офицеров. Генерал Манакин с удовлетворением отмечал, что это положение выполняется военнопленными неукоснительно.

Взыскания на провинившихся военнопленных накладывались по российскому дисциплинарному уставу. Как уже говорилось, за попытку побега грозила высылка в Форт-Александровск или Гульчу. В Форте свободных мест не было, и условия жизни там были очень тяжелыми. За преступления военнопленные подлежали на общих основаниях отдаче военно-полевому суду.

Офицеры могли иметь на руках неограниченное количество денег, но за расходами все же следил начальник местной бригады. Несмотря на вполне сносное содержание и наличие собственных средств, среди офицеров нередки были случаи воровства.

Отдельное место в своем докладе генерал Манакин уделил проблеме побегов. Чаще всего они совершались из лагерей, расположенных на территории Закаспийской области. Поэтому в 1915 г. оттуда начался постепенный вывод военнопленных в другие регионы Туркестанского края.

Доклад был передан в Главное управление по квартирному довольствию войск с резолюцией военного министра: «Раз мы имеем в виду скоро убрать пленных из Туркестана, то никаких перемен в их там положении делать не

следует, хотя надо сказать, что надзор за ними благодушен чрезмерно и благодушие это идет в ущерб иногда надлежащему настроению русских людей. Если в Туркестане останутся пленные генералы и офицеры, то надо воспользоваться передвижением пленных, чтобы и их (кроме славян) убрать в более глухие углы из Ташкента» [17, Д. 4535. Л. 25]. Ответственным за исполнение резолюции министра был начальник Главного штаба, но сам процесс исполнения возлагался на Азиатскую часть Главного штаба, в чьем непосредственном ведении находились и ТуркВО, и Туркестанский край.

Распоряжение министра в силу целого ряда обстоятельств до конца исполнено не было. К началу 1917 г. в крае осталось немногим более 41 285 пленных [18, с. 41], из них 37 720 австро-венгерских (36 006 солдат и 1714 офицеров) [18, с. 40]. Была и другая причина сокращения численности пленных в Туркестане – высокая смертность. По оценкам Ф. Бейли, с 1914 г. до начала 1918 г. в Туркестане умерли порядка 40–50 тыс. военнопленных. Эта оценка совпадает с данными, приводимыми Сибирской советской энциклопедией о том, что Туркестан стал могилой для 45 тыс. военнопленных [20, стб. 517].

При регистрации пленных военные власти России прежде всего отмечали их принадлежность к одной из неприятельских армий и вероисповедание. Поэтому установить точный национальный состав пленных в Туркестане весьма сложно. Национальный состав военнопленных Габсбургской монархии был таким же разнообразным, как и сама империя.

В период Первой мировой войны среди находившихся на действительной военной службе в Вооруженных силах Австро-Венгрии около 25% были австрийцы и немцы, 23 – венгры, 13 – чехи, 4 – словаки, 9 – сербы и хорваты, 2 – словенцы, 3 – украинцы, 7 – румыны и 1% – итальянцы [6, с. 54].

Военное министерство России приняло меры для отдельного размещения славян от немцев и венгров в лагерях, в лечебных заведениях, при перевозке по территории империи и при перемещении в другие лагеря.

Славянам со стороны российского правительства предоставлялись различные льготы. «Было бы грешно, – говорилось в докладной записке на имя министра МВД А.Н. Хвостова, – не использовать возможность воспитать в желательном для России духе сотни тысяч людей… Цель воздействия: убедить военнопленных или укрепить в них убеждение, что Россия им близка по языку, по культуре, по крови, по вере, что Россия их естественная и единственная защитница, что настоящая война – это война славянства с немцами» [12, с. 199].

По воспоминаниям пленных, действовала инструкция, выстраивающая своеобразную иерархию приоритетов: в лагеря с худшими условиями содержания в первую очередь направлялись немцы, во вторую – венгры, и только если представителей этих национальностей не было – военнопленные-

славяне. В первую очередь южные славяне. Западных славян (у Г. Вурцера они фигурируют под названием «северные славяне». – *Т. К.*) берегли больше всего [23, с. 134].

Принцип размещения пленных по национальному признаку и подданству был заложен в начале войны и приобрел большое государственное значение. В 1914–1915 гг. лагеря в Туркестане были «смешанными», т.е. в них содержались представители разных национальностей. С 1916 г. исследователи фиксируют практику разделения лагерей по национальному признаку. Так, в лагерях Ташкента были преимущественно славяне (хорваты, словенцы, чехи и др.), а немцы, австрийцы и венгры размещались в Скобелеве и Фергане. Если лагеря были смешанного национального типа, то славяне получали ответственные должности в рамках внутреннего управления пленными [23, с. 134–135].

Большинство из подданных Габсбургской монархии попали в плен в 1914 г. (Галицийская битва) или в 1916 г. (Брусиловский прорыв). Кто-то оказывался в плену будучи раненым, другие сдавались добровольно. Биография каждого пленного одновременно и уникальна и типична. Особенно это касается так называемых нижних чинов «дружественных национальностей» (в основном славян). К ним русская общественность еще до революции 1917 г. относилась доброжелательно. Не удивительно, что именно они гораздо теснее, чем пленные офицеры, сумели сблизиться с местным населением. Кроме того, в плену у нижних чинов-славян было значительно больше возможностей для налаживания человеческих отношений с простым населением Российской империи, нежели у офицеров, поскольку они направлялись на принудительные работы и активно использовались на них с начала 1915 г.

В 1915 г. в Ташкенте открылось отделение Союза чешских и словацких обществ России. Вскоре оно преобразовалось в представительство Чешско-словацкого национального совета и активно функционировало в течение нескольких лет. 15 января 1917 г. в Туркестане были зарегистрированы 10 489 солдат и 617 офицеров западнославянского происхождения.

В ходе военных действий на фронтах Первой мировой войны в русском плену, по официальным данным, оказались 200–220 тыс. сербов, хорватов и словенцев, проживавших на территориях, входивших в состав Австро-Венгрии. Военнопленным-сербам в Туркестане было предоставлено хорошее жилье, сносное питание. Им даже разрешили по воскресеньям посещать православные храмы.

На хорватских офицеров не распространялись льготы, которыми пользовались все другие пленные представители южнославянских национальностей. Возможно, причина крылась в конфессиональной «неоднородности» хорватов.

Из ряда опубликованных воспоминаний военнопленных-славян очевидно, что межнациональные проблемы имели глубокие корни в среде Австро-

Венгерской армии, и в условиях русского плена принадлежность к одному государству – империи Габсбургов – не являлось действенным фактором для сплочения ее солдат и офицеров.

В Первую мировую войну в Австро-Венгерской армии для поднятия патриотического духа применялись телесные наказания. Особенно часто пороли солдат славянских национальностей [19, с. 209]. Словак Густав Сенчек описывает в воспоминаниях некий внутренний конфликт: «Из приказов мы знали, что воюем за родину, за императора… Но один на один со смертью я чем дальше, тем больше сомневался как в родине, так и в безгрешной жизни, которой якобы я добьюсь, если буду убивать. Что касается императора, то такие, как я, и раньше его не жаловали» [там же].

За неповиновение австрийскому офицеру Густав Сенчек находился под арестом и ожидал трибунала: «Внезапно открылась дверь, и на пороге появились две мужские фигуры: это были русские солдаты. Они зажгли свечку и отобрали оружие у моего дрожащего от страха часового. “А ты что? Где ты забыл свою винтовку?” – спросил меня один из них. Русская речь для меня, словака, была понятной, и я ответил, что у меня ничего нет, даже пояса, так как я нахожусь под арестом. Они поговорили между собой, и один из них вдруг подошел ко мне, положил мне руку на плечо и сказал: “Ничего не бойся, камарад, сейчас отправишься в Россию”. В полночь мы уже маршировали на восток. Так я и не дождался австрийского военно-полевого суда. Плен стал моей свободой» [19, с. 212].

Не удивительно, что русский плен многими солдатами-славянами воспринимался как свобода. Но попав в плен, можно было столкнуться с амбивалентным восприятием со стороны русских офицеров и нижних чинов (что называется, «как повезет»).

Штефан Ганн описывает другую модель отношения к пленным-славянам. Он пишет, что русские юнкера и офицеры, обращаясь к военнопленным, обычно говорили: «Эй ты, австрияк». Но так как среди военнопленных практически не было австрийцев (в том месте, где он находился), а имевшийся контингент ненавидел Австрию, то военнопленных-славян обижало такое обращение, особенно от русских. Ганн отмечает, что большинство солдат-славян Австро-Венгерской армии стремились к добровольной сдаче в русский плен, так как несмотря на антирусскую официальную пропаганду, подавляющее большинство были славянофилами, а следовательно, и русофилами [5, с. 205].

Вполне очевидно, что «наивное славянофильство», руководившее значительным числом чехов и словаков, добровольно сдававшихся в плен русским войскам, очень быстро выветривалось в лагерях и на принудительных работах. У основной массы военнопленных, только что избежавших смерти на поле боя, разочарование сменялось глубокой политической апатией, а у наи-

более активных – вызывало протест против господствовавших в царской России порядков. Последнее обстоятельство являлось благоприятной почвой для роста антивоенных и революционных настроений [6, с. 55].

Как ни странно, русские офицеры и нижние чины, непосредственно общавшиеся с военнопленными, не всегда учитывали и использовали эти обстоятельства. Это – несмотря на то что в России, особенно в годы войны, самым активным образом была развернута панславистская пропаганда.

Поэтому на фоне неприятного – «ты, австрияк», т.е. «чужой» – обращение большевистских агитаторов – «дорогие товарищи» – означало признание «своим». Как следствие этого, «…в течение одного дня большинство из нас вступили в Красную гвардию», – вспоминает Ш. Ганн.

По дороге в лагеря, а об этом свидетельствуют воспоминания военнопленных, перемещавшихся в разные регионы Российской империи, описывается добросердечное отношение со стороны простых обывателей.

«Я попал в Троицкий лагерь, – вспоминает Ш. Ганн, – где было около 20 тыс. пленных разных национальностей – словаков, чехов, немцев, венгров, поляков, русинов и других. Мы не были приспособлены к жизни в таком жарком климате, и поэтому среди нас стали распространяться различные болезни – малярия, тиф и другие. Из лагеря мы ходили строить дороги и оросительные каналы. Позднее я и несколько других пленных попали на работу в крепость, расположенную в центре Ташкента. Я был рад этому, так как там условия жизни были лучше… Находясь в крепости и работая по ее укреплению, мы, пленные, почти не были связаны с жителями города» [5, с. 204].

Если на территории Ташкентской крепости, где находился Ганн, было только несколько русских офицеров и «обидчиками» выступали они, то Сенчек попал в лагерь в город Туркестан (расположен на территории современного Казахстана. – *Т. К.*). «После краткого пребывания в Ташкенте нас повезли на север, в Казалинск на Аральском море, где мы рыли в степи оросительный канал от реки Сыр-Дарьи. Я проработал там несколько месяцев, а потом меня отправили в город, где через несколько дней австрийские и венгерские офицеры попросили у русского коменданта послать меня с ними в Туркестан в качестве денщика. …Странные люди были эти австрийские и венгерские офицеры! Даже в плену каждый самый низший по чину сопляк требовал себе денщика. А так как офицеры не имели в своем подчинении других солдат, они муштровали своих денщиков. Без денщика они все бы пропали» [19, с. 213].

Неприязненное отношение австрийских и венгерских офицеров к солдатам-славянам выражалось и в отказе выдать новое обмундирование, которое они могли заказать и получить от австро-венгерского Красного Креста. Сенчек оказался именно в такой ситуации, но сердобольный русский солдат выдал ему новое русское обмундирование.

Австро-венгерские офицеры, встречая солдата Сенчека, отворачивались и громко говорили: «Вот идет изменник родины». По этому поводу они составили протокол и объявили, что по возвращении на Родину передадут его в Военный трибунал [19, с. 214].

Обострял взаимоотношения между военнопленными офицерами и солдатами Австро-Венгерской армии и материальный вопрос. Каждое первое число месяца австро-венгерские офицеры получали по 50 руб. на человека. Питание им стоило примерно 8 руб. в месяц, потому что у них была своя офицерская кухня. Солдаты наличных денег не получали. Австрийским офицерам предоставляли упряжку лошадей для перевозки продовольствия со станции. Они возили его дважды в неделю. За упряжку они даже «спасибо» не говорили возчикам, а об оплате речь не шла вообще. Военнопленные солдаты решили не возить больше провиант австрийским офицерам. Такое демократическое волеизъявление было возможно лишь на волне революционных событий 1917 г. [19, с. 217].

Многие пленные солдаты Австро-Венгерской армии завязывали дружеские отношения с русскими солдатами, которые давали им читать нелегальную революционную литературу. В 1917 г. многие пленные стали активно посещать революционные митинги, а после октябрьских событий вступили в Красную гвардию.

В начале 1917 г. положение австро-венгерских пленных в Туркестане несколько улучшилось, но после февральских событий ситуация стала вновь резко ухудшаться, а к концу 1917 – началу 1918 г. в связи с освобождением пленных стала близка к критической. Ф. Бейли описал, что из себя представляло «освобождение» военнопленных, объявленное советской властью – открытие ворот лагерей и прекращение выдачи питания. Люди неожиданно оказались предоставленными сами себе и во многих случаях условия их жизни оказались еще хуже, чем в лагере [3, с. 42].

Согласно докладу главного врача ташкентского госпиталя для военнопленных Ташкентскому совету рабочих и солдатских депутатов в сентябре 1917 г., среди больных госпиталя, особенно среди больных венерическими заболеваниями, имелись лица, не желающие подчиняться госпитальным порядкам. Это выражалось в нежелании сдавать в цейхгауз свою одежду, в самовольных, без ведома лечащих врачей и администрации госпиталя, отлучках в город, особенно по ночам.

Причина самовольных отлучек, по словам военнопленных, заключалась в необходимости покупать в городе продукты питания и махорку. По мнению администрации госпиталя, это было лишь предлогом, так как ночь не самое подходящее время для похода за хлебом и махоркой.

В госпитале считали, что истинная причина такого поведения пленных – банальная распущенность. Пленные воровали казенное имущество и прода-

вали его на черном рынке. И самое главное, больные, особенно венерическими заболеваниями, с одной стороны, являлись распространителями в городе тяжелых инфекций, с другой – среди больных в госпитале участились случаи сыпного тифа, свирепствовавшего на тот момент в городе [7, Д. 6. Л. 37–38].

Летом 1918 г. товарищ председателя Ташкентского исполкома Всеволод Черневский по поручению президиума Ташисполкома осмотрел места размещения военнопленных в Ташкенте. В своем отчете он отметил, что во главе лагеря, где содержались подданные Австро-Венгерской империи, в качестве коменданта стоял немец-офицер, назначенный датским посольством. Венгры составляли в лагере главный контингент (70%). Славян было ничтожное количество. Условия жизни австро-венгерских пленных Черневский оценил как «скотские». При этом в политическом отношении ничего опасного замечено не было [7, Д. 47. Л. 485–485 об.].

После заключения Брестского мирного договора в 1918 г. в России был создан Комитет иностранных подданных. Военнопленные постепенно начали возвращаться на родину. Летом 1918 г. в Туркестане оставались еще 33 тыс. бывших военнопленных [3, с. 42]. Какая-то их часть еще несколько лет, в качестве иностранных подданных, продолжала проживать и работать в крае.

Судьбы бывших военнопленных в Туркестане сложились по-разному. На улицах среднеазиатских городов можно было видеть военнопленных, просивших подаяние. Оркестры военнопленных играли в чайханах и ресторанах, весь обслуживающий персонал гостиниц состоял из подданных Габсбургской монархии [3, с. 33]. Австро-венгерская форма, которую носил и сам Бейли, с буквами F.J.I. (Император Франц Иосиф) на фуражках, долго мелькала по городам и весям Туркестана [3, с. 30]. Многие женились на вдовах или брошенных женах и начинали заниматься сельским хозяйством или ремеслом. Их потомки до сих пор проживают в независимых государствах Центральной Азии. Кто-то пытался наладить бизнес, но в условиях большевистского режима это было практически невозможно.

Значительная часть военнопленных заняла места русских солдат в армии. Приблизительно половину Красной армии в Туркестане составляли бывшие австро-венгерские военнопленные, в основном венгры. Многих из них пропаганда сделала энтузиастами строительства коммунистического общества. Но это тема для отдельного исследования.

На наш взгляд, главное последствие пребывания на территории Туркестана военнопленных-европейцев имеет гуманитарный характер. Пленные стали своеобразным ретранслятором для Европы древней цивилизации Средней Азии, а для Средней Азии – научно-технических и культурных достижений Европы. Несомненно, многие из них не только искренне полюбили Туркестан, но и придали новый импульс его развитию, оставшись там после окончания войны.

Библиография

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 160. Оп. 708. Д. 1665; Д. 2939; Д. 2826; Д. 3073; Д. 3020; Д. 3034.

2. Ата-Мирзаев О., Гентшке В., Муртазаева Р. Межнациональная толерантность в Узбекистане: История и современность. Ташкент: Университет, 2004. 179 с.

3. Бейли Ф.М. Миссия в Ташкент. М.: Языки славянской культуры, 2013. 384 с.

4. Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. Автореф. дис. на ... канд. ист. наук. Москва, 1997. 24 с.

5. Ганн Ш. Мы дрались за Ташкент // Былые походы: Воспоминания словацких красноармейцев – участников Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны в СССР. М.: Воениздат, 1961. С. 201–207.

6. Гергилева А.И. «Многие миллионы людей были вырваны войной из привычной для них обстановки». Чехословацкий корпус и военнопленные Первой мировой войны на территории России // Военно-исторический журнал. 2013. № 2. С. 54–60.

7. Государственный архив города Ташкента (ГА ГТ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Д. 47.

8. Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь. Сб. статей. Омск, 1997. С. 154–180.

9. Журбина Н.Е. Военнопленные Германии на территории России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Вестник ВГУ. Воронеж, 2008. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. С. 230–235.

10. Интернационалисты: Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России. М.: Наука, 1987. 459 с.

11. История Узбекской ССР. Ташкент: Фан, 1968. Т. 2. От присоединения узбекских ханств к России до Великой Октябрьской социалистической революции / Отв. ред. Х.З. Зияев. 662 с.

12. Киреева Ю.В. Условия содержания немецких и австро-венгерских военнопленных на территории Туркестанского военного округа (1914–1917 гг.) // Военная история. Саратов: Саратовский военный институт ВВ МВД РФ, 2006. № 5 (23). С. 198–204.

13. Корнеев В.В. Концентрационные лагеря в России в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2015. № 9. С. 40–43.

14. Матвеев А.М. Зарубежные выходцы в Туркестане на путях к Великому октябрю (1914 – октябрь 1917 г.). Ташкент, ФАН, 1977. 115 с.

15. Медведева-Нату О. Войны и люди: Поляки в Средней Азии // Диаспоры. 2006. № 2. С. 96–131.

16. Нахтигаль Р. Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // Quaestio Rossica. Екатеринбург: УФУ им. Б.Н. Ельцина, 2014. № 1. С. 142–156.

17. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 4535.

18. Россия в мировой войне в цифрах 1914–1918 гг. М.: ЦСУ СССР, 1925. 104 с.

19. Сенчек Г. От Кракова до Туркестана // Былые походы: Воспоминания словацких красноармейцев – участников Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны в СССР. М.: Воениздат, 1961. С. 208–235.

20. Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929. Т. 1. Стб. 517.

21. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. И–737. Оп. 1. Д. 90.

22. Чиркин С.В. Двадцать лет службы на востоке: Записки царского дипломата. М.: Русский путь, 2006. 268 с.

23. Шлейхер И.И. Пленные стран Четверного союза в Сибири: Некоторые вопросы транспортировки и содержания в лагерях // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. трудов. Саратов: Научная книга, 2005. Вып. 6. С. 78–90.

24. Этнический атлас Узбекистана. Ташкент: ИООФС – Узбекистан; ЛИА «Р. Элинина», 2002. 392 с.

25. Wurzer G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Rußland im Ersten Weltkrieg. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie in der Geschichtswissenschaftlichen Fakultät der Eberhard-Karls-Universität zu Tübingen. Tübingen, 2000. 589 S.

References

Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii (AVPRI). F. 160. Op. 708. D. 1665; D. 2939; D. 2826; D. 3073; D. 3020; D. 3034.

Ata-Mirzaev O., Gentshke V., Murtazaeva R. Mezhnacional'naja tolerantnost' v Uzbekistane: Istorija i sovremennost'. Tashkent: Universitet, 2004. 179 p.

Bejli F.M. Missija v Tashkent. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2013. 384 p.

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Uzbekistan (CGA RUz). F. I–737. Op. 1. D. 90.

Chirkin S.V. Dvadcat' let sluzhby na vostoke: Zapiski carskogo diplomata. Moscow: Russkij put', 2006. 268 p.

Gann Sh. My dralis' za Tashkent // Bylye pohody: Vospominanija slovackih krasnoarmejcev – uchastnikov Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii i grazhdanskoj vojny v SSSR. Moscow: Voenizdat, 1961. P. 201–207.

Gergileva A.I. «Mnogie milliony ljudej byli vyrvany vojnoj iz privychnoj dlja nih obstanovki». Chehoslovackij korpus i voennoplennye Pervoj mirovoj vojny na territorii Rossii // Voenno-istoricheskij zhurnal. 2013. N 2. P. 54–60.

Gosudarstvennyj arhiv goroda Tashkenta (GA GT). F. 10. Op. 1. D. 6. D. 47.

Grekov N.V. Germanskie i avstrijskie plennye v Sibiri (1914–1917) // Nemcy. Rossija. Sibir'. Sb. statej. Omsk, 1997. P. 154–180.

Internacionalisty: Uchastie trudjashhihsja stran Central'noj i Jugo-Vostochnoj Evropy v bor'be za vlast' Sovetov v Rossii. M.: Nauka, 1987. 459 p.

Istorija Uzbekskoj SSR. Tashkent: Fan, 1968. T. 2. Ot prisoedinenija uzbekskih hanstv k Rossii do Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii / Otv. red. H.Z. Zijaev. 662 p.

Jetnicheskij atlas Uzbekistana. Tashkent: IOOFS – Uzbekistan; LIA «R. Jelinina», 2002. 392 p.

Kireeva Ju.V. Uslovija soderzhanija nemeckih i avstro-vengerskih voennoplennyh na territorii Turkestanskogo voennogo okruga (1914–1917 gg.) // Voennaja istorija. Saratov: Saratovskij voennyj institut VV MVD RF, 2006. N 5 (23). P. 198–204.

Korneev V.V. Koncentracionnye lagerja v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny // Voenno-istoricheskij zhurnal. 2015. N 9. P. 40–43.

Matveev A.M. Zarubezhnye vyhodcy v Turkestane na putjah k Velikomu oktjabrju (1914 – oktjabr' 1917 g.). Tashkent, FAN, 1977. 115 p.

Medvedeva-Natu O. Vojny i ljudi: poljaki v Srednej Azii // Diaspory. 2006. N 2. P. 96–131.

Nahtigal' R. Voennoplennye v Rossii v jepohu Pervoj mirovoj vojny // Quaestio Rossica. Ekaterinburg: UFU im. B.N. El'cina, 2014. N 1. P. 142–156.

Rossija v mirovoj vojne v cifrah 1914–1918 gg. Moscow: CSU SSSR, 1925. 104 p.

Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA). F. 400. Op. 1. D. 4535.

Senchek G. Ot Krakova do Turkestana // Bylye pohody: Vospominanija slovackih krasnoarmejcev – uchastnikov Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii i grazhdanskoj vojny v SSSR. Moscow: Voenizdat, 1961. P. 208–235.

Shlejher I.I. Plennye stran Chetvernogo sojuza v Sibiri: Nekotorye voprosy transportirovki i soderzhanija v lagerjah // Voenno-istoricheskie issledovanija v Povolzh'e: Sb. nauch. trudov. Saratov: Nauchnaja kniga, 2005. Vyp. 6. P. 78–90.

Sibirskaja sovetskaja jenciklopedija. Novosibirsk: Sibkrajizdat, 1929. T. 1. Column 517.

Vasil'eva S.N. Voennoplennye Germanii, Avstro-Vengrii i Rossii v gody pervoj mirovoj vojny. Avtoref. dis. na ... kand. ist. nauk. Moskva, 1997. 24 p.

Wurzer G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Rußland im Ersten Weltkrieg. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie in der Geschichtswissenschaftlichen Fakultät der Eberhard-Karls-Universität zu Tübingen. Tübingen, 2000. 589 S.

Zhurbina N.E. Voennoplennye Germanii na territorii Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1918 gg.) // Vestnik VGU. Voronezh, 2008. Serija: lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. N 2. P. 230–235.

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

Г.А. Дробот, А.Я. Щербакова

ЛИДЕРСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Аннотация. *Статья посвящена геополитическим процессам, происходящим в мире с участием России. Анализируются как факторы, позволяющие нашей стране претендовать на мировое лидерство, так и факторы, которые мешают ей достичь его. Делается вывод о большом экономическом потенциале России, о том, что в настоящее время она держится в числе претендентов на лидерство прежде всего за счет своего топливно-энергетического комплекса.*

Ключевые слова: *Россия, геополитическая ситуация, конкурентоспособность, технологии, человеческий капитал.*

Дробот Галина Анатольевна – доктор политических наук,
профессор факультета глобальных процессов
МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: gdrobot@mail.ru

Щербакова Анна Ярославовна – аспирант
факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: annachtch@mail.ru

G.A. Drobot, A.Ya. Shcherbakova. Leadership Potential of Russia in the Global World

Abstract. *The article is devoted to geopolitical processes in the world taking place with the participation of Russia. Factors allowing our country to count on the world leadership and the reasons that prevent it are analyzed. The article contains the conclusion about the great economic potential of Russia. Today Russia is among the candidates for leadership mostly because of its fuel and energy complex.*

Keywords: *Russia, geopolitical situation, competitive ability, technology, human capital.*

Drobot Galina Anatolievna – Doctor of Political sciences,
Professor of the Faculty of Global Studies
of Lomonosov Moscow State University. E-mail: gdrobot@mail.ru

Shcherbakova Anna Yaroslavovna – Assistant Professor of the Faculty of Global Studies of Lomonosov Moscow State University. E-mail: annachtch@mail.ru

Геополитическое пространство меняется, усиливается конкуренция между странами. Уже начали формироваться новые полюса и центры силы, которые в скором времени станут главными акторами мирового сообщества. Войдет ли Россия в их число? Возможно ли нашей стране вернуть роль мирового лидера или Россия так и останется в числе региональных держав?

Глобальные процессы современности оказывают определяющее воздействие на формирование новой геополитической картины мира. Одной из важнейших составляющих сложной геополитической ситуации, в которой находится Россия, стала утрата идентичности. Это не могло не сказаться на ее позиции как субъекта международных отношений [3, с. 241–242]. Для эффективного встраивания в систему международных отношений необходимо четкое обозначение государством своей позиции [11, с. 37].

У России, бесспорно, есть потенциал для приобретения мирового статуса: она является членом Совета Безопасности ООН, богата природными ресурсами (нефть, природный газ, питьевая вода), владеет ядерным арсеналом, сравнимым по уровню с американским. Сохранение Россией своей способности ядерного сдерживания позволяет уменьшать военное превосходство других ведущих государств в этой сфере. Россия входит в тройку стран – лидеров по объему выработки ядерной (атомной) энергии – от 182,8 млрд кВт·ч/год (на первом месте США, на втором – Франция) [12]. Ядерное вооружение по сей день сдерживает мир от катастрофы, и в связи с этим необходим постоянный конструктивный диалог всех ядерных держав.

Россия по-прежнему удерживает позиции энергетической сверхдержавы: в 2010 г. она вернула себе лидерство по объемам экспорта природного газа, а в декабре 2016 г. вышла на первое место по добыче нефти, обогнав Саудовскую Аравию [7]. Удельный вес России в мировой добыче минерального сырья – 17,9 и 12% соответственно. Объема имеющихся запасов топливно-энергетических ресурсов (без учета разведки), по скромным подсчетам, хватит на следующие 50 лет [8, с. 245]. Наша страна занимает первое место в мире по размеру территории и девятое место по численности населения (142 млн человек).

Россия выступает ведущей державой в космической сфере. Она запускает собственные космические спутники (космическая гонка между СССР и США началась в 1957 г., когда СССР вывел на орбиту первый искусственный спутник Земли). Россия и сейчас остается мировым лидером по количеству успешных запусков космических аппаратов.

Однако сегодня практически ни одна сфера жизнедеятельности не поддерживается на уровне СССР. Россия как государство-правопреемник унаследовала сильную научную школу, прорывные разработки во многих отраслях (космос, медицина, оборонно-промышленный комплекс), население с высоким уровнем грамотности. Эти характеристики до сих пор ставят ее выше Индии, Китая, Бразилии. Но отсутствие усилий по поддержке этого потенциала ведет к его полному нивелированию. Сегодня наша страна по выработке высоких технологий и инноваций намного отстает от США, Японии и западноевропейских государств. По объему ВВП, капиталовложениям в сферу образования и науки и другим параметрам она отстает и от Китая и Индии.

Россия обладает несбалансированным набором факторов мощи, что связано, прежде всего, с экономической неразвитостью, отсталостью в современном мире высоких технологий. Это отставание нужно уменьшать в первую очередь с помощью инновационного развития и технологической модернизации традиционных отраслей экономики [8, с. 267].

Для того чтобы стать сильным игроком на мировой арене, необходимо иметь мощный экономический потенциал. Современная постиндустриальная экономика пока не отводит нашей стране какого-либо особого места в современном международном разделении труда в сфере высоких технологий. В России все еще преобладают отрасли, сформировавшиеся в прошлую, индустриальную эпоху и ориентированные на добычу и первичную переработку сырья [3, с. 204]. А потенциала любого государства с экспортно-сырьевой моделью экономики недостаточно для того, чтобы претендовать на мировое лидерство.

Россия по-прежнему остается поставщиком ресурсов на мировой рынок. За годы благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры и высоких цен на нефть экономика страны так и не была диверсифицирована, не был осуществлен рывок в создании новейших технологий, не осуществлено переоснащение промышленности. В те времена, когда у страны были достаточно большие доходы от экспорта, провести структурную перестройку экономики не удалось.

Глобальный экономический кризис 2008 г. нанес ощутимый удар по экономическому состоянию России. Резкое падение цен на энергоносители отразилось на федеральном бюджете, обеспечивающемся в основном доходами от экспорта природных ресурсов. На этом фоне российская экономика до сих пор отстает от экономик других крупных держав – США, Китая, Индии, Японии.

На данный момент Россия занимает шестое место по объему ВВП по ППС – 3,745 млрд долл. в 2017 г. [11]. Согласно данным Международного

валютного фонда, в ближайшие годы прогнозируется незначительный рост ВВП по паритету покупательной способности (ППС).

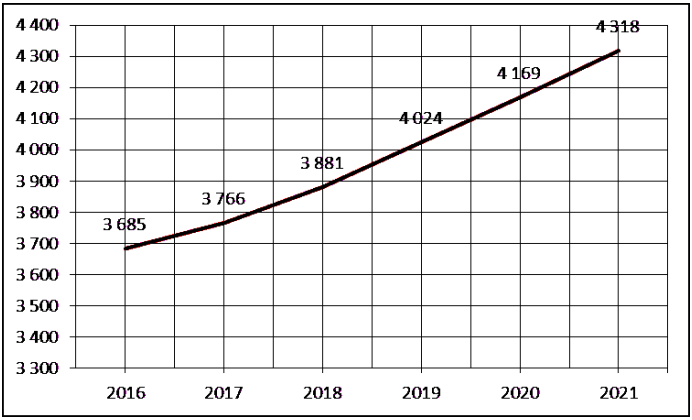

График 1. Уровень ВВП России по ППС, млрд долл.

Источник: [5], 2016.

В экономическом плане обострение геополитической обстановки вокруг России, введение санкций и ответных соответствующих действий привели к частичной экономической изоляции.

Резкое падение прямых иностранных инвестиций в Россию в 2015 г. – по разным данным от 78 до 92% – означало то, что необходимо стимулировать внутренние инвестиции, осуществлять реструктуризацию экономики и насыщать внутренний рынок товарами отечественного производства. На этом фоне вновь возродились убеждения о самодостаточности экономики России, о необходимости тотального импортозамещения. Менталитет бывшей самодостаточной сверхдержавы никуда не исчез, несмотря на увеличивающийся экономический спад. Однако российский экономист Б.А. Хейфец говорит о том, что такие убеждения необоснованны: «…делаются ссылки на опыт СССР, который за сравнительно небольшой по времени период – менее 15 лет перед нападением фашистских агрессоров в июне 1941 г. – создал мощнейший промышленный комплекс, а после войны сумел восстановить и значительно увеличить свой промышленный потенциал, став мировой супердержавой. Это реальные факты, но здесь не учитываются конкретные

условия развития в СССР и современное положение России. Сейчас невозможно осуществить сопоставимую мобилизацию материальных и человеческих ресурсов, которых стало меньше по количеству и соответствию сложности стоящих перед страной задач. Не говоря уже о создании жестко централизованной хозяйственной системы, господстве активной идеологии, подкрепляемой мощным репрессивным аппаратом, а также отсутствии пресловутого "железного занавеса" в отношении не только с государствами, но и людьми» [9, с. 10]. Импортная зависимость – вполне нормальное явление при таких размерах территории и населения, как у России.

При проведении политики импортозамещения существуют большие риски. Снижение конкуренции приводит к росту цен, страдает качество конечной продукции, так как производство российских аналогов отдельных видов продукции не гарантирует ее рентабельности. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2015 г. низкая конкурентоспособность и сырьевая зависимость экономики выделены в качестве важнейших угроз безопасности. Сегодня в России конкурентоспособными остались лишь топливно-сырьевые отрасли.

Повышение показателей конкурентоспособности жизненно необходимо в связи с усилившимися региональными интеграционными процессами, которые в скором времени приведут к кардинальным изменениям на глобальном экономическом пространстве и в системе международного разделения труда. Мы имеем в виду воплощение в жизнь новых партнерств, таких как Транстихоокеанское партнерство (ТТП), Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП) и др. Эти партнерства формируются для создания беспошлинных зон торговли, для производства конкурентоспособных товаров, для совместного преодоления выстроенной внешними акторами таможенно-тарифной защиты.

По причине сложной геополитической ситуации приоритеты государства могут сместиться в пользу поддержания национальной безопасности. В России сохраняется относительно высокий уровень расходов на оборону. Наша страна делит с Японией четвертое место по размеру оборонного бюджета – доля России составляет 3,7% в объеме всех мировых военных расходов. Укрепляются Российские вооруженные силы. Однако их состояние, по мнению экспертов, далеко от того уровня, при котором возможно дать отпор существующим сегодня потенциальным угрозам.

Еще один определяющий параметр для государства, претендующего на роль лидера, – это человеческий капитал. Его составляющие – уровень здравоохранения, безработицы, образования, развития науки и др. В России доля социальных расходов от объема ВВП на сегодняшний день ничтожно мала; Россия и здесь проигрывает ведущим державам.

По данным Всемирного банка, в 2014 г. в России расходы (из государственных и частных источников) на охрану здоровья равнялись 892,852 долл. на человека, что составляло лишь 7,07% от ВВП. Для сравнения: в США общие расходы на здравоохранение в том же году достигали 9402,537 долл. на душу населения, в Японии – 3702,953 долл. [2].

В связи с ухудшением экономической ситуации и масштабным сокращением персонала с середины 2014 г. наблюдался рост безработицы. Но уже с 2016 г., как мы можем видеть на графике 2, уровень безработицы начал постепенно снижаться [5].

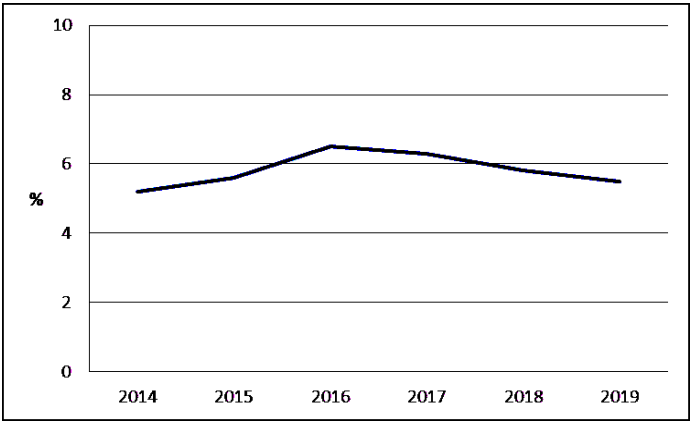

График 2. Уровень безработицы в России, % экономически активного населения

Источник: [12], 2016.

В то время как в других странах доля ВВП, расходуемая на образование и научные исследования, увеличивается, в России происходит обратный процесс. По данным 2015 г., Россия тратит на образование и науку всего 1,1% от объема ВВП, в то время как в 2013 г. этот показатель составлял 1,4% [6].

В России главные показатели научно-технического развития (НТР) – финансирование образования и научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), доля ученых и т.д. – падают. Уникальный по размерам и уровню научно-образовательный комплекс России, форми-

рующийся на протяжении столетий, уже около трех десятилетий остается почти без материальной поддержки.

Если в Китае вложения в образование и науку в последнее десятилетие растут примерно на 20% ежегодно, что позволило ему по количеству научных кадров сравняться с США (примерно 1,5 млн человек) [4], то в России наблюдается отрицательная динамика. Согласно оптимальному сценарию, построенному в научном докладе к VII саммиту стран БРИКС, при благоприятной демографической динамике и инновационно-технологическом развитии экономики [3, с. 268], сфера НИОКР будет расширяться после 2020 г. очень медленно.

По-прежнему относительно высокий уровень подготовки научных кадров в области точных наук, характерный для российского образования, дает возможность государству реализовать стратегию инновационно-технологического прорыва [8, с. 269]. Совершенно очевидно, что научно-технологический потенциал всегда был не только средством развития мировой экономики, но и инструментом наращивания военной мощи. В гражданской сфере технологические разработки являются средством поддержания лидерских амбиций, обеспечивая производство дорогой наукоемкой продукции.

На пространстве СНГ Россия по-прежнему выступает в роли наиболее сильного участника, определяющего вектор развития объединения [3, с. 244]. Там, где необходимо преодолевать общие трудности, – особенно в области безопасности – наша страна остается весьма привлекательным союзником. Для России СНГ сохраняет значение и как транспортный коридор в третьи страны.

Россия вряд ли состоится как мировой лидер без пространства СНГ. Однако страны СНГ, выстраивая собственные отношения с США, помогают и Америке сохранить позиции глобального лидера. Россия и США, таким образом, конкурируют за влияние над этими странами.

Россия находится на перепутье между Западом и Востоком. С 2011 г. она «разворачивается» на восток, в сторону Азии, растущей экономически и политически. Россия превращается из «окраины» Европы в центр восходящего глобального игрока, несущей основы будущего мирового центра притяжения – Евразии. Тесные взаимоотношения России с Китаем наравне с сотрудничеством с соседними странами являются залогом упрочнения объединений разного формата.

Таким образом, ресурсы России практически во всех сферах – социальной, экономической и политической – ограничены для того, чтобы влиять на глобальные процессы во всех регионах мира [10, с. 440]. И. Валлерстайн относит Россию к странам полупериферии «с достаточно почетным геополитическим статусом» [1, с. 42]. Интересны прогнозы социолога по поводу будущего России, сделанные им еще в 1996 г.: «Я убежден, что Россия как

всегда будет очень стараться повысить свой статус в мир-системе и как всегда усилия ее будут полууспешны… вам предстоит не катастрофа и не процветание, а обычная для России ухабистая история» [1, с. 42].

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что, находясь в группе ведущих мировых держав, Россия хотя и уступает каждой из них по отдельным параметрам тем не менее остается влиятельной страной, которую невозможно игнорировать. Россия является наиболее активной после США страной в вопросах формирования нового мирового порядка.

Членство в Совете Безопасности ООН, богатство природными ресурсами, ядерный паритет с США являются основой для отстаивания Россией собственного суверенитета и национальной безопасности, дают ей возможность занимать важное место в международных процессах, иметь право решающего голоса. Пока есть все основания полагать, что в будущем Россия сможет удержать и закрепить позиции сырьевой и энергетической сверхдержавы.

Если мы не хотим навсегда остаться на периферии мировой экономики, необходимо приложить колоссальные усилия для того, чтобы избавиться от экономической изоляции и встать на путь повышения конкурентоспособности экономики и расширения отношений с партнерами. Современное геополитическое положение России требует, прежде всего, поддержания и наращивания оборонно-промышленного комплекса. Россия имеет возможность претендовать на роль мирового лидера только при условии увеличения вложений в человеческий капитал.

Эффективная интеграция России в мировую экономику зависит от ее действенной работы в международных организациях (в первую очередь, в СНГ). Интеграция – важнейшее средство увеличения экономического потенциала страны. Следует придерживаться стратегического союза с Китаем, так же как и со странами АСЕАН, ШОС и БРИКС. Расширение торговых отношений, строительство путепроводов для транспортировки энергоносителей, возобновление транспортных сетей – важные шаги на пути выстраивания партнерства.

В рамках свободного и открытого общества наш диалог с партнерами должен быть эффективным и убедительным, страна не должна раствориться во всепоглощающем процессе глобализации и потерять национальный суверенитет и идентичность. Необходимо продолжать свой исторический путь и следовать своей миссии в глобальном мире.

Библиография

1. Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2010 // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 30–42.

2. Всемирный банк. Официальный сайт // URL: http://data.worldbank.org/indicator/SH.XPD.PCAP?locations=US-RU-JP (Дата обращения: 04.03.2017.)

3. Глобальная геополитика. М: МГУ, 2010. 312 с.

4. Гранин Ю.Д. Россия в сценариях глобального развития // Свободная мысль. 2016. № 6. С. 137–150.

5. Международный Валютный Фонд. Официальный сайт // URL: http://www.imf.org/ (Дата обращения: 04.03.2017.)

6. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Официальный сайт // URL: https://data.oecd.org/eduresource/education-spending.htm (Дата обращения: 04.03.2017.)

7. Россия в декабре 2016 г. вышла на первое место в мире по добыче нефти // РБК. 2017. 20 февраля. URL: http://www.interfax.ru/business/550675 (Дата обращения: 26.02.2017.)

8. Садовничий В.А., Акаев А.А., Коротаев А.В., Малков С.Ю. Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики. М.: Издательский дом «Наука», 2014. 382 с.

9. Хейфец Б.А. Импортозамещение и конкурентоспособность // Россия и современный мир. 2016. № 2. С. 6–21.

10. Цыганков П.А. Политическая динамика современного мира: Теория и практика. М.: МГУ, 2014. 476 с.

11. Щербакова А.Я. Вопросы регулирования мирового пространства в XXI веке // Научно-аналитический журнал Обозреватель–Observer. 2016. № 8. С. 30–38

12. The World Factbook // Central Intelligence Agency. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2001rank.html (Дата обращения: 26.02.2017.)

References

Cygankov P.A. Politicheskaja dinamika sovremennogo mira: Teorija i praktika. Moscow: MGU, 2014. 476 p.

Global'naja geopolitika. Moscow: MGU, 2010. 312 p.

Granin Ju.D. Rossija v scenarijah global'nogo razvitija // Svobodnaja mysl'. 2016. N 6. P. 137–150.

Hejfec B.A. Importozameshhenie i konkurentosposobnost' // Rossija i sovremennyj mir. 2016. N 2. P. 6–21.

International Monetary Fund. Official website // URL: http://www.imf.org/ (Data obrashhenija: 04.03.2017.)

Organization for Economic Cooperation and Development (OECD). Official website // URL: https://data.oecd.org/eduresource/education-spending.htm (Data obrashhenija: 04.03.2017.)

Rossija v dekabre 2016 g. vyshla na pervoe mesto v mire po dobyche nefti // RBK. 2017. 20 fevralja. URL: http://www.interfax.ru/business/550675 (Data obrashhenija: 26.02.2017.)

Sadovnichij V.A., Akaev A.A., Korotaev A.V., Malkov S.Ju. Kompleksnoe modelirovanie i prognozirovanie razvitija stran BRIKS v kontekste mirovoj dinamiki. M.: Izdatel'skij dom «Nauka», 2014. 382 p.

Shcherbakova A.Ya. Voprosy regulirovaniya mirovogo prostranstva v XXI veke // Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel'–Observer. 2016 N 8. P. 30–38.

The World Bank. Official website // URL: http://data.worldbank.org/indicator/SH.XPD.PCAP?locations=US-RU-JP (Data obrashhenija: 04.03.2017.)

The World Factbook // Central Intelligence Agency. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2001rank.html (Data obrashhenija: 26.02.2017.)

Vallerstajn I. Rossija i kapitalisticheskaja mir-jekonomika, 1500–2010 // Svobodnaja mysl'. 1996. N 5. P. 30–42.

В.И. Бажуков

РОССИЯ И НАТО: ПАРТНЕРСТВО ИЛИ ПРОТИВОСТОЯНИЕ?

Аннотация. *В статье рассматривается взаимодействие между Россией и НАТО после окончания холодной войны, анализируются концептуальные основы современной политики альянса, раскрываются факторы, способствующие и препятствующие развитию партнерства между сторонами, показывается влияние расширения НАТО и глобализации ее функций на характер взаимоотношений.*

Ключевые слова*: партнерство, стратегические концепции НАТО, широкий подход к безопасности, глобализация функций альянса.*

Бажуков Владимир Иванович – доктор культурологии, доцент, профессор факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: Bashukovvi@ya.ru

V.I. Bazhukov. Russia and NATO: Partnership or Confrontation?

Abstract. *The article studies the interaction between Russia and NATO after the Cold war, analyzes the conceptual basis of the Alliance modern politics, reveals factors promoting and impeding the development of partnership between the parties, shows how NATO expansion and globalization of its functions influence the relationship.*

Keywords: *partnership, NATO Strategic Concepts, comprehensive approach to security, globalization of the Alliance functions.*

Bazhukov Vladimir Ivanovich – Doctor of Culture Studies, Associate Professor, Professor of the Department of Global Studies of Lomonosov Moscow State University. E-mail: bashukovvi@ya.ru

Установка на партнерство России с Североатлантическим союзом возникла и стала проводиться в жизнь в начале 1990-х годов. С тех пор отношения между сторонами развивались, казалось бы, довольно успешно. В 1991 г. Россия присоединилась к Совету североатлантического сотрудничества (сегодня – Совет евроатлантического партнерства). С 1994 г. Россия участвует

в программе «Партнерство ради мира» (ПРМ); в 1997 г. был подписан «Основополагающий акт Россия – НАТО о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности». В 2002 г. принята Римская декларация, в соответствии с которой был образован Совет Россия – НАТО (СРН).

Российская Федерация делала значительные шаги навстречу НАТО и Западу в целом, шла на ряд уступок в военно-политических вопросах. К осени 1994 г. был завершен вывод советских / российских войск из стран Центральной и Восточной Европы. В сентябре 2001 г., когда США подверглись террористическим атакам, российское руководство выразило поддержку американской администрации в ее борьбе с терроризмом. Соединенным Штатам и блоку НАТО оказывалась различная помощь, в том числе был предоставлен транзит через территорию России для военных грузов альянса. Идя на такие уступки, российские политики и общественность ожидали, что со стороны союза и стран Запада будут сделаны встречные шаги, в которых учитывались бы интересы безопасности Российской Федерации. Однако вместо этого военно-политический блок НАТО стал расширяться и продвигаться на Восток, к границам России. Более того, альянс присвоил себе глобальные функции, используя свою военную силу для установления западного лидерства в мире.

С началом кризиса на Украине в 2014 г. руководство НАТО обвинило Россию в совершении агрессии против этой страны и объявило о прекращении военного сотрудничества. В США и в европейских странах НАТО раздувается миф об угрозе со стороны России; в государствах Балтии и Польше происходит наращивание военных сил альянса. В связи с этими процессами возникают вопросы: Что означает партнерство между Россией и НАТО и каковы его перспективы? Как сочетается партнерство с расширением альянса и его военными операциями в различных регионах мира? Надо ли России продолжать сотрудничество с этой организацией или следует отказаться от него? Задачей настоящей статьи является поиск ответов на эти вопросы.

Понятие партнерства в контексте отношений между Россией и НАТО. Понятие «партнерство» в русском языке имеет три значения: 1) взаимоотношения, существующие между партнерами; 2) одна из юридических форм организации совместного предпринимательства (физических или юридических лиц); 3) взаимные контакты, отношения государств, общественных группировок и т.п., основанные на взаимовыгодности и равноправии [1, с. 430]. Для нас в наибольшей степени подходит третье значение, так как оно непосредственно характеризует отношения между государствами (партнерские) и указывает на их специфику (взаимовыгодность и равноправие).

Понятие «партнерство» широко применяется в документах Североатлантического союза, в соглашениях между этой организацией и отдельными государствами, в том числе между НАТО и Россией. В 1994 г. в рамках союза

была разработана и принята программа «Партнерство ради мира» (ПРМ), в которой партнерство выступает в качестве основополагающей категории. В программе сформулированы цели, принципы и области сотрудничества в рамках партнерства, определены направления и механизм его реализации. Партнерство для НАТО означает нечто большее, чем просто союз или соглашение о сотрудничестве. Судя по документам и реальной политике альянса, партнерство рассматривается как важный шаг на пути по втягиванию в свой союз новых членов и расширению его влияния на мировой арене. Партнерство означает также стремление руководства НАТО привязать государства-партнеры к своей политике, ограничить их действия жесткими рамками взятых на себя обязательств.

Следует признать, что не все страны-партнеры рассматриваются как кандидаты для вступления в члены союза, а только те, которые сами заявляют о желании вступить в альянс. Россия никогда не ставила вопрос о членстве. Для этого имеются веские основания: национальным интересам России не соответствует политика расширения НАТО и глобализация ее функций, Россия не может поддерживать стремление альянса к установлению западного лидерства на мировой арене. Кроме того, в России не могут не учитывать, что даже намеки о ее членстве в НАТО поставят под угрозу отношения стратегического партнерства с Китаем.

Программа «Партнерство ради мира» включает в себя систему мер и конкретных шагов по сближению стран-партнеров с НАТО; в ней зафиксированы требования к кандидатам, порядок их присоединения к институту партнерства, подробно описаны рабочие документы и планы конкретных действий по укреплению сотрудничества с альянсом. Программой предусмотрено более 20 сфер (вопросов), по которым осуществляется взаимодействие. Эти сферы можно рассматривать как стремление НАТО взять под свой контроль национальную военную политику и стратегию государств-партнеров. Сферы сотрудничества НАТО со странами, входящими в программу ПРМ, можно объединить в четыре большие группы.

Во-первых, сотрудничество по военно-политическим вопросам и миротворческой деятельности. В рамках этого направления выделяются такие сферы взаимодействия, как военная политика и стратегия, демократический контроль над вооруженными силами и оборонными структурами, военное планирование и формирование бюджета, международное сотрудничество в области вооружений, планирование, организация и управление национальными программами военных закупок, миротворческая деятельность и урегулирование кризисных ситуаций.

Во-вторых, программа ПРМ предусматривает сотрудничество по проблемам военно-технического характера. Данное направление охватывает вопросы командования и управления, материально-технического обеспече-

ния, сферу противовоздушной обороны, управление воздушным движением и контроль за ним. К этому направлению относятся также военные учения, радиоэлектронная борьба, перевозки и транспортировка, системы навигации и опознавания, оперативная совместимость, процедуры и терминология. В эту группу можно включить также медицинские службы, метеорологическое обеспечение, военную географию и различные аспекты стандартизации.

В-третьих, партнерство с НАТО означает сотрудничество по проблемам военного образования и исследований в военной области. Программа предполагает взаимодействие НАТО и стран-партнеров в изучении иностранных языков; планирование, организацию и управление национальными оборонными исследованиями и разработкой технологий.

В-четвертых, в программе ПРМ предусмотрено сотрудничество по линии МЧС, в рамках которого предполагается совместное преодоление последствий стихийных бедствий, проведение учений невоенного характера и связанную с ними деятельность по общей подготовке [11, с. 98–99].

Различные аспекты партнерства между Россией и НАТО получили уточнение и конкретизацию в «Основополагающем акте о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора», подписанном в 1997 г. В документе определены цели, принципы, области и механизмы взаимоотношений между сторонами. «Россия и НАТО, – подчеркивается в Акте, – не рассматривают друг друга как противников. Общей целью России и НАТО является преодоление остатков прежней конфронтации и соперничества и укрепление взаимного доверия и сотрудничества. Настоящим Актом подтверждается их решимость наполнить конкретным содержанием общее обязательство России и НАТО по созданию стабильной, мирной и неразделенной Европы, единой и свободной, на благо всех ее народов» [7]. Подписание Основополагающего акта рассматривалось как начало «фундаментально новых отношений между Россией и НАТО», как намерение развивать «прочное, стабильное и долговременное партнерство». Стороны признали принципы «неделимости безопасности всех государств евроатлантического сообщества», а также «прочного, стабильного, долговременного и равноправного партнерства и сотрудничества с целью укрепления безопасности и стабильности в Евроатлантическом регионе» [7].

Реальное взаимодействие между Россией и НАТО осуществляется на разных уровнях и по множеству направлений. В рамках Совета Россия – НАТО до 2014 г. заседания на уровне послов и военных представителей проводились, как правило, регулярно, не реже одного раза в месяц, на уровне министров иностранных дел, министров обороны и начальников генеральных штабов – 2 раза в год. Кроме того, состоялись три встречи на высшем уровне: в 2002 г. в Риме, в 2008 г. в Бухаресте и в 2010 г. в Лиссабоне. В рамках

Совета Россия – НАТО было образовано 25 рабочих групп и комитетов по различным вопросам взаимодействия (впоследствии их количество было сокращено).

Основными направлениями сотрудничества являлись борьба с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков, кризисное регулирование и отработка вопросов оперативной совместимости войск, противовоздушная оборона и контроль над воздушным пространством, взаимодействие по вопросам противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД), противодействие распространению ядерного и других видов оружия массового уничтожения, контроль над обычными вооружениями и военные реформы.

Наиболее успешно развивалось сотрудничество по Афганистану, где 7 октября 2001 г. США вместе со своими союзниками начали военную операцию против движения «Талибан», отказавшегося выдать главаря террористической организации «Аль-Каида» Усаму бен Ладена. Войска НАТО прибыли в Афганистан в составе Международных сил содействия безопасности, образованных по решению Совета Безопасности ООН от 20 декабря 2001 г. (резолюция 1386) «для оказания помощи афганскому Временному органу в обеспечении безопасности в Кабуле и прилегающих к нему районах, с тем чтобы афганский Временный орган, а также персонал Организации Объединенных Наций могли действовать в условиях безопасности» [6].

Совет Россия – НАТО реализует целый ряд проектов по этому направлению: «вертолетный пакет», соглашение о перевозке грузов НАТО в Афганистан и из Афганистана через территорию России, проект по обучению сотрудников правоохранительных органов Афганистана методам борьбы с незаконным оборотом наркотиков. В 2010 г. была одобрена программа по оснащению Афганской армии российскими вертолетами Ми-17, закупки которых велись на основе соглашений между Россией и США. В соответствии с заключенными контрактами, к октябрю 2014 г. Россия поставила Афганистану в общей сложности 63 вертолета на сумму 1,3 млрд долл. США. Кроме того, были решены вопросы по приобретению запчастей для вертолетов, обеспечению лицензионного ремонта и подготовке афганских техников в России. В 2012 г. в Новосибирске начал работать центр по подготовке афганских специалистов [10].

С 2008 по 2015 г. между Россией и НАТО действовало соглашение о транзите грузов для войск США и альянса в Афганистане через территорию России. Россия помогала своим партнерам тем, что предоставляла для перевозок железнодорожный транспорт и транспортную авиацию. На созданном в Ульяновске логистическом пункте грузы переводились с самолетов на железнодорожные платформы. Северный маршрут через территорию России имел для альянса определенные преимущества, так как он связывал Афганистан с морскими портами в странах Прибалтики, что было удобно для евро-

пейских стран НАТО. В дополнение следует отметить, что на этом маршруте не было тех рисков, которые имелись на южном проходе через территорию Пакистана, где военные караваны нередко подвергались нападениям боевиков и вследствие этого несли потери. Кроме того, транзиту на юге препятствовали противоречия между США и Пакистаном, которые возникли между ними в ходе действий Американской армии. Транзит военных грузов США и НАТО через территорию России был прекращен постановлением Правительства Российской Федерации от 18 мая 2015 г. в связи с завершением мандата Международных сил содействия безопасности в Афганистане [2].

В рамках Совета Россия – НАТО предпринимались попытки решить проблему борьбы с наркотрафиком из Афганистана, который существенно увеличился после начала операции США в этой стране. В декабре 2005 г. на заседании министров иностранных дел стран СРН было принято решение о реализации проекта по обучению работников правоохранительных органов из Афганистана и стран Центральной Азии методам борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Проект предусматривал проведение краткосрочных курсов в России и некоторых странах НАТО, а также создание мобильных групп инструкторов, направляемых непосредственно в регион для проведения занятий. Программа курсов предусматривала изучение теории и практики борьбы с наркотрафиком, знакомство с методами досмотра и конфискации, ведения наблюдения и сбора оперативной информации. К 2008 г. обучение на данных курсах прошли 419 сотрудников из Афганистана и стран Центральной Азии [4, с. 8–9; 5, с. 7].

Наибольшая активность в области сотрудничества между Россией и НАТО наблюдалась в 2004–2013 гг. В этот период разрабатывались и принимались специальные документы, регулирующие взаимодействие между сторонами в конкретных сферах деятельности, проводились совместные военные учения, отрабатывались вопросы совместимости действий воинских частей и подразделений. Проводились совместные семинары и дискуссии по актуальным вопросам, представлявшим взаимный интерес.

Так, в 2004 г. был принят комплексный План действий Совета Россия – НАТО по борьбе с терроризмом. В соответствии с этим планом осуществлялись различные совместные мероприятия: в районе Мурманска были проведены антитеррористические учения «Авария-2004», а в 2006–2007 гг. отдельные корабли Военно-морского флота России приняли участие в контртеррористической операции НАТО «Активные усилия» в Средиземном море.

Сотрудничество между Россией и НАТО в области противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД) продолжалось несколько лет и могло бы привести к положительным результатам, если бы не стремление США к созданию глобальной системы ПРО, поддержанное руководством альянса. Представители России и НАТО участвовали в совместной разработке

концепции будущей ПРО ТВД в интересах обеих сторон. В 2004–2006 гг. были проведены командно-штабные учения, направленные на повышение оперативной совместимости российской ПРО и ПРО НАТО. Однако проект по сотрудничеству в области противоракетной обороны не получил развития и был заморожен в связи с тем, что США начали создание районов своей глобальной ПРО на территории Польши и Чехии, а в последующем и в Румынии. Дальнейшее участие России в разработке системы, имеющей антироссийскую направленность, было признано нецелесообразным.

Партнерство между Россией и НАТО еще совсем недавно получало высокие оценки как с российской стороны, так и со стороны Североатлантического альянса. В 2012 г. в Москве была проведена Международная конференция, посвященная 15-летию подписания «Основополагающего акта между Россией и НАТО». Выступая на конференции, ректор Дипломатической академии МИД РФ Е.П. Бажанов отмечал, что «двадцать лет, прошедших после окончания холодной войны, достаточно большой срок, чтобы убедиться в отсутствии у двух бывших антагонистов взаимных агрессивных планов» [9, с. 6]. Похожую мысль высказал и заместитель Генерального секретаря НАТО А. Вершбоу, который, характеризуя отношения между Россией и НАТО, подчеркнул: «Эти отношения были – и остаются сегодня – искренними усилиями наладить стратегическое партнерство между Россией и НАТО. Партнерство, в котором мы укрепляем безопасность вместе друг с другом, а не против друг друга…» [9, с. 34].

Можно приводить и другие примеры и оценки сотрудничества между сторонами. Однако нельзя не признать, что на пути истинного партнерства России и НАТО имеются серьезные препятствия, мешающие равноправному взаимодействию. Между Россией и НАТО сохраняются недоверие и старые стереотипы, в общественном мнении каждой из сторон преобладают негативные оценки действий своего партнера. Как продолжение имеющихся противоречий стало объявленное руководством НАТО 1 апреля 2014 г. – в ответ на вхождение Крыма в состав России – решения о приостановлении всякого сотрудничества с Россией.

Факторы, препятствующие равноправному партнерству между Россией и НАТО. Наибольшее беспокойство среди российских политических деятелей и экспертов вызывают расширение НАТО и продвижение ее военной инфраструктуры к границам России, а также расширение функций этой организации. Расширение НАТО началось в 1952 г., когда к ней присоединились Греция и Турция, в 1955 г. членом НАТО стала ФРГ, а в 1982 г. – Испания. К окончанию холодной войны в составе НАТО было 16 государств, сегодня их 28, т.е. после роспуска Организации Варшавского договора и распада СССР состав НАТО увеличился на 12 членов. Расширение НАТО после окончания холодной войны происходило тремя волнами: первая волна –

прием в состав НАТО Венгрии, Польши и Чешской Республики (1999); вторая – присоединение к НАТО семи государств: Болгарии, Латвии, Литвы, Румынии, Словакии, Словении и Эстонии (2004); третья – вступление в состав блока Албании и Хорватии (2009). В 2017 г. ожидается вступление в альянс Черногории.

Расширение организации НАТО и ее продвижение на Восток, бесспорно, является угрозой для национальной безопасности Российской Федерации, что нашло отражение в Военной доктрине РФ и Стратегии национальной безопасности. В результате первой волны расширения, когда к НАТО присоединились Венгрия, Польша и Чешская Республика, военная инфраструктура НАТО продвинулась к границам России на 650–750 км. Североатлантический альянс получил в свое распоряжение большое число военных объектов: около 550 складов боеприпасов, вооружений, горюче-смазочных материалов, 33 военных полигона, 290 аэродромов. НАТО увеличила свою группировку войск на 360 тыс. человек, ее арсенал пополнился 550 боевыми самолетами и вертолетами, 50 боевыми кораблями, примерно 7,5 тыс. танков, БМП и БТР, более 5 тыс. артиллерийских орудий. По оценке В.В. Штоля, использование аэродромов новых членов альянса «позволяет тактической авиации НАТО в той или иной компоновке наносить удары вплоть до Волги. Повысились возможности внезапного первого удара, так как авиация НАТО может подвергать боевому воздействию приграничную полосу Российской Федерации уже через несколько минут после взлета» [13, с. 106–107].

После второй волны расширения НАТО вооруженные силы альянса увеличились еще на 142 тыс. человек, 344 самолета, 1636 танков, более 100 боевых вертолетов и десятки военных кораблей. Североатлантический альянс вышел непосредственно к границам России и союзного государства – Белоруссии. Со вступлением в НАТО стран Балтии геополитическое положение России еще более осложнилось [13, с. 107]. Серьезную угрозу для национальной безопасности России представляют планы США и руководства НАТО по втягиванию в альянс Грузии и Украины.

Еще одной проблемой в отношениях между Россией и НАТО является расширение функций Североатлантического альянса, присвоение им права на одностороннее применение силы, в том числе за пределами территории стран – членов блока. В Стратегической концепции НАТО, принятой в ноябре 1991 г., сделаны два вывода, которые необходимо учитывать, если мы хотим понять представления руководства союза о его роли после окончания холодной войны. Первый вывод – это вывод о необходимости сохранения этой организации, несмотря на изменения, которые произошли в странах Центральной и Восточной Европы и в СССР с 1989 г.: «…новая обстановка не меняет цели или функции Союза в плане безопасности, а скорее подчеркивает их неизменную обоснованность». Второй вывод заключался в обосновании нового – широкого –

подхода к обеспечению безопасности: «…изменение обстановки порождает новые благоприятные возможности, позволяющие Союзу вырабатывать свою стратегию в рамках широкого подхода к безопасности» [3, с. 6].

Как видно из приведенных цитат, в выводах нет даже намека на возможность роспуска НАТО или серьезного ее реформирования, хотя такой шаг, как считали в России, вполне логично напрашивался. Вместо этого был предложен широкий подход к безопасности, который означал более объемный взгляд на понимание рисков и опасностей, угрожающих Североатлантическому союзу. Если в годы холодной войны главной угрозой считалось возможное нападение со стороны СССР и стран Варшавского договора, то теперь, когда такая угроза исчезла, в число рисков и опасностей были включены последствия экономических, социальных и политических трудностей в странах Центральной и Восточной Европы. Также в число новых угроз попали результаты межнациональных конфликтов и территориальных споров, а также процессы, происходящие на постсоветском пространстве.

В концепции утверждается также необходимость учета в обеспечении безопасности членов альянса «глобального контекста». «На интересы Союза в плане безопасности, – подчеркивается в документе, – могут оказать воздействие другие источники риска более широкого характера, включая распространение оружия массового уничтожения, срыв поставок жизненно важных ресурсов, а также террористические акты и диверсии» [3, с. 5]. На все эти риски и опасности альянсом предусматривались соответствующие ответы.

Широкий подход к безопасности НАТО получил подтверждение и более четкое оформление в Стратегической концепции альянса, принятой в апреле 1999 г. на вашингтонском саммите альянса. Стало понятно, что широкий подход к безопасности – это не случайное выражение, а продуманная доктрина, включающая, во-первых, более масштабный взгляд на понимание рисков и опасностей, угрожающих членам альянса, во-вторых, расширение сферы действия блока за пределы Евроатлантического региона. Стратегия НАТО в области безопасности «обогатилась» понятием «операции реагирования на кризис вне статьи 5 Вашингтонского договора» [8, с. 53], которое очень точно раскрывает сущность современной политики альянса. Статья 5 договора об образовании НАТО подразумевает коллективный ответ на вооруженную агрессию в отношении любой страны – участницы альянса.

В новой концепции расширен список угроз безопасности Североатлантического союза, который можно разделить на несколько групп. Первую группу образуют угрозы, связанные с нестабильностью, кризисами и конфликтами «внутри и вокруг Евроатлантического региона», которые могут затронуть интересы безопасности альянса. К этой группе отнесены «серьезные экономические, социальные и политические трудности» в странах указанного региона, «противоборство на этнической и религиозной почве, территориальные

споры, малоэффективные или неудавшиеся попытки осуществления реформ, нарушения прав человека, распад государств». Во второй группе рассматриваются «мощные ядерные силы за пределами Североатлантического союза», а также распространение оружия массового поражения и средств его доставки. К этой же группе отнесено распространение современных обычных вооружений, технологий их производства и воздействие на информационные системы альянса. В третью группу включены угрозы более широкого характера: «Террористические акты, саботаж, организованная преступность, а также нарушение притока жизненно важных ресурсов, бесконтрольное перемещение больших масс населения, в особенности вследствие вооруженных конфликтов» [8, с. 51].

Исходя из этого, одной из главных задач НАТО концепция провозглашает «предотвращение конфликтов и урегулирование кризисов». В заявлениях союза явно просматривается претензия на то, чтобы заменить собой ООН и Совет Безопасности – притом, что должностные лица альянса постоянно ссылаются на решения ООН и Совета Безопасности ООН. Североатлантический союз присвоил себе миссию «осуществления более широкой задачи укрепления и распространения стабильности». Не случайно в концепции заявлена «возможность проведения операций реагирования на кризисы вне статьи 5 Вашингтонгского договора». Агрессия НАТО на Балканах называется в данном документе «операцией по реагированию на кризис» [8, с. 53].

В 2010 г. в НАТО принята Стратегическая концепция, носящая название «Активное участие, современная оборона». Имеющаяся информация об этой концепции говорит о том, что в ней продолжается линия на участие альянса в операциях за пределами Евроатлантического региона и расширение числа своих членов. К основным задачам блока отнесены коллективная оборона, кризисное регулирование и безопасность на основе сотрудничества. Концепция предполагает активное использование блоком НАТО политических и военных средств, «чтобы помочь регулировать возникающие кризисы, которые могут потенциально затрагивать безопасность Североатлантического союза…» Руководство альянса исходит из того, что «Североатлантический союз подвергается воздействию политических событий и событий в сфере безопасности за пределами его границ, а также может сам воздействовать на эти события» [12]. Как видим, НАТО сохраняет свою приверженность широкому подходу к определению угроз, функций и роли в мировой политике. Такой подход позволяет руководству союза применять силу, вмешиваясь в любой конфликт за пределами территории своих членов в обход решений Совета Безопасности ООН. Концептуальные положения, принятые альянсом, активно реализуются на практике. НАТО участвовала или продолжает участвовать в проведении операций в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии.

В начале 2017 г. в результате избрания на пост президента США Д. Трампа вокруг НАТО возникли дискуссии о ее существовании, назначении, финансировании и других важных вопросах. Дискуссии эти вскоре прекратились. Россия же проявляет готовность к подлинному сотрудничеству и равноправному партнерству.

Подводя итоги, следует предположить, что дальнейшее развитие отношений между Россией и НАТО может проходить по трем основным сценариям.

Оптимистичный сценарий заключается в преодолении негативных тенденций в отношениях между Россией и НАТО и в существенном улучшении их характера. Такой вариант возможен в случае, если альянс откажется от широкого подхода к безопасности и глобализации своих функций, прекратит вмешательство во внутренние дела других государств и насильственное свержение законных правительств, а также ослабит курс на расширение союза и продвижение его на Восток. Важным условием оптимистичного сценария является активное содействие блока НАТО урегулированию конфликта на Украине, оказание помощи правительству этой страны в выполнении Минских соглашений. В списке позитивных факторов могут быть названы также отказ союза от двойных стандартов в сирийском конфликте и прекращение военной активности вблизи границ с Россией. В этом случае можно было бы рассчитывать на серьезные встречные шаги со стороны России.

Такой вариант развития событий является наиболее благоприятным для восстановления и укрепления партнерских отношений между Россией и НАТО. Однако он маловероятен. Начало 2017 г. свидетельствует о том, что никаких явных признаков существенного изменения в политике и стратегии альянса не наблюдается. Россия рассматривается как главная угроза членам НАТО, а в выступлениях лидеров союза звучат призывы вести переговоры с Россией с позиции силы. Продолжается размещение новых натовских сил в Балтийских странах и в Польше, отмечается провокационная военная активность альянса вблизи границ с Россией.

Умеренный сценарий развития отношений между Россией и НАТО заключается в восстановлении того уровня отношений, который существовал до 2014 г., до кризиса на Украине. Этот вариант предполагает сочетание партнерства по одним вопросам с противостоянием по другим. Сотрудничество между Россией и НАТО возможно в тех областях, где интересы сторон совпадают или близки между собой. Россия и НАТО могут успешно взаимодействовать в борьбе против международного терроризма и незаконного оборота наркотиков, в области нераспространения ядерного и других видов оружия массового поражения, а также средств их доставки. Не исключается сотрудничество в противодействии незаконной торговле обычными вооружениями и военной техникой. Большой потенциал имеется в сфере совместного урегулирования международных конфликтов под эгидой ООН; могут быть

продолжены совместные учения миротворческих сил, учения по спасению экипажей аварийных подводных лодок и др.

Сотрудничество по одним вопросам не исключает наличия противоречий, серьезных дискуссий и даже определенного противостояния по другим, таким как расширение альянса, стремление втянуть в него новые государства, в том числе Грузию и Украину, различие в подходах к урегулированию конфликта в Сирии, продолжение американской программы по созданию районов глобальной системы противоракетной обороны в Румынии и Польше. Такой вариант развития отношений между Россией и НАТО, на наш взгляд, является наиболее вероятным.

Пессимистичный сценарий развития отношений между Россией и НАТО означает скатывание их к конфронтации. Этот вариант возможен в случае, если НАТО предпримет такие действия, которые блокируют возможность партнерства даже на минимальном уровне. К числу наиболее опасных действий альянса могут быть отнесены продолжение курса на достижение мирового лидерства. Опасно также подталкивание правительства Украины к обострению ситуации на Донбассе. Руководство НАТО может выдвинуть России неприемлемые требования, такие как возвращения Крыма, отказ от сотрудничества с Китаем и Ираном, прекращения поддержки правительства Б. Асада в Сирии. Вполне понятно, что список негативных факторов на этом не заканчивается; при желании он может быть расширен.

Подобная политика стран НАТО с высокой вероятностью приведет к блокированию возможностей их партнерства с Россией, будет означать полную деградацию отношений между ними и скатывание их на уровень холодной войны. Исключить такой вариант развития событий нельзя, но есть надежда, что он не реализуется, так как не отвечает ни интересам России, ни Запада.

Возможен ли крупномасштабный вооруженный конфликт между Россией и НАТО? На наш взгляд, такое развитие событий маловероятно. Мы исходим из того, что политические лидеры стран НАТО мыслят и действуют рационально, и человечество не придет к новой мировой войне. Крупномасштабный вооруженный конфликт в Европе был бы по своим последствиям катастрофичным не только для европейских, но и для многих других государств. Сегодня нет такой цели, ради достижения которой можно было бы заплатить столь высокую цену.

Библиография

1. Большой академический словарь русского языка / Ред. Л.И. Балахонова. Т. 15. М.; СПб.: Наука, 2011. 610 с.

2. НАТО: Альянс не нуждается в афганском транзите // Ведомости. 2015. 20 мая. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/2015/05/20/nato-alyans-ne-nuzhdaetsya-v-afganskom-tranzite (Дата обращения: 14.01.2017.)

3. Новая Стратегическая концепция Союза (согласовано главами государств и правительств, участвующих в сессии Совета НАТО в Риме 7–8 ноября 1991 г.) / North Atlantic treaty organization. Bruxelles: Office of inform, [1991]. 18 с.

4. Новости НАТО 1/2007. Bruxelles: Office of inform, 2007. 15 с.

5. Новости НАТО 1/2008. Bruxelles: Office of inform, 2008. 19 с.

6. Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. Резолюция 1386, принятая Советом Безопасности 20 декабря 2001 года // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/708/57/PDF/N0170857.pdf?OpenElement (Дата обращения: 20.11.2016.)

7. Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора // URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm (Дата обращения: 30.10.2016.)

8. Путеводитель по материалам саммита НАТО в Вашингтоне 25 апреля 1999 года. Brussels: NATO Office of inform, 1999. 119 с.

9. Россия – НАТО: 15 лет на пути к партнерству: Материалы Международной конференции / Под общ. ред. И.А. Сафранчука. М.: Аспект Пресс, 2013. 86 с.

10. Совет Россия – НАТО. Досье // ТАСС. 2015. 2 декабря. URL: http://tass.ru/info/2492025 (Дата обращения: 20.11.2016.)

11. Справочник НАТО: Юбилейное издание к пятидесятой годовщине НАТО. Брюссель: Отд. информ. и прессы, 1998–1999. 408 с.

12. Стратегическая концепция 2010 г. «Активное участие, современная оборона» // URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_56626.htm (Дата обращения: 27.11.2016.)

13. Штоль В.В. Армия «нового мирового порядка». М.: ОГИ, 2010. 382 с.

References

Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka / Red. L.I. Balachonova. T. 15. Moscow; Saint-Petersburg: Nauka, 2011. 610 p.

NATO: Al'yans ne nuzhdaetsya v afganskom tranzite // Vedomosti. 2015. 20 maya. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/2015/05/20/nato-alyans-ne-nuzhdaetsya-v-afganskom-tranzite (Data obrashheniya: 14.01.2017.)

Novaya Strategicheskaya koncepciya Soyuza (Soglasovano glavami gosudarstv i pravitel'stv, uchastvuyushhih v sessii Soveta NATO v Rime 7–8 noyabrya 1991 g.) // North Atlantic treaty organization. Bruxelles: Office of inform, [1991]. 18 p.

Novosti NATO 1/2007. Bruxelles: Office of inform, 2007. 15 p.

Novosti NATO 1/2008. Bruxelles: Office of inform, 2008. 19 p.

Organizaciya Ob'edinennyh Nacij. Sovet Bezopasnosti. Rezolyuciya 1386, prinyataya Sovetom Bezopasnosti 20 dekabrya 2001 g. // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/708/57/PDF/N0170857.pdf?OpenElement (Data obrashheniya: 20.11.2016.)

Osnovopolagayushhij akt o vzaimnyh otnosheniyah, sotrudnichestve i bezopasnosti mezhdu Rossijskoj Federaciej i Organizaciej severoatlanticheskogo dogovora // URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm (Data obrashheniya: 30.10.2016.)

Putevoditel' po materialam sammita NATO v Washingtone 25 aprelya 1999 goda. Brussels: NATO Office of inform, 1999. 119 p.

Rossiya – NATO: 15 let na puti k partnerstvu: materialy Mezhdunarodnoj konferencii // Pod obshh. red. I.A. Safranchuka. Moskow: Aspekt Press, 2013. 86 p.

Shtol' V.V. Armiya «novogo mirovogo poryadka». Moscow: OGI, 2010. 382 p.

Sovet Rossiya – NATO. Dos'e // TASS. 2015. 2 dekabrya. URL: http://tass.ru/info/2492025 (Data obrashheniya: 20.11.2016.)

Spravochnik NATO: yubilejnoe izdanie k pyatidesyatoj godovshhine NATO. Brussels: Otd. Inform. i pressy, 1998–1999. 408 p.

Strategicheskaya koncepciya 2010 goda «Aktivnoe uchastie, sovremennaya oborona» // URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_56626.htm (Data obrashheniya: 27.11.2016.)

Д.С. Миронова

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ТРАНСФОРМАЦИИ НАТО

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы трансформации Североатлантического союза на современном этапе. Выявляется причинно-следственная связь между последствиями глобального финансово-экономического кризиса и началом широкой реформы альянса. Автор подчеркивает, что трансформация НАТО представляет собой непрерывный процесс, длящийся более 25 лет, а современный этап этой трансформации стал следствием мирового финансово-экономического кризиса.*

Ключевые слова: *трансформация НАТО, реформа, глобальный финансово-экономический кризис, «Умная оборона», «Сопряженность сил», архитектура НАТО.*

Миронова Дарья Сергеевна – аспирантка ИНИОН РАН.
E-mail: ipdaria@yandex.ru

D.S. Mironova. Transformation of NATO at the Present Stage

Abstract. *The article focuses on the main aspects of NATO transformation at the present stage. The author insists that global financial economic crisis has become an important milestone in the ongoing 25 years long process of NATO adaptation to the new security challenges. The author pays attention to the fact that the consequences of the crisis have forced the allies not only to find necessary resources to maintain the existing level of readiness but also to overcome disparities in capabilities. Thus, the concept of «Smart Defense» and «Connected Forces Initiative» are under consideration in the article. The author underlines that these efforts are a part of broad measures to bolster military readiness and effectiveness of the Alliance. So the reform of NATO architecture is also under consideration in the article.*

Keywords: *NATO transformation, sweeping reform, global financial and economic crisis, «Smart Defense», «Connected Forces», architecture of NATO.*

Mironova Daria Sergeevna – postgraduate student
of the Institute of Scientific Information on Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences. E-mail: ipdaria@yandex.ru

Процесс реформирования НАТО ведется уже более 25 лет. Каждый этап трансформации напрямую связан с адаптацией альянса к тем или иным изменениям, происходящим на международной арене и влияющим на устойчивость системы безопасности в Евро-Атлантике и мире в целом.

Современный этап трансформации НАТО стал следствием глобального финансово-экономического кризиса. Начавшись с финансового кризиса в экономике США, кризис распространился на глобальную финансовую систему и вызвал экономическую рецессию, выявив фундаментальные проблемы как в частном, так и государственном секторах экономики ряда государств. Результатом стало сокращение ВВП и как следствие – сокращение государственных расходов, в особенности на оборону. Значительное сокращение оборонных расходов государствами – членами альянса, наиболее пострадавшими от кризиса, привели к национальным реформам вооруженных сил (ВС) (сокращению их численности, переформированию), переносу или полному отказу от программ закупки и / или разработки новых образцов вооружения.

Глобальный финансово-экономический кризис стал не просто новым вызовом для НАТО, он знаменовал собой изменения во всех сферах ее деятельности: от политической и военной до технической. В связи с этим руководством альянса были предприняты шаги, направленные на продолжение трансформации.

В преддверии саммита НАТО в Лиссабоне в апреле 2010 г. тогдашний генеральный секретарь альянса А. фог Расмуссен выступил с докладом в Бельгийском королевском институте обороны в Брюсселе, отметив, что реформа НАТО жизненно необходима. В своей речи он обозначил шесть направлений оптимизации альянса: «…определение приоритетов, коллективные решения, общее финансирование, специализация, недопущение дублирования и реформа – это все возможности для того, чтобы сделать НАТО более эффективной и чтобы наилучшим образом использовать ограниченные военные ресурсы» [10].

На встрече в верхах в Лиссабоне в ноябре того же года было положено начало процессу реформ в масштабе всей организации [21]. Реформы должны были коснуться каждой политической и военной структуры альянса.

На саммите была принята новая стратегическая концепция, которая обязала НАТО «постоянно меняться в целях повышения своей эффективности, результативности и гибкости» [8]. В ней также было определено ви́дение евро-атлантической безопасности на текущее десятилетие. Положения концепции были развиты во «Всеобъемлющих политических руководящих указаниях», задающих рамки и приоритеты во всех основных вопросах деятельности альянса на среднесрочную перспективу (10–15 лет) [2].

Руководящие указания составили концептуальную основу так называемого «Чикагского оборонного пакета», который содержит в себе ряд как

новых, так и ранее утвержденных инициатив. Последние включают в себя «Лиссабонский пакет первоочередных потребностей НАТО в силах и средствах», определяющий приоритетные направления ее военного развития в соответствии с согласованными объемами бюджетного финансирования. Кроме того, в пакет входит описание реформы структур и процедур НАТО, в частности процесса оборонного планирования [3].

В состав новых инициатив «Чикагского оборонного пакета» вошли «Умная оборона» и «Сопряженность сил». Обе инициативы должны обеспечить реализацию обозначенной на Чикагском саммите НАТО в 2012 г. цели «Силы НАТО – 2020»: «…современные, плотно сопряженные силы, которые оснащены, прошли учебную подготовку и учения и которыми управляют так, чтобы они могли действовать вместе и с партнерами в любой обстановке» [24].

Важно подчеркнуть, что обе инициативы являются лишь частью широкой реформы НАТО. Современная трансформация блока, помимо модернизации сил и средств, предполагает также модернизацию архитектуры альянса:

– реформу комитетов (штаб-квартиры);
– реформу агентств;
– реформу органов военного управления.

Реформа комитетов (штаб-квартиры)

Процесс широкого реформирования НАТО был начат в июне 2010 г. с реформы комитетов. Комитеты представляют собой необходимый элемент процесса принятия решений в НАТО, позволяющий проводить консультации, осуществлять обмен мнениями и принимать решения на основе консенсуса по всему спектру вопросов – от политических до технических и оперативных. Текущая реформа комитетов – третья в истории альянса. Проведение первой реформы штаб-квартиры было связано с началом трансформации альянса в 1990 г., вторая реформа была проведена в 2002 г. в связи с новыми вызовами, возникшими в связи с террористическими атаками 11 сентября 2001 г.

Вопрос о новой реформе штаб-квартиры был поднят во время саммита НАТО в Страсбурге / Келе в апреле 2009 г. Генеральный секретарь А. фог Расмуссен представил отчет о прогрессе в деле этой реформы. Как было указано, предлагаемые изменения предназначены для того, чтобы повысить результативность деятельности альянса, объединить различные направления работы НАТО, сохраняя должным образом роль Военного комитета, а также обеспечить оптимальное использование ресурсов [5].

Первым шагом новой реформы стало упразднение Комитета военного планирования, который был распущен в июне 2010 г. Его функции перешли к Североатлантическому совету, являющемуся главным и единственным

комитетом, учрежденным Вашингтонским договором (ст. 9) [7]. Помимо Североатлантического совета основными комитетами после завершения реформы стали Группа ядерного планирования и Военный комитет. Были сделаны крупные шаги, направленные на интенсификацию процесса обмена информацией, в первую очередь за счет сокращения общего количества комитетов и групп. Были объединены или расформированы подразделения, решающие схожие задачи и выполняющие взаимозаменяемые функции [13].

Согласно реформе, работающие в штаб-квартире НАТО в Монсе Международный секретариат и Международный военный штаб с середины 2012 г. были размещены вместе. Это позволило повысить их координацию, обеспечить последовательный совместный подход к разработке политики альянса и путей ее реализации [21]. Как и предполагалось, полная реорганизация Международного секретариата завершилась в 2017 г., когда он вместе с Международным военным штабом переехал в новую штаб-квартиру.

Реформа агентств

Параллельно с началом реформы штаб-квартиры был запущен процесс реформирования командной структуры альянса и его агентств. Агентства НАТО предоставляют критически важную поддержку Североатлантическому союзу при ведении операций и организации закупок. Вследствие этого их реформа полностью отвечает идеям инициативы «Умная оборона»: повышение оперативной совместимости и рентабельности оборонных потенциалов за счет разумного расходования средств и углубления сотрудничества. Иными словами, задачей реформы стало упрощение структуры агентств при сохранении их эффективности. Консолидация и рационализация агентств была призвана создать большую синергию между аналогичными функциями и повысить подотчетность.

На Лиссабонском саммите НАТО союзники согласовали преобразование 14 агентств НАТО [17], расположенных в семи странах – участницах альянса, в три объединения по программным темам: закупки, материально-техническое обеспечение, связь и информация, научно-технологическая работа. Уже в июле 2012 г. основная часть реформы была выполнена: в соответствии с планом Североатлантический совет создал три новых объединения, интегрировав обязанности бывших агентств [11]:

1. Агентство по связи и информации НАТО (NATO Communications and Information Agency (NCIA)), основной задачей которого является предоставление ИТ-поддержки штаб-квартире, командной структуре и агентствам НАТО.

2. Агентство НАТО по материально-техническому обеспечению и снабжению (NATO Support and Procurement Agency (NSPA))[1]. Деятельность агентства сосредоточена на эффективных и экономичных закупках, осуществлении логистики и обеспечении союзников операционной поддержкой и системным сопровождением.

3. Научно-техническая организация НАТО (The NATO Science and Technology Organization (STO)), которая является основной организацией НАТО по науке и технологическим исследованиям.

В новый состав структуры агентств также вошел Офис НАТО по стандартизации (The NATO Standardization Office (NSO)), образованный в июле 2014 г. путем переименования Агентства НАТО по стандартизации. Изменение названия не отразилось на выполняемых функциях: Офис обеспечивает поддержку, координирует и руководит деятельностью по стандартизации под эгидой Комитета по стандартизации [19].

Реформа была реализована в несколько этапов с целью постепенного достижения более высокого уровня эффективности и сохранения высоких функциональных возможностей – при экономии средств. Оптимизация структуры агентств позволила НАТО сосредоточить внимание на выполняемых функциях. Сокращение количества агентств упростило их взаимодействие, улучшило подотчетность и результативность.

Реформа органов военного управления

Как было отмечено, пересмотру подверглись не только гражданские, но и военные органы альянса. Реформирование командной структуры (органов военного управления) НАТО заняло год. С 1 декабря 2012 г. действует новая, рационализированная структура управления, утвержденная в июне 2011 г. В ходе реформы количество органов военного управления в структуре было сокращено с 11 до семи, а количество постов сократилось на 33% (с 13 000 до 8800) [12].

9 июня 2011 г. заместитель начальника Управления планирования и политики Международного военного штаба бригадный генерал П. Ваутерс выступил с техническим брифингом. Он отметил, что цель реформы – сделать структуру органов военного управления «в большей степени соответствующей своему назначению […] Она сможет противостоять существующим и потенциальным вызовам и создана с перспективой на будущее» [25].

Во время пересмотра структуры учитывались основные функции военного управления, такие как его развитие и трансформация, планирование и про-

1. Нынешнее название агентство получило 1 апреля 2015 г., когда Агентство НАТО по обеспечению было переименовано в Агентство НАТО по обеспечению и закупкам.

ведение операций, военное сотрудничество и действия по обеспечению операций, проводимых альянсом. Кроме этого, был рассмотрен ряд новых задач, вытекающих из Стратегической концепции 2010 г. и из ключевых принципов альянса. В результате реформы создана оптимизированная конфигурация органов военного управления, развито более тесное взаимодействие между штабами НАТО и национальными штабами. Как до, так и после реформы сохранена иерархичность управления – существует три командных уровня: стратегический, оперативный и компонентный (тактический).

Новая структура также в большей мере опирается на национальные силы и средства управления, а также на структуру ОВС (Объединенные вооруженные силы) НАТО. Эта структура включает в себя организационные механизмы, которые соединяют национальные части и подразделения, предоставленные в распоряжение Североатлантического союза.

Помимо трех основных задач НАТО, подчеркнутых в Стратегической концепции 2010 г.: коллективной обороны, кризисного регулирования и безопасности на основе сотрудничества – в реформе органов военного управления также учитывается ряд новых задач и требований. Например, противоракетная оборона и гражданско-военное планирование [21].

Сохранив Командование по операциям и Командование по трансформации, новая структура получила два постоянных штаба ОВС: в Брюнссуме (Нидерланды) и Неаполе (Италия). Их деятельность вновь обрела региональную направленность, и перед штабами были поставлены дополнительные задачи. Впервые каждый штаб ОВС может развертываться на ТВД (театре военных действий) для осуществления командования и управления вплоть до уровня крупномасштабной объединенной операции. Такая способность к развертыванию придает дополнительную гибкость Стратегическому командованию по операциям.

Реформа также предполагает создание Группы по системам связи и информации для обеспечения соответствующих потребностей всей структуры Командования. Эта группа состоит из трех батальонов связи, расположенных в Везеле (Германия), Граццанизе (Италия) и Быдгоше (Польша), дополненных развертываемыми модулями в других точках. Так, 31 марта 2014 г. подобный модуль, ставший 18-м в структуре группы, был торжественно открыт в Хорватии [18], а 9 апреля 2015 г. Народное собрание Болгарии одобрило соглашение о размещении модуля батальона связи на своей территории в Горна Малина [1].

Согласно реформе, созданы три стационарных штаба: сухопутный, военно-морской и штаб военно-воздушного командования. Стоит отметить, что на военно-воздушное командование возложена дополнительная задача по противоракетной обороне. В связи с этим оно было усилено элементами компо-

нентного (тактического) уровня: два многонациональных и один развертываемый центры управления действиями авиации.

Командование ВВС в Рамштейне решает три основные задачи:

1) патрулирование воздушного пространства и повседневная деятельность, например защита от потенциальных агрессоров;

2) командование операциями ВВС, такими как, например, операция в Ливии;

3) управление действиями авиации, которые состоят в исполнении и проведении операций.

За решение первой и второй задач отвечают стационарные центры операции многонациональных центров управления действиями авиации. Развертываемые центры операций ВВС решают третью задачу.

Ударная группировка НАТО, Силы воздушного дальнего радиолокационного обнаружения и управления и Система наблюдения за наземной обстановкой, представляют собой многонациональные структуры и не являются частью структуры командной. Однако они могут использоваться альянсом – и в этом случае подчиняются решениям Стратегического командования по операциям. В соответствии с реформой Ударная группировка НАТО, которая занимается военно-морскими операциями, была переведена из Италии в Португалию.

Реформа военной структуры альянса коснулась, прежде всего, Стратегического командования по операциям. Что касается изменений в структуре Стратегического командования по трансформации, то в результате реформы, проведенной в июне 2011 г., командование укрепило связи с национальными штабами и центрами передового опыта, а также в целом со структурой ОВС НАТО. Единственным существенным изменением в организационной структуре стало то, что Центр подводных исследований как организационная единица, тесно связанная с исследовательской работой, перешел в структуру агентств Североатлантического союза.

Как видно из представленных данных, реформирование гражданских и военных органов управления, иными словами, институциональной структуры Североатлантического союза, позволило создать стройную архитектуру, где все ее элементы тесно связаны друг с другом, обеспечивается четкое распределение обязанностей, исключающее дублирование функций. Это, в свою очередь, существенно упрощает процессы управления и реализации поставленных задач. В этой связи важным аспектом стала необходимость реформирования процесса обеспечения НАТО силами и средствами.

Реформа сил и средств

По словам А. фог Расмуссена, сказанным в 2011 г., «фундаментальным вызовом, с которым сталкивается Европа и Альянс в целом, является возможность превращения экономического кризиса в кризис безопасности» [20, p. 4]. Событием, продемонстрировавшим эту опасность, стала ливийская кампания. Она выявила проблему зависимости европейских союзников от американских сил и средств. Несмотря на то что европейские союзники гарантировали около 90% артиллерийско-технического снабжения во время ливийской кампании, наведение, разведку и дозаправку в большей степени обеспечивали США. В ситуации, когда запасы союзников были исчерпаны, но существовала необходимость продолжить воздушную операцию, США взяли на себя поставку высокоточных управляемых боеприпасов [15, p. 40].

Это привело к еще большим опасениям относительно того, что НАТО может превратиться в двухуровневую систему, где США будут предоставлять гарантии безопасности европейским союзникам, а те, в свою очередь, ограничат круг своих обязанностей в НАТО гуманитарными и миротворческими вопросами. В этой связи А. фог Расмуссен предложил подход, основанный на объединении усилий партнеров по обеспечению альянса силами и средствами [20, p. 5].

Стоит отметить, что такая идея не является новой. Начиная с 1990-х годов было приложено достаточно много усилий для продвижения идеи объединения и совместного использования сил и средств (pooling and sharing) союзников. Однако предыдущие попытки объединения – среди которых можно упомянуть Развертываемую тактическую авиационную группу стран Бенилюкса (Deployable Air Task Force (DATF)), Стратегическую переброску войск и грузов (Strategic Airlift Capability (SAC)), Программу раннего предупреждения и контроля в воздухе НАТО (NATO Airborne Early Warning and Control (NAEW&C) program), войска специального назначения НАТО [16] – не имели продолжительного успеха. Тем не менее они стали необходимым базисом для развития идеи сотрудничества в обеспечении НАТО силами и средствами в период ограниченных государственных бюджетов и снижения расходов на оборону.

Предложенная Расмуссеном «Умная оборона» предполагает не только коллективный подход к решению проблемы недостатка средств, но – в условиях «оборонных мер экономии» – способствует оборонной интеграции союзников. Она нацелена на более эффективное использование ресурсов вместе с усиленным международным сотрудничеством; предполагается согласование общих потребностей с национальными интересами.

«Умная оборона» имеет три основополагающих элемента:

– определение приоритетного инвестирования (приоритетизация);

– обязательство совместного использования сил и средств в целях развития военного потенциала союзников (сотрудничество);

– координация деятельности государств, специализирующихся в той или иной области (специализация).

В соответствии с этими принципами союзникам было предложено отказаться от ненужного оборудования и вооружения и объединить усилия по реагированию на вызовы безопасности и инвестициям в основные силы и средства [22]. К настоящему моменту в рамках инициативы «Умная оборона» утверждено и реализуется более 30 проектов и программ, шесть проектов были успешно выполнены и закрыты. Среди реализуемых в настоящее время многонациональных проектов и программ можно выделить следующие [16]:

1) создание системы противоракетной обороны НАТО (NATO's Missile Defence capability);

2) создание системы наблюдения за наземной обстановкой (Alliance Ground Surveillance programme (AGS));

3) патрулирование воздушного пространства стран – участниц НАТО (NATO Air Policing);

4) объединенная система разведки и наблюдения (Joint Intelligence, Surveillance and Reconnaissance (JIRS)).

Четвертая программа нацелена на расширение возможностей государств и органов управления ОВС НАТО по обмену разведывательными данными в рамках существующих многонациональных программ (AWACS[2], AGS), а также по совместной подготовке специалистов в области ведения разведки и обмена данными. Именно такие цели позволяют ей играть ключевую роль в обеспечении оперативности принимаемых в НАТО решений.

Проекты и программы «Умной обороны» подчиняются общей идее экономии в условиях бюджетных ограничений и нарастания напряженности в мире. Обеспечение силами и средствами союзников в такой обстановке является жизненно необходимым условием проведения различного рода операций и выполнения миссии альянса по гарантии безопасности в Евро-Атлантике и за ее пределами. Таким образом, «Умная оборона» призвана модернизировать процесс обеспечения ОВС НАТО силами и средствами и в конечном счете модернизировать сами ВС.

Инициатива «Сопряженность сил» вместе с «Умной обороной» являются составными частями процесса реформирования ВС альянса «Силы НАТО – 2020». «Сопряженность сил» предполагает наращивание возможностей воинских формирований стран – участниц НАТО и государств-партнеров. Данная инициатива предполагает совершенствование системы подготовки военно-

2. Программа дальнего радиолокационного обнаружения и управления авиацией (Airborne Warning and Control System (AWACS)).

служащих альянса и государств-партнеров, увеличение количества совместных мероприятий по боевой и оперативной подготовке войск. Кроме того, предусматривается внедрение новых технологий, обеспечивающих совместимость используемых различными странами образцов вооружения и военной техники [14].

Одной из основных целей инициативы «Сопряженность сил» является оперативная совместимость, для которой необходимо объединение потенциалов союзников под единым командованием. В феврале 2013 г. министры обороны стран НАТО одобрили планы по усилению сотрудничества в рамках программы учений альянса. Для повышения уровня оперативной совместимости членам союза было предложено проводить национальные учения совместно с партнерами. Также было решено усилить роль Сил реагирования НАТО после завершения миссии в Афганистане. В ноябре того же года были проведены крупнейшие с 2006 г. учения НАТО по сценарию коллективной обороны «Стедфаст джаз» («Steadfast Jazz»).

Осуществленные мероприятия послужили основой для разработки Плана по обеспечению готовности, который был принят на Уэльском саммите НАТО в 2014 г. На этом саммите также был одобрен пакет мер в рамках инициативы, куда вошли следующие элементы [14]:

– обновленная политика НАТО в области образования, учений и развития;

– широкая программа учений НАТО на период 2015–2020 гг.;

– программа основных учений НАТО с 2016 г.;

– крупнейшие учения НАТО «Трайдент джанкчер-2015» («TridentJuncture 2015»);

– дальнейшее развитие технологических аспектов инициативы «Сопряженность сил»;

– поддержка Командования сил специальных операций под оперативным командованием Верховного главнокомандующего ОВС НАТО в Европе.

В целом стоит отметить, что Уэльский саммит, проходивший под знаком «украинского кризиса», стал новой вехой в развитии альянса. Он обозначил сдвиг концепции коллективной безопасности в сторону коллективной обороны. События, имевшие место на восточных границах европейских членов НАТО, стали свидетельством возросшей вероятности конвенциальной войны в Европе, что не могло не сказаться на приоритетах развития альянса на кратко- и среднесрочную перспективу.

Главные задачи альянса – наращивание потенциала европейских (в частности, восточноевропейских) союзников, увеличение ассигнований на оборону, а также необходимость повышения потенциала кибернетической защиты.

Спустя два года после саммита в Уэльсе альянсу удалось не просто значительно продвинуться в реализации отмеченного выше пакета мер, но и

выполнить его, что было отмечено в итоговой декларации саммита НАТО в Варшаве. В частности, в рамках усилий по повышению оперативной готовности была увеличена численность Сил реагирования – до 40 тыс. военнослужащих. Кроме того, создана Объединенная оперативная группа повышенной готовности, представляющая собой новые объединенные силы НАТО, способные развернуться – в частности, на периферии территории альянса – в течение 48 часов. Кроме того, начали свою работу восемь многонациональных подразделений по интеграции сил[3]. Их задача – оказание содействия в учебной подготовке сил Североатлантического союза и принятие подкреплений, когда это может потребоваться.

К лету 2016 г. был готов к работе Штаб многонационального корпуса «Северо-восток», расположенный в Польше, и создан Штаб многонациональной дивизии «Юго-восток» в Румынии. Их задача состоит в управлении подразделениями по интеграции сил НАТО и обеспечении гибких вариантов управления в своих регионах [6].

Генеральным секретарем также было подчеркнуто, что 2015 год стал первым годом с начала финансового кризиса, когда удалось преломить тенденцию сокращения оборонных расходов союзников.

Размещение элементов военной инфраструктуры НАТО вдоль российской границы, а также декларирование борьбы с «гибридными угрозами», исходящими, по мнению альянса, из России, так же как и Крымский кризис, способствовали новому витку напряженности в отношениях между Россией и Североатлантическим союзом. За период с 2010 г., когда было объявлено о «перезагрузке» отношений между Россией и Западом и построении стратегического партнерства, стороны превратились друг для друга из «стратегических партнеров» в «стратегических соперников», в связи с чем модернизация сил и средств альянса приобрела новый импульс и динамику. Меры по гарантии безопасности, предусмотренные Планом, позволили обеспечить непрерывное военное присутствие и деятельность в восточной части альянса, осуществляемые на ротационной основе.

Очевидно, что последствия кризиса, из которого до сих пор окончательно не вышли страны Европы, будут еще долго определять направленность принимаемых Североатлантическим союзом решений. Широкая реформа НАТО должна, согласно принятым документам, позволить альянсу реагировать на различные современные вызовы: от транснациональных угроз различного характера до региональных проблем, включая возникновение нестабильности в различных странах и регионах мира.

3. В Софии (Болгария), Таллине (Эстония), Риге (Латвия), Вильнюсе (Литва), Быдгоше (Польша), Бухаресте (Румыния), Секешфехерваре (Венгрия) и Братиславе (Словакия).

Библиография

1. Болгарские депутаты одобрили размещение в стране Коммуникационного информационного центра НАТО. 2015. URL: http://rus.bg/obschestvo/89-obschestvo/11731-bolgarskie-deputaty-odobrili-razmeschenie-v-strane-kommunikatsionnogo-informatsionnogo-tsentra-nato (Дата обращения: 10.04.2015.)

2. Всеобъемлющие политические руководящие указания. 2010. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_49176.htm (Дата обращения: 05.12.2010.)

3. Годовой отчет Генерального секретаря. 2012. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_94220.htm (Дата обращения: 02.03.2016.)

4. Заявление Генерального секретаря НАТО о реформе агентств и структуры органов военного управления. 2011. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/news_75280.htm?SelectedLocale=ru (Дата обращения: 02.03.2013.)

5. Заявление по итогам встречи в верхах в Страсбурге / Келе. 2009. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_52837.htm (Дата обращения: 03.05.2009.)

6. Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Варшаве. 2016. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm?selectedLocale=ru (Дата обращения: 15.07.2016.)

7. Североатлантический договор. 1949. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm (Дата обращения: 15.10.2009.)

8. Стратегическая концепция: Активное участие, современная оборона. 2010. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_68580.htm (Дата обращения: 15.10.2011.)

9. 2014 RPPB Annual Report – Executive Summary. 2015. URL: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2015_09/20150904_150724-AC_335-N_2015_0056_ENG_NHQ D11401.pdf (Accessed: 24.08.2015.)

10. Address by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen at the Belgian Royal High Institute for Defence. 2011. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_62923.htm?selected Locale=ru (Accessed: 26.05.2014.)

11. Background on Agency Reform. Brussels, Belgium: NATO PDD, 2011.

12. Background on NATO Command Structure Review. Brussels, Belgium: NATO PDD, 2011.

13. Committies (Last update: 05.11.2015). URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49174.htm (Accessed: 10.11.2015.)

14. Connected Forces Initiative (Last update: 31.08.2015). URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_98527.htm?selectedLocale=en# (Accessed: 16.09.2015.)

15. Johnson P., La Benz T., Driver D. Smart Defense: Brave New Approach or Déjà vu? // Naval College Review. 2013. Vol. 66. N 3. P. 38–51.

16. Multinational Projects. Brussels, Belgium: NATO PDD, 2014.

17. NATO Agencies before Reform. 2011. URL: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2011_06/20110630_110630-nato-agencies-old.pdf (Accessed: 23.07.2013.)

18. NATO CIS Group Adds New Unit in Croatia. 2014. URL: http://www.shape.nato.int/nato-cis-group-adds-new-unit-in-croatia (Accessed: 08.06.2015.)

19. NATO Standardization Office: Background. URL: http://nso.nato.int/nso/nso_background.html (Accessed: 24.04.2015.)

20. Rasmussen, A.F. NATO after Libya: The Atlantic Alliance in Austere Times // Foreign Affairs. July / August 2011. Vol. 90. P. 2–6.

21. Secretary General's Annual Report. 2011. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_82646.htm (Accessed: 04.04.2012.)

22. Smart Defence (Last update: 01 September 2015). URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_84268.htm? (Accessed: 16.09.2015.)

23. Strategic Military Command Structures before Reform: Allied Command Operations. 2011. URL: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2011_09/20110921_aco-pre-reform-struct.pdf (Accessed: 02.06.2014.)

24. Summit Declaration on Defence Capabilities: Toward NATO Forces 2020 (Last updated 21 May 2012). URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_87594.htm?selectedLocale=en (Accessed: 17.07.2014.)

25. Technical background briefing on NATO Command Structure by Brigadier General Patrick Wouters, Deputy Director Plans and Policy Division, International Military Staff (IMS). 2011. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_75353.htm?selectedLocale=en (Accessed: 14.05.2015.)

References

Address by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen at the Belgian Royal High Institute for Defence. 2011. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_62923.htm?selected Locale=ru (Accessed: 26.05.2014.)

Background on Agency Reform. Brussels, Belgium: NATO PDD, 2011.

Background on NATO Command Structure Review. Brussels, Belgium: NATO PDD, 2011.

Bolgarskie deputaty odobrili razmeshchenie v strane Kommunikatsionnogo informatsionnogo tsentra NATO. 2015. URL: http://rus.bg/obschestvo/89-obschestvo/11731-bolgarskie-deputaty-odobrili-razmeschenie-v-strane-kommunikatsionnogo-informatsionnogo-tsentra-nato, (Data obrasheniya: 10.04.2015.)

2014 RPPB Annual Report – Executive Summary. 2015. URL: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2015_09/20150904_150724-AC_335-N_2015_0056_ENG_NHQ D11401.pdf (Accessed: 24.08.2015.)

Committies (Last update: 05.11.2015). URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49174.htm (Accessed: 10.11.2015.)

Connected Forces Initiative (Last update: 31.08.2015). URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_98527.htm?selectedLocale=en# (Accessed: 16.09.2015.)

Godovoi otchet General'nogo sekretarya. 2012. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_94220.htm (Data obrasheniya: 02.02.2016.)

Johnson P., La Benz T., Driver D. Smart Defense: Brave New Approach or Déjà vu? // Naval College Review. 2013. Vol. 66, N 3. P. 38–51.

Multinational Projects. Brussels, Belgium: NATO PDD, 2014.

NATO Agencies before Reform. 2011. URL: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2011_06/20110630_110630-nato-agencies-old.pdf (Accessed: 23.07.2013.)

NATO CIS Group Adds New Unit in Croatia. 2014. URL: http://www.shape.nato.int/nato-cis-group-adds-new-unit-in-croatia (Accessed: 08.06.2015.)

NATO Standardization Office: Background. URL: http://nso.nato.int/nso/nso_background.html (Accessed: 24.04.2015.)

Rasmussen, A.F. NATO after Libya: The Atlantic Alliance in Austere Times // Foreign Affairs. July / August 2011. Vol. 90. P. 2–6.

Secretary General's Annual Report. 2011. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_82646.htm (Accessed: 04.04.2012.)

Severoatlanticheskii dogovor. 1949. URL: nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm (Data obrasheniya: 15.10.2009.)

Smart Defence (Last update: 01 September 2015). URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_84268.htm? (Accessed: 16.09.2015.)

Strategic Military Command Structures before Reform: Allied Command Operations. 2011. URL: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2011_09/20110921_aco-pre-reform-struct.pdf (Accessed: 02.06.2014.)

Strategicheskaya kontseptsiya: Aktivno euchastie, sovremennaya oborona. 2010. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_68580.htm (Data obrasheniya: 15.10.2011.)

Summit Declaration on Defence Capabilities: Toward NATO Forces 2020 (Last updated 21 May 2012). URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_87594.htm?selectedLocale=en (Accessed: 17.07.2014.)

Technical background briefing on NATO Command Structure by Brigadier General Patrick Wouters, Deputy Director Plans and Policy Division, International Military Staff (IMS). 2011. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_75353.htm?selectedLocale=en (Accessed: 14.05.2015.)

Vseob'emlyushchie politicheskie rukovodyashchie ukazaniya. 2010. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_49176.htm, (Data obrasheniya: 05.12.2010.)

Zayavlenie general'nogo sekretarya NATO o reforme agentstv i struktury organov voennogo upravleniya. 2011. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/news_75280.htm?selectedLocale=ru (Data obrasheniya: 02.03.2013.)

Zayavlenie po itogam vstrechi na vyschem urovne v Varshave. 2016. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm?selectedLocale=ru (Data obrasheniya: 15.07.2016.)

Zayavlenie po itogam vstrechi v verkhakh v Strasburge / Kele. 2009. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_52837.htm (Data obrasheniya: 03.03.2009.)

М.М. Бороденко

ВСТРЕЧА НА БЕРЕГАХ ДУНАЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-ВЕНГЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. *В статье анализируются текущее положение, проблемы и перспективы торгово-экономических и политических отношений между Россией и Венгрией, а также итоги поездки Президента России В.В. Путина в венгерскую столицу и его переговоров с премьер-министром Венгрии Виктором Орбаном 2 февраля 2017 г. Автор приходит к выводу о большом политическом и экономическом потенциале в развитии двусторонних отношений.*

Ключевые слова: *Россия, Венгрия, санкции, энергетика, газопроводы, инвестиции, торгово-экономические отношения.*

Бороденко Максим Максимович – младший научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института экономики РАН. E-mail: borodenko_max@mail.ru

M.M. Borodenko. Meeting on the Danube: Problems and Prospects of Russian-Hungarian Relations

Abstract. *The article analyzes the current situation, problems and prospects of commercial, economic and political relations between Russia and Hungary, the results of the visit of the President of Russia Vladimir Putin to Budapest and his talks with Viktor Orban, the Prime Minister of Hungary, on February 2, 2017. The author speaks about the great political and economic potential in developing bilateral relations.*

Keywords: *Russia, Hungary, sanctions, energetics, gas pipelines, investments, commercial and economic relations.*

Borodenko Maxim Maximovich – junior research fellow of the Center of the post-Soviet studies of the Institute of Economy of the Russian Academy of Sciences. E-mail: borodenko_max@mail.ru

Визит российского президента в Венгрию в феврале 2017 г. вызвал большой резонанс в европейских и в российских СМИ. Это понятно,

поскольку Венгрия, относительно небольшая по своей площади и населению, в последние годы является государством, которое пытается проводить независимую от Брюсселя внутреннюю и внешнюю политику, за что руководство страны постоянно подвергается критике с разных сторон. Главным объектом «нелюбви» со стороны Брюсселя является премьер-министр страны Виктор Орбан.

«Белая ворона Европы»

Свое «второе пришествие» на пост премьер-министра страны в 2010 г. (его первая каденция была с июля 1998 по май 2002 г.) Орбан начал с важного шага – добился принятия новой Конституции страны. Новый Основной закон Венгрии вступил в силу в апреле 2011 г. В новом тексте Конституции были прописаны некоторые положения, которые не нравились европейским чиновникам, так как они не соответствовали взглядам брюссельской элиты.

Так, к примеру, в пункте 1 статьи L сказано, что «Венгрия защищает институт брака как добровольно установленные супружеские отношения между мужчиной и женщиной, а также семью, как основу сохранения нации», что исключает заключение однополых браков в этой стране [11]. В статье II говорится, что «человеческое достоинство неприкосновенно. Каждый имеет право на жизнь и человеческое достоинство, жизнь зародыша защищается с момента зачатия», что подразумевает запрет на проведение абортов [там же]. Эти и некоторые другие положения новой конституции стали причиной обвинений Орбана в нетерпимости, диктаторстве, ущемлении прав различных меньшинств и т.д.

Венгрия понесла существенные экономические потери в результате экономического кризиса 2008–2009 гг. [7]. Поэтому правительство Орбана начало проводить новую экономическую политику, которая заключалась в максимально возможной поддержке национального производителя, и иногда открыто дискриминационном отношении к иностранным компаниям, банкам и капиталу. Эти действия вызвали новую, более серьезную волну критики в адрес венгерского правительства. Еще больше отношения между Будапештом и Брюсселем разладились во время третьей каденции Орбана после выборов 2014 г. Причина тому – изменение политической ситуации в самой Европе и в мире.

После начала украинского кризиса весной 2014 г. и введения антироссийских санкций Будапешт постоянно заявлял об их контрпродуктивности и выступал против их введения (по словам министра иностранных дел страны Петера Сийярто, Венгрия не голосовала против их введения и продления, дабы не разрушать единство Европы [4]). Риторика официальных венгерских властей была мягче и миролюбивей, чем риторика других европейских

чиновников, а регулярные встречи и контакты на высшем уровне между Венгрией и Россией как минимум остались на прежнем уровне.

Еще более острые дискуссии между Будапештом и Брюсселем вызвала тема беженцев и принудительных квот, навязываемых Евросоюзом. Орбан выступает категорически против введения квот в своем государстве и всеми силами пытается заблокировать решение Еврокомиссии на законодательном уровне.

Первой попыткой сделать это был проведенный в начале октября 2014 г. референдум. Избирателям предстояло ответить «да» или «нет» на вопрос «Хотите ли вы, чтобы Европейский союз имел право в обязательном порядке переселять лиц, не являющихся гражданами Венгрии, в Венгрию даже без одобрения Национального собрания (парламента страны)?». Свое «нет» сказали около 98% проголосовавших. Однако их мнение не было учтено: явка на референдум составила 43% при необходимых 50% [2].

На этом премьер-министр страны не остановился и заявил, что будет добиваться принятия поправок в Конституцию страны, согласно которым Еврокомиссия не сможет принудительно расселять иностранных граждан в стране без согласия Национального собрания [9]. Это вопрос рассматривался парламентом в ноябре 2016 г., и здесь Орбану поразительным образом не повезло. За внесение поправок проголосовали 131 депутат, при необходимых 133 голосах [12].

Политика венгерских властей по вопросу миграционного кризиса многократно подвергалась жесткой критике со стороны чиновников из Брюсселя и из других стран Евросоюза. Дальше всех в этом плане зашел глава МИДа Люксембурга Жан Ассельборн, который в сентябре прошлого года заявил, что Венгрия должна быть временно или навсегда исключена из Евросоюза [5]. «Мы не можем принять то, что повсеместно нарушаются ценности Евросоюза. Такая страна, как Венгрия, которая строит заграждения против беженцев, спасающихся от войны, ограничивает свободу слова и независимость судебной системы, должна быть временно или навсегда исключена из ЕС», – заявил он. Ассельборн добавил, что исключение Венгрии – единственная возможность сохранить ценности и единство Европейского союза [5].

Словно в подтверждение его слов в октябре прошлого года была закрыта самая популярная оппозиционная венгерская газета «Непсабадшаг». Это издание считалось рупором либеральной оппозиции. После ее закрытия венгерские оппозиционеры и некоторые еврочиновники опять-таки обвиняли Орбана в ограничении свободы слова.

Таким образом, на фоне всех последних семи лет пребывания во власти, венгерский премьер находился под постоянным давлением Евросоюза.

Отношения с Соединенными Штатами развивались в подобном ключе. Орбан периодически подвергался критике со стороны Вашингтона и не был

желанным гостем в Белом доме. В конце января 2017 г. министр иностранных дел и внешней торговли Венгрии Петер Сийярто обвинил предыдущую американскую администрацию в навязывании демократии [13]. Он заявил, что во время его первого визита в США чиновник Госдепа вручил ему некий неофициальный документ. В этом документе «на двух страницах были изложены меры, которые венгерскому правительству следует принять для улучшения политических отношений Будапешта с Вашингтоном». При этом речь шла не о двусторонних отношениях, а о сугубо внутренних венгерских делах, например о принятии определенных законов и постановлений [13].

Учитывая, что Венгрия не выполнила требования Госдепа, отношения между Будапештом и Вашингтоном также стагнировали. Петер Сийярто охарактеризовал уровень отношений между двумя странами как беспрецедентно низкий.

24 ноября 2016 г. Орбан позвонил новоизбранному президенту США Дональду Трапму с поздравлением в связи с победой на выборах. По словам венгерского премьера, он сказал, что не был в Америке уже на протяжении долгого времени, так как имел там репутацию «белой вороны». После всех вышеперечисленных событий можно сказать, что среди части европейской элиты у него сложилась примерно такая же репутация.

Сплошные заблуждения

Немного найдется средств массовой информации, которые не писали бы о «пророссийскости» венгерского премьера. Причем это касается как российских, так и европейских СМИ.

Но чтобы рассеять эти иллюзии достаточно посмотреть на биографию Виктора Орбана. По словам некоторых политологов, в период 1988 и 2009 гг. Орбан был, вероятно, самым антироссийским политиком в регионе.

Свое первое публичное выступление нынешний премьер-министр Венгрии провел 16 июня 1989 г. во время церемонии перезахоронения Имре Надя и других венгерских политиков, казненных в 1958 г. Во время своей речи он требовал вывести российские (а не советские) войска из страны. Кроме того, он говорил о Российской (а не советской) империи.

После своего первого избрания на пост премьер-министра страны в 1998 г. Орбан продолжал свою антироссийскую риторику и не стремился поддерживать с Москвой нормальные отношения. Он всеми силами препятствовал участию российских компаний в приватизации венгерских предприятий, и именно на его первое премьерство пришелся кризис, связанный с запретом на транзит российского гуманитарного груза для Косова и закрытием воздушного пространства для самолетов с российскими миротворцами [6]. Этот период можно назвать дном российско-венгерских отношений.

На прошедших в 2002 и в 2006 гг. парламентских выборах партия «ФИДЕС – гражданский союз» потерпела поражение, и Орбан ушел в оппозицию. Он критиковал внешнюю политику правительства Венгерской социалистической партии (ВСП), так как, по его мнению, она была пророссийской. Он заявлял, что Венгрии угрожает возврат в сферу влияния России, обвинял ВСП в «прогазпромовской» политике и говорил, что эта политика подвергает опасности реализацию проекта строительства газопровода Nabucco – из Туркмении и Азербайджана в страны ЕС. Он также заявлял, что российско-венгерское энергетическое сотрудничество необходимо минимизировать [6].

Учитывая все эти обстоятельства, сложно назвать Орбана пророссийским политиком и большим другом России.

Резкий поворот на Восток

Риторика и политика Орбана кардинальным образом изменились после парламентских выборов 2010 г., когда его партия одержала уверенную победу, получив – впервые в новейшей истории Венгрии – 2/3 мест в венгерском парламенте. А сам Орбан вновь получил пост премьер-министра страны. Он объявил о начале новой политики под лозунгом «открытие на Восток». Правда, при этом он уточнял, что это касается только экономики и торговли.

В первую очередь, вопреки более ранним заявлениям Орбана, сотрудничество России и Венгрии в сфере энергетики серьезно расширилось. Это сотрудничество сегодня является основой торгово-экономических отношений двух стран. Три четверти потребляемой нефти и 60% газа Венгрия закупает в России [3].

Без проведения тендера российским компаниям был предложен контракт на модернизацию и расширение атомной электростанции «Пакш». Стоимость проекта оценивается в 12 млрд евро, из которых 10 млрд евро Россия предоставит Венгрии в виде льготного государственного кредита сроком на 30 лет [14]. Это крупнейший инвестиционный проект в Венгрии с момента вступления страны в Евросоюз в мае 2004 г. Контракт встретил сопротивление Еврокомиссии, которая усмотрела в нем нарушение принципа конкуренции. Кроме того (что более важно), Еврокомиссию не устраивал механизм финансирования контракта – а именно тот факт, что главным спонсором строительства выступает Россия.

Другим важным шагом в развитии экономических отношений с Россией стало согласие Венгрии на строительство газопровода «Южный поток». Весной 2014 г. Орбан заявил, что альтернативы этому газопроводу нет и что он должен быть построен. В ноябре того же года Национальное собрание одобрило реализацию этого проекта на законодательном уровне. После закрытия

«Южного потока» и начала переговоров о строительстве «Турецкого потока» Будапешт заявил, что поддержит строительство и этого газопровода.

Подобное изменение в риторике и политике Орбана можно объяснить прагматизмом главы государства. Энергетика – один из ключевых вопросов безопасности любой страны и премьер стремится обеспечить ее любым путем.

Атомная электростанция «Пакш» была построена в 1982 г. по советским технологиям. Поэтому вполне логично, что контракт на модернизацию и на расширение данной АЭС был предложен именно России, поскольку с этими технологиями лучше всех знакомы российские специалисты.

Свою позицию по строительству «Южного / Турецкого потока» Орбан ясно объяснил во время итоговой пресс-конференции после встречи с Путиным 2 февраля 2017 г. Он сказал, что Венгрия всегда выступала за диверсификацию путей поставок газа, но то, что было важно для его страны, не было поддержано Евросоюзом. Также он упомянул о том, что Венгрия построила необходимую инфраструктуру для получения газа с юга, с территории Румынии и Хорватии. Однако эти страны не поддержали инициативу Будапешта [1]. Москва же дает Венгрии 100%-ную гарантию удовлетворения ее потребностей в газе. Кроме того, Москва гарантирует выполнение своих обязательств по контракту.

На протяжении последних семи лет делались попытки наладить торгово-экономическое сотрудничество двух стран и в других сферах. Заинтересованность венгерской стороны в этом вопросе также понятна: российский рынок – один из крупнейших в мире. Особенно он был интересен венгерским сельхозпроизводителям, фармацевтическим компаниям и др. Но взаимные санкции России и Евросоюза нанесли серьезный ущерб попыткам установить прочные торгово-экономические связи между двумя странами.

Кардинальные изменения произошли и в политической плоскости. Высказывания Орбана в адрес Москвы стали значительно мягче, а критики в последнее время практически не слышно.

Другая особенность двусторонних политических отношений последних лет – это регулярные встречи лидеров двух стран.

О чем договорились?

2 февраля этого года состоялась уже седьмая за семь лет премьерства Орбана встреча глав государств. Визит Путина в Будапешт проходил в период важных политических изменений в Европе и мире, во время продолжающейся конфронтации между Россией и странами Запада.

Среди этих изменений главным – по важности последствий для всего Евросоюза – является Brexit. Немаловажен для Венгрии и приход к власти

в США Дональда Трампа. После того как в администрации США произошли серьезные изменения, Будапешт может вздохнуть спокойнее: давления станет меньше. Еще один важный фактор – рост популярности правых и консервативных политиков, партий и идей в Европе. Правящая партия ФИДЕС – правоконсервативная партия. Это обстоятельство может ослабить позиции нынешних либеральных элит, а венгерские власти могут найти единомышленников в других странах Евросоюза. Как заявил Виктор Орбан на итоговой пресс-конференции после встречи с Владимиром Путиным, изменения, происходящие сегодня в мире, создают благодатную почву для будущего развития европейско-российского и российско-венгерского сотрудничества.

Эти все факторы лишь повышали значимость визита Путина в Будапешт.

Во время встречи, по словам лидеров государств, обсуждался широкий спектр вопросов.

В политической плоскости лидеры говорили о глобальных проблемах – прежде всего о Сирии и об Украине. Конечно, Венгрия не может помочь в решении этих проблем, о чем открыто сказал премьер-министр. Однако разрешение обоих конфликтов в интересах Будапешта. В случае с Сирией Венгрия страдает от постоянного притока беженцев, которые пытаются использовать ее территорию как транзитную в другие европейские страны (прежде всего, в Германию). По словам Орбана, был поднят вопрос введения миротворцев в Сирию. Будапешт готов отправить миротворцев, но исключительно для защиты христианского населения.

Нестабильность и продолжение войны на Украине Будапешту тоже не нужны, так как Венгрия является соседом этой страны. Украина является ключевым транзитером российского газа для этой страны, и неспокойная обстановка на Украине может напрямую повлиять на поставки голубого топлива для Венгрии.

Кроме того, мир на Украине будет способствовать развитию панъевропейской транспортной инфраструктуры, по которой можно было бы поставлять грузы и автомобильным, и железнодорожным транспортом с Запада на Восток и наоборот. Когда ранее обсуждалась идея создания такого транспортного коридора, Венгрия рассматривалась как потенциальный участник этого проекта. Однако пока военно-политический кризис на Украине продолжается, эта идея не может быть воплощена в жизнь.

Следует также отметить, что официальный Будапешт беспокоится за положение венгерского национального меньшинства, проживающего в Закарпатье.

Орбан на встрече с Путиным заявил, что единственный путь разрешения украинского кризиса – реализация Минских соглашений, позволяющих не только урегулировать ситуацию на Донбассе, но и предоставить демократические права национальным меньшинствам, что Венгрия сделает всё, что в ее силах, для установления мира на Украине.

Во время встречи двух лидеров было подписано несколько документов. Во-первых, это комплексная программа регионального сотрудничества на 2017–2022 гг. Торгово-экономическая кооперация между двумя странами на региональном уровне постепенно развивается – на сегодняшний день со всеми 19 регионами Венгрии уже сотрудничают более 50 субъектов Российской Федерации. Была достигнута договоренность об открытии консульства Венгрии в Казани.

Также был подписан план консультаций на уровне министерств иностранных дел на 2017 г.

Но как заявили оба лидера, в центре внимания стояли экономические вопросы. Из-за взаимных санкций, падения цен на энергоносители и других факторов товарооборот между двумя странами в последние годы стабильно снижается.

Пик объемов товарооборота был зафиксирован в 2008 г. и составил 12,9 млрд долл. Затем в 2009 г. этот показатель упал практически в 2 раза из-за мирового финансового кризиса. Затем, с 2009 по 2011 г., товарооборот стабильно рос, и в 2011 г. он составил 11 млрд долл. Начиная с 2012 г. наблюдается стабильное падение объемов товарооборота. Если в 2012 г. он был равен 9,8 млрд долл., то в 2013 – 9,2, в 2014 – 7,9, в 2015 г. – 4,7, а за 11 месяцев 2016 г. 3,8 млрд долл. За пять лет показатель сократился в 3 раза.

Объем российского экспорта – за счет экспорта энергоносителей, который является главной составляющей взаимной торговли – постоянно превышает объем импорта венгерских товаров. Общий показатель товарооборота во многом зависит от показателя экспорта российских товаров в Венгрию. В 2009 г. наблюдался спад, связанный с мировым финансовым кризисом, и выручка от продажи российской продукции в Венгрию снизилась почти в 3 раза – с 9,2 до 3,8 млрд долл. С 2009 по 2011 г. динамика была положительная, и показатель вырос в 2 раза – с 3,8 млрд долл. до 7,6 млрд долл. Но с 2011 по 2016 г. наблюдается стабильный спад. В 2012 г. показатель снизился до 6,7 млрд долл., в 2013 – до 6,2, в 2014 г. – до 5,1, в 2015 – до 3 и до 2,3 млрд долл. – за 11 месяцев 2016 г.

Этот спад можно объяснить несколькими причинами.

Первая из них – начало кризиса в еврозоне, которая не могла не сказаться на экономике Венгрии, так как для Будапешта зона евро это ключевой торговый партнер. Во-вторых, с 2014 г. резко снижались цены на нефть. Энергетическое сырье – это основа российского экспорта в Венгрию (свыше 58%), поэтому падение цен на нефть неизбежно привело к уменьшению ценового объема экспорта товаров в Венгрию. И третья причина – санкции, введенные странами Евросоюза против России после начала украинского кризиса.

Объемы экспорта венгерских товаров в Россию демонстрировали более-менее стабильную динамику с небольшими колебаниями и были связаны

прежде всего с российскими контрсанкциями, введенными в ответ на санкции Евросоюза. Контрсанкции коснулись прежде всего венгерских производителей сельскохозяйственной продукции.

Основой товарной структуры взаимной торговли двух стран является экспорт российского энергетического сырья в Венгрию, доля которого составляет 51,29%. На втором месте в товарной структуре российского экспорта в Венгрию в 2016 г. оказались резина, каучук и изделия из них с долей в 4,26%. Далее идут машины, машинное оборудование, атомные реакторы, котлы (2,85%), продукция неорганической химии (2,06), химические органические соединения (1,60%). На долю других товаров приходится 36,10% [составлено автором по: 17].

Если в товарной структуре российского экспорта преобладают сырьевые товары, то основой венгерского экспорта в Россию является готовая продукция. Почти четверть суммарного экспорта, по итогам 2016 г., составила фармацевтическая продукция, доля которой равнялась 22,76%. Второе место за этот же период заняли машины, машинное оборудование, атомные реакторы, котлы, составив 17,11%. Затем идут электрические машины и оборудование, и их части (12,81%), машиностроительная продукция, кроме железнодорожного подвижного состава и трамваев (7,24), другая готовая продукция (7,22), пластмассы и изделия из них (3,17), зерно (2,71%). На долю других товаров приходилось 24,59% от суммарного объема экспорта венгерских товаров в Россию.

На встрече лидеров рассматривался и вопрос инвестиций, а точнее, неутешительной динамики объемов взаимных накопленных прямых иностранных инвестиций.

Пик суммы накопленных прямых российских инвестиций в венгерскую экономику был зафиксирован в 2009 г., когда их объем составил 2,2 млрд долл. Затем наступил период систематического спада, который практически продолжается до сих пор.

Подобная ситуация сложилась и в динамике венгерских инвестиций в российскую экономику. По словам Путина, в 2016 г. объем взаимных инвестиций снизился еще в 2 раза.

Поэтому необходимо было обсудить целый ряд вопросов и наметить приоритетные направления экономического сотрудничества. Орбан уже традиционно заявил о ненужности антироссийских санкций, добавив, что нельзя решать неэкономические проблемы экономическим способом. Кроме того, премьер-министр Венгрии повторил слова министра иностранных дел Петера Сийярто о том, что из-за санкционной войны его страна потеряла 6,5 млрд долл.

В первую очередь, стороны подтвердили намерение как можно раньше начать реализацию проекта «Пакш-2». Главы государств выразили надежду,

что все подготовительные работы удастся провести в 2017 г., а начать непосредственно строительство электростанции в 2018 г. Но для этого еще необходимо дождаться окончательного разрешения Еврокомиссии.

По словам Виктора Орбана, несмотря на недовольство Брюсселя, условия кредитования по «Пакш-2» пересматриваться не будут. В свою очередь, Владимир Путин заявил, что при необходимости Россия готова профинансировать 100% стоимости проекта [15].

Газовый вопрос также был одним из ключевых. Ранее между двумя странами был подписан контракт на поставку газа в Венгрию до 2019 г. Стороны договорились продлить это соглашение до 2021 г.

Не мог не обсуждаться вопрос строительства газопроводов в обход Украины. Несмотря на то что Венгрия должна была бы быть заинтересована в сохранении транзита газа через Украину (так как после Украины ветка газопровода проходит через ее территорию и далее идет на юг Европы), Будапешт согласен на строительство альтернативных газопроводов. Как заявил Виктор Орбан, для Венгрии очень важным является стабильность и надежность поставок газа в страну, а учитывая военно-политическую ситуацию в Украине, эта страна едва ли может дать какие-то гарантии бесперебойного транзита газа. Поэтому премьер-министр подтвердил согласие своей страны участвовать в реализации проекта «Турецкий поток», добавив, что Венгрия готова закупать газ и через газопровод «Северный поток-2». Комментируя этот вопрос, Владимир Путин сказал, что в случае необходимости есть технологическая возможность поставлять газ из России в Венгрию по газопроводу «Северный поток-2» через территорию Словакии и Австрии [16].

Положительным моментом в этих переговорах был факт обсуждения экономического сотрудничества и в других, неэнергетических сферах. По словам президента России, стороны договорились укреплять промышленную кооперацию, в том числе в высокотехнологичных отраслях. Уже сейчас в Венгрии с использованием российских композитных материалов производятся автобусы. Российское предприятие ОАО «Метровагонмаш» проводит модернизацию 222 вагонов будапештского метро. Венгерские компании работают в фармацевтической промышленности и в агропромышленном комплексе России. В планах начало совместного производства железнодорожных вагонов и их поставки на рынки третьих стран [16].

Также обсуждалась тема сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере и были достигнуты несколько договоренностей. Во-первых, стороны договорились об обмене студентами двух стран. Во-вторых, было решено, что Будапешт на свои средства будет реконструировать четыре православных прихода на территории страны. Кроме того, Владимир Путин отметил, что в Венгрии растет популярность изучения русского языка.

Что дальше?

Однозначно можно сказать, что политические отношения между двумя странами находятся на высшей отметке в Новейшей истории – несмотря на то что, по словам Орбана, в политических, военных, геополитических вопросах Россия и Венгрия движутся в разных измерениях. Безусловно, высокий уровень сотрудничества двух стран является, прежде всего, заслугой лидеров.

Для Москвы Венгрия может стать площадкой для налаживания диалога между Россией и странами Евросоюза, а также региона Центральной и Восточной Европы. По крайней мере, на сегодняшний день для этого есть политическая воля и заинтересованность обеих стран. Кроме того, этому способствует меняющаяся в мире и в Европе политическая обстановка.

При этом необходимо помнить, что венгерское руководство не является пророссийским, и что оно охотно идет на контакт исключительно исходя из прагматизма и из своих национальных интересов. Венгрия, учитывая ее географическое положение в центре Европы, стремится быть мостом между Евросоюзом и Россией, поэтому она заинтересована в поддержании нормальных отношений и с Брюсселем, и с Москвой.

Кроме того, весной следующего года состоятся очередные парламентские выборы в Венгрии. Конечно, крайне маловероятно, что коалиция ФИДЕС и Христианско-демократической народной партии не останется у власти – социологические опросы ставят партию Орбана на первое место. Однако вопрос, сможет ли эта коалиция сохранить две трети парламента для беспрепятственного принятия внутри- и внешнеполитических решений, открыт. Это вносит в российско-венгерские отношения элемент неопределенности.

Однако на сегодняшний день у нас есть точки соприкосновения, и делить нам между собой нечего. Остается только понадеяться на укрепление политических и экономических связей России и Венгрии.

Библиография

1. Венгрия выступает за диверсификацию поставок российского газа в Европу. URL: http://tass.ru/ekonomika/3992848 (Дата обращения: 11.03.2017.)

2. Венгрия выступила против Брюсселя. URL: http://kommersant.ru/doc/3106011 (Дата обращения: 13.03.2017.)

3. Венгрия может подключиться к проектам «Северный поток» и «Турецкий поток». URL: http://tass.ru/ekonomika/3988804 (Дата обращения: 08.03.2017.)

4. В конфликте между Западом и Россией Центральная Европа всегда в проигрыше. URL: http://kommersant.ru/doc/3200325 (Дата обращения: 06.04.2017.)

5. Глава МИД Люксембурга предложил исключить Венгрию из ЕС. URL: http://www.rbc.ru/politics/13/09/2016/57d793f49a7947356a673263 (Дата обращения: 17.03.2017.)

6. Куликова Н.В., Орлик И.И., Фейт Н.В. Россия и Центрально-Восточная Европа: Взаимоотношения в XXI веке. М.: ИЭ РАН. 2012. 350 с.

7. Куликова Н.В. Центральная и Восточная Европа: Последствия долгового кризиса в еврозоне. М.: ИЭ РАН, 2014. 300 с.

8. Обзор торговых отношений России и Венгрии в первом квартале 2015 г. URL: http://www.rusexporter.ru/research/country/detail/2520/ (Дата обращения: 10.03.2017.)

9. Орбан добивается антииммиграционной поправки в Конституцию Венгрии. URL: https://regnum.ru/news/polit/2188478.html (Дата обращения: 04.04.2017.)

10. Орлик И.И. Россия и Центрально-Восточная Европа: Взаимоотношения в 2014–2015 гг. М.: ИЭ РАН. 2016. 378 с.

11. Основной закон Венгрии. URL: http://nemzetikonyvtar.kormany.hu/download/3/00/50000/orosznyomda_jav%C3%ADtott.pdf (Дата обращения: 07.03.2017.)

12. Парламент Венгрии не принял поправки в конституцию по запрету на размещение беженцев. URL: http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3765860 (Дата обращения: 19.03.2017.)

13. «Простите, господа, это чересчур»: Глава МИД Венгрии о вмешательстве США в дела Будапешта. URL: https://russian.rt.com/world/article/354588-vengriya-siiyarto-intervu-rt (Дата обращения: 22.03.2017.)

14. Путин в Венгрии нажмет на газ. URL: https://www.gazeta.ru/business/2017/02/01/10504625.shtml (Дата обращения: 26.03.2017.)

15. Россия готова полностью профинансировать достройку венгерской АЭС «Пакш». URL: https://ria.ru/atomtec/20170202/1487068400.html (Дата обращения: 19.03.2017.)

16. Совместная пресс-конференция с премьер-министром Венгрии Виктором Орбаном. URL: http://special.kremlin.ru/events/president/news/53806 (Дата обращения: 18.03.2017.)

17. UN Comtrade Database. URL: https://comtrade.un.org/ (Дата обращения: 18.03.2017.)

References

Glava MID Ljuksemburga predlozhil iskljuchit' Vengriju iz ES. URL: http://www.rbc.ru/ politics/13/09/2016/57d793f49a7947356a673263 (Data obrasheniya: 17.03.2017.)

Kulikova N.V. Central'naja i Vostochnaja Evropa: posledstvija dolgovogo krizisa v evrozone. Moscow: Institute of economy of the RAS, 2014. 300 p.

Kulikova N.V., Orlik I.I., Fejt N.V. Rossija i Central'no-Vostochnaja Evropa: Vzaimootnoshenija v XXI veke. Moscow: Institute of economy of the RAS. 2012. 350 p.

Obzor torgovyh otnoshenij Rossii i Vengrii v pervom kvartale 2015 g. URL: http://www. rusexporter.ru/research/country/detail/2520/ (Data obrasheniya: 10.03.2017.)

Orban dobivaetsja antiimigracionnoj popravki v konstituciju Vengrii. URL: https://regnum.ru/news/polit/2188478.html (Data obrasheniya: 04.04.2017.)

Orlik I.I. Rossija i Central'no-Vostochnaja Evropa: Vzaimootnoshenija v 2014–2015 gg. Moscow: Institute of economy of the RAS. 2016. 378 p.

Osnovnoj zakon Vengrii. URL: http://nemzetikonyvtar.kormany.hu/download/3/00/50000/orosznyomda_jav%C3%ADtott.pdf (Data obrasheniya: 07.03.2017.)

Parlament Vengrii ne prinjal popravki v konstituciju po zapretu na razmeshhenie bezhencev. URL: http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3765860 (Data obrasheniya: 19.03.2017.)

«Prostite, gospoda, jeto chereschur»: Glava MID Vengrii o vmeshatel'stve SShA v dela Budapeshta. URL: https://russian.rt.com/world/article/354588-vengriya-siiyarto-intervu-rt (Data obrasheniya: 22.03.2017.)

Putin v Vengrii nazhmjot na gaz. URL: https://www.gazeta.ru/business/2017/02/01/10504625.shtml (Data obrasheniya: 26.03.2017.)

Rossija gotova polnost'ju profinansirovat' dostrojku vengerskoj AJeS «Paksh». URL: https://ria.ru/atomtec/20170202/1487068400.html (Data obrasheniya: 19.03.2017.)

Sovmestnaja press-konferencija s prem'er-ministrom Vengrii Viktorom Orbanom. URL: http://special.kremlin.ru/events/president/news/53806 (Data obrasheniya: 18.03.2017.)

UN Comtrade Database. URL: https://comtrade.un.org/ (Data obrasheniya: 18.03.2017.)

V konflikte mezhdu Zapadom i Rossiej Central'naja Evropa vsegda v proigryshe. URL: http://kommersant.ru/doc/3200325 (Data obrasheniya: 06.04.2017.)

Vengrija mozhet podkljuchit'sja k proektam «Severnyj potok» i «Tureckij potok». URL: http://tass.ru/ekonomika/3988804 (Data obrasheniya: 08.03.2017.)

Vengrija vystupaet za diversifikaciju postavok rossijskogo gaza v Evropu. URL: http://tass.ru/ekonomika/3992848 (Data obrasheniya: 11.03.2017.)

Vengrija vystupila protiv Brjusselja. URL: http://kommersant.ru/doc/3106011 (Data obrasheniya: 13.03.2017.)

А.В. Шурубович

БЕЛОРУССКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПЕРЕД ЛИЦОМ ТЯЖЕЛЫХ ИСПЫТАНИЙ

Аннотация. *В статье рассматриваются основные характеристики белорусской модели социально-экономического развития, реализуемой в последние десятилетия и основанной на доминирующей роли государства в экономике и сильной социальной политике. Исследуются причины и проявления нынешнего кризиса этой модели, основные направления ее корректировки.*

Ключевые слова: *белорусская экономическая модель, государственное регулирование, экономическое развитие, социальная сфера, кризис.*

Шурубович Алексей Викторович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики Российской академии наук (ИЭ РАН).
E-mail: shurubovich@transecon.ru

A.V. Shurubovich. The Belarusian Economic Model Facing Serious Challenges

Abstract. *The article studies principal characteristics of the Belarusian model of socio-economic development implemented in the last decade and based on the dominant role of the state in economy and strong social policy; the reasons and indicators of the current crisis of this model and the main means of its improvement.*

Keywords: *Belarusian economic model, the state regulation, economic development, social sphere, crisis.*

Shurubovich Alexey Viktorovich – Candidate of Economics, leading research fellow of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (IE RAS).
E-mail: shurubovich@transecon.ru

Белорусская модель социально-экономического развития, направленная на формирование социально ориентированной рыночной экономики при активной регулирующей роли государства, действовавшая на протяжении более

20 постсоветских лет и имевшая много положительных результатов, в последние годы стала давать серьезные сбои. Все очевиднее становятся ее издержки, такие как гипертрофированная роль государства в экономике и несоразмерная экономическим возможностям социальная политика. В последние два-три года наблюдается снижение основных экономических показателей и падение материального благосостояния населения. Все это требует серьезной корректировки сложившейся в Республике Беларусь хозяйственной системы: уменьшения масштабов государственного вмешательства в экономику, повышения роли рыночных механизмов и отказа от популизма в социальной политике.

Основные черты и особенности белорусской модели социально-экономического развития

Белорусская модель социально-экономического развития, реализуемая с середины 1990-х годов, исходит, как отмечает ряд белорусских и зарубежных экспертов, из конкретных белорусских условий и в то же время учитывает опыт экономической трансформации в ряде зарубежных стран[1]. Впервые развернутую характеристику этой модели дал президент А. Лукашенко в марте 2002 г. Он выделил следующие черты белорусской модели развития:

– сильная и эффективная государственная власть, обеспечивающая политическую стабильность, социальную справедливость и безопасность;

– равенство различных форм собственности; главный критерий развития экономики – эффективность ведения хозяйства; приватизация рассматривается не как самоцель, а как средство поиска заинтересованных инвесторов, создание эффективного собственника;

– многовекторность внешнеэкономической политики в условиях глобализации мирохозяйственных связей;

– активизация интеграционных процессов, прежде всего экономических, со странами СНГ и Россией;

– сильная социальная политика государства, инвестиции в здоровье, образование, профессиональное и культурное развитие личности, а также адресная социальная помощь [18, с. 64].

Таким образом, белорусская модель направлена на формирование социально ориентированной рыночной экономики, основанной на ведущей роли государства в хозяйственной жизни и обеспечении высокого уровня социальной защищенности населения. Эта модель, как отмечают ее сторонники,

1. По мнению российского исследователя Ю. Година, «белорусская экономическая модель вобрала во многом в себя черты развития неоиндустриальных развивающихся стран региона Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии – от Индии до Южной Кореи» [8, с. 95].

сочетает традиционные принципы функционирования рыночной экономики и специфику национальной экономики Республики Беларусь, традиции и менталитет белорусского народа [3].

В белорусской экономической модели ведущая роль отводится государственному сектору: на долю госпредприятий приходится ныне, по некоторым оценкам, около 50% ВВП, от госпредприятий поступает около 40% валютной выручки. На этих предприятиях создано около половины рабочих мест [22, с. 80]. В последние годы доля госпредприятий в экономике несколько снизилась, однако фактически роль госсектора остается решающей. Многие предприятия негосударственной формы собственности представляют собой акционерные общества, в капитале которых значительная доля принадлежит государству. По оценке данной Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР), государство сохраняет доминирующую роль во всех секторах белорусской экономики [1]. Уровень государственных расходов в Республике Беларусь до недавнего времени превышал 40% ВВП и был значительно выше соответствующего показателя в большинстве стран СНГ и Восточной Европы.

Приватизация проводится медленно и затрагивает в основном малые и средние предприятия, «командные высоты» по-прежнему остаются в руках государства. Переход предприятий в частные руки обставляется многочисленными условиями: крупные инвестиции, сохранение занятости, строительство объектов социально-бытовой сферы и др. Вследствие этого предлагаемые к приватизации активы вызывают мало интереса у инвесторов: так, в 2008–2010 гг. из 34 аукционов по продаже таких активов результативными оказались только семь [19].

Государство оказывает поддержку и частному предпринимательству, рассматриваемому в качестве важного элемента экономической системы страны. В настоящее время негосударственные предприятия, которых к началу трансформации практически не было, создают около половины ВВП; на частный сектор ныне приходится около 60% всего экспорта страны и половина занятости [22, с. 77]. Вместе с тем в рамках белорусской модели частному бизнесу изначально отводилась подчиненная роль, что, естественно, сдерживает его развитие.

В экономике Республики Беларусь широко используются административные методы управления. Цены на товары, и прежде всего социально-значимые товары, регулируются[2]. Для предприятий устанавливаются обяза-

2. По имеющимся оценкам, до последнего времени четверть всех цен в корзине товаров и услуг, по которым определяется индекс потребительских цен, регулировалась государством. В январе 2016 г. белорусское правительство под нажимом международных кредиторов отпустило цены на ряд социально значимых продуктов питания (хлеб, молоко, мясо, рыбу, птицу, крупу и детское питание), однако цены на овощи и некоторые другие продукты остаются под государственным контролем.

тельные для выполнения показатели: в 2014 г. отдельным госпредприятиям было спущено семь такого рода показателей [22, с. 81]. Крупнейшие предприятия, производящие большую часть выпускаемой промышленной и сельскохозяйственной продукции, пользуются внушительной финансовой поддержкой государства (нередко независимо от реальных результатов их деятельности); массовое «закрытие» предприятий с неизбежным резким ростом безработицы не допускается.

Для стимулирования развития важнейших отраслей и крупнейших предприятий применяются разнообразные механизмы: налоговые и таможенные преференции, льготное кредитование (в том числе через недавно созданный Банк развития), частичное субсидирование банковских ставок и др. В 2016 г., по имеющимся оценкам, в Республике Беларусь действовали около 400 налоговых и 300 таможенных льгот. Объем льготных кредитов, предоставляемых в основном крупным госпредприятиям, достигал 43% от всего объема кредитования [21]. При этом преференции, предоставляемые таким предприятиям, компенсируются достаточно жесткими условиями деятельности массы «обычных» предприятий с преимущественно негосударственной формой собственности. Так, средняя налоговая нагрузка на предприятия составляет 54,8% к добавленной стоимости, тогда как в России – 47,5, в Казахстане – 29,2, в среднем по Европе и Центральной Азии – 33,8% [7].

По мнению либерального белорусского экономиста К. Рудого, с которым солидарны и некоторые другие эксперты, белорусская экономическая модель, по сути, представляет собой модель государственного капитализма. Характеризуя эту модель, К. Рудый отмечает: «Республика Беларусь – страна, в экономике которой сохраняются высокая доля государственной собственности, командно-административное (“ручное”) управление отдельными предприятиями, консолидация бюджетных ресурсов, высокая занятость в госсекторе и широкая социальная защита. В то же время государственное планирование и управление тесно переплетены с элементами рынка. Директивное кредитование и перекрестный госконтроль сочетаются с деятельностью частных национальных и иностранных предприятий, а также с либерализованным банковским сектором и во многом свободным ценообразованием» [22, с. 77].

В отличие от России и ряда других постсоветских стран в Белоруссии значительное внимание уделялось росту платежеспособного спроса населения как фактору подъема экономики. В течение многих лет быстро росли заработная плата и другие виды доходов населения, что дало ряду экспертов основание называть белорусскую экономическую политику «славянским кейнсианством». Обеспечивая повышение жизненного уровня населения, эта политика не только способствовала экономическому росту, но и гарантировала социальную стабильность в стране.

Активной социальной политике в рамках белорусской модели развития до последнего времени уделялось особое внимание; социальная сфера на протяжении многих лет имела безусловный приоритет. Наряду с неуклонным ростом зарплат, пенсий и пособий широкое распространение получила практика предоставления различного рода льгот. До недавнего времени население оплачивало лишь незначительную часть (в 2012 г. – 12%) стоимости жилищно-коммунальных услуг, основная тяжесть оплаты которых ложилась на предприятия в рамках «перекрестного субсидирования». Принимались меры по недопущению сильного социального расслоения, проводилась политика перераспределения доходов в пользу малообеспеченных слоев населения. В этой связи некоторые эксперты говорили о наличии своего рода «социального контракта» между властью и обществом, в соответствии с которым общество соглашается на жесткий контроль государства над экономикой и другими сферами общественной жизни в обмен на гарантированные социальные льготы.

Характерной чертой белорусской модели стала высокая степень централизации управления. Все ключевые вопросы экономической политики решаются лично президентом А. Лукашенко, наделенным необходимыми для этого полномочиями.

В рамках белорусской модели реализуется курс на обеспечение многовекторности внешнеэкономических связей. В настоящее время республика имеет торговые отношения более чем с 200 странами мира; при этом основными торговыми партнерами являются страны СНГ, на долю которых в 2015 г. приходилось 56,9% внешнеторгового оборота Республики Беларусь, а также страны Евросоюза (25,3%) [2].

Вместе с тем приоритетными экономическими партнерами Белоруссии несомненно являются Россия и другие страны СНГ, активизация интеграционных процессов с которыми, как уже отмечалось, названа президентом Лукашенко в числе основных черт белорусской модели развития. Руководство республики, несмотря на ряд проблем в двусторонних отношениях, проводит курс на сближение и интеграцию с Россией в рамках создаваемого двумя странами Союзного государства. Экономическая интеграция с Россией имеет для Белоруссии жизненно важное значение. Обширный российский рынок открывается для белорусских товаров, благодаря льготным ценам облегчается доступ к российским энергоносителям, обеспечивающим подавляющую часть потребностей Белоруссии в газе и нефти.

Белоруссия активно участвует и в развертывающихся на евразийском пространстве интеграционных процессах на многосторонней основе (прежде всего в рамках начавшего работать с января 2015 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в который входят Россия, Белоруссия, Казахстан, Армения и Киргизия). Белорусское руководство стремится использовать евразий-

скую интеграцию для решения стоящих перед страной актуальных задач (в частности, модернизации экономики республики).

«Белорусское экономическое чудо» и его основные факторы

Годы реализации белорусской экономической модели (прежде всего период 1996–2008 гг.) были в целом весьма успешными. Белорусская экономика не только достаточно быстро преодолела последствия глубокого трансформационного спада первой половины 1990-х годов, но и добилась значительного роста основных экономических показателей. Белоруссия, в отличие от большинства других постсоветских стран, избежала деиндустриализации, сохранив важнейшие отрасли промышленности и крупнейшие предприятия, и удвоила свой ВВП по сравнению с 1991 г. (табл. 1). Особенно успешными для белорусской экономики были 2000-е годы: согласно данным МВФ, среднегодовой прирост ВВП в 2001–2010 гг. составил 7,4% и был одним из самых высоких в мире [17, с. 37]. Следует при этом подчеркнуть, что столь значительный экономический рост был достигнут в стране, лишенной крупных запасов энергоресурсов, в условиях почти полного прекращения (во многом по политическим мотивам) предоставления республике западных кредитов[3]. В мире заговорили о «белорусском экономическом чуде».

В последние годы страна приступила к модернизации экономики на инновационной основе. Так, в ходе выполнения Государственной программы инновационного развития на 2011–2015 гг. было введено в эксплуатацию 136 новых предприятий и производств, создано или модернизировано более 19 тыс. рабочих мест [5].

Значительные успехи были достигнуты в развитии социальной сферы Республики Беларусь. С 1996 по 2014 г. непрерывно росли реальные располагаемые доходы населения и реальные зарплаты, что было связано как с быстрым ростом экономики страны, так и с активной социальной политикой государства. Реальная среднемесячная зарплата в 2000 г. составляла лишь 92% к уровню 1991 г., а в 2014 г. – 445% [11, с. 130; 26, с. 26].

Серьезным достижением стало резкое снижение числа малообеспеченных жителей: в 2000 г. уровень среднедушевых располагаемых ресурсов был ниже бюджета прожиточного минимума у 41,0% населения, а в 2014 г. – лишь у 4,8% [26, с. 122]. По данным международных организаций, Белоруссия входит в десятку стран с наименьшим социальным неравенством; разрыв

3. Крупномасштабное кредитование Белоруссии со стороны международных финансовых институтов (прежде всего МВФ) возобновилось лишь в 2009 г. в период мирового кризиса.

в доходах между наиболее богатыми и наиболее бедными в Республике Беларусь примерно такой же, как в Германии, Австрии и Швеции.

Таблица 1

ДИНАМИКА ОСНОВНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ БЕЛОРУССИИ В 1992–2015 гг. (в % к 1991 г., в сопоставимых ценах)

Показатели	*1995*	*2000*	*2005*	*2010*	*2011*	*2012*	*2013*	*2014*	*2015*
ВВП	66,1	89,7	128,7	182,6	192,8	196,1	198,1	201,4	193,6
Продукция промышленности	62	102	152	220	240	254	242	247	231
Продукция сельского хозяйства	77	75	94	117	124	133	127	131	127
Инвестиции в основной капитал	37	50	89	205	242	213	233	220	186
Розничный товарооборот (все каналы реализации)	49	120	258	499	544	621	733	776	778
Реальные располагаемые денежные доходы населения	64	101	172	292	289	351	408	412	389

Источники: [10, с. 65, 113, 155, 187, 229; 26, с. 28].

Социальная ситуация в Белоруссии характеризуется также относительной стабильностью рынка рабочей силы и низким уровнем зарегистрированной безработицы. Этот уровень, увеличившись с 0,05% в 1991 г. до 3,9% в 1996 г., в последующие годы имел тенденцию к снижению и достиг 0,5% в 2014 г. [20, с. 326; 23, с. 147].

При анализе несомненных достижений Республики Беларусь закономерно возникает вопрос: насколько эти достижения обусловлены реализацией избранной белорусским руководством модели социально-экономического развития, и насколько – другими, не связанными с ней факторами. Мнения экспертов разделились.

На наш взгляд, белорусская экономическая модель в первые годы своего существования в целом сыграла позитивную роль в обеспечении восстановления и роста экономики после трансформационного спада. Созданная в республике система хозяйствования, в течение длительного времени обеспечивавшая концентрацию национальных ресурсов на перспективных направлениях, в сложный период 1990-х – начала 2000-х годов способствовала сохранению основы экономического потенциала страны, дала импульс

модернизации экономики[4]. На первом этапе модернизации только государство реально могло быть ее главным субъектом: ввиду отсутствия крупного частного бизнеса государству приходилось брать на себя его функции.

Сильная социальная политика, направленная на быстрый рост жизненного уровня населения и выравнивание доходов различных его групп, позволила избежать резкого социального расслоения и обеспечить политическую стабильность. Курс на активизацию интеграционных процессов с Россией и другими странами СНГ позволил республике получать весомые выгоды от взаимного сотрудничества. Вместе с тем существенную роль в успешном социально-экономическом развитии Республики Беларусь играли и другие факторы, в том числе сохранявшаяся на протяжении большей части 2000-х годов благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура.

Важными факторами бурного экономического роста были, в частности, быстро растущий (во многом благодаря сильной социальной политике государства) внутренний потребительский спрос и инвестиции в основной капитал, осуществляемые в основном государством или прямо (через бюджет) или из средств контролируемых государством предприятий и банков. Как видно из таблицы 1 в 2014 г. розничный товарооборот – главный индикатор внутреннего потребительского спроса – возрос по сравнению с 1995 г. в 15,8 раза, инвестиции – в 5,9 раза.

Существенной особенностью белорусской экономики является ее огромная зависимость от внешних условий, в том числе от состояния экономик стран-партнеров и динамики внешнеторговых цен на основные экспортные и импортные товары. В 2000 – начале 2010 г. эти условия были для Белоруссии достаточно благоприятными. Значительно выросли внешнеторговые цены на многие белорусские экспортные товары, в частности на нефтепродукты, калийные удобрения, черные металлы, тракторы, грузовые автомобили, молоко и молочную продукцию. В соответствии с интеграционными соглашениями Белоруссия, несмотря на наблюдавшийся до недавнего времени рост мировых цен, получает из России энергоресурсы (прежде всего нефть и природный газ) по льготным ценам, благодаря которым она сэкономила за последние 15 лет, по различным оценкам, 70–80 млрд долл. Российский «интеграционный грант» в виде льготных поставок энергоресурсов в 2011 г. составлял 10%, в 2012 г. – 14% ВВП республики [15, с. 93]. Получая из России нефть по льготным ценам, Республика Беларусь поставляла на Запад произведенные из нее нефтепродукты по растущим мировым ценам, что обеспечивало ей значительные доходы.

4. Даже критически относящиеся к белорусской модели эксперты (в частности, российский политолог Е. Минченко) признают спасение промышленности важным положительным итогом проводимой в РБ экономической политики [12].

В последние годы, однако, внутренние и особенно внешние условия значительно ухудшились, что резко осложнило экономическую ситуацию в стране.

Кризис белорусской модели, его причины и проявления

Реализуемая в Республике Беларусь экономическая модель имеет, как отмечают многие белорусские и зарубежные эксперты, серьезные внутренние изъяны. Доминирование государственной собственности и «зарегулированность» хозяйственной жизни серьезно затрудняют создание конкурентной среды, необходимой для повышения эффективности экономики. Ресурсов государства и госпредприятий явно недостаточно для успешного проведения модернизации экономики. Низкий уровень экономической свободы, сдерживая приток частных (в том числе иностранных) инвестиций, ограничивает финансовые ресурсы этой модернизации. Массированное льготное кредитование экономики в течение многих лет имело своей обратной стороной резкое увеличение денежной массы и, соответственно, высокий уровень инфляции (в течение многих лет инфляция в Белоруссии была одной из самых высоких в СНГ). Преимущественная поддержка крупных госпредприятий ставит в заведомо невыгодное положение частные предприятия, мешая им реализовать свои возможности на рынке.

Социальная политика, направленная на быстрое повышение благосостояния населения и сохранение высокого уровня занятости, до последнего времени недостаточно учитывала реальную экономическую ситуацию и в значительной мере носила популистский характер. Реальные доходы населения и реальная зарплата росли гораздо быстрее, чем производительность труда[5]; при официальном уровне безработицы около 1% избыточная занятость на госпредприятиях достигает 10–15%. Более 40% домашних хозяйств пользуются различными льготами, что создает чрезмерную нагрузку на бюджет. Руководство Республики Беларусь до последнего времени стремилось удержать на достигнутом уровне социальные расходы. Это достигалось ценой сокращения вложений в производство, науку, образование, что в условиях сокращения ресурсной ренты, получаемой от РФ, сделало неизбежным рост государственного долга (внутреннего и внешнего). Внешний госдолг увеличился с 0,35 млрд долл. в конце 2001 г. (2,9% ВВП) до 13,5 млрд долл. на 1 ноября 2016 г. (28,1% ВВП), превысив пороговый уровень 25%, а совокуп-

5. В 2014 г. реальные располагаемые доходы населения составили 425,0% к уровню 2000 г., реальная зарплата – 483,5%, тогда как производительность труда по ВВП – лишь 220,6% [26, с. 26].

ный размер внешнего и внутреннего госдолга составил на 1 ноября 2016 г. около 18 млрд долл. [25].

Как отмечает белорусский экономист М. Аникеев, «в среднесрочном периоде централизованные экономические системы могут демонстрировать впечатляющие темпы роста за счет мобилизации, быстрого накопления капитала, концентрации и перераспределения ресурсов в приоритетные сектора экономики и т.д. Однако в долгосрочном периоде накопление… системных проблем неизбежно приводит к угасанию экономического роста и стагнации (или даже снижению уровня производительности экономики)» [1]. Это положение в значительной мере относится и к экономической системе Республики Беларусь.

Белорусская экономическая модель, на наш взгляд, в основном исчерпала свои возможности уже в начале 2000-х годов, когда этап восстановительного роста закончился и перед страной встали новые задачи, требующие иных подходов к экономике. Продлить ей жизнь помогли уже упоминавшиеся исключительно благоприятные внешнеэкономические условия на протяжении большей части 2000-х годов. Благодаря сочетанию ряда благоприятных факторов, обеспечивших быстрый экономический рост в течение нескольких лет, появилась иллюзия исключительной успешности белорусской модели.

В 2010-е годы внешние условия для Белоруссии значительно ухудшились. После мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. динамика белорусской внешней торговли, объем которой в предыдущие годы быстро увеличивался, стала неустойчивой, с очевидной тенденцией к снижению, отчетливо проявившейся в 2015–2016 гг.[6] Этот спад был в значительной мере вызван внешними шоками: трудностями в развитии экономик главных торговых партнеров – России и (в меньшей степени) стран ЕС, нестабильностью мировых цен и валютных курсов и др. В связи с колебаниями цен на энергоносители и ухудшением экономической ситуации в РФ существенно сократился российский «интеграционный грант», составив в 2013 г. 8,3%, в 2014 – 7,7 и в 2015 г. 5% ВВП Республики Беларусь [15, с. 93]. По некоторым оценкам, в 2016 г. этот грант «сжался» до 1,1% ВВП [13].

Серьезно ухудшилась в последние годы и общая экономическая ситуация в Белоруссии. Среднегодовые темпы прироста ВВП, достигавшие в 1996–2000 гг. 6,3%, в 2001–2005 – 7,5, в 2006–2010 – 7,3, в 2011–2015 гг. снизились до 1,2%; заметно упали также темпы прироста других ключевых экономических показателей. В 2015–2016 гг. впервые за длительный период в белорус-

6. В 2015 г. внешнеторговый оборот Республики Беларусь снизился на 25,6%, в том числе экспорт – на 26, в 2016 г. – соответственно на 11,8 и 13,3%.

ской экономике был зафиксирован серьезный спад[7]. Экономические трудности привели к заметному снижению жизненного уровня населения: реальные располагаемые доходы в 2015 г. упали на 6% [10, с. 393], а в 2016 г., по предварительным данным, на 7,5% [24]. Номинальная среднемесячная зарплата в долларовом эквиваленте снизилась с 589,9 долл. в 2014 г. до 413,4 – в 2015 г. и до 354,3 долл. в январе–сентябре 2016 г. [21].

Руководство Республики Беларусь связывает нынешние экономические трудности страны в основном с неблагоприятными внешними условиями (так, президент Лукашенко заявил, что нынешний кризис на 80% обусловлен действием внешних факторов). Однако, на наш взгляд, этот кризис имеет прежде всего внутренние причины и во многом связан с усиливающейся неэффективностью белорусской экономической модели; внешние трудности лишь обнажили ее слабость.

В резко осложнившихся внешних условиях многие белорусские предприятия (особенно крупные госпредприятия), за долгие годы «избалованные» щедрой государственной поддержкой и не привыкшие к жесткой конкуренции, оказались неспособны успешно действовать на все более требовательном внешнем рынке, заметно уступая конкурентам по соотношению «цена – качество». Объем неэнергетического экспорта Республики Беларусь в последние годы «просел» на 26% [13]; в результате резко снизился приток необходимой стране иностранной валюты.

Ослабли позиции белорусских предприятий и на внутреннем рынке: так, при наличии двух собственных производителей телевизоров доля импортных телевизоров на внутреннем рынке доходит до 85%, при развитой легкой промышленности импортируется почти половина обуви и одежды [19]. В результате растет число убыточных и малорентабельных предприятий. Доля таких предприятий (убыточных или имеющих рентабельность менее 5%) составляет, по некоторым оценкам, около 50% общего количества предприятий. Государство вынуждено оказывать поддержку этим предприятиям, потому что они имеют не только экономическое, но и важное социальное значение, обеспечивая занятость значительному числу работников. Необходимость их финансовой поддержки требует перераспределения ресурсов от финансово устойчивых, высокопродуктивных предприятий, что наносит ущерб экономике, снижая ее производительность [1]. Вместе с тем в условиях кризиса возможности этой поддержки резко уменьшаются, что усугубляет экономические трудности в стране.

7. В 2015 г. ВВП Республики Беларусь снизился на 3,9%, продукция промышленности – на 6,6, инвестиции в основной капитал – на 15,2% [10, с. 65, 113, 197]. В 2016 г. соответствующие показатели, по предварительным данным, снизились соответственно на 2,6%, 0,4 и 17,9% [24].

Немалый ущерб нанесла стране и слишком «сильная» социальная политика. Быстрый рост доходов населения в условиях «открытости» экономики и относительно низкого качества продукции многих белорусских предприятий привел к увеличению спроса не на отечественные, а на импортные товары и на иностранную валюту, обозначив серьезный сбой «славянского кейнсианства». Наиболее ярко это проявилось в 2011 г., когда повышение зарплаты до эквивалента 500 долл. в соответствии с предвыборным обещанием Лукашенко, совпало по времени со значительным повышением мировых цен на энергоносители и с ажиотажным спросом на легковые автомобили накануне повышения ввозных пошлин на них. Это привело к всплеску инфляции[8] и «обвалу» курса белорусского рубля, упавшего по отношению к доллару с 3000 бел. руб. за 1 долл. в конце 2010 г. до 8350 – в конце 2011 г. [10, с. 281–282]. В условиях кризиса государство оказалось не в состоянии выполнять возросшие социальные обязательства.

Кризис белорусской экономической модели признается ныне все большим числом экспертов как в самой Республике Беларусь, так и за ее пределами. «Несмотря на социальные достижения прошлых лет, – отмечает, например, директор отдела Украины, Белоруссии и Молдавии Всемирного банка М. Райнер, – экономическая модель Белоруссии исчерпала свои возможности» [4]. Международные финансовые институты на Западе и на Востоке, прежде всего МВФ и Евразийский фонд стабилизации и развития (ЕФСР), настойчиво ставят вопрос о серьезных изменениях в белорусской экономической системе, обусловливая их проведением предоставление стране крупных кредитов, остро необходимых ей в условиях кризиса. Необходимость таких изменений по существу стала общепризнанной, и их проведение выдвигается в число главных задач экономической политики.

Корректировка белорусской модели и ее основные направления

В последние годы в республике начались достаточно серьезные, на наш взгляд, хотя и не однозначные по своим последствиям преобразования, во многом выходящие за рамки белорусской модели. Эти преобразования реализуются по нескольким направлениям.

В денежно-кредитной сфере проводится достаточно жесткая политика, направленная на существенное ограничение объемов кредитования в целях борьбы с инфляцией. В начале 2015 г., например, была установлена и более года удерживалась ставка рефинансирования в размере 25% при годовой

8. Если в 2010 г. индекс потребительских цен (декабрь к декабрю предыдущего года) составил 109,4%, то в 2011 г. 208,7% [10, с. 285].

инфляции за 2014 г. 16,2%; впоследствии эта ставка неоднократно снижалась, но оставалась значительно выше уровня инфляции. Таким образом закончился период дешевого кредита, бывшего одним из «столпов» белорусской модели. Жесткая денежно-кредитная политика имела ограничения (так, ряд крупных «системообразующих» предприятий получал банковские кредиты под 9% годовых, тогда как ставка для небольших частных предприятий доходила до 35%), но в целом она выполнила свою роль. Инфляция в Белоруссии снизилась до 12% в 2015 г. и 10,6% в 2016 г., хотя это было достигнуто ценой «обескровливания» реального сектора экономики и падения производства в основных отраслях.

Значительная либерализация наблюдается в области *регулирования деятельности субъектов хозяйствования*. Сокращается число госпредприятий, которым централизованно устанавливаются прогнозные (а по существу плановые) показатели: если в 2010 г. таких предприятий было 140, то уже в 2013 г. – только 77 [22, с. 81]. Были приняты меры в области налогообложения, позволившие заметно сократить для субъектов хозяйствования бремя налогов и сборов; стало существенно легче зарегистрировать или ликвидировать предприятие, получить разрешение на строительство и т.д.

В Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг., принятой в июне 2016 г., провозглашен окончательный отказ от регулирования цен и тарифов (за исключением цен монополистов), одобрен мораторий на ухудшение налогового законодательства; вновь созданным предприятиям в районах обещано двухлетнее освобождение от уплаты налогов на прибыль и недвижимость [6]. Предполагается активизировать процесс приватизации государственной собственности.

В связи с уменьшением финансовых возможностей государства существенные изменения происходят в сфере *социальной политики*. Так, в соответствии с Указом президента Республики Беларусь от 11 апреля 2016 г. № 137 «О совершенствовании пенсионного обеспечения» пенсионный возраст, составлявший на тот момент 60 лет для мужчин и 55 – для женщин, с 1 января 2017 г. будет в течение шести лет ежегодно повышаться на шесть месяцев.

В соответствии с требованиями международных кредиторов взят курс на постепенный отказ от предоставления населению льгот по оплате жилищно-коммунальных услуг (ЖКУ). Уже в 2017 г. население должно будет оплатить 75% стоимости ЖКУ, а в 2018 г. – все 100%.

Все эти и некоторые другие меры, принимаемые в последнее время белорусскими властями, дают ряду экспертов почву для утверждений о фактическом отказе руководства страны от модели социально ориентированной рыночной экономики. Так, по мнению директора исследовательского центра BEROC Е. Борнуковой, «в стране идет постепенный распад социального контракта… Растет уровень безработицы, убираются субсидии на ЖКУ, идет

пенсионная реформа… Перезаключение социального контракта в ближайшие годы будет одним из главных вопросов повестки дня» [14]. Еще более определенно высказывается Е. Пожидаев, по мнению которого «по сути "уникальная белорусская модель" существует уже в основном по инерции – активы остаются в госсобственности потому, что их не удается продать, а демонтаж "социального государства" практически предрешен» [19].

На наш взгляд, такие оценки являются преждевременными. Белорусская модель, хотя и подверглась в последние годы корректировке, сохраняет пока свою основу – доминирующую роль государства в экономике. Главным ее гарантом остается президент Лукашенко, неоднократно высказывавшийся в последнее время против отказа от созданной им хозяйственной системы[9]. Однако направление движения в сторону серьезных преобразований в этой системе совершенно очевидно.

Перспективы белорусской модели: Возможны варианты

В белорусском руководстве и в экспертной среде в последнее время идут оживленные дискуссии о дальнейшей судьбе белорусской экономической модели: переходить ли, как предлагают сторонники радикальных реформ, уже в ближайшее время на новую модель, предполагающую форсированное внедрение рыночных отношений, всестороннюю либерализацию хозяйственной жизни, крупномасштабную приватизацию, ослабление роли государства в экономике или вносить существенные коррективы в действующую модель без радикальной ломки.

На наш взгляд, в ближайшей перспективе предпочтительным является второй путь, предполагающий «мягкий демонтаж» белорусской модели. Форсированный переход к рыночным отношениям, как отмечают многие белорусские экономисты, чреват непредсказуемыми экономическими и социальными последствиями. Так, в случае массовой приватизации или банкротства неэффективных предприятий с проблемой безработицы могут столкнуться, по имеющимся оценкам, почти 50% всех занятых в экономике, включая как сотрудников неэффективных госпредприятий, так и работающих с ними частных фирм, и это, в условиях острой нехватки у государства финансовых ресурсов для их поддержки, скажется на социальной стабильности в стране [16]. Вместе с тем консервация нынешней модели (и в этом сходятся почти

9. Так, в июне 2016 г., характеризуя Программу социально-экономического развития на 2016–2020 гг., президент Республики Беларусь подчеркнул: «Это программа эволюции, а не революции. В ней мы твердо сохраняем преемственность нашего курса и базовые основы белорусской модели развития» [6].

все эксперты) обрекает белорусскую экономику на стагнацию и упадок, поэтому ее существенная коррекция необходима, неизбежна и, как показано выше, уже начала осуществляться.

Министерством экономики Республики Беларусь при участии зарубежных экспертов еще осенью 2015 г. была подготовлена «дорожная карта» структурных реформ, включающая шесть блоков: 1) макроэкономическая стабильность, обеспечиваемая при помощи жесткой денежно-кредитной политики; 2) формирование эффективных финансовых рынков для распределения капитала, последовательное сокращение нерыночных кредитов; 3) трансформация государственного сектора, включающая, в частности, реструктуризацию госкомпаний, сокращение господдержки и предоставление ее на конкурсных принципах, переход от директивного планирования к индикативному; 4) создание рабочих мест в частном секторе путем формирования благоприятного инвестиционного климата; 5) новый подход к рынку труда, предполагающий защиту не собственно рабочих мест, а возможности людей получать доход, в том числе на новых или других рабочих местах; 6) развитие конкуренции, включающее широкий спектр институциональных и секторальных реформ [9]. Первоначально «дорожная карта» была скептически встречена высшим руководством страны и многими экспертами, но ныне, в условиях нарастающих трудностей в экономике, ее идеи, на наш взгляд, становятся весьма актуальными.

Переход к новой модели хозяйствования в любом случае будет болезненным, затронет ключевые отрасли белорусской экономики и социальную сферу. В этой связи важно правильно определить «пределы» реформирования, не допуская перехода грани, за которой неоправданно быстрое и недостаточно подготовленное развитие рыночных отношений может нанести недопустимый ущерб интересам государства и большинства населения. Чисто либеральная модель с минимизацией государственного регулирования экономики, на наш взгляд, едва ли приемлема для современной Белоруссии. Более перспективна, видимо, «смешанная» модель, где государство оказывает активное воздействие на экономику с помощью косвенных рычагов (налоговой, денежно-кредитной политики и др.) при значительной либерализации хозяйственной деятельности и активизации рыночных отношений. Возможности и риски реализации в Республике Беларусь такой модели требуют специального исследования.

Библиография

1. Аникеев М. Белорусская экономическая модель: Истоки кризиса. URL: http://udf.by/news/sobytie/136183-belorusskaya-ekonomicheskaya (Дата обращения: 05.12.2016.)
2. Баланс внешней торговли товарами Республики Беларусь. URL: http://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/torgovly (Дата обращения: 15.02.2016.)
3. Белорусская экономическая модель как основа идеологии государства // URL: http://gendocs.ru/v35999/%D0%B1%D0%B5%D0%BB0%D0% (Дата обращения: 06.12.2016.)
4. Белорусская экономическая модель: На смертном одре или перед подъемом в гору // URL: http://rodon.org/polit-110729120114 (Дата обращения: 06.12.2016.)
5. Бобровницкая Н. Прогресс без участия государства // Белорусы и рынок. 2016. 16–23 апр.
6. Герасименко А. За перемены без перемен // Белорусы и рынок. 2016. 26 июня – 2 июля.
7. Герасименко А. Светлое будущее для бизнеса // Белорусы и рынок. 2017. 14–20 янв.
8. Годин Ю. Белоруссия – это «Брестская крепость» современной России. М.: Издательство ИТРК, 2008. 184 с.
9. Голубь Е. Дорожная карта бита // Белорусы и рынок. 2015. 7–13 нояб.
10. 25 лет Содружеству Независимых Государств. 1991–2015. Статистический сборник. М., 2016. 500 с.
11. 10 лет Содружества Независимых Государств (1991–2000). Статистический сборник. М,, 2001. 802 с.
12. Дорохов В. Белорусская экономическая модель: Плюсы, минусы и перспективы выживания // URL: http://www.dw.com/ru/%D0%B1%D0%B5%D0%BB%D0%BE (Дата обращения: 06.12.2016.)
13. Калиновская Т. Госпредприятия: Трудное решение // Белорусы и рынок. 2016. 1–7 октября.
14. Калиновская Т., Алексеев В. Загадки белорусской модели // Белорусы и рынок. 24 декаб. 2016 – 14 янв. 2017.
15. Кнобель А. Евразийский экономический союз: Перспективы развития и возможные препятствия // Вопросы экономики. 2015. № 3. С. 87–108.
16. Лавникевич Д. Это не касается стыда перед // БелГазета. 2016. 17 окт.
17. Лосев М. Заповедная экономика // РБК. 2011. № 1. С. 36–39.
18. Национальная экономика Беларуси / Под ред. В.Н. Шимова. 4-е изд., перераб. и доп. Минск: БГЭУ, 2012. 651 с.
19. Пожидаев Е. Белорусский кризис: Девальвация Лукашенко // URL: https://eadaily.com/ru/news/2016/12/29/belorusskiy-krizis-devalva (Дата обращения: 11.01.2017.)
20. 15 лет Содружества Независимых Государств (1991–2005). Статистический сборник. М., 2006. 437 с.
21. Романчук Я. Сообразим по $500 // БелГазета. 2016. 21 нояб.
22. Рудый К. Государственный капитализм в Беларуси // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 4. С. 77–85.
23. Содружество Независимых Государств в 2014 году. Статистический ежегодник. М., 2015. 631 с.
24. Социально-экономическое положение Республики Беларусь. Янв. – декаб. 2016 г. // URL: http://www.belstat.gov.by (Дата обращения: 30.01.2017.)
25. Стасюлевич Н. Белорусы продолжают занимать // Белорусы и рынок. 2016. 3–9 декаб.
26. Статистический ежегодник Республики Беларусь. 2015 год. Минск, 2015. 524 с.

References

Anikeev M. Belorusskaja jekonomicheskaja model': Istoki krizisa. URL: http://udf.by/news/sobytie/136183-belorusskaya-ekonomicheskaya (Data obrashhenija: 05.12.2016.)

Balans vneshnej torgovli tovarami Respubliki Belarus'. URL: http://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/torgovly (Data obrashhenija: 15.02.2016.)

Belorusskaja jekonomicheskaja model' kak osnova ideologii gosudarstva // URL: http://gendocs.ru/v35999/%D0%B1%D0%B5%D0%BB0%D0% (Data obrashhenija: 06.12.2016.)

Belorusskaja jekonomicheskaja model': Na smertnom odre ili pered pod#emom v goru // URL: http://rodon.org/polit-110729120114 (Data obrashhenija: 06.12.2016.)

Bobrovnickaja N. Progress bez uchastija gosudarstva // Belorusy i rynok. 2016. 16–23 Apr.

10 let Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv (1991–2000). Statisticheskij sbornik. Moscow, 2001. 802 p.

Dorohov V. Belorusskaja jekonomicheskaja model': Pljusy, minusy i perspektivy vyzhivanija // URL: http://www.dw.com/ru/%D0%B1%D0%B5%D0%BB%D0%BE (Data obrashhenija: 06.12.2016.)

25 let Sodruzhestvu Nezavisimyh Gosudarstv. 1991–2015. Statisticheskij sbornik. Moscow, 2016. 500 p.

Gerasimenko A. Svetloe budushhee dlja biznesa // Belorusy i rynok. 2017. 14–20 Jan.

Gerasimenko A. Za peremeny bez peremen // Belorusy i rynok. 2016. 26 Jun. – 2 Jul.

Godin Ju. Belorussija – jeto «Brestskaja krepost'» sovremennoj Rossii. M.: Izdatel'stvo ITRK, 2008. 184 p.

Golub' E. Dorozhnaja karta bita // Belorusy i rynok. 2015. 7–13 Nov.

Kalinovskaja T. Gospredprijatija: trudnoe reshenie // Belorusy i rynok. 2016. 1–7 Oct.

Kalinovskaja T., Alekseev V. Zagadki belorusskoj modeli // Belorusy i rynok. 24 Dec 2016 – 14 Jan 2017.

Knobel' A. Evrazijskij jekonomicheskij sojuz: Perspektivy razvitija i vozmozhnye prepjatstvija // Voprosy jekonomiki. 2015. N 3. P. 87–108.

Lavnikevich D. Jeto ne kasaetsja styda pered // BelGazeta. 2016. 17 Oct.

Losev M. Zapovednaja jekonomika // RBK. 2011. N 1. P. 36–39.

Nacional'naja jekonomika Belarusi / Pod red. V.N. Shimova. 4-e izd., pererab. i dop. Minsk: BGJeU, 2012. 651p.

15 let Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv (1991–2005). Statisticheskij sbornik. Moscow, 2006. 437 p.

Pozhidaev E. Belorusskij krizis: deval'vacija Lukashenko // URL: https://eadaily.com/ru/news/2016/12/29/belorusskiy-krizis-devalva (Data obrashhenija: 11.01.2017.)

Romanchuk Ja. Soobrazim po $500 // BelGazeta. 2016. 21 Nov.

Rudyj K. Gosudarstvennyj kapitalizm v Belarusi // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. 2016. N 4. P. 77–85.

Social'no-jekonomicheskoe polozhenie Respubliki Belarus'. Janv. – dekab. 2016 g. // URL: http://www.belstat.gov.by (Data obrashhenija: 30.01.2017.)

Sodruzhestvo Nezavisimyh Gosudarstv v 2014 godu. Statisticheskij ezhegodnik. Moscow, 2015. 631 p.

Stasjulevich N. Belorusy prodolzhajut zanimat' // Belorusy i rynok. 2016. 3–9 Dec.

Statisticheskij ezhegodnik Respubliki Belarus'. 2015 god. Minsk, 2015. 524 p.

О.Г. Леонова

ИНДИЙСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XXI ВЕКЕ: ВЗГЛЯД С ДРУГОЙ СТОРОНЫ*

Аннотация. *В статье анализируется точка зрения индийских экспертов о состоянии дел в сфере индийско-российских отношений, о существующих проблемах и путях их разрешения. Делается вывод о том, что будущее индийско-российских отношений связано с исторически сложившимся партнерством двух стран, с отсутствием конфликта национальных интересов, со схожестью позиций по актуальным вопросам современности.*

Ключевые слова: *Индия, Россия, взаимоотношения, стратегическое партнерство, трудности, проблемы, перспективы развития.*

Леонова Ольга Георгиевна – доктор политических наук,
доцент, профессор кафедры Глобалистики
факультета Глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова.
E-mail: politolga@gmail.com

O.G. Leonova. Indian-Russian Relations in the 21st Century: A View from the Other Side

Abstract. *The article analyzes the Indian experts view on Indian-Russian relations, existing problems and ways of their solution. The author concludes that the future of Indian-Russia relations is connected with the historical partnership between the two countries, with no conflict of national interest and similarity of positions on topical issues.*

Keywords: *India, Russia, relationship, strategic partnership, difficulties, problems, prospects of development.*

Leonova Olga Georgievna – Doctor of Political Sciences,
Associate Professor, Professor of the Department
of Global studies of the Faculty of Global Processes
of Lomonosov Moscow State University.
E-mail: politolga@gmail.com

* *Исследование выполнено при поддержке РФФИ гранта № 15-06-03655.*

В октябре 2016 г. представитель Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова впервые участвовал в торжественных мероприятиях крупнейшего в Индии Пенджабского университета в г. Чандигарх, посвященных празднованию дня рождения Махатмы Ганди, а также в круглом столе по развитию сотрудничества России и Индии как партнеров по БРИКС. Стоит отметить, что Индия в течение года являлась председателем неформального объединения БРИКС, этим объясняется повышенный интерес в стране к данной теме.

В феврале этого года делегация МГУ была приглашена в Университет города Мандсаур, для участия в Международной конференции «Empowerment through Education, Ethics and Entrepreneurship: the Agenda for BRICS» («Расширение возможностей через образование, этику и предпринимательство – новая повестка для БРИКС»)[1].

В обоих случаях индийская сторона выразила большую заинтересованность в сотрудничестве и кооперации между нашими университетами.

Все это подтверждает известную нам аксиому: в Индии люди питают очень теплые и дружественные чувства к России и заинтересованы развивать и углублять наши традиционно тесные взаимоотношения.

Индия является партнером России по БРИКС, а с недавнего времени и по Шанхайской организации сотрудничества, процесс вступления в которую был инициирован на совместном саммите БРИКС и ШОС в Уфе в 2015 г.

Удивительно, но об индийско-российских отношениях в самой Индии написано не так уж и много. Гораздо более обширная литература посвящена анализу взаимоотношений Индии с такими странами, как Китай, Пакистан, Иран, Турция, Индонезия и с др. Большинство доступных нам источников на тему российско-индийских отношений – это труды российских ученых, которые представляют взгляд из России. В итоге оценка характера и содержания этих отношений предстает односторонней, а нередко и завышенной.

Между тем для дальнейшего их эффективного развития необходимо объективно оценить результаты, выявить имеющиеся трудности и поставить диагноз. Выявление узловых точек, которые тормозят поступательный процесс, позволит «выписать лекарство» и определить меры, которые помогут укрепить наше стратегическое партнерство.

В этом смысле интересно проанализировать оценки, которые дают взаимоотношениям России и Индии **индийские** ученые, эксперты и политики. Большинство из них считают, что сегодня эти взаимоотношения находятся на переломном этапе.

1. Здесь и далее перевод автора.

С распадом Советского Союза целая эпоха современной истории пришла к своему концу, а индийско-советские отношения, которые зародились и успешно развивались в советскую эпоху, сегодня находятся в ситуации, которая имеет множество потенциальных сценариев развития: как позитивных, так и негативных.

История проблемы

Начало холодной войны, которое совпало с обретением Индией своей независимости в 1947 г., стимулировало интерес Советского Союза к этой стране. В результате конфликта с Китаем и неудачного опыта взаимоотношений с США, который показал Америку как ненадежного партнера, Индия осознала необходимость выстраивания тесных и дружественных отношений именно с Москвой, что и завершилось в 1971 г. подписанием договора о дружбе.

Поставки советского оружия оказались жизненно важным фактором для Индии и во многом определили успех ее военных действий в Восточной Бенгалии в 1971 г. Впоследствии именно эти военные закупки стали основой нашего экономического партнерства на многие десятилетия вперед. И сегодня Индия остается вторым крупнейшим экспортером российского оружия после Китая. С течением времени отношения Дели с Москвой постепенно становились все более тесными, однако и в процессе их развития Индия постоянно подчеркивала свое право на независимость и суверенитет и принципиально оставалась вне политических блоков времен холодной войны.

Индийско-советские отношения прошли через тяжелую фазу и даже пережили некоторый период хаоса в конце правления М.С. Горбачёва и в начале распада Советского Союза. Россия как наследница СССР приняла на себя ответственность по выполнению всех обязательств по договорам, контрактам и соглашениям, заключенным ранее с Индией.

В начале 1990-х годов российская экономика и внешняя политика переживали болезненные трансформации. Сегодня в Индии с горечью вспоминают, что в сфере внешней политики России доминирующим был провозглашен европейский вектор и разворот на Запад, преимущественно в сторону США. Интеграция с Европой стала приоритетной целью, много говорилось об «общем европейском доме от Урала до Атлантики». Во времена президента Б.Н. Ельцина Россия позиционировала себя как европейская держава, позабыв о том, что большая часть ее территории все же находится в Азии. Ее отношения со странами Азии, включая Индию, все более отходили на задний план.

Во взаимоотношениях с Россией Индия в итоге потеряла все свои традиционные преимущества в торговле и в других сферах экономического сотрудничества, и ей пришлось перейти на крайне невыгодные для нее расчеты

в иностранной валюте. Неудивительно, что объемы такой торговли стали быстро сокращаться, и осуществлялась она преимущественно в форме экспорта товаров из Индии в качестве оплаты ее долгов прошлых лет. До конца 1990-х годов взаимная торговля оставалась стагнирующей на уровне 1–2 млн долл. Из-за хаоса в экономике России и неразберихи в условиях поставок цены на оружие, которое закупала Индия в нашей стране, выросли в разы до нереального уровня.

Положение дел, казалось, начало меняться после визита Президента Б.Н. Ельцина в Индию в январе 1993 г. Предполагалось, что этот визит положит начало новому этапу взаимовыгодных взаимоотношений наших стран. Действительно, первый шаг был сделан: проблема ревальвации (переоценки) огромного долга, накопленного Индией в советский период, постепенно начала решаться. Разумеется, речь не шла об отмене или сокращении долга, однако условия его выплаты были значительно облегчены для Индии (35% этого долга было реструктурировано и для его выплаты были определены более легкие условия, и в целом бремя долга Индии значительно сократилось).

Однако вскоре стало очевидно: в новых условиях торговые связи России и Индии приходят к своему логическому концу. Казалось уже, ничто не поможет нам вернуться к традиционной кооперации и привычному тесному сотрудничеству двух стран. Сами базовые параметры наших взаимоотношений изменились безвозвратно: Россия больше не собиралась оплачивать импорт товаров из Индии в рупиях, даже вопрос об инвестициях России в подъем индийской экономики не стоял, не говоря уже о том, чтобы получать возврат кредитов экспортом индийских товаров. В силу вступила прагматическая политика, которая диктовала жесткие условия торговли в иностранной валюте. Хотя Россия на словах соглашалась повысить свои взаимоотношения с Индией до уровня стратегического партнерства, но стало ясно, что возврата к особым отношениям между странами быть не может.

Новые перспективы развития наших взаимоотношений наметились, когда Президентом Российской Федерации стал В.В. Путин.

Россия под руководством нового президента быстро восстанавливала свои утраченные в 1990-е годы позиции, ее экономический рост достигал 5–6% в год, страна представляла собой один из самых быстрорастущих рынков в мире. Однако в последние несколько лет из-за падения цен на нефть и введения западных санкций экономика нашей страны переживает определенные трудности, которые, впрочем, не смущают индийскую сторону. В Индии верят в Россию и считают, что страна, обладающая такими природными ресурсами и таким качественным человеческим капиталом, развитыми высокими технологиями и фундаментальной наукой, остается сильным политическим и экономическим полюсом глобального мира, влиятельной военной державой.

Взаимоотношения с Россией жизненно важны для Индии. Они прошли проверку временем и всегда основывались на взаимном доверии и поддержке простого народа обеих стран. Но, к сожалению, индийские эксперты констатировали и тот факт, что сегодня Индия не прикладывает особых усилий, чтобы возродить эти отношения до уровня взаимовыгодного и эффективного сотрудничества, как это было в прошлом [10, с. 268].

Это вызывает определенное удивление, если учесть, что россияне испытывают особую любовь к Индии, эта страна пользуется в России гораздо бóльшим уважением и имеет бóльший авторитет, чем в странах Запада. Сначала Советский Союз, а затем Россия как его наследница поддерживали Индию в некоторых критически серьезных политических ситуациях. Россия поддержала Индию в ее позиции по штату Кашмир, в ее территориальных и других спорах с Пакистаном и даже предлагала свою помощь в урегулировании этой проблемы. Советский Союз был на стороне Индии во время бангладешского кризиса в 1971 г. В начале 1990-х годов, несмотря на давление со стороны США и администрации Б. Клинтона, Россия поставляла Индии криогенные двигатели, предназначенные для ее программы космических исследований, она отказалась участвовать в санкциях против этой страны, которые были на нее наложены Западом после испытания ядерного оружия в 1998 г. Более того, в этом же году Россия подписала с Индией соглашение о военном и технологическом сотрудничестве, рассчитанное на десять лет, и подтвердила свое решение о поставке двух ядерных реакторов для атомной электростанции в Куданкуламе, продолжала бесперебойные поставки вооружения и запасных частей для ее вооруженных сил. Примечательно, что в это время Россия оставалась единственной крупной страной мира, которая воздержалась от поставок вооружения Пакистану. Это был прекрасный пример того, как наша страна учитывала в своей внешней политике интересы безопасности своего давнего партнера.

Однако намерения Индии начать крупномасштабные военные поставки из США (несмотря на чувствительную нагрузку для своего бюджета) заставили Россию искать другие рынки сбыта своего оружия. Среди них именно Пакистан предложил нашей стране наилучшие условия, в результат чего в середине 2014 г. было решено продать ему несколько знаменитых вертолетов МИ-35.

Несмотря на это, военное сотрудничество России и Индии продолжалось. Именно Индия была единственной страной, с которой Советский Союз, а затем Россия делились своими передовыми технологиями, в том числе в военной сфере[2]. Среди наиболее важных примеров: аренда атомной

2. В единичных случаях второй такой страной был Китай.

подводной лодки, совместное сотрудничество и лицензионное производство в Индии самолетов СУ-30 и танков Т-90, поставка оборудования для атомных реакторов, технологии полного производства одного из самых современных вертолетов с разрешением продавать готовую продукцию его в третьи страны, заказ на строительство российского фрегата «Триканд», передача в Индию нового самолета «Викрамадитья» и т.д.

В самой Индии признают, что Россия сегодня является самым важным и надежным партнером в сфере обеспечения ее безопасности.

Эволюция статуса взаимоотношений двух стран

Во время визита В.В. Путина в Индию в 2000 г. наши страны реанимировали свои взаимоотношения до уровня стратегического партнерства, что и было отмечено в специальной Декларации.

В декабре 2010 г. во время визита в Индию Президента РФ Д.А. Медведева наши взаимоотношения были повышены до статуса специального и привилегированного партнерства. Тем самым была создана институциональная основа для дальнейшего развития двусторонних взаимоотношений наших стран. С тех пор главы государств или правительств ежегодно встречаются на специальных саммитах двух стран, а также в рамках Шанхайской организации сотрудничества, БРИКС и «Большой двадцатки» (G-20), где они обмениваются мнениями и обсуждают важнейшие проблемы регионального и глобального развития.

Была создана межправительственная комиссия по военно-техническому сотрудничеству под председательством министров обороны двух стран, которая обеспечивает необходимый импульс развития двусторонних отношений в военной области. Россия сегодня является единственной страной, с которой Индия создала консультативный механизм в области обороны на самом высоком уровне.

Активно развивается сотрудничество в космической, энергетической (в том числе в области атомной энергетики), нефтяной сферах, между ведомствами налажено тесное взаимодействие, идет активное обсуждение перспектив дальнейшей кооперации и создания совместных программ развития. Две страны имеют комплексную долгосрочную программу сотрудничества в области науки и техники. В 2010 г. эта программа была продлена до 2020 г. Повестка стратегического партнерства наших стран постоянно расширяется в зависимости от степени достигнутого взаимопонимания и выработки общих позиций по решению стратегических вопросов.

Эксперты констатируют поразительное совпадение позиций двух стран по ряду стратегических вопросов, таких как ядерная проблема, нераспространение оружия массового поражения и др. [10, с. 271]. В то же время Россия

в своей политике умело сочетает и демонстрирует, с одной стороны, прагматизм, а с другой – учет интересов безопасности своего партнера.

В целом активно и на взаимовыгодных условиях наши отношения развиваются в сфере энергетики, особенно атомной, космических исследований, торговли и в военной области (поставка вооружения).

Что касается развития отношений **в политической сфере**, тут все не так однозначно и есть ряд определенных трудностей и проблем.

Да, мы успешно сотрудничаем с Индией по вопросам борьбы с международным терроризмом, здесь наши позиции во многом совпадают, в отличие от позиций западных стран. Россия на самом высоком политическом уровне поддерживает стремление Индии стать постоянным членом Совета Безопасности ООН. В Шанхайской организации сотрудничества Индия повысила свой статус от наблюдателя до полного члена ШОС.

Проблемы и перспективы развития отношений

Проблемы, которые существуют в сфере индийско-российских отношений, носят как объективный, так и субъективный характер.

Итак, еще во времена холодной войны были сделаны серьезные усилия, чтобы укреплять экономические, политические и культурные связи между нашими странами.

Но со временем, как полагают некоторые исследователи, традиции дружественных и тесных взаимоотношений России и Индии стали подвергаться девальвации, а все усилия правительств двух стран их реанимировать и поднять на прежний уровень воспринимались порой в индийском политическом сообществе как неактуальные («политический анахронизм»), а также как излишние [16, с. 239].

Это отразилось в некоторых внешнеполитических действиях и инициативах Индии.

1. Так, по очень важному для России вопросу, по вопросу создания США глобальной системы ПРО (противоракетной обороны), Индия заняла двойственную и двусмысленную позицию, что набросило тень на российско-индийские отношения.

Ранее Индия, как и Россия, имела принципиальную позицию в данном вопросе и публично возражала против намерения президента Дж. Буша выйти из договора по ПРО для того, чтобы подготовить почву для развертывания системы противоракетной обороны. Но впоследствии, когда система была официально запущена, министр иностранных дел Индии Джасвант Сингх приветствовал действия США в Индийском парламенте, а индийское правительство фактически молчаливо одобрило расширение сотрудничества США и Индии в области противоракетной обороны.

Поскольку Россия рассматривала разработку и внедрение системы ПРО (противоракетной обороны) как явную угрозу для ее безопасности, то такая амбивалентная позиция Индии в этом вопросе вызвала удивление и значительное разочарование среди российской политической элиты.

2. Индия и Россия еще в октябре 2000 г. в совместном заявлении отмечали, что они будут сотрудничать между собой и с другими странами для построения многополярного мира и справедливого и равноправного международного порядка, основанного на принципах суверенного равенства всех государств, территориальной целостности, невмешательства и уважения друг друга. Обе стороны также выразили решительное осуждение одностороннего применения силы в нарушение Устава ООН и вмешательства во внутренние дела других государств, в том числе под предлогом гуманитарной помощи. Это заявление было явно направлено против попыток США в одностороннем порядке применять силу против других стран без разрешения Совета Безопасности ООН.

Но весьма показательно, что новые совместные заявления по данному вопросу, подписанные позже, уже в 2010 г., хотя и осуждали применение силы или введение экономических санкций без разрешения Совета Безопасности, но уже не носили такого жесткого и категоричного характера, как ранее. Это указывало на явный сдвиг индийской внешней политики в сторону США, который произошел после заключения между странами так называемой «ядерной сделки».

3. В конце 1990-х – начале 2000-х годов было много рассуждений по поводу формирования трехстороннего альянса Россия – Индия – Китай (РИК). Действительно, эти страны регулярно встречались на общих площадках ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), РИК и БРИКС, но ни одно из этих объединений не носило характера военного альянса и не было направлено против США и их союзников. Их единственной целью было и является поиск платформы для выработки общих позиций по глобальным вопросам и разработка планов взаимовыгодного сотрудничества. Вопрос о формировании стратегического альянса России, Индии и Китая, направленного против Запада, даже никогда не поднимался, в первую очередь потому, что, как дают ясно понять индийские и китайские партнеры, отношения каждой из этих стран с США являются более важными, чем их отношения друг с другом [10, с. 274].

4. Сегодня политические и культурные связи между нашими странами далеко не достигают того уровня, который имеется у Индии с ее западными партнерами. Еще во времена холодной войны многие индийцы получили качественное высшее образование в России, что внесло большой вклад в развитие этой страны. Но сегодня они предпочитают уезжать на учебу в западные страны, преимущественно в США, Великобританию, Австралию,

и предпочитают российским университеты Китая или Сингапура. Таким образом, хотя культурный и политический диалог продолжается, однако, как считает Дэвид Малоун, это не более чем привычка, а Россия фактически находится вне культурного поля Индии [16, с. 239].

5. Серьезной проблемой в отношениях между двумя странами является относительно низкий уровень торгового оборота и инвестиционных потоков. В настоящее время стратегические двусторонние отношения между ведущими странами мира не могут успешно развиваться, не опираясь на солидную экономическую базу. Как показывает практика, именно широкие экономические связи придают сотрудничеству двух стран стратегический характер. Однако сегодня торговый обмен между Россией и Индией не соответствует потенциалу наших стран. Общий объем торговли между странами еще в 1990-е годы драматически сократился почти на 50% и так и не восстановился до сих пор в прежнем объеме. Хотя торговый оборот между Россией и Индией постепенно растет, тем не менее темпы его роста значительно ниже аналогичных показателей в торговле Индии с другими крупными партнерами. Например, в 2014 г. случился очередной его спад. По данным ФТС России, в этом году он уменьшился на 5,6% по сравнению с 2013 г. [2]. В итоге Россия даже не вошла в первую десятку торговых партнеров Индии [5].

Еще в 2009 г. обе страны наметили цель: достигнуть к 2015 г. оборота во взаимной торговле 20 млрд долл. и предпринять для этого целый ряд эффективных мер. Чтобы вывести торговлю на новый уровень, предполагалось увеличить поток двусторонних инвестиций, реализовать совместные проекты в гражданском секторе, обмениваться инновационными технологиями и т.п.

Но в 2015 г. общий товарооборот между Россией и Индией хотя и вырос на 1% по сравнению с 2014 г., но составил лишь 7,63 млрд долл. [4]. Реализация данной цели, как показала жизнь, выходит за рамки возможного. Поэтому во время очередного визита Президента РФ В.В. Путина в Индию стороны решили увеличить контрольные показатели роста оборота товаров и услуг до 30 млрд долл., но перенести сроки достижения этой цели на 2025 г. Запланировано, что уровень взаимных инвестиций к этому времени превысит 15 млрд долл. от каждой страны [10, с. 279].

Стороны понимают, что необходимо расширять и углублять сотрудничество в более широких секторах экономики, и уже есть определенный прогресс в инициировании и реализации крупных совместных проектов. Так, в Гуджарате при непосредственном участии России строится крупнейший в мире завод по производству бутилкаучука. Еще один совместный проект – завод по сборке в городе Хайдарабаде крупноузловых машинокомплектов новейших пластиковых гусеничных бульдозеров Б-11 класса тяги 10 т.

Россия предложила производить в Индии знаменитые самолеты «Сухой Суперджет-100» и МС-21, успешно развивается прямая торговля алмазами

между двумя странами. Такое сотрудничество имеет взаимовыгодный характер, притом что российская компания АЛРОСА является крупнейшим производителем алмазов в мире, в то время как Индия является ведущей страной в области их обработки.

Соглашение о поставках зенитных ракетных систем С-400 «Триумф» было подписано в 2016 г. по итогам встречи Президента РФ Владимира Путина и премьера Индии Нарендры Моди в индийском штате Гоа [3]. Сегодня обсуждаются детали подписания контракта на поставку в этом году Индии 48 вертолетов Ми-17В5 [1].

В последние годы наши страны активно инвестируют средства в экономики друг друга. Так, Индия собирается вкладывать средства в развитие в России промышленных парков, технологических платформ, фармацевтической продукции, удобрений, угля и энергии. В Индии ожидают российских инвестиций в крупные инфраструктурные проекты, телекоммуникации, энергетику и строительство дорог. Лидеры двух стран приветствовали инициативу фонда прямых инвестиций на сделку 2 млрд долл. между «Роснано» и его индийским партнером для реализации высокотехнологичных проектов. Во время последнего визита Путина в Индию (в 2016 г.) было также подписано много важных коммерческих контрактов между российскими и индийскими компаниями. Россия и Индия хотят постепенно перейти к взаимным платежам в национальных валютах. Это важно как для России, которая из-за западных санкций желает сберечь свои валютные резервы, так и для Индии, так как позволит ей более рационально использовать свои валютные поступления. Все это позволит укрепить рубль и рупию, будет способствовать уменьшению значимости доллара в глобальной экономике.

Россия, Европа и Индия. Геостратегические позиции потенциальных партнеров Индии

В Европе ревниво наблюдают за процессом эволюции взаимоотношений России и Индии, не желая уступать нашей стране право приоритетного партнерства с новым глобальным актором.

Многие на Западе полагают, что Индия, Европа и Россия разделены глобальными вызовами, что у них отсутствуют общая стратегия и тактика выживания и развития в условиях глобализации [16, с. 242]. От того, как Европа и Россия будут решать эти проблемы, как будут отвечать на глобальные вызовы, будут зависеть их отношения с Индией как восходящей глобальной державой.

Сама же Индия продолжает поддерживать тесные отношения с США, особенно в сфере сотрудничества по ядерным проблемам. Она не скрывает,

что очень заинтересована в развитии отношений с Китаем, а недавно был официально объявлен новый приоритет ее внешней политики под лозунгом «Смотреть на Восток» («Look East» policy).

Активизируется политика Индии на Ближнем Востоке. Взаимоотношения с этими странами, особенно с Израилем и странами Персидского залива, имеют, как полагают индийские эксперты, большой потенциал, могут служить укреплению безопасности в регионе.

Россия же может заинтересовать Индию в развитии сотрудничества в сфере энергетики, освоения космоса и торговли вооружениями. Правда, сегодня экономический и технологический потенциалы нашей страны недостаточно велики. Он не может полностью удовлетворить требованиям привилегированного стратегического партнерства и выйти на тот уровень взаимоотношений, который был у наших стран в недалеком прошлом.

Начало XXI в. было переломным моментом во взаимоотношениях России и Индии. Для России распад СССР оказался очень болезненным периодом, который сказался на ее экономике, политике и статусе в глобальном мире. Для Индии период усиления глобальной интеграции и конца однополярного мира, наоборот, стал благоприятным временем, способствовавшим подъему ее экономики и утверждению позиции глобального лидера.

Развитие процессов глобализации привело к изменению иерархического статуса двух стран: Индию стали рассматривать как нового глобального лидера, а Россию на Западе все чаще стали называть просто региональной державой. В результате некоторым стало казаться, что Индия и Россия поменялись местами, и теперь уже Россия более заинтересована в дружбе со своим старым партнером, еще в недавнем прошлом – развивающейся страной третьего мира [16, с. 243].

Однако существует и осознание того, что национальные интересы Индии и России не противоречат друг другу. Поэтому есть все возможности восстановления традиционных дружеских и взаимовыгодных отношений между двумя странами, какими они были во времена холодной войны.

В итоге Россия может попасть в «золотую середину» приоритетов внешней политики Индии. Это может дать ей определенное преимущество по сравнению со странами Запада или ее ближайшими соседями, с которыми отношения у нашего партнера уже в течение долгого времени весьма напряженные. Так, Кристоф Джафрелот пишет: «К большому разочарованию мы обнаруживаем, что Европейский союз едва ли присутствует на экране политического радара Индии. Европа вообще может вскоре обнаружить, что ее “задвинул в угол” этот лидер “нового азиатского порядка” и международный актор» [15, с. 357].

И европейские страны, и Россия имеют большой интерес к Индии. Но преимущество России состоит в том, что она имеет большой опыт взаимо-

действия с этой страной, а частые визиты лидеров и консультации наших министерств и ведомств в различных сферах стали давней традицией. Однако кто из них: ЕС или РФ – получит привилегированный статус партнера Индии, будет зависеть от успехов экономического развития России и характера интеграционных процессов в Европейском союзе.

Индия может в ближайшем будущем предпринять новые усилия для налаживания двусторонних отношений с ведущими европейскими странами. Данная задача в последнее время становилась для индийских политиков все более актуальной: в Индии с тревогой наблюдали, как администрация президента Б. Обамы буквально «обхаживает» Китай. Возникло опасение, что подобное сближение двух держав может привести к образованию «G-2» в составе США – Китай. В будущем такой союз мог негативно сказаться на взаимоотношениях этих стран с Индией, подорвать ее растущее экономическое влияние в регионе. Кроме того, Китай мог попытаться решить спорные пограничные вопросы со своим соседом самостоятельно, опираясь на поддержку Соединенных Штатов.

Если эти опасения оправдаются при новой администрации Белого дома, Индия, несомненно, обратится к Европе или России, чтобы вернуть утраченный геополитический баланс в регионе. При таком развитии событий – учитывая союзнические отношения ЕС с Соединенными Штатами – шансы у России стать приоритетным партнером Индии гораздо выше. Многое в ближайшем будущем будет зависеть от политики Д. Трампа по отношению к Китаю: решится ли он пойти на обострение отношений с этой страной или же сохранит во взаимоотношениях статус-кво.

Но что бы ни случилось в ближайшем будущем, Индия сегодня продолжает развивать двусторонние отношения с Россией, и это весьма удивляет и настораживает Запад [16, с. 245]. Но удивительного в этом мало. Отношения между Россией и Индией прошли испытания на прочность. Индия убедилась, что Россия в любых ситуациях является надежным партнером и поставщиком относительно дешевого, но современного оружия и энергоносителей.

Правда, это не мешает Индии в поисках новых поставщиков оружия обращаться к западным европейским странам, что грозит нанести ущерб традиционному российскому экспорту. Уже сегодня европейские экспортеры оружия представляют для России серьезных конкурентов.

Некоторые выводы

Известный эксперт Анурадха Ченой считает, что старая модель индийско-российских отношений устарела. Она нуждается в модернизации, должна стать более гибкой. Она должна отражать новую позицию, которую Индия

занимает в глобальном мире, а сама Индия должна иметь геополитический простор для маневрирования в своей глобальной и региональной политике. Поэтому взаимоотношения и с Россией, и с Западной Европой должны быть, как полагает эксперт, сбалансированы и равноценны [9, с. 49].

Россия, по мнению индийского эксперта, сейчас активно восстанавливает свои позиции в глобальной иерархии. Это полностью вписывается в концепцию многополярного мира, какой ее представляют в Индии. То есть такого мира, где Индия имеет дело преимущественно с равноправными партнерами, партнерами, равными ей по экономической мощи и политическому влиянию. Индия гордится своими успехами в экономике и претендует на роль лидера в новом мировом порядке XXI в.

История и давние традиции дружбы Индии и России могут помочь преодолеть трудности становления новой модели взаимоотношений стран в многополярном мире, отражающей новую расстановку сил и приоритетов.

Сегодня Западная Европа и Россия становятся конкурентами за приоритетный статус во взаимоотношениях с Индией – восходящей глобальной державой. Однако у наших стран по-прежнему есть общие интересы и кроются они прежде всего в сфере безопасности. Кроме того, Индия заинтересована в российских энергоносителях.

В Индии отмечают, что хотя лидирующие позиции в новом многополярном мире сохраняют США, все более уверенно на мировой арене выступают Китай, Индия и Россия, а вместе с ними Бразилия. Эти страны успешно конвертируют усиление своей экономической мощи в политическое влияние. Страны же Западной Европы переживают стагнацию, связанную с рядом демографических, экономических и геополитических проблем. Между тем, по мнению индийских аналитиков, экономика России пока недостаточно устойчива. Этот факт оставляет Индии право выбора иных приоритетов своей внешней политики.

Объективно мыслящие индийские эксперты и политики считают, что Россия, несмотря на переживаемые экономические трудности, по-прежнему является глобальным лидером и региональной державой, имеющей огромное влияние в Европе, Азии (особенно в Центральной Азии, где Индия также имеет свои национальные интересы), на Кавказе и твердо отстаивает свои позиции в мире. При этом национальные интересы наших стран совпадают, а серьезные проблемы во взаимоотношениях маловероятны.

И все же приходится констатировать, что индо-российские взаимоотношения переживают некоторый спад. Если Индия переживает бурный экономический подъем, то в России наблюдается кризис. Для Индии сейчас весьма благоприятная геополитическая ситуация, которая позволяет ей укрепить свое международное влияние. Это дает повод Дели надеяться, что Индия может стать желаемым, привилегированным и доминирующим партнером для

всех глобальных лидеров сразу: США, ЕС, Китая, России. Это даст ей шанс, как разборчивой невесте, широкого выбора среди них.

Сценарий будущего еще открыт, он далеко еще не предопределен и зависит от множества факторов, которые будут влиять на состояние мировой политической системы, делая ее подвижной и непредсказуемой.

Закончить же статью хотелось бы фразой из индийского учебника по внешней политике, в котором, по преимуществу, приводятся суждения, имеющие статус аксиомы: «Индия и Россия не могут позволить себе ослаблять и выхолащивать свои двусторонние отношения, поскольку обе страны нуждаются друг в друге. Поэтому они должны и дальше развивать свое взаимодействие и сотрудничество в экономике, особенно в сфере обеспечения безопасности. В данном контексте актуальной является задача проанализировать и провести аудит текущего состояния партнерства. Как метко выразился российский посол А.М. Кадакин[3] "Индия – ближайший друг России". Обратное также справедливо» [12, с. 38].

Библиография

1. Контракт на поставку Индии 48 вертолетов Ми-17В5 может быть заключен до конца года // URL: http://www.vedomosti.ru/business/news/2017/02/14/677552-indii-mi-17v5 (Дата обращения: 03.04.2017.)

2. Портал внешнеэкономической информации. Министерство экономического развития РФ // URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/in/in_ru_relations/in_ru_trade/ (Дата обращения: 03.04.2017.)

3. Путин договорился о поставках в Индию ЗРС С-400 «Триумф» // URL: http://www.1tvnet.ru/content/show/putin-dogovorilsya-o-postavkah-v-indiyu-zrs-s-400-triumf_36608.html (Дата обращения: 03.04.2017.)

4. Торговый оборот между Россией и Индией за 2015 год // URL: http://www.rusexporter.ru/research/country/detail/4313/ (Дата обращения: 03.04. 2017.)

5. Эксперты: Полноценному сотрудничеству между Россией и Индией мешают США // URL: https://www.ridus.ru/news/165624 (Дата обращения: 03.04.2017.)

6. Abhyankar, Rajendra M. Introduction // West Asia and the Region: Defining India's Role / Ed. by Rajendra M. Abhyankar. New Delhi: Academic Foundation, 2008. 237 p.

7. Bandyopadhyaya, J. The Making of India's Foreign Policy: Determinants, institutions, processes, and personalities. Allied Publishers. New Delhi: Allied Publishers PvtLmd, 2013. 337 p.

8. India's Foreign Policy Retrospect and Prospect / Ed. by S. Genguly. New Delhi: Oxford University Press. 2010 // URL: http://dev.1947partitionarchive.org/node/545 (Дата обращения: 03.04.2017.)

9. Chenoy, Anuradha M. India and Russia: Allies in the International Political System // South Asian Survey. 2008. N 15/1. P. 49–62.

10. Dubey, Muchkund. India's Foreign Policy. Coping with Changing World. New Delhi: Orient BlackSwan Privet Limited, 2016. 446 p.

3. Посол РФ в Индии А.М. Кадакин скоропостижно скончался в январе 2017 г. – Прим. автора.

11. India and West Asia in the Era of Globalisation. New Delhi: New Century Publications, 2010. 107 p.

12. India Foreign Policy. Calcutta: Calicut University P.O, Malappuram Kerala, n/d. 76 p. // URL: http://www.universityofcalicut.info/cuonline/exnotif/ex5437.pdf (Дата обращения: 03.04.2017.)

13. India's Foreign Policy. Module 6. India and the World // URL: http://download.nos.org/srsec317newE/317EL26.pdf (Дата обращения: 03.04.2017.)

14. Foreign policy of India // URL: http://www.slideshare.net/duawahab/foreign-policy-of-india-36407477 (Дата обращения: 03.04.2017.)

15. Jaffrelot, Christophe. India and the European Union: The Charade of a Strategic Partnership. Paris: Centre for International Studies and Research, 2006. 464 p.

16. Malone, David M. Does the Elephant Dance? Contemporary Indian Foreign Policy. New Delhi: Oxford India Paperbacks, 2014. 425 p.

17. Mohan C. Raja. Draft paper presented at a Seminar in Beijing by China Reform Forum and the Carnegie Endowment for International Peace, Beijing, May 26, 2006 // URL: http://carnegieendowment.org/files/Mohan.pdf (Дата обращения: 03.04.2017.)

18. Panagariya A. India: The Emerging Giant. New York: Oxford University Press, 2008. 538 c. // URL: http://ru.bookzz.org/book/779813/82d967 (Дата обращения: 03.04.2017.)

19. Singh, Jasjeet. India's Foreign Policy // URL: http://www.slideshare.net/duawahab/foreign-policy-of-india-36407477 (Дата обращения: 03.04.2017.)

References

Abhyankar, Rajendra M. Introduction // West Asia and the Region: Defining India's Role / Ed. by Rajendra M. Abhyankar. New Delhi: Academic Foundation, 2008. 237 p.

Bandyopadhyaya, J. The Making of India's Foreign Policy: Determinants, institutions, processes, and personalities. Allied Publishers. New Delhi: Allied Publishers PvtLmd, 2013. 337 p.

Chenoy, Anuradha M. India and Russia: Allies in the International Political System // South Asian Survey. 2008. N 15/1. P. 49–62.

Dubey, Muchkund. India's Foreign Policy. Coping with Changing World. New Delhi: Orient BlackSwan Privet Limited, 2016. 446 p.

Foreign policy of India // URL: http://www.slideshare.net/duawahab/foreign-policy-of-india-36407477 (Data obrashhenija: 03.04.2017.)

India and West Asia in the Era of Globalisation. New Delhi: New Century Publications, 2010. 107 p.

India Foreign Policy. Calcutta: Calicut University P.O, Malappuram Kerala, n/d. 76 p. // URL: http://www.universityofcalicut.info/cuonline/exnotif/ex5437.pdf (Data obrashhenija: 03.04.2017.)

India's Foreign Policy Retrospect and Prospect / Ed. by S. Genguly. New Delhi: Oxford University Press. 2010 // URL: http://dev.1947partitionarchive.org/node/545 (Data obrashhenija: 03.04.2017.)

India's Foreign Policy. Module 6. India and the World // URL: http://download.nos.org/srsec317newE/317EL26.pdf (Data obrashhenija: 03.04.2017.)

Jaffrelot, Christophe. India and the European Union: The Charade of a Strategic Partnership. Paris: Centre for International Studies and Research, 2006. 464 p.

Jeksperty: Polnocennomu sotrudnichestvu mezhdu Rossiej i Indiej meshajut SShA // URL: https://www.ridus.ru/news/165624 (Data obrashhenija: 03.04.2017).

Kontrakt na postavku Indii 48 vertoletov Mi-17V5 mozhet byt' zakljuchen do konca goda // URL: http://www.vedomosti.ru/business/news/2017/02/14/677552-indii-mi-17v5 (Data obrashhenija: 03.04.2017.)

Malone, David M. Does the Elephant Dance? Contemporary Indian Foreign Policy. New Delhi: Oxford India Paperbacks, 2014. 425 p.

Mohan C. Raja. Draft paper presented at a Seminar in Beijing by China Reform Forum and the Carnegie Endowment for International Peace, Beijing, May 26, 2006 // URL: http://carnegieendowment.org/files/Mohan.pdf (Data obrashhenija: 03.04.2017.)

Panagariya A. India: The Emerging Giant. New York: Oxford University Press, 2008. 538 c. // URL: http://ru.bookzz.org/book/779813/82d967 (Data obrashhenija: 03.04.2017.)

Portal vneshnejekonomicheskoj informacii. Ministerstvo jekonomicheskogo razvitija RF // URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/in/in_ru_relations/in_ru_trade/ (Data obrashhenija: 03.04.2017.)

Putin dogovorilsja o postavkah v Indiju ZRS S-400 «Triumf» // URL: http://www.1tvnet.ru/content/show/putin-dogovorilsya-o-postavkah-v-indiyu-zrs-s-400-triumf_36608.html (Data obrashhenija: 03.04.2017.)

Singh, Jasjeet. India's Foreign Policy // URL: http://www.slideshare.net/duawahab/foreign-policy-of-india-36407477 (Data obrashhenija: 03.04.2017.)

Torgovyj oborot mezhdu Rossiej i Indiej za 2015 god // URL: http://www.rusexporter.ru/research/country/detail/4313/ (Data obrashhenija: 03.04.2017.)

Л.В. Новоселова

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ИНВЕСТИЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ «ПОВОРОТА РОССИИ НА ВОСТОК»

Аннотация. *В последние несколько лет российским руководством предприняты значительные усилия по улучшению инвестиционного климата в стране с целью активизации притока иностранного капитала в Россию. Усиленно создаются территории опережающего развития с привлекательными условиями для инвесторов. Происходит совершенствование инструментария российско-китайского делового взаимодействия. Все это в значительной степени относится к дальневосточным территориям, объявленным приоритетом национальной стратегии. Первые результаты предпринятых мер уже проявились в оживлении российско-китайского инвестиционного сотрудничества.*

Ключевые слова: *Россия, Китай, Дальний Восток, территории опережающего развития, организационно-правовые формы сотрудничества, российско-китайские инвестиции.*

Новоселова Любовь Владимировна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.
E-mail: novoselova@ifes-ras.ru

L.V. Novoselova. Russian-Chinese Investment Cooperation in the Context of «Russia's Turn Eastward»

Abstract. *In the last few years the Russian government has made noticeable efforts to improve the investment climate in the country thus enhancing foreign capital inflows to Russia. Special areas of prior development with attractive conditions for investors are being rapidly established. Mechanism of Russian-Chinese business interaction is experiencing substantial improvement. All this applies to the Far East territories, being the national strategy of high priority. The first results have already revived the Russian-Chinese investment cooperation.*

Keywords: *Russia, China, Far East, areas of prior development, institutional and legal forms of cooperation, the Russian-Chinese investment.*

Novoselova Lyubov Vladimirovna – Doctor of Economics,
Chief research fellow of the Institute of Far Eastern Studies.
E-mail: novoselova@ifes-ras.ru

В 2013 г. Президент РФ В. Путин объявил ускоренное развитие Сибири и Дальнего Востока абсолютным приоритетом национальной экономической стратегии. Правительству было поручено обеспечить условия для создания в регионе точек опережающего экономического роста. Вскоре после этого произошли события, обусловившие дальнейшее решительное усиление восточного вектора в российской политике. В 2014 г. разрастание вооруженного конфликта на востоке Украины, сопровождавшееся антироссийскими санкциями со стороны стран Запада и их усилиями по международной изоляции России, привело к окончательному оформлению ее «поворота на Восток».

Со своей стороны Китай обнародовал концепцию собственного продвижения на Запад посредством построения «Экономического пояса Шёлкового пути» – масштабной зоны пространственной интеграции, простирающейся от Китая до Европы и захватывающей, помимо прочего, восточные регионы России. В рамках этих инициатив Россия и Китай установили всесторонние отношения стратегического взаимодействия и партнерства, а двусторонние политические обмены достигли самого высокого уровня в истории.

Для практической реализации намеченных планов со стороны России в последние годы сделано очень много. Так, в декабре 2014 г. подписан и в марте 2015 г. вступил в силу Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (ТОР). В соответствии с ним в 2015–2017 гг. первые ТОР появляются в Дальневосточном федеральном округе (ДФО), а также в моногородах со сложным социально-экономическим положением. Впоследствии они могут быть сформированы и в других регионах страны. Срок деятельности ТОР определен в 70 лет с возможностью продления, а их создание изначально ориентировано на конкретных якорных инвесторов, заключивших с государством индивидуальные соглашения на вид предполагаемой деятельности, объем инвестиций, количество создаваемых рабочих мест и т.д.

Установленный в ТОР специальный правовой режим направлен на создание привлекательных условий для инвестирования и ведения хозяйственной деятельности. Резидентам ТОР предоставляются существенные льготы: снижение ставок налогов на прибыль, имущество, землю и добычу полезных ископаемых в сочетании с налоговыми каникулами от трех до десяти лет, ускоренный возврат «экспортного» НДС. Также предусмотрены пониженные арендные ставки и ставка страховых взносов, упрощенный доступ к строительству и электросетям, облегченный порядок привлечения иностранной рабочей силы, применение беспошлинного и безналогового режима свобод-

ной таможенной зоны и других элементов дерегулирования экономики [1]. Все это открывает широкие перспективы для развития деловой активности иностранных компаний.

Развитие ТОР основано на механизме государственно-частного партнерства, при этом строительство местных объектов инфраструктуры полностью финансируется из бюджетных источников [18]. Средства, выделенные из федерального бюджета на развитие ТОР в 2015–2017 гг., составляют 42 млрд руб. [6].

В 2015–2016 гг. российским правительством приняты решения о создании 15 ТОР в Приморском, Хабаровском и Камчатском краях, Амурской и Сахалинской областях, Республике Саха-Якутия, Чукотском автономном округе и Еврейской автономной области. Масштабы и уровень предоставляемых инвесторам преференций обеспечивают конкурентоспособность ТОР по сравнению с аналогичными районами льготного инвестирования в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В июле 2015 г. был подписан Федеральный закон о предоставлении Владивостоку статуса свободного порта с льготными режимами таможенного, налогового, инвестиционного и административного регулирования. Этот закон был принят в интересах развития транспортной инфраструктуры Дальнего Востока, вовлечения его в трансграничный торговый обмен и глобальные транспортные сети, а также с целью привлечения инвестиций в создание несырьевых, ориентированных на экспорт производств.

Льготы и преференции свободного порта, в основном аналогичные правовым нормам, действующим в ТОР, распространяются на все главные порты Приморья от Зарубино до Находки, а также на международный аэропорт Владивостока (всего 15 муниципальных образований Приморского края). Таким образом, в зону действия свободного порта вошли перспективные международные транспортные коридоры «Приморье-1» и «Приморье-2». Активное использование этих коридоров способно дать ощутимую экономическую отдачу за счет переброски по железной дороге грузов из северо-восточных провинций КНР в порты Приморья – с последующей отправкой морем в адрес получателей в Южном Китае, в странах АТР, Европы, а также в США.

Со вступлением в силу Федерального закона «О свободном порте Владивосток» встал вопрос о распространении этого льготного режима на другие дальневосточные порты и территории. В июле 2016 г. льготный режим начал действовать в Ванинском районе (Хабаровский край), Корсаковском районе (Сахалинская область), Певеке (Чукотский автономный округ), Петропавловске-Камчатском (Камчатский край).

Эти меры начинают приносить первые результаты. По состоянию на март 2016 г. от частных (российских и иностранных) инвесторов поступило

110 заявок на реализацию инвестиционных проектов в ТОР на общую сумму свыше 440 млрд руб. Еще 45 заявок на 150 млрд руб. получено в зоне действия режима свободного порта [12; 17].

В ходе российского «поворота на Восток» происходит усложнение и диверсификация инструментария двустороннего российско-китайского делового взаимодействия. В 2014 г. образована *Межправительственная Российско-Китайская комиссия по инвестиционному сотрудничеству*. На своих ежегодных заседаниях комиссия утверждает перечень приоритетных проектов сотрудничества, контролирует осуществление этих проектов, разрабатывает предложения по улучшению инвестиционного климата двух стран.

К компетенции комиссии отнесены крупные проекты, сулящие наибольший экономический эффект. Отбор проектов и мониторинг их реализации, как и оперативное реагирование на возникающие у инвесторов проблемы, обеспечивает действующий в рамках комиссии *Консультационный комитет предпринимателей*. В 2014 г. комиссия курировала 32 проекта сотрудничества в сфере развития инфраструктуры, высокотехнологичной промышленности, добычи и переработки полезных ископаемых, сельском хозяйстве и др. В 2016 г. таких проектов стало 66. Общая сумма их инвестиционных амбиций – около 90 млрд долл. [14].

По похожей схеме строится и российско-китайское инвестиционное сотрудничество на межрегиональном уровне. Так, в 2013 г. начал работу Круглый стол руководителей регионов Приволжского федерального округа и провинций верхнего и среднего течения реки Янцзы, преобразованный в 2016 г. в *Совет по российско-китайскому межрегиональному сотрудничеству в формате «Волга–Янцзы»*. По состоянию на июль 2016 г. в рамках Совета, действующего на паритетной ежегодной основе, прорабатывалось 69 инвестиционных проектов, из которых 27 либо реализованы, либо находились в стадии реализации [3].

В 2015 г. создан Совет сотрудничества между регионами российского Дальнего Востока и Северо-Востока КНР, годом позже он преобразован в российско-китайскую смешанную *Межправительственную комиссию по развитию Дальнего Востока России и Северо-Востока КНР*. Задача комиссии – способствовать повышению темпов реализации проектов двустороннего сотрудничества на Дальнем Востоке.

Одновременно получают все большее распространение соглашения о сотрудничестве между отдельными российскими регионами и провинциями КНР. Только в 2014 г. такие соглашения подписаны между Республикой Башкортостан и провинцией Цзянси, Пермским краем и провинцией Цзянси, Республикой Татарстан и провинцией Хунань.

Для обеспечения этих соглашений формируется соответствующая финансовая инфраструктура. В 2012 г. Российский фонд прямых инвестиций

(РФПИ) на паях с Китайской инвестиционной корпорацией (CIC) учредили *Российско-китайский инвестиционный фонд* (РКИФ), внеся в его капитал по 1 млрд долл. и рассчитывая привлечь еще 2 млрд долл. от ведущих китайских инвесторов[1].

В 2016 г. профинансированные и одобренные РКИФ сделки достигли 4 млрд долл. Приоритет в работе фонда отдается таким направлениям, как инфраструктура и логистика, агропромышленный комплекс, глубокая переработка природных ресурсов, высокотехнологичная обрабатывающая промышленность, сфера услуг, включая туризм и путешествия. Более 70% средств РКИФ инвестируется в России, до 30% – в КНР.

Одним из таких проектов стало создание РКИФ в ноябре 2016 г. совместно с китайской компанией «Tus-Holdings» (управляющая компания крупнейшего технопарка в мире) *Российско-китайского венчурного фонда* (РКВФ). Капитал фонда (100 млн долл.) в перспективе может быть пополнен, а его участниками могут стать и другие российские и китайские институциональные инвесторы. РКВФ планирует инвестировать в высокотехнологичные российские компании с потенциалом развития на рынке КНР [13].

В апреле 2016 г. в рамках договоренности между Минвостокразвития России и Госкомитетом по развитию и реформам КНР о совместном финансировании сельскохозяйственного производства на Дальнем Востоке создан *Российско-китайский фонд агропромышленного развития* (РКФАР). Учредителями фонда стали российский Фонд развития Дальнего Востока и Азиатско-Тихоокеанский продовольственный фонд (КНР).

Предусмотрено, что земля под совместные сельскохозяйственные проекты выделяется исключительно российским участникам при обязательном использовании ими современных аграрных технологий. Не менее 80% создаваемых рабочих мест должны занимать россияне. Российские поставщики товаров и услуг пользуются приоритетом при реализации проектов фонда.

Выступая своего рода катализатором инвестиционного процесса, РКФАР из собственных средств финансирует 10% стоимости проекта, еще 10% предоставляют его инициаторы, оставшиеся 80% привлекаются в кредит от российских или китайских банков-партнеров [10]. Участниками Соглашения о взаимодействии в рамках РКФАР являются крупнейшие банки, включая

1. РФПИ основан в 2011 г. с капитализацией в размере 10 млрд долл., выделяемых российским правительством для осуществления доходных инвестиций в капитал компаний на принципах соинвестирования. Управляющая компания фонда является 100% дочерним обществом Внешэкономбанка. CIC – Китайский суверенный фонд благосостояния, государственная компания, образованная в 2007 г. в целях диверсификации золотовалютных резервов Китая и обеспечения более высокой доходности инвестиций.

Сельскохозяйственный банк Китая, Строительный банк Китая и Торгово-промышленный банк Китая.

Первые контракты подписаны РКФАР в сентябре 2016 г. Партнерами фонда стали известные дальневосточные компании «Ратимир» (строительство в ТОР Приморского края свиноводческого комплекса стоимостью в 15 млрд руб.) и «Амур Агро Холдинг» (строительство в Амурской области заводов по глубокой переработке пшеницы и сои – 2,9 млрд руб.) [6].

Политические инициативы и организационные усилия последних лет, подкрепленные соответствующей активностью национальных компаний, привели к очевидному оживлению российско-китайского инвестиционного взаимодействия. С каждым годом появляется все больше новых совместных проектов, укрепляющих двустороннее сотрудничество.

Как свидетельствует таблица 1, в 2015 г. китайские инвестиции в Россию составили 3 млрд долл., увеличившись в 4,7 раза по сравнению с предыдущим годом. Накопленные инвестиции Китая достигли 14,6 млрд долл., позволив ему подняться на четвертую позицию в списке иностранных инвесторов в российскую экономику [25]. Доля России в экспорте китайского капитала в 2015 г. составила 2,4% против 0,5% годом ранее.

Таблица 1

ИНВЕСТИЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ (млн долл.)

	2010	*2011*	*2012*	*2013*	*2014*	*2015*	*Накопленные инвестиции на конец 2015 г.*
Прямые инвестиции России в Китай	35,0	31,0	29,9	22,1	40,9	13,1	946,9
Прямые инвестиции Китая в Россию	567,7	715,8	784,6	1022,2	633,6	2960,9	14 566,7

Составлено по: [19, табл. 6–14, 6–19; 20, табл. 6–13, 6–18; 21, табл. 11–14, 11–19; 22, табл. 11–14, 11–19].

Эти успехи, однако, выглядят не столь впечатляюще на фоне глобальной инвестиционной экспансии Китая. Ведь современный Китай – это один из крупнейших международных инвесторов. В 2016 г., по данным Министерства коммерции КНР, прямые китайские инвестиции за рубежом превысили 170 млрд долл., а темпы их годового прироста составили 44,1% [7]. Все это говорит о пока еще скромных размерах российско-китайского инвестиционного сотрудничества. В то же время у этого сотрудничества поистине огромный потенциал. Велики и возможности наращивания инвестиционного присутствия Китая в России.

Уже сегодня эти возможности находят воплощение на Дальнем Востоке России. В 2016 г. в ДФО сумма подписанных соглашений о реализации инвестиционных проектов с негосударственными вкладчиками капитала достигла 1,3 трлн руб. При этом, согласно Минвостокразвития России, 22% общей суммы капиталовложений (или 4,8 млрд долл.) приходится на зарубежных инвесторов, среди которых уверенно лидируют компании КНР, обеспечивающие почти 2/3 притока иностранных инвестиций. Если сегодня на Дальнем Востоке реализуется в общей сложности 23 проекта с суммой инвестиций из КНР в 3 млрд долл., то в 2018 г. этот показатель предполагается увеличить до 16 млрд долл.

Китайские инвесторы развивают бизнес в дальневосточных ТОР, где в 2016 г. на их долю пришлось 25% негосударственных инвестиций. Например, в ТОР «Михайловское» (Приморский край) они планируют построить животноводческий комплекс, а также предприятия по очистке зерна, переработке сои и производству комбикормов. В ТОР «Хабаровск» компания «Baoli Bitumina» намерена построить завод по производству современных битумных материалов. В ТОР «Кангалассы» (Якутия) китайские резиденты инвестируют в строительство двух предприятий по производству стройматериалов [15].

В отличие от этого капиталовложения российских компаний в КНР, характеризовавшиеся и ранее небольшими объемами, не показывают тенденции к росту. По состоянию на 2015 г. накопленные размеры этих инвестиций не достигали и 1 млрд долл., а их доля в общем притоке иностранного предпринимательского капитала в Китай осталась на уровне статистической погрешности (в 2015 г. – 0,01%).

Низкие показатели вложений российского капитала в КНР, судя по всему, связаны и с тем, что в ряде случаев финансовые ресурсы из России поступают в Китай не напрямую, а через Гонконг или другие юрисдикции с льготным налогообложением. Однако официальные данные о вывозе российского капитала в эти юрисдикции также не позволяют говорить о сколько-нибудь существенной инвестиционной активности России в Китае. В итоге с течением времени российско-китайское инвестиционное сотрудничество превратилось, по сути, в «улицу с односторонним движением» [8].

В соответствии с опросом, проведенным консалтинговой компанией «IPT Group» среди компаний КНР, работающих в России, наиболее важными факторами ее привлекательности для китайских инвесторов являются наличие богатых и разнообразных природных ресурсов (71% респондентов), степень развития инфраструктуры (43%) и доступ к высоким технологиям (43%) [12].

Наблюдаемый сегодня рост интереса китайской стороны к современным технологиям соответствует национальной экономической стратегии Китая с ее ставкой на инновации. Конкурируя с американскими и азиатскими компаниями, КНР стремительно сокращает отставание от них в целом ряде высоко-

технологичных производств. По различным оценкам, за первое полугодие 2016 г. доля китайских смартфонов на российском рынке составила от 30 до 56%. В этих условиях производители технологических китайских брендов не только открывают дочерние компании в России, но и рассматривают возможность размещения здесь своего производства.

Китайских партнеров интересуют и российские достижения в таких областях, как медицинские и биотехнологии, микроэлектроника, светодиоды, робототехника, телекоммуникации, технологические решения в финансовом секторе и в области переработки отходов и т.д. В конце 2016 г. достигнута договоренность о сотрудничестве в области информационных, авиакосмических, «зеленых» технологий, а также в сфере систем спутниковой навигации [2].

Не менее важным с точки зрения активизации российско-китайского инвестиционного взаимодействия является и повышение жизненного уровня населения КНР с возрастанием интереса китайцев к здоровому образу жизни, включая потребление экологически чистых продуктов питания. В последнее время значительно увеличился экспорт российских овощей, фруктов и мясных продуктов в Китай. При активной государственной поддержке сотрудничество в сельскохозяйственном секторе все более переходит от чистой торговли к модели объединения инвестиций с технологическим сотрудничеством. Отсюда – рост китайских инвестиций в сельское хозяйство России.

Данное направление выглядит весьма многообещающим, ведь Россия сегодня является одним из ведущих мировых экспортеров сельскохозяйственной продукции и продуктов питания. К тому же перспективные с точки зрения агробизнеса земли Сибири и Дальнего Востока в настоящее время практически простаивают.

На территории Омской области, например, китайскими инвесторами создается агропромышленный кластер, продукция которого предназначена для экспорта в Китай. В Забайкальском крае китайские инвестиции (24 млрд руб.) будут направлены на развитие сельского хозяйства на неиспользуемых пахотных землях и пастбищах. В 2016 г. крупнейший в Китае производитель продуктов «China National Cereals, Oils and Foodstuffs Corporation» (COFCO) объявил об открытии филиала на Дальнем Востоке России. COFCO планирует выращивать и перерабатывать в Приморье соевые бобы, а также экспортировать отсюда мясо и воду [16; 24].

Особенностью российско-китайского инвестиционного сотрудничества является также усиление деловой активности КНР в сфере недвижимости, международного туризма и индустрии развлечений. В последние годы поток китайских туристов в Россию постоянно увеличивается. К тому же создание объектов недвижимости является одним из важных направлений китайского экспорта капитала: зарубежные инвестиции КНР в недвижимость в 2015 г.

составили 8,5 млрд долл. против 1 млрд долл. в 2009 г. Сегодня к крупным городам Австралии, США, Великобритании в списке приоритетов китайских инвесторов добавляются и восточные территории России.

Среди крупнейших проектов такого рода следует отметить комплексную застройку жилых микрорайонов в Улан-Удэ и Забайкальске, участие корпорации «Говэй Цайфу» в строительстве игорной зоны «Приморье» (общая сумма инвестиций – 2,7 млрд долл.). Также следует упомянуть обнародованный в конце 2016 г. мегапроект по созданию современного туристического кластера в Байкальском регионе совместными усилиями дочерних структур Китайской международной инвестиционно-трастовой корпорации (CITIC), ПАО «Иркутскэнерго» и принадлежащей О. Дерипаске компании «ГОСТ Отель Менеджмент» (11 млрд долл.) [4]. В целом удельный вес туризма, индустрии развлечений и сектора высоких технологий в общем потоке китайских инвестиций в Россию в 2015–2016 гг. составил 46% против 17,4% – в 2005–2014 гг. [2].

В настоящее время доступ России к ресурсам международного финансового рынка ограничен, проблема ликвидности российского бизнеса стоит весьма остро. Соответственно, активизируется деятельность китайских инвесторов, связанная с приобретением заметных долей в акционерном капитале крупных российских корпораций. Многие из этих компаний работают в традиционно интересующих КНР сырьевых отраслях.

В 2015–2016 гг. крупнейшими сделками такого рода стали:

– покупка компанией CNPC и Фондом Шёлкового пути, соответственно, 20 и 9,9% акций в ПАО «Ямал-СПГ», реализующем крупный проект по добыче, сжижению и поставке природного газа (сумма сделок оценивается свыше 1 млрд долл.);

– покупка Китайской инвестиционной корпорацией 12,5% акций «Уралкалия» (2 млрд долл.) и 5,4% акций Московской биржи (100 млн долл.);

– приобретение 10% акций ПАО «Сибур Холдинг» (1,3 млрд долл.) корпорацией «Sinopec Group» и еще 10% – Фондом Шёлкового пути;

– приобретение Строительным банком Китая 2% акций банка ВТБ (100 млн долл.);

– приобретение инвестиционным консорциумом «Highland Fund» у ПАО «ГМК «Норильский никель» 13,3% в проекте «Быстринский ГОК» [16].

Приобретая активы, компании КНР получают доступ к необходимым им природным ресурсам и технологиям, а также дополнительные возможности влияния на развитие ряда крупнейших российских предприятий и даже отраслей. Что касается российской стороны, то хотя она и не расширяет свои производственные мощности, однако ослабляет напряженность с ликвидностью и рассчитывает на укрепление связей с ведущими финансовыми институтами Китая.

Однако, как показывает практика, далеко не всегда этим надеждам суждено сбыться. В условиях сохранения антироссийских санкций и нарастания связанных с Россией страновых рисков китайские банки проявляют большую осторожность и сдержанность при обслуживании и финансировании сделок с участием российских компаний. В этих условиях кредитные линии российским банкам все чаще предоставляет не «большая четверка» государственных коммерческих банков КНР, а так называемые политические банки – Банк развития Китая и Экспортно-импортный банк, ресурсы которых не столь велики.

В целом задержки и срывы финансирования либо его несогласованное сокращение являются, пожалуй, главной претензией российского бизнеса в его взаимоотношениях с партнерами из КНР. Наиболее ярким, хотя и далеко не единственным, примером такого рода является отказ китайской стороны от участия в финансировании строительства газопровода «Сила Сибири», несмотря на попытки «Газпрома» получить на эти цели аванс в 25 млрд долл. В результате в 2016 г. инвестиционная программа российского газового монополиста была сокращена, и вместо ранее планировавшихся 800 км газопровода в течение года было построено лишь 400 км [9].

Список неудовлетворенностей китайской стороны в сотрудничестве с Россией значительно шире.

Таблица 2

ОСНОВНЫЕ ПРЕПЯТСТВИЯ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КИТАЙСКИХ ИНВЕСТИЦИЙ В РОССИЮ

Содержание	*Удельный вес респондентов (%)*
Нестабильная макроэкономическая ситуация	57
Проблемы правоприменения	43
Падение покупательной способности населения	29
Коррупция	14
Санкции и осложнение отношений с Западом	14
Сложные процедуры регистрации собственности, торговых марок	14

Составлено на основании опроса участников рынка консалтинговой компанией «IPT Group» в 2016 г. См.: [12].

Как свидетельствуют данные таблицы 2, основным препятствием для осуществления китайских инвестиций в Россию, по мнению самих участников рынка, является нестабильная макроэкономическая ситуация в нашей стране. В этой связи специалисты Исследовательского центра Фуданьского университета подчеркивают, что российская экономика чрезмерно зависит от колебания мировых цен на энергоносители, а экономической политике России не хватает последовательности и определенности [23].

Большие вопросы у китайских партнеров вызывает и российская практика правоприменения. По их мнению, эффективность работы государственных структур в России падает, надзорные органы не в полной мере выполняют свои функции. Исполнение законодательных актов, включая международные соглашения, носит избирательный характер. Ситуация усугубляется широким распространением правовых коллизий, а также отсутствием ясного разграничения полномочий между федеральными и местными органами власти. В результате непомерно возрастает значение административного ресурса, ширятся масштабы коррупции.

С точки зрения китайских инвесторов, на инвестиционную привлекательность России негативно влияют и такие факторы, как высокие административные барьеры выхода на рынок, а также несовершенство системы технического регулирования. В то время как китайские компании у себя дома и за рубежом давно ориентируются на международные стандарты качества и сертификации, в России до сих пор применяются стандарты ГОСТа, нуждающиеся в обновлении в соответствии с современными международными практиками. Все это препятствует реализации совместных российско-китайских проектов сотрудничества [23].

Не удивительно, что основными субъектами экономических отношений в этих условиях выступают крупные государственные компании, обладающие серьезным административным и политическим ресурсом и опирающиеся, при необходимости, на бюджетное финансирование. Это может иметь известный положительный эффект, особенно на начальном этапе сотрудничества, позволяя придать ему сильный стартовый импульс. Очевидные недостатки такой модели сотрудничества связаны с бюрократизацией экономических отношений, низкой мобильностью принятия решений, слабым реагированием на сигналы рынка и, как следствие, невысокой экономической эффективностью.

Между тем в последние 10–15 лет развитие российской экономики идет по пути прогрессирующего огосударствления и усиления монополистических тенденций. По данным Федеральной антимонопольной службы, вклад государства (включая госкомпании, унитарные предприятия и т.д.) в ВВП России вырос с 35% в 2005 г. до 70% – в 2015 г. [5].

В отличие от России, в Китае в рамках последовательной рыночной трансформации из года в год наблюдается все большее сокращение масштабов госсектора и его доли в экономике. Число государственных предприятий уменьшается. А удельный вес негосударственных инвестиций увеличивается (с 35% валовых капиталовложений в 2006 г. до 64% – в 2015 г.). Поощряется и экспорт капитала частными китайскими компаниями. В 2015 г. их доля в общем объеме зарубежных инвестиций КНР достигла 65%, а в сделках по слиянию и поглощению – даже 76%. Развитие России и Китая, таким

образом, находится в своеобразной противофазе, что вряд ли может способствовать их плодотворному экономическому и инвестиционному взаимодействию.

Если мы действительно хотим использовать высокую энергетику развития Китая в интересах подъема собственной экономики, то нашей стране следует озаботиться укреплением своих позиций в качестве полноценного делового партнера КНР, а не просто участника оживленного политического диалога на высоком уровне. В перспективе для поддержания нынешней активизации инвестиционных потоков необходимо модернизировать и диверсифицировать российскую экономику, повысить степень ее коммерциализации и инновационный потенциал. При этом, сокращая уровень огосударствления и монополизации, стимулируя развитие конкурентной рыночной среды, важно развивать частный российский бизнес и поощрять его включение в международный экономический обмен. В противном случае Россия рискует остаться объектом одностороннего приложения китайских инвестиций в отраслях и регионах, представляющих стратегический интерес для нашего восточного соседа.

Библиография

1. Акционерное общество «Корпорация развития Дальнего Востока». Официальный сайт // URL: http://erdc.ru/ (Дата обращения: 06.05.2017.)

2. Бухарова О. Особенности перевода: Российский и китайский бизнес нашли общий язык // Российская газета. 2016. 25 мая. URL: https://rg.ru/2016/05/25/kitajcy-sochli-rossiiu-privlekatelnoj-dlia-investicij.html (Дата обращения: 20.04.2017.)

3. В Ульяновске состоялось первое заседание Совета по межрегиональному сотрудничеству в формате «Волга–Янцзы» // Официальный сайт Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском административном округе. URL: http://pfo.gov.ru/press/events/100350/ (Дата обращения: 05.05.2017.)

4. Инвесторы Китая построят в Приморье игорную зону // Newsland. 2016. 13 декабря. URL: https://newsland.com/user/epochtimes/content/investory-kitaia-postroiat-v-primore-igornuiu-zonu/5597036 (Дата обращения: 21.04.2017.)

5. Мереминская Е. Государева доля // Ведомости. 2016. 29 сентября.

6. Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. Официальный сайт // URL: http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=2839 (Дата обращения: 06.05.2017.)

7. Объем прямых китайских инвестиций за рубеж в 2016 г. вырос на 44,1% // Regnum. Информационное агентство. 2017. 17 января. URL: https://regnum.ru/news/economy/2227601.html (Дата обращения: 23.04.2017.)

8. Основные итоги инвестиционного сотрудничества России и Китая // Министерство экономического развития Российской Федерации. Портал внешнеэкономической информации. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_rus_projects/ (Дата обращения: 24.04.2017.)

9. Подобедова Л. «Газпром» изменил планы стройки газопровода в Китай // РБК. 2017. 19 мая. URL: http://www.rbc.ru/business/19/05/2016/573d779f9a79474b61282000 (Дата обращения: 21.04.2017.)

10. Подписано акционерное соглашение о создании российско-китайского фонда агропромышленного развития на Дальнем Востоке (РКФАР) // Фонд развития Дальнего Востока. Официальный сайт. 2016. 26 апреля. URL: http://fondvostok.ru/press-tsentr/publikatsii/podpisano-aktsionernoe-soglashenie-o-sozdanii-rossiysko-kitayskogo-fonda-agropromyshlennogo-razvitiya/ (Дата обращения: 05.05.2017.)

11. Правительство Российской Федерации. Официальный сайт // URL: http://government.ru/info/27709/# (Дата обращения: 22.03.2017.)

12. 57% китайских компаний планируют увеличить инвестиции в Россию // Invest Raiting. 2016. 12 августа. URL: http://www.invest-rating.ru/russia-china/?id=5056 (Дата обращения: 06.05.2017.)

13. Россия и Китай создают совместный венчурный фонд // Русская весна. 2016. 7 ноября. URL: http://rusvesna.su/economy/1478505784 (Дата обращения: 05.05.2017.)

14. Состоялось третье заседание Межправительственной Российско-Китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству // Министерство экономического развития Российской Федерации. Официальный сайт. URL: http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depInvest/2016270604 (Дата обращения: 05.05.2017.)

15. Сотрудничество ДФО и Северо-Востока Китая – итоги 2015 // East Russia. 2016. 4 января. URL: http://www.eastrussia.ru/news/sotrudnichestvo-dfo-i-severo-vostoka-kitaya-itogi-2015/ (Дата обращения: 06.05.2017.)

16. Сферы российско-китайских инвестиций // East Russia. URL: http://www.invest-rating.ru/russia-china-spheres/ (Дата обращения: 06.05.2017.)

17. Территории опережающего развития: 12 особых зон в ДФО // ТАСС. 2015. 27 августа. Обновлено: 2016. 11 июля. URL: http://tass.ru/info/2215388http://tass.ru/info/2215388 (Дата обращения: 06.05.2017.)

18. ТОСЭР // Фонд развития Дальнего Востока. Официальный сайт. URL: http:// fondvostok.ru/toser/ (Дата обращения: 06.05.2017.)

19. Чжунго тунцзи няньцзянь[2]. 2011 г. Пекин: Чжунго тунцзи чубаньшэ, 2011.

20. Чжунго тунцзи няньцзянь. 2013 г. Пекин: Чжунго тунцзи чубаньшэ, 2013.

21. Чжунго тунцзи няньцзянь. 2015 г. Пекин: Чжунго тунцзи чубаньшэ, 2015.

22. Чжунго тунцзи няньцзянь. 2016 г. Пекин: Чжунго тунцзи чубаньшэ, 2016.

23. Шишкина Н.И. Основные области и направления российско-китайских экономических отношений // Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии). URL: http://rusrand.ru/analytics/osnovnye-oblasti-i-napravleniya-rossiysko-kitayskih-ekonomicheskih-otnosheniy (Дата обращения: 22.04.2017.)

24. COFCO открывает филиал на Дальнем Востоке РФ // Cina Pro: Деловой журнал про Китай. 2016. 15 декабря. URL: http://www.chinapro.ru/rubrics/1/15010/ (Дата обращения: 06.05.2017.)

25. Regular Press Conference of Ministry of Commerce (December 29, 2016) // Ministry of Commerce of the PRC. URL: http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/press/201701/20170102496126.shtml (Дата обращения: 25.04.2017.)

2. Китайский статистический ежегодник.

References

57% kitajskih kompanij planirujut uvelichit' investicii v Rossiju // Invest Raiting. 2016. 12 avgusta. URL: http://www.invest-rating.ru/russia-china/?id=5056 (Data obrashhenija: 06.05.2017.)

Akcionernoe obshhestvo «Korporacija razvitija Dal'nego Vostoka». Oficial'nyj sajt // URL: http://erdc.ru/ (Data obrashhenija: 06.05.2017.)

Buharova O. Osobennosti perevoda: Rossijskij i kitajskij biznes nashli obshhij jazyk // Rossijskaja gazeta. 2016. 25 maja. URL: https://rg.ru/2016/05/25/kitajcy-sochli-rossiiu-privlekatelnoj-dlia-investicij.html (Data obrashhenija: 20.04.2017.)

Chzhungo tunczi njan'czjan' . 2011 g. Pekin: Chzhungo tunczi chuban'shje, 2011.

Chzhungo tunczi njan'czjan'. 2013 g. Pekin: Chzhungo tunczi chuban'shje, 2013.

Chzhungo tunczi njan'czjan'. 2015 g. Pekin: Chzhungo tunczi chuban'shje, 2015.

Chzhungo tunczi njan'czjan'. 2016 g. Pekin: Chzhungo tunczi chuban'shje, 2016.

COFCO otkryvaet filial na Dal'nem Vostoke RF // Cina Pro: Delovoj zhurnal pro Kitaj. 2016. 15 dekabrja. URL: http://www.chinapro.ru/rubrics/1/15010/ (Data obrashhenija: 06.05.2017.)

Investory Kitaja postrojat v Primor'e igornuju zonu // Newsland. 2016. 13 dekabrja. URL: https://newsland.com/user/epochtimes/content/investory-kitaia-postroiat-v-primore-igornuiu-zonu/5597036 (Data obrashhenija: 21.04.2017.)

Mereminskaja E. Gosudareva dolja // Vedomosti. 2016. 29 sentjabrja.

Ministerstvo Rossijskoj Federacii po razvitiju Dal'nego Vostoka. Oficial'nyj sajt // URL: http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=2839 (Data obrashhenija: 06.05.2017.)

Ob'em prjamyh kitajskih investicij za rubezh v 2016 g. vyros na 44,1% // Regnum. Informacionnoe agentstvo. 2017. 17 janvarja. URL: https://regnum.ru/news/economy/2227601.html (Data obrashhenija: 23.04.2017.)

Osnovnye itogi investicionnogo sotrudnichestva Rossii i Kitaja // Ministerstvo jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii. Portal vneshnejekonomicheskoj informacii. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_rus_projects/ (Data obrashhenija: 24.04.2017.)

Podobedova L. «Gazprom» izmenil plany strojki gazoprovoda v Kitaj // RBK. 2017. 19 maja. URL: http://www.rbc.ru/business/19/05/2016/573d779f9a79474b61282000 (Data obrashhenija: 21.04.2017.)

Podpisano akcionernoe soglashenie o sozdanii rossijsko-kitajskogo fonda agropromyshlennogo razvitija na Dal'nem Vostoke (RKFAR) // Fond razvitija Dal'nego Vostoka. Oficial'nyj sajt. 2016. 26 aprelja. URL: http://fondvostok.ru/press-tsentr/publikatsii/podpisano-aktsionernoe-soglashenie-o-sozdanii-rossiysko-kitayskogo-fonda-agropromyshlennogo-razvitiya/ (Data obrashhenija: 05.05.2017.)

Pravitel'stvo Rossijskoj Federacii. Oficial'nyj sajt // URL: http://government.ru/info/27709/# (Data obrashhenija: 22.03.2017.)

Regular Press Conference of Ministry of Commerce (December 29, 2016) // Ministry of Commerce of the PRC. URL: http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/press/201701/20170102496126.shtml (Data obrashhenija: 25.04.2017.)

Rossija i Kitaj sozdajut sovmestnyj venchurnyj fond // Russkaja vesna. 2016. 7 nojabrja. URL: http://rusvesna.su/economy/1478505784 (Data obrashhenija: 05.05.2017.)

Sfery rossijsko-kitajskih investicij // East Russia. URL: http://www.invest-rating.ru/russia-china-spheres/ (Data obrashhenija: 06.05.2017.)

Shishkina N.I. Osnovnye oblasti i napravlenija rossijsko-kitajskih jekonomicheskih otnoshenij // Centr Sulakshina (Centr nauchnoj politicheskoj mysli i ideologii). URL: http://rusrand.ru/analytics/osnovnye-oblasti-i-napravleniya-rossiysko-kitayskih-ekonomicheskih-otnosheniy (Data obrashhenija: 22.04.2017.)

Sostojalos' tret'e zasedanie Mezhpravitel'stvennoj Rossijsko-Kitajskoj komissii po investicionnomu sotrudnichestvu // Ministerstvo jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii. Oficial'nyj sajt. URL: http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depInvest/2016270604 (Data obrashhenija: 05.05.2017.)

Sotrudnichestvo DFO i Severo-Vostoka Kitaja – itogi 2015 // East Russia. 2016. 4 janvarja. URL: http://www.eastrussia.ru/news/sotrudnichestvo-dfo-i-severo-vostoka-kitaya-itogi-2015/ (Data obrashhenija: 06.05.2017.)

Territorii operezhajushhego razvitija: 12 osobyh zon v DFO // TASS. 2015. 27 avgusta. Obnovleno: 2016. 11 ijulja. URL: http://tass.ru/info/2215388http://tass.ru/info/2215388 (Data obrashhenija: 06.05.2017.)

TOSJeR // Fond razvitija Dal'nego Vostoka. Oficial'nyj sajt. URL: http://fondvostok.ru/toser/ (Data obrashhenija: 06.05.2017.)

V Ul'janovske sostojalos' pervoe zasedanie Soveta po mezhregional'nomu sotrudnichestvu v formate «Volga–Janczy» // Oficial'nyj sajt Polnomochnogo predstavitelja Prezidenta Rossijskoj Federacii v Privolzhskom administrativnom okruge. URL: http://pfo.gov.ru/press/events/100350/ (Data obrashhenija: 05.05.2017.)

А.Г. Пылин

ВНЕШНЕТОРГОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЕАЭС И ВЬЕТНАМА В КОНТЕКСТЕ СОЗДАНИЯ ЗОНЫ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ*

Аннотация. *В статье рассматриваются основные особенности внешнеторгового взаимодействия стран Евразийского экономического союза и Вьетнама в контексте создания между ними зоны свободной торговли. Проводится анализ структуры взаимной торговли, исследуется комплементарность экономик ЕАЭС и Вьетнама, рассматриваются основные возможности и риски реализации соответствующего соглашения между странами.*

Ключевые слова: *ЕАЭС, Вьетнам, зона свободной торговли, внешнеторговая открытость, комплементарность и взаимозависимость, торговые эффекты экономической интеграции.*

Пылин Артем Геннадьевич – кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник, заведующий сектором
Центра постсоветских исследований Института экономики РАН,
старший преподаватель Департамента мировой экономики
и мировых финансов Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации.
E-mail: artem-pylin@yandex.ru

A.G. Pylin. Foreign Trade Cooperation of the Eaeu and Vietnam in the Context of the Free Trade Zone Creation

Abstract. *The article studies the main factors of the foreign trade cooperation between the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU) and Vietnam in the context of a free trade zone creation, the structure of mutual trade, the compliance of the economies of the EAEU and Vietnam, possible variants and risks of the appropriate agreement implementation between the two countries.*

* *Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Проблемы имплементации и ожидаемые эффекты Соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам» № 16-27-09001.*

Keywords: *EAEU, Vietnam, a free trade zone, foreign trade openness, compliance and interdependence, trade effects of economic integration.*

Pylin Artem Gennadievich – Candidate of Science (Economics), senior research fellow, Head of Sector, Center for post-Soviet Studies of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Senior Lecturer of the Department of World Economy and World Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: artem-pylin@yandex.ru

Торговая открытость экономик стран ЕАЭС и Вьетнама

В последние десятилетия вовлечение стран в региональные торговые соглашения (РТС) стало одним из основных трендов международной торговли и механизмов интеграции стран в мировую экономику. По данным Всемирной торговой организации (ВТО), на конец 2016 г. в мире насчитывалось 432 действующих РТС, в том числе 241 или более половины (55,8%) приходилось на соглашения о зонах свободной торговли и соглашения о присоединении к ним (ЗСТ) [12]. Созданный в 2015 г. Евразийский экономический союз (ЕАЭС) также стремится активизировать свои внешнеэкономические связи путем заключения ЗСТ с третьими странами. Первым подобным шагом стало заключение Соглашения о свободной торговле между государствами – членами ЕАЭС и Социалистической Республикой Вьетнам (СРВ) (ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам) [3]. Как известно, 29 мая 2015 г. это соглашение было подписано, а 5 октября 2016 г. вступило в силу.

Значимость торговых эффектов от подписания данного соглашения для экономик стран-участниц во многом будет определяться степенью и характером вовлечения этих стран в международную торговлю.

Внешнеторговая открытость – процентное отношение суммы экспорта и импорта товаров и услуг страны к объему ее ВВП – стран ЕАЭС за последние шесть лет имела неравномерную динамику. В 2010–2012 гг. страны региона продолжили после мирового кризиса активно интегрироваться в международные торговые связи, темпы роста их внешней торговли опережали темпы роста экономики (в текущих ценах), а показатели внешнеторговой открытости возрастали. Однако в 2013–2015 гг. произошла стабилизация, а затем и снижение (наиболее сильное в Казахстане и Киргизии) степени вовлеченности стран в мировую торговлю на фоне ухудшения глобальной конъюнктуры. В 2015 г. наибольший уровень внешнеторговой открытости имели Беларусь и Киргизия, а наименьший – Россия (ввиду емкости внутреннего рынка) и Казахстан. При этом по сравнению с близкими по численности

населения странами Центральной и Восточной Европы государства ЕАЭС заметно уступают по показателю внешнеторговой квоты[1].

Анализ структуры торговой открытости показывает, что в регионе выделяются страны преимущественно с *экспортно ориентированной экономикой* (Казахстан и Россия) – чистые экспортеры энергоресурсов, и страны с *высокой импортоемкостью экономики* (Киргизия и Армения) – чистые импортеры углеводородов. Беларусь одновременно обладает наиболее мощным экспортно ориентированным производством (с максимальной долей экспорта в ВВП) и высокой импортоемкостью, что в значительной степени обусловлено зависимостью ее экспорта от ввоза из-за рубежа сырья и комплектующих.

На фоне государств ЕАЭС сильно выделяется Вьетнам, который существенно превосходит все страны евразийской интеграции по степени вовлеченности в мировую торговлю, которая заметно выросла в последние годы. Структура его торговой открытости весьма сбалансирована – на долю экспорта и импорта приходится примерно по 90% ВВП. По степени и характеру открытости аналогом Вьетнама в ЕАЭС отчасти можно считать Беларусь, которая, однако, почти в 10 раз уступает ему по емкости внутреннего рынка (численности населения)[2]. В частности, такое сильное отставание стран ЕАЭС во многом обусловлено их более низким уровнем технико-экономического развития и слабым участием в глобальных цепочках добавленной стоимости (ГЦС) по сравнению с Вьетнамом и другими странами Юго-Восточной Азии.

Динамика вовлеченности стран ЕАЭС и Вьетнама в международную торговлю свидетельствует о расхождении их трендов за последние несколько лет. *В 2013–2015 гг. торговая открытость государств евразийской интеграции преимущественно сокращалась, а Вьетнама – возрастала*, что в первом случае было обусловлено заметным падением стоимостных объемов внешней торговли, а во втором – их продолжающимся устойчивым ростом. Так, несмотря на ухудшение конъюнктуры на мировых товарных рынках в этот период (ввиду замедления темпов роста глобальной экономики и падения мировых цен на топливно-сырьевые товары), увеличение объемов

1. В 2015 г. внешнеторговая открытость Армении составляла 71% ВВП, тогда как в Хорватии – 96, Македонии – 113, Словении – 146, Литве – 155%; в Беларуси – 119%, а в Чехии – 163, Венгрии – 171% (2014); Казахстане – 53%, тогда как в Румынии – 83; в Киргизии – 115, а в Словакии – 185% ВВП. По данным World DataBank [11].

2. По данным Всемирного банка (WDI), в 2015 г. численность населения в Беларуси составляла 9,5 млн человек, а во Вьетнаме – 91,7 млн человек.

вьетнамской внешней торговли определялось ее более высокой товарной и географической диверсификацией по сравнению со странами ЕАЭС[3].

Схожие тенденции подтверждаются при анализе данных исследования Всемирного экономического форума (ВЭФ), который на основе целого ряда показателей рассчитывает *Индекс вовлеченности стран мира в международную торговлю* (The Global Enabling Trade Index, GETI). По этому индексу в 2016 г. страны ЕАЭС ухудшили свои позиции в среднем на 10 пунктов по сравнению с 2014 г., заняв 95-е место из 136 стран мира. В то же время Вьетнам значительно улучшил свое положение в этом рейтинге, поднявшись на 14 пунктов и заняв 73-е место, существенно увеличив отрыв от стран ЕАЭС. Единственной в евразийском объединении страной с более высоким, чем у Вьетнама индексом вовлеченности в международную торговлю является Армения (68-е место).

Следует отметить, что Вьетнам опережает страны ЕАЭС по большинству основных показателей открытости экономики. В частности, Россия в рейтинге стран по GETI ухудшила свои позиции на 6 пунктов, заняв лишь 111-е место, отставая от полной интеграции в мировую торговую систему. Вместе с тем выполнение Россией обязательств в рамках членства в ВТО, снижение применяемой ставки тарифа с 9,5 до 5,8% способствовали улучшению доступности ее внутреннего рынка. Но уровень его открытости по-прежнему остается низким из-за сложности тарифов и низкой доли беспошлинного импорта – лишь 39,7%. При этом доступность внешних рынков для РФ также остается на низком уровне ввиду относительно высокого среднего уровня тарифа – 5,0%, применяемого к российским товарам. По оценкам ВЭФ, на слабую вовлеченность России в глобальную торговлю также влияет низкая эффективность администрирования на границах. Несмотря на хорошо развитую инфраструктуру (37-е место), транспортные услуги являются неэффективными (82-е место), что делает поставки весьма сложными и недоступными (109-е место). Кроме того, частный сектор страдает от неопределенной защиты прав собственности (119-е место) и низкой доступности финансов (112-е место), что негативно влияет на деловой климат в стране (113-е место) [7, с. 258–259].

Значительное улучшение позиций Вьетнама во многом было обусловлено повышением эффективности управления на границах и увеличением доли беспошлинно ввозимых товаров – до 70,9% (65-е место) против 55,2% два года назад. При этом средний импортный тариф был повышен с 6,8 до 7,9% (91-е место). Возможности Вьетнама выходить на внешние рынки также

3. В 2013–2015 гг. общий товарооборот Вьетнама вырос на 43,6% и достиг 328 млрд долл., а стран ЕАЭС-5 – сократился на 38,6% и составил 670 млрд долл. Расчеты автора по данным ITC. Trade Map, January 2017.

улучшились, благодаря снижению применяемого к вьетнамским товарам среднего тарифа – с 4,5 до 3,3% (28-е место). В то же время произошло заметное улучшение транспортной инфраструктуры и бизнес-среды [7, с. 314–315].

Структура взаимной торговли ЕАЭС и Вьетнама

В 2010–2015 гг. динамика торгового взаимодействия стран ЕАЭС и Вьетнама носила неравномерный характер: вплоть до 2013 г. включительно отмечался рост стоимостных объемов их экспортно-импортных операций, а после – последовал спад. При этом более существенным оказалось падение экспорта из стран «евразийской пятерки» (более чем на 1/3), чем спад встречного импорта из Вьетнама (лишь на 1/5), что во многом объясняется ухудшением конъюнктуры на мировых товарных рынках и спецификой товарной структуры взаимной торговли.

В настоящее время ЕАЭС и Вьетнам не являются друг для друга крупнейшими торговыми партнерами. В 2015 г. доля СРВ во внешней торговле стран ЕАЭС составляла лишь 0,5%, а доля «евразийской пятерки» в товарообороте Вьетнама – 0,8% [6]. Однако за рассматриваемый период доля Вьетнама во внешней торговле ЕАЭС немного увеличилась – прежде всего за счет опережающего роста вьетнамского экспорта в Казахстан и Россию. Так, в 2010–2015 гг. ввоз товаров в Казахстан из СРВ вырос в 7,1 раза – до 196 млн долл., а в РФ почти в 2 раза – до 2,1 млрд долл. Все страны ЕАЭС (за исключением Беларуси) имеют устойчивое отрицательное сальдо в торговле с Вьетнамом, которое в 2015 г. в России составляло 1,2 млрд долл., в Казахстане – 185 млн долл. В то же время в Беларуси профицит торговли с СРВ составлял 72 млн долл. [6].

С учетом географических особенностей евразийского пространства и масштабов экономик стран – участниц ЕАЭС относительно значимой внешняя торговля с Вьетнамом представляется для России, Казахстана и отчасти Беларуси, хотя его доля в этих странах практически не превышает 1% (табл. 1). При этом на Россию приходится почти 90% всей торговли ЕАЭС с Вьетнамом, а на Казахстан и Беларусь – по 5–6%.

Низкие абсолютные и относительные показатели взаимной торговли стран ЕАЭС и СРВ обусловлены слабым разнообразием ее товарной структуры, особенно экспорта из стран евразийского объединения (табл. 2). Крайне низкий уровень товарной диверсификации объясняет неустойчивость объемов экспорта стран ЕАЭС во Вьетнам, основу которых составляют топливно-сырьевые товары. Так, основу белорусского экспорта в СРВ составляют лишь несколько позиций – калийные удобрения, на которые приходится свыше 3/4 всего вывоза, а также транспортные средства для перевозки грузов (8,6%), поршневые двигатели внутреннего сгорания (3,6) и полиамиды (2,5), тогда

как на все прочие товары – чуть более 8%. Основу экспорта Казахстана во Вьетнам составляют необработанный свинец (83,7%) и асбест (9,2%). Сравнительно более диверсифицированную структуру экспорта во Вьетнам имеет Россия – во многом за счет военно-технического сотрудничества двух стран. Основу российского экспорта в СРВ составляют оружие и боеприпасы, радиолокационная аппаратура, нефть и нефтепродукты, калийные удобрения, каменный уголь и сырая нефть, на которые в совокупности приходится почти 2/3 экспорта страны в СРВ [6].

Таблица 1

**УДЕЛЬНЫЙ ВЕС ВЬЕТНАМА
ВО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ СТРАН – ЧЛЕНОВ ЕАЭС, %**

Страны		*2010*	*2015*
Армения	экспорт	0,03	0,01
	импорт	0,26	0,46
Беларусь	экспорт	0,42	0,41
	импорт	0,12	0,13
Казахстан	экспорт	0,02	0,02
	импорт	0,11	0,64
Кыргызстан	экспорт	0,00	0,10
	импорт	0,11	0,09
Россия	экспорт	0,28	0,24
	импорт	0,49	1,12
ЕАЭС-5	экспорт	0,26	0,23
	импорт	0,40	0,92

Источник: Расчеты автора по данным [6].

Таблица 2

**ТОВАРНАЯ СТРУКТУРА ЭКСПОРТА СТРАН ЕАЭС-3
ВО ВЬЕТНАМ, %**

Товарные группы	*Беларусь*		*Казахстан*		*Россия*	
	2010	*2015*	*2010*	*2015*	*2010*	*2015*
Все товары	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Продовольственные товары и с/х сырье	0,2	0,9	0,0	0,0	1,1	2,4
Минеральные продукты	0,0	0,0	8,5	9,2	11,1	28,1
Продукция химической промышленности	51,5	82,0	0,0	0,2	6,6	15,5
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	0,1	0,1	0,0	0,0	1,3	2,9
Текстиль, текстильные изделия и обувь	0,2	0,0	0,0	0,0	0,1	0,3
Металлы и изделия из них	2,0	0,0	91,5	84,3	39,6	3,8
Машины, оборудование и транспортные средства	22,3	16,9	0,1	5,7	32,4	28,2
Прочее	23,7	0,1	0,0	0,6	7,8	18,8

Источник: Расчеты автора по данным [6].

Товарная структура импорта стран ЕАЭС из Вьетнама более диверсифицирована, что во многом определяет сравнительную устойчивость объемов ввоза вьетнамских товаров. Основу импорта трех ключевых стран евразийского объединения (ЕАЭС-3) из СРВ составляют машины, оборудование и транспортные средства, текстиль, текстильные изделия и обувь, а также продовольственные товары (табл. 3). Так, в импорте России из Вьетнама преобладают мобильные телефоны, процессоры и контроллеры, вычислительные цифровые портативные машины (компьютеры), кофе, обувь, пылесосы, куртки и ветровки, орехи кешью, черный чай, креветки, дорожные сумки и печатные машины, на которые в совокупности приходится почти 3/4 всего ввоза из СРВ в РФ [6].

Таблица 3

ТОВАРНАЯ СТРУКТУРА ИМПОРТА СТРАН ЕАЭС-3 ИЗ ВЬЕТНАМА, %

Товарные группы	*Беларусь*		*Казахстан*		*Россия*	
	2010	*2015*	*2010*	*2015*	*2010*	*2015*
Все товары	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Продовольственные товары и с/х сырье	52,2	39,7	38,7	4,1	26,8	16,4
Минеральные продукты	0,0	0,2	0,0	0,1	0,2	0,4
Продукция химической промышленности	4,8	6,2	3,8	1,4	6,2	2,0
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	0,1	0,3	2,1	0,0	0,5	0,2
Текстиль, текстильные изделия и обувь	9,6	12,5	23,9	6,9	21,5	21,5
Металлы и изделия из них	0,5	3,7	0,9	0,4	0,6	1,1
Машины, оборудование и транспортные средства	31,6	35,3	29,4	85,2	41,2	54,7
Прочее	1,2	2,1	1,2	1,9	3,0	3,7

Источник: Расчеты автора по данным [6].

Значительное преобладание разнообразных машин и оборудования (прежде всего, мобильных телефонов, компьютеров, офисной и бытовой техники) во вьетнамском экспорте в Россию во многом обусловлено деятельностью крупных японских, южно-корейских, американских и европейских ТНК, которые осуществляют во Вьетнаме сборку данной техники. В сфере производства электроники и электротехники здесь лидируют вьетнамские подразделения таких крупных компаний, как Samsung Electronics (Республика Корея), Intel (США), Panasonic (Япония), Canon (Япония), Sony (Япония), LG Electronics (Республика Корея), GE (США), Siemens (Германия), Cisco

(США) и Electrolux (Швеция) [10, 9]. Крупные ТНК представлены в секторе производства текстиля и одежды (например, Nike и Adidas), а также в пищевой промышленности (Unilever, Cargill, Nestlé и PepsiCo). Отметим, что среди факторов притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и открытия подразделений крупных ТНК во Вьетнаме выделяются выгодное транспортно-географическое положение страны, сравнительно емкий внутренний рынок, участие СРВ в АСЕАН и других РТС [4, с. 14–20], а также дешевая рабочая сила.

О торговой комплементарности ЕАЭС и СРВ

Потенциальные торговые эффекты от экономической интеграции стран также во многом определяются уровнем их взаимодополняемости, для чего в научной литературе применяется *индекс торговой комплементарности*[4]. Как известно, две страны с более высоким индексом комплементарности при прочих равных условиях могут в большей степени выиграть от углубления торгового взаимодействия после заключения преференциального торгового соглашения. Однако при этом необходимо учитывать расстояние между странами и транспортные издержки, а также размеры их экономик.

Анализ данных индекса комплементарности между странами ЕАЭС и Вьетнамом (табл. 4) позволяет выделить **три группы пар стран**:

1. *С относительно высоким индексом* (0,4), среди которых четыре пары стран: Вьетнам – Казахстан, Вьетнам – Россия, Беларусь – Вьетнам и Вьетнам – Беларусь. Именно в этой группе имеется наибольший потенциал для активизации торгового взаимодействия.

4. Индекс торговой комплементарности показывает, насколько экспортный профиль одной страны соответствует импортному профилю другой.

Индекс торговой комплементарности между странами k и j определяется следующим образом:

$$Se_jm_k = 1 - \frac{\sum_i |E_{ij} - M_{ik}|}{2},$$

где Sejmk – индекс торговой комплементарности между экспортером j и импортером k, i – товары с трехзначным кодом МСТК (SITC Rev. 3), j – экспортер (страна или группа стран), k – импортер (страна или группа стран), Eij – доля товара i в общем экспорте страны j, Mik – доля товара i в общем импорте страны k.

Значение индекса равняется 0 в том случае, если одна страна не импортирует ни одного вида товара, экспортируемого другой страной; значение индекса равно 1 в том случае, если доли экспорта и импорта в этих странах в точности совпадают.

2. *Со средним уровнем комплементарности* (0,3), куда вошли также четыре пары стран: Кыргызстан – Вьетнам, Вьетнам – Кыргызстан, Вьетнам – Армения и Россия – Вьетнам. Эти пары стран имеют средние возможности наращивания взаимных торговых связей.

3. *С относительно низким индексом* (0,1), которую образуют только две пары – Армения – Вьетнам и Казахстан – Вьетнам с наименьшим потенциалом увеличения торгового взаимодействия.

Таблица 4

ДИНАМИКА ИНДЕКСА ТОРГОВОЙ КОМПЛЕМЕНТАРНОСТИ СТРАН ЕАЭС И ВЬЕТНАМА

Экспортер – импортер	*2000*	*2005*	*2010*	*2013*	*2010–2013*
Вьетнам – Казахстан	0,250	0,304	0,384	0,430	0,410
Вьетнам – Россия	0,296	0,300	0,389	0,389	0,386
Беларусь – Вьетнам	0,503	0,432	0,389	0,400	0,375
Вьетнам – Беларусь	0,386	0,420	0,334	0,364	0,342
Кыргызстан – Вьетнам	0,155	0,255	0,297	0,343	0,328
Вьетнам – Кыргызстан	0,186	0,197	0,305	0,309	0,309
Вьетнам – Армения	0,214	0,210	0,309	0,292	0,305
Россия – Вьетнам	0,354	0,361	0,265	0,304	0,280
Армения – Вьетнам	0,148	0,126	0,151	0,119	0,148
Казахстан – Вьетнам	0,122	0,149	0,150	0,149	0,145

Источник: Составлено и рассчитано по данным [8].

Таким образом, в среднесрочной перспективе при реализации ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам существует значительный потенциал для увеличения вьетнамского экспорта в Казахстан и Россию (который отчасти уже реализуется), а также в Беларусь. Вместе с тем сохраняются значительные возможности для роста белорусского экспорта во Вьетнам, но для этого необходимо будет улучшить транспортную доступность и логистику между двумя странами. В то же время возможности существенно нарастить армянский и казахстанский экспорт во Вьетнам будут крайне ограничены ввиду низкого соответствия их нынешнего экспортного профиля импортному профилю СРВ.

Возможности и риски торгового взаимодействия

Значимость создаваемой зоны свободной торговли между странами Евразийского экономического союза и СРВ определяетя тем, что это первый подобный проект для ЕАЭС, а потому крайне важен его позитивный, демонстрационный эффект, в том числе и других стран, которые в настоящее время ведут переговоры по заключению аналогичного соглашения с евразийской

пятеркой (Египет, Таиланд, Иран и др.). При этом для самих стран ЕАЭС с учетом сравнительно низкой доли взаимной торговли также важно последовательно идти по пути заключения РТС с третьими странами. Развитие тесных торгово-экономических связей ЕАЭС с Вьетнамом и другими странами позволит сократить высокую зависимость данного интеграционного объединения от таких крупных партнеров, как ЕС и КНР.

Реализация положений ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам позволит странам-участницам получить преференциальный доступ на весьма емкие рынки друг друга: для СРВ открывается общий евразийский рынок с населением в 183 млн человек, для стран Евразийского экономического союза – вьетнамский рынок с населением около 92 млн человек, а с учетом участия этой страны в АСЕАН – свыше 592 млн человек. Как известно, в соглашении речь идет прежде всего о взаимной отмене таможенных пошлин. По данным Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), отмена ввозных таможенных пошлин вьетнамской стороной не охватывает только 12% товарной номенклатуры, по большинству из которых у стран ЕАЭС отсутствует экспортный интерес. Причем соглашение обязывает Вьетнам отменить для поставщиков из государств-членов ввозные таможенные пошлины более чем на 59% позиций сразу же, а в отношении еще 29% ставки ввозных таможенных пошлин будут аннулированы в течение переходных периодов, которые составляют от пяти до десяти лет.

Согласно соглашению, Вьетнам открывает рынок для многих товаров стран ЕАЭС:

– сельскохозяйственный сектор: говядина, свинина и птица, мясная переработанная продукция, консервированная рыба, семена, мука, молочная продукция, сыр, растительное масло, корма для животных, алкогольная продукция;

– промышленный сектор: драгоценные камни, шины, асбест, трубы, прокат, корабли, механическое оборудование, электронное оборудование, детали для автомобилей, изделия из стали, сельхозтехника, автобусы, легковые автомобили, грузовики, нефтепродукты [1].

В силу того, что соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и СРВ вступило в силу лишь 5 октября 2016 г., подводить даже предварительные итоги его реализации для стран-участниц преждевременно. Отметим лишь, что по итогам 2016 г. товарооборот России с Вьетнамом остался практически на уровне предыдущего года и составил 3,8 млрд долл. (0,8% от всей внешней торговли РФ). В то же время российский экспорт в СРВ сократился на 1/4 и составил менее 1,4 млрд долл., а встречный импорт увеличился на 1/5

и достиг почти 2,5 млрд долл.[5], что уже свидетельствует о весьма существенном наращивании поставок вьетнамских товаров на российский рынок даже в условиях его стагнации.

Соглашение потенциально создает условия для роста и диверсификации взаимной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом, а также предусматривает защитные механизмы против недобросовестной конкуренции и неконтролируемого наращивания импорта. Кроме того, открытие СРВ и выход на рынки динамично развивающихся стран АСЕАН может стать одним из драйверов роста экономики в евразийских странах.

Однако при реализации данного соглашения необходимо учитывать возможные риски и ограничения. Одним из таких рисков может стать быстрое наращивание экспорта Вьетнама в страны ЕАЭС с учетом весьма высокой конкурентоспособности вьетнамских товаров, производящихся в том числе с использованием технологий ведущих развитых стран. Странам евразийской интеграции будет достаточно сложно закрепиться на вьетнамском рынке, где работают подразделения крупнейших ТНК. Важно также учитывать сравнительно высокую транспортную удаленность стран ЕАЭС и СРВ.

В связи с этим для увеличения объемов взаимной торговли и ее диверсификации необходимо наращивать взаимные инвестиции, создавать совместные предприятия и общими усилиями встраиваться в цепочки добавленной стоимости. Отметим, что сохраняется значительный потенциал в создании глобальных цепочек стоимости между Россией и странами АСЕАН [2, с. 64–76]. Эффективное использование открывающихся в рамках соглашения ЗСТ ЕАЭС – СРВ возможностей и учет некоторых рисков и ограничений может привести к получению позитивных интеграционных эффектов для обеих сторон уже в среднесрочной перспективе.

Библиография

1. Вступило в силу соглашение о зоне свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и Вьетнамом // ЕЭК – Европейская экономическая комиссия. 2016. 06 октября. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/06-10-2016-1.aspx (Дата обращения: 15.01.2017.)

2. Мурадов К. Россия и АСЕАН в глобальных производственных цепочках // Международная жизнь. 2016. № 5. С. 64–76.

3. Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам –

5. Расчеты автора по данным [5]. Отметим, что показатели объема экспорта России во Вьетнам в 2014–2015 гг. в базах данных ITC. Trade Map и ФТС РФ заметно отличались. Согласно данным [6], российский экспорт в СРВ составлял в этот период 644,5 млн долл. и 824,4 млн долл. соответственно, а по данным ФТС РФ – 1451,7 млн долл. и 1842,5 млн долл.

с другой // ЕЭК – Европейская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/EAEU-VN%20FTA_rus.pdf (Дата обращения: 12.01.2017.)

4. Тригубенко М.Е. Развитие внешней торговли Вьетнама в новой архитектонике глобальных экономических отношений в XXI веке // Экономика и управление. 2016. № 5 (127).

5. Федеральная таможенная служба: Официальный сайт // URL: http://www.customs.ru/ (Дата обращения: 15.01.2017).

6. ITC. Trade Map. 2017. January // URL: http://www.trademap.org/Index.aspx (Дата обращения: 15.01.2017.)

7. The Global Enabling Trade Report 2016 // World Economic Forum. Geneva, 2016.

8. UNCTAD // URL: http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx (Дата обращения: 17.01.2017.)

9. Vietnam Best Places to Work 2014 survey results released // Vietnam Investment Review. 2015.05.03. URL: http://www.vir.com.vn/vietnam-best-places-to-work-2014-survey-results-released.html (Дата обращения: 15.01.2017.)

10. Vietnam. Top 200 Companies // Business-in-Asia. URL: http://www.business-in-asia.net/?s=+Top+200+Companies (Дата обращения: 15.01.2017.)

11. World Development Indicators // World DataBank. 2017. January. URL: http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators (Дата обращения: 15.01.2017.)

12. WTO. Regional Trade Agreements Information System (RTA-IS) // URL: http://rtais.wto.org/UI/publicsummarytable.aspx (Дата обращения: 05.01.2017.)

References

Federal'naja tamozhennaja sluzhba: Oficial'nyj sajt // URL: http://www.customs.ru/ (Data obrashhenija: 15.01.2017.)

ITC. Trade Map. 2017. January // URL: http://www.trademap.org/Index.aspx (Data obrashhenija: 15.01.2017.)

Muradov K. Rossija i ASEAN v global'nyh proizvodstvennyh cepochkah // Mezhdunarodnaja zhizn'. 2016. N 5. S. 64–76.

Soglashenie o svobodnoj torgovle mezhdu Evrazijskim jekonomicheskim sojuzom i ego gosudarstvami – chlenami, s odnoj storony, i Socialisticheskoj Respublikoj V'etnam, s drugoj storony // EEC – Eurasian economic commission. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/EAEU-VN%20FTA_rus.pdf (Data obrashhenija: 12.01.2017.)

The Global Enabling Trade Report 2016 // World Economic Forum. Geneva, 2016.

Trigubenko M.E. Razvitie vneshnej torgovli V'etnama v novoj arhitektonike global'nyh jekonomicheskih otnoshenij v XXI veke // Jekonomika i upravlenie. 2016. N 5 (127).

UNCTAD // URL: http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx (Data obrashhenija: 17.01.2017.)

Vietnam Best Places to Work 2014 survey results released // Vietnam Investment Review. 2015.05.03. URL: http://www.vir.com.vn/vietnam-best-places-to-work-2014-survey-results-released.html (Data obrashhenija: 15.01.2017.)

Vietnam. Top 200 Companies // Business-in-Asia. URL: http://www.business-in-asia.net/?s=+Top+200+Companies (Data obrashhenija: 15.01.2017.)

Vstupilo v silu soglashenie o zone svobodnoj torgovli mezhdu Evrazijskim jekonomicheskim sojuzom i V'etnamom // EEC – Eurasian economic commission. 2016. 06 oktjabrja. URL:

http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/06-10-2016-1.aspx (Data obrashhenija: 15.01.2017.)

World Development Indicators // World DataBank. 2017. January. URL: http:// data-bank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators (Data obrashhenija: 15.01.2017.)

WTO. Regional Trade Agreements Information System (RTA-IS) // URL: http://rtais. wto.org/UI/publicsummarytable.aspx (Data obrashhenija: 05.01.2017.)

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Д.М. Фельдман

ЛИТЕРАТУРА И ПОЛИТИКА: РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛЬСКИЕ СООБЩЕСТВА 1890–1920-х ГОДОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Аннотация. *В статье речь идет об отношениях литературы и власти в России и СССР конца XIX – начала XX в. Анализируются рекламные технологии, которые использовали досоветские и советские литературные объединения. Автор доказывает, что после создания советского государства менялась традиционная издательская модель, т.е. характер связей основных элементов литературного рынка, и сообразно ее эволюции менялись рекламные технологии.*

Ключевые слова: *Литературные группировки, символизм, футуризм, акмеизм, ЛЕФ, ЛЦК, «Перевал», издательская модель.*

Фельдман Давид Маркович – доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). E-mail: dmfeld@inbox.ru

D.M. Feldman. Literature and Politics: Russian Literary Community of 1890–1920-ies in Political Context

Abstract. *The article studies the connection of literature and power in Russia and the Soviet Union of the late 19th – early 20th century. Advertising techniques used by the pre-Soviet and Soviet literary associations are analyzed. The author argues that after the creation of the Soviet state the traditional publishing model (the nature of basic elements of the literary market) has changed and according to its evolution the advertising technics has also evolved.*

Keywords: *literary groupings, symbolism, futurism, acmeism, Left Front of the Arts (LEF), Literary Center of Constructivists (LTSK), «The Pass», publishing model.*

Feldman David Markovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of Russian state humanitarian University (RGGU). E-mail: dmfeld@inbox.ru

Кризис методологии

Различные подходы к истории советской литературы обсуждаются издавна. Попытки же большинства литературоведов определить, в чем ее отличие от досоветской, сводились обычно к суждениям pro et contra.

Иной подход был предложен Б.М. Эйхенбаумом, В.Б. Шкловским и Ю.Н. Тыняновым: речь шла о создании инструментария, позволяющего анализировать специфику именно советскую. Как известно, они с 1924 г. обсуждали перспективу издания коллективной монографии «По истории "литературного труда" в России» [подробнее см., напр.: 50, с. 520].

Тематика выглядела по-советски: история «труда». Интерес к современности замаскирован ссылкой на изучение прошлого. Такой подход и методологически целесообразен. «Что стало с литературой и писателями» – вопрос сложный. Поиск ответа подразумевал сопоставление. Значит, требовалось выяснить, «что было».

Для начала – указать объекты изучения. Определить, что считать «литературными фактами».

После этого характеризовать изменения. Определить, какие именно следует рассматривать в качестве результатов «литературной эволюции».

Выпустить коллективную монографию не удалось. Но в девятом номере 1927 г. журнал «На литературном посту» опубликовал программную статью Эйхенбаума «Литература и литературный быт» [здесь и далее цит. по: 55].

Это не могло остаться незамеченным. К теме «литературного быта» обратился один из создателей так называемой «формальной школы». Ранее «формалисты» декларировали необходимость исследования поэтики вне политики или биографий писателей, из статьи же Эйхенбаума следовало, что необходим анализ материала, считавшегося нелитературным: доходов, расходов, договоренностей с издателями и т.д.

Базовые установки формулировались жестко. Эйхенбаум утверждал: «Вне теории нет и исторической системы, потому что нет принципа для отбора и осмысления фактов».

Ценность теоретических установок зависела от степени инструментальности. Эхенбаум настаивал, что «нужда в этих или других фактах, самая потребность в том или другом смысловом знаке диктуется современностью – проблемами, стоящими на очереди».

Главное было сказано. Постижение современности определялось как цель, исторические методы – в качестве средств: «История в этом смысле есть особый метод изучения настоящего при помощи фактов прошлого».

Эйхенбаум не отрекался от «формальной школы». По его словам, уже решены прежние задачи, на очереди новые: «Вопрос о том, "как писать", сменился или, по крайней мере, осложнился другим – *"как быть писателем"*.

Иначе говоря, проблема литературы, как таковой, заслонилась проблемой писателя».

Эйхенбаум избегал эмоциональных оценок. Вместо них предлагалась ретроспективная характеристика ситуации: «Можно сказать решительно, что кризис сейчас переживает не литература сама по себе, а ее социальное бытование. Изменилось профессиональное положение писателя, изменилось соотношение писателя и читателя, изменились привычные условия и форма литературной работы – произошел решительный сдвиг в области самого литературного быта, обнаживший целый ряд фактов зависимости литературы и самой ее эволюции от вне ее складывающихся условий».

Значит, «внелитературные условия» изменили «соотношение писателя и читателя». Обозначен и другой фактор: «Положение осложнялось встречей двух литературных поколений, из которых одно, более старшее, смотрело на смысл и задачи своей профессии не так, как другое, младшее».

Для читателей-современников намек вполне прозрачный. «Младшее» поколение – те, кто уяснил «как быть писателем» в советских условиях.

Эйхенбаум, словно невзначай, отметил: закономерности, обусловленные спецификой эпохи, прослеживаются и на уровне писательских объединений. Соответственно, «литературные группировки, если они и есть, образуются по каким-то “внелитературным” признакам, – по признакам, которые можно назвать литературно-бытовыми».

Это суждение выглядело эпатирующе. Организаций, официально именуемых «литературными группировками», было в 1927 г. немало.

Примечательно, что и журнал, где помещена статья о новом подходе к истории литературы, регулярно публиковал материалы о борьбе писательских сообществ. А год спустя вышла книга В.М. Саянова «Современные литературные группировки» [см.: 43].

К несовременным были отнесены, к примеру, символисты и футуристы. Ну а «современные» – объединения, формировавшиеся после Гражданской войны. Саянов не описывал дифференциальные признаки такого объекта, как «литературная группировка». Но два обязательных можно выделить, суммируя его суждения:

- **опубликованный программный документ, содержащий определения критериев общности и теоретическое обоснование литературной деятельности;**
- **литературно-издательская деятельность как реализация теоретических установок.**

По Саянову, при новом режиме гораздо больше стало «литературных группировок». Эйхенбаум же, напротив, употребил оборот «если они и есть». Не столько усомнился в существовании указанных объектов, сколько акцентировал, что неуместно использование одного и того же термина примени-

тельно к советским и досоветским сообществам: критерии объединения разные.

Эйхенбаум так и не объяснил, какие же критерии объединения считает «литературно-бытовыми». Лишь обозначил направление исследований.

Они уже велись. Два года спустя коллеги и ученики Эйхенбаума опубликовали монографии, где анализировалась история литературных сообществ XVIII–XIX вв. Выявлялись в первую очередь критерии объединения [см., напр.: 2; 13].

После решения таких задач оставалось только сопоставить критерии объединения в прошлом и настоящем. Однако это не было сделано.

Рекламные технологии

Нет нужды доказывать, что сама процедура создания литературных произведений не подразумевает необходимость объединения литераторов и публикацию манифеста. Программный документ – элемент рекламы. Если в современной терминологии, то средство продвижения товара.

Как известно, в досоветскую эпоху создать программно объединенные сообщества пытались символисты. Рынок литературы в России тогда был вполне насыщен, привлечь внимание к себе непросто – слишком широк выбор. Для быстрого успеха нужны были эффективные рекламные методы. Пользуясь более поздней терминологией, можно сказать, что требовались «бренды».

На европейском литературном рынке методы подобного рода уже давно были в ходу. Понятно, что в Российской империи усвоили заграничный опыт. Экспансия русских символистов – характерный пример использования комплексной рекламной технологии.

Так, в 1892 г. Д.С. Мережковский выпустил сборник «Символы» и прочел для Русского литературного общества лекции, ставшие основой изданной на следующий год книги «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» [см.: 32].

Акции взаимосвязанные. Опубликовав сборник, Мережковский ввел на русский литературный рынок новый «бренд». Подразумевалось, что современники знакомы с наследием европейских символистов, заглавие обозначало соотнесенность с ним, русский же символизм – новинка. Стихи должны были восприниматься как реализация теоретических установок, изложенных в книге.

Она и была сочтена манифестом. Автор объявил «причинами упадка» стремление писателей к жизнеподобию, понимавшемуся как реализм. Вот этому и противопоставил символизм – «новое течение».

Мережковский утверждал, что лишь символисты могут преодолеть «упадок». И не рассудочными средствами, но создавая мистически обусловлен-

ные символы как своего рода лестницу, поднимаясь по которой поэт буквально прорывается к откровению: постижению мира «сверхчувственно».

Отсюда следовало, что восприятие символистской поэзии – сотворчество с поэтом. Вслед за ним, поднимаясь по лестнице символов, читатель тоже постигает мир «сверхчувственно».

Вместе с «брендом» вводились новые – применительно к русскому литературному рынку – принципы осмысления конкуренции. Из тезисов Мережковского следовало, что символистов нельзя оценивать по критериям, привычным в оценке реалистов. Посредством символизма решаются другие задачи, да и в иной области. Классики реализма здесь не при чем, прочие тоже, если принять во внимание значение слова «классический», выводимое из латинского «образцовый» – classicus.

По Мережковскому, новые образцы постижения мира даны символистами. В силу чего они – классики в своей области.

Описывалась и совокупность преимуществ, обретаемых теми, кто способен воспринять символистскую литературу. В современной терминологии – формулировалось **«уникальное торговое предложение»**.

Прагматика его – приглашение в элиту. Интеллектуальную и духовную.

Это логически подразумевалось. Если символистская поэзия элитарна по определению, значит способные воспринять ее – элита.

Однако рекламные акции были еще недостаточно координированы. Сборник заметным событием не стал, принципиальной новизны в его содержании критики не усмотрели. А вот книга «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» вызвала крайне резкие отзывы. Их обусловило декларированное Мережковским неприятие реализма [см., напр., 46].

Критики-либералы полемизировали не только с Мережковским. Его лишь обвинили в измене традиции русской литературы. Что закономерно: в Российской империи понятие «реализм» традиционно ассоциировалось с описанием социальных противоречий, а это интерпретировалось как протест против сословного неравенства, защита «интересов народа».

Мережковский знал, что в российских условиях идея отказа от реализма – эпатирующая. Вот и эпатировал либералов, привлекая внимание.

Рекламная технология Мережковского – система, а не сумма приемов. Она включает пять основных компонент:

- **использование «бренда»;**
- **соотнесение уже сформулированных или подразумеваемых «брендом» теоретических установок с образцами их реализации;**
- **адресованное розничным покупателям «уникальное торговое предложение»;**

- **выход за рамки конкуренции, т.е. декларирование принципиальной несопоставимости нового направления со всеми предшествующими;**
- **эпатаж.**

Неважно, планировал ли Мережковский рекламную тактику, или же его технология – совокупность интуитивно найденных решений. Важно, что она была усвоена современниками.

В рамках этой технологии действовал В.Я. Брюсов. И тоже был признан основоположником русского символизма.

Начал Брюсов с реализации подразумеваемых теоретических установок. В 1894–1895 гг. выпустил три коллективных поэтических сборника «Русские символисты» [41].

Правда, большинство стихотворений в сборниках написал сам Брюсов – под разными псевдонимами. Но суть не менялась. Заглавие указывало: группа русских поэтов, акцентируя связь с иностранными символистами, объявила о создании в России нового литературного направления. Что сообщалось и в предисловии к первому сборнику.

«Уникальное торговое предложение» осталось прежним. Читателей приглашали в элиту, а каждый следующий сборник подтверждал, что элитарное сообщество «русских символистов» продолжает реализовывать свою программу. Акцентировался и выход за рамки конкуренции с предшественниками и современниками.

Определение «русские» позже стало лишним. Раз уж «бренд» утвердился на рынке, можно было именоваться просто символистами.

Брюсов, подобно Мережковскому, использовал европейский «бренд», но модифицировал его. А затем вернулся к исходному. Рекламную атаку продолжал, эпатируя критиков. Бравировал эгоцентризмом, эротической тематикой, создавал обстановку литературного скандала.

В рамках традиции действовал и К.Д. Бальмонт. Такова, например, его публичная лекция о символизме, читавшаяся в 1900 г. Четыре года спустя она была опубликована в сборнике «Горные вершины» – как статья «Элементарные слова о символической поэзии» [4].

По мере утверждения «бренда» на литературном рынке теоретические положения в статьях символистов формулировались и аргументировались все подробнее. Агрессия же постепенно умерялась. Не было необходимости самоутверждаться в противостоянии чему-либо.

Именно в этот период особенно заметны разногласия символистов. Лидеры соперничали, расторгая прежние союзы, формируя новые и т.д. Шла борьба за пока что общий «бренд». Но в целом успех был несомненный. И журналы символистские появились, и даже издательства.

Однако на исходе 1900-х годов «бренд» утратил обаяние новизны. Многим он помог в дебюте, ну а дальше – обычная конкуренция.

Виды инерции

С точки зрения рекламы прилежнейшими учениками символистских теоретиков были футуристы. Потому неважно, как они относились к символизму. Важно, что использовали апробированную технологию.

Прежде всего, базовый прием – присвоение уже известного «бренда». Так, в 1910 г. Игорь Северянин печатно объявил себя футуристом.

В России уже знали об эпатажных акциях итальянских футуристов. «Бренд» подразумевал и «уникальное торговое предложение» – приглашение в элиту.

Критерием элитарности была современность. Футуризм позиционировался как единственное направление в искусстве, соответствовавшее современным требованиям, из чего с необходимостью следовало, что способные воспринимать поэзию футуристов – элита. Духовная и, конечно, интеллектуальная.

«Бренд» модифицирован в 1911 г., когда возглавленная Северяниным петербуржская группа печатно заявила о сообществе эгофутуристов. В названии прослеживалось и брюсовско-бальмонтовское влияние: как поэт Северянин эпатировал читателей эгоцентризмом и эротикой, акцентировал скандальность литературного поведения [см.: 24].

Рекламная атака развивалась. Едва ли не главным теоретиком сообщества стал К.К. Олимпов. В 1912 г. выпущен и манифест сообщества – «Скрижали эгопоэзии. Манифест Вселенского эгофутуризма» [37].

Правда, теоретическая база эгофутуристов была не так основательна, как символистская. Да и период единства недолог: создавались автономные группы, конкурирующие друг с другом и прочими сообществами.

Тем не менее эгофутуризм сразу привлек внимание читателей, значит рекламные задачи были решены. Дальше начиналась индивидуальная конкуренция, здесь решающую роль играли качества личные.

Успех петербуржцев использовали москвичи. Они себя объявили «кубофутуристами».

Не касаясь весьма сложных вопросов, связанных с генезисом кубофутуризма, следует отметить, что инициатор нового сообщества – Д.Д. Бурлюк – изначально занимался не столько подготовкой теоретической базы, сколько поиском тех, кто мог бы реализовать какие-либо теоретические установки. Он был, можно сказать, состоявшимся художником, к своим поэтическим экзерсисам относился с иронией, планировал же деятельность коммерческую, а здесь основа – «реализаторы» [см.: 42].

Бесспорно, авторитетен в литературных кругах был Велимир Хлебников. Но оказался непригодным для публичных акций.

Как известно, роль главного «реализатора» в области поэзии досталась В.В. Маяковскому. Вслед за ним на литературный рынок прорывались бывшие символисты и эгофутуристы, не успевшие эффективно использовать прежние «бренды».

Новому сообществу не хватало «резерва новизны». Самый простой, т.е. дешевый способ усилить воздействие рекламы – усиление эпатажа.

Инициированное Бурлюком сообщество вполне сознательно доводило эпатаж до крайностей. Что и отразил сборник «Пощечина общественному вкусу», где был опубликован и манифест, датированный именно декабрем 1912 г. [8].

Ранее с читателями большей частью заигрывали, изредка – дерзили, но весьма осторожно. А новое литературное объединение начинало с «пощечины общественному вкусу», отвергая тем самым публику.

Далее отвергнута была русская литература – целиком и поименно. В приводимом списке писателей каждое имя, как сказали бы позже, знаковое.

Отвергнуты были и реалисты, и символисты, и вообще популярные писатели, на статус классиков не претендовавшие. Это еще и подразумевало выход за рамки конкуренции: не с кем уже конкурировать.

В том, что авторы манифеста отвергали традиции, новизны не было. Необычной выглядела агрессия, стремление вновь и вновь оскорбить.

Прием, посредством которого демонстрировалась позитивная часть программы, тоже казался необычным. Авторы манифеста употребляли оборот, противоречащий контексту «мы приказываем чтить права поэтов».

Ранее читателям не приказывали. Им предлагали. Авторы же манифеста провоцировали отторжение, настаивая, что намерены «стоять на глыбе слова “Мы” среди моря свиста и негодования».

Однако негодование одной части публики заранее компенсировалось одобрением другой. Идея «пощечины общественному вкусу» подразумевала бунтарство. Значит – революционность. Что и вызывало предсказуемое сочувствие интеллектуалов, настроенных оппозиционно.

Политические факторы обусловливали своего рода инерцию протеста. Мережковский некогда пренебрег ею, Брюсов и Бальмонт поступали осторожнее. А футуристы ее использовали для рекламы.

Отвергая всё сразу, даже и публику, авторы манифеста ориентировались на читателей, предсказуемо сочувствовавших протесту в столь агрессивной форме – революционной.

Как водится, «уникальным торговым предложением» было приглашение в элиту. Но элитарность идентифицировалась по двум критериям. Первый, как прежде, современность. Второй – оппозиционность.

Далее же авторы манифеста опять использовали опыт предшественников. Модифицировав чужой «бренд», затем вернулись к исходному: себя именовали просто футуристами.

О масштабах успеха позволяют судить хотя бы завистливо-пренебрежительные отзывы критиков. С ними отчасти можно согласиться: напечатали футуристы мало. Зато турне по городам России в 1913–1914 гг. принесли доходы, несоизмеримые с инвестициями.

Футуристам пришлось расширить пределы допустимого в области «литературного поведения». Они постоянно дерзили в ходе публичных выступлений: яркие кофты вместо пиджачных пар, раскрашенные лица, перебранки с залом, даже выплеснутый из стакана почти в партер чай и т.д. Однако подобного рода акции большинством зрителей не воспринимались как пренебрежение или оскорбление. Тут видели «общественный протест».

Вне скандального антуража рекламная кампания утрачивала эффективность, соответственно, футуристы искали опору в скандале. Провоцировали его. Необходима была полемика [см., напр.: 40; 27; 53; см. также: 33, с. 82–83; 28, с. 366, 432–437].

В.Г. Шершеневич, примкнувший к футуристам, описывал их рекламную технологию почти 30 лет спустя – в мемуарах «Великолепный очевидец», опубликованных еще через полвека. Определил прагматику: «Скандал в дореволюционной России был одним из легальных способов “протеста”. Скандал был и способом саморекламы» [здесь и далее цит. по: 54].

Итак, одна из важнейших компонент рекламной технологии – обозначение «протеста». А скандал, соответственно, «легальный способ». Эффект был достигнут. Тот же Шершеневич вспоминал, что осенью 1913 г., когда в самом дорогом ряду престижного театра кресло стоило 5 руб., за вход в артистическое кафе, где планировалось выступление футуристов, «платили баснословно дорого: чуть ли не по 25 рублей!».

Неизменным остался и прием выхода за рамки конкуренции. Он подразумевал самоутверждение в противопоставление чему-либо.

С противопоставления начали также Н.С. Гумилёв и С.М. Городецкий, когда осенью 1911 г. создавали новое литературное сообщество. Оппонирующий символизму «бренд» – «Цех поэтов».

Понятие «цех», вызывавшее ассоциации с европейской традицией, указывало, что речь идет о ремесле. Мастерстве, а не мистике.

Рекламную кампанию начали в марте 1912 г. Программной акцией «Цеха поэтов» стал выпуск сразу двух сборников: «Вечер» А.А. Ахматовой и «Дикая порфира» М.А. Зенкевича [3; 22].

«Цеховое единство» подчеркивалось еще и полиграфически. Оба сборника – в почти идентичных обложках, сделанных по эскизу Городецкого.

Дебютантам основатели «Цеха поэтов» уступили первенство добровольно. Подразумевалось, что сборники Гумилёва или Городецкого читатели не сочли бы доказательством какой-либо новизны [подробнее см.: 26].

Третий «цеховой» сборник, «Аллилуиа» В.И. Нарбута, изданный в апреле 1912 г., вновь доказывал: Цех поэтов – действующая организация [34].

В 1913 г. журнал «Аполлон» опубликовал в первом номере сразу два манифеста нового сообщества. Заглавием гумилёвской статьи – «Наследие символизма и акмеизм» – вводился новый «бренд». Аналогичным образом Городецкий, обозначив идею новизны, актуализовал тему противостояния: «Некоторые течения в современной поэзии» [14; 12].

Не касаясь вопросов, связанных с генезисом акмеизма, стоит отметить, что акмеистские программные документы строились иначе, нежели символистские, да и футуристские. Это обусловлено рекламной прагматикой.

Вряд ли удалось бы превзойти символистов на уровне философской основы, а футуристов – в эпатаже. Нужен был новый подход.

Теоретики акмеизма, инкриминировав символистам избыточный мистицизм, вежливо от них дистанцировались. А футуристов зло высмеяли за непомерную агрессивность в отрицании предшественников.

Логически подразумевалось, что фундамент нового сообщества – идея гармонического синтеза. Она и была «уникальным торговым предложением». Читателя опять приглашали в элиту – интеллектуальную и духовную. Элитарность подразумевалась качествами, считавшимися положительными: мудростью, честностью, силой, жаждой познания.

Как известно, акмеисты добились в издательской деятельности много большего успеха, нежели футуристы. Но и вкладывали больше.

Опыт акмеистов – проявление кризиса рекламной технологии. Как развивалась бы, трудно судить. Мировая война началась, в итоге империя распалась, создавалась новая – советская.

Кризис технологии

В советском государстве, если пользоваться осторожными эйхенбаумовскими определениями, «изменились привычные условия и форма литературной работы». Потому как негде стало печататься.

Советское правительство декретировало закрытие газет и журналов. К исходу 1918 г. окончательно закрыто более 500 российских периодических изданий [см., напр.: 36; 6, с. 34–36; см. также: 47, с. 41–53].

Закрыто и большинство издательств. Литературные проблемы мало интересовали правительство. Хватало других.

Такой поворот событий интеллектуалы не предвидели: как неизменную они воспринимали традиционную издательскую модель, т.е.

систему взаимосвязей основных элементов литературного рынка – писателя, издателя, читателя.

Российская издательская модель в основе своей не отличалась от мировой. Издатель, покупавший у автора право на тиражирование рукописи, был продавцом в отношениях с читателем.

Да, писатель мог выпустить и порою выпускал книгу за свой счет или с меценатской помощью, но любая полиграфическая единица оставалась товаром, который следовало продать. Литератор-профессионал вынужден был ориентироваться на профессионального издателя. А тот умерял свой произвол сообразно условиям конкуренции: приходилось ориентироваться на розничного покупателя, буквально «голосующего рублем».

Относительная независимость писателя зиждилась на его узаконенном праве выбирать издателя – среди многих.

Посредством цензуры правительство влияло на литературный процесс, однако не управляло им. Цензор мог лишь запрещать, а не предписывать.

Относительная независимость издателя от правительства зиждилась на узаконенном праве не работать себе в убыток.

Российское правительство не пыталось монополизировать издательскую деятельность. Советское же такую задачу решало. Почти все издательства стали государственными. Даже считавшиеся общественными.

Сохраняя функции цензора, правительство оказалось почти монопольным издателем и оптовым покупателем литературной продукции, устранив тем самым экономическое влияние читателя.

Экономическая оценка роли не играла. Главное, что информационная монополия обеспечивала эффективность пропаганды.

К 1919 г. изменения на уровне быта очевидны. Большинство литераторов считало удачей найти в советском учреждении службу за мизерный паек, лишь бы выдавали хотя бы хлеб из муки пополам с травой.

На литературном рынке были введены принципиально новые правила. Яркий пример их осмысления – идея создания партийного сообщества писателей и художников. Сформулировал ее О.М. Брик, использовав свой почти трехлетний опыт теоретика-организатора в сообществе футуристов.

Если верить многочисленным свидетельствам, именно он первым увидел возможности, открывающиеся на службе у власти. Понятно, что Брику, Маяковскому и другим футуристам, проявившим конформность, не раз пришлось оправдываться перед коллегами-литераторами [см.: 51; см. также: 23; ср.: 52].

Вскоре оправдания стали излишними. Об интенсификации сотрудничества сообщила в восьмом (январском) номере 1919 г. издававшаяся Народным комиссариатом просвещения газета «Искусство коммуны»: «При Выборгском райкоме РКП (большевиков) сорганизовался коллектив коммунистов-футуристов – Комфут» [38].

Это был именно проект в современном понимании термина: ставилась цель, формулировались задачи, решаемые для ее достижения, описывались необходимые организационные формы, кадровая основа и, конечно, обозначался источник финансирования.

Цель – на декларативном уровне – выбиралась в области идеологии. Разумеется, официальной: «Все формы быта, морали, философии и искусства должны быть пересозданы на коммунистических началах».

Средства выбирались соответствующие. Это акцентировалось формулировкой первого же уставного пункта: «В число членов коллектива Комфута может вступить каждый член РКП (большевиков), признающий культурно-идеологическую программу коллектива, принимающий устав его и согласный активно участвовать в его работе».

Наличие партийного билета оставалось условием обязательным и после вступления в Комфут. Что тоже фиксировалось уставом: «Каждый переставший быть членом РКП (большевиков) тем самым автоматически выбывает из коллектива».

Определена и подчиненность. Разумеется, по большевистскому образцу: «Каждый член коллектива в работе своей подчинен постановлениям и руководству коллектива в лице общего собрания или президиума».

Комфут, подобно большевистской партии, должен был стать средой обучения администраторов и организационным инструментом одновременно. Эти задачи фиксировались уставом: «Каждый вновь вступающий в коллектив должен изучить программные основы культурной коммунистической идеологии, преподаваемые в партийной школе коллектива».

Декларируемые программные установки отражают специфику проектного мышления. Главное отличие здесь – на уровне адресации.

Программные документы прежней эпохи адресовались читателям, т.е. розничным покупателям литературной продукции, у комфутовских же адресат – руководство большевистской партии.

Ему же надлежало проект финансировать, вот почему Комфут создан при райкоме партии. Большевистскому руководству адресовано и «уникальное торговое предложение»: распространять коммунистическую идеологию в области культуры.

В остальном программные документы соответствовали традиции. По-прежнему использовался «бренд», предложены теоретические установки, известны были образцы их реализации, выход за рамки конкуренции тоже предусмотрен: согласно декларации, комфутам не с кем было конкурировать.

Что до эпатажа, то и он подразумевался. Комфуты, объявили ненужной деятельность уже созданных «культурно-просветительских органов».

Они, по заверениям комфутов, не распространяли коммунистическую идеологию. Чем и были плохи.

Бриковский проект – своего рода синтез прежней рекламной технологии литераторов и большевистской организационной практики.

Рекламный прием нового футуристского сообщества можно определить как **ребрендинг**, т.е. изменение прежнего «бренда» и «уникального торгового предложения» сообразно рыночным условиям.

Однако инициатива оказалась неудачной. Потому что новаторы не учли именно партийную административную специфику.

Брик и единомышленники ориентировались на так называемую партийную демократию. Этот принцип с необходимостью подразумевал одобрение «инициативы снизу».

Комфуты предлагали нужное правительству, а взамен хотели получить главенствующую роль в управлении культурой. Власть, пайки. Не учли же, что проект их противоречит базовому принципу – централизации.

В отделах Наркомпроса важные посты и так занимали футуристы. Они предложили свои услуги первыми. Лидерство изначально было обусловлено и покровительством наркома А.В. Луначарского. Это вызывало, как известно, возражения коллег, но «ветеран партии» не уступал.

Комфуты нарушили административный порядок. Регистрацией объединений занимался в первую очередь Наркомпрос, авторы же декларации сообщили, что их «коллектив» регистрировал Выборгский райком партии. Луначарского обошли, да еще и дискредитировали, пренебрежительно характеризуя действовавшие тогда «культурно-просветительские органы».

Но в административных механизмах нарком разбирался лучше Брика. Регистрация Комфута была дезавуирована, а вскоре закрылась газета «Искусство коммуны». Беспартийным футуристам предложили вступать в партию на общих основаниях, и от этого они уклонились. Что понятно: вероятной была отправка на фронт «в порядке партийной дисциплины».

Однако главной причиной неудачи стали претензии идеологического характера. Преподавать «культурную коммунистическую идеологию» футуристам не доверили бы в любом случае.

Контрпроект

С поражением комфуты смирились не сразу. Пытались спорить, обосновывать претензии.

Но пока они спорили, С.А. Есенин инициировал новый проект. 10 февраля 1919 г. в газете «Советская страна» была опубликована декларация, подписали которую литераторы и художники, назвавшие себя «группой имажинистов» [16; ср.: 15].

Базовая теоретическая установка – в самом названии сообщества. Каждый, знавший термин *image,* мог догадаться, что речь пойдет о роли «художественного образа».

Понятно, что «бренд» новым не был. Это, как известно, модификация именования англо-американского литературного сообщества 1900-х годов.

Но анализ истории имажинизма не входит в задачу работы. Важно, что авторы декларации модифицировали уже известный «бренд».

Формально декларация была адресована не только розничным покупателям имажинистской продукции. Названы такие группы адресатов, как «поэты, живописцы, режиссеры, музыканты, прозаики».

Авторы манифеста начали с агрессии. Утверждали: «Скончался младенец, горластый парень десяти лет от роду (родился 1909 – умер 1919). Издох футуризм».

Характерно, что теоретик имажинизма – Шершеневич. У прочих тоже не было причин выступать под лозунгом: «Футуризму и футурью – смерть».

Имажинисты действовали по футуристским образцам. Отвергали еще и «лысых символистов».

Реализация теоретических установок подразумевалась. Среди подписавших манифест – известные литераторы и художники.

Приемы футуристов воспроизведены и лексически. Авторы манифеста тоже «приказывали»: «42 сантиметровыми глотками на крепком лафете мускульной логики мы, группа имажинистов, кричим вам свои приказы».

Выход за рамки конкуренции тоже подразумевался. Авторы манифеста утверждали: «Мы не только убеждены, что мы одни на правильном пути, мы знаем это. Если мы не призываем к разрушению старины, то только потому, что уборкой мусора нам некогда заниматься».

Завершалась же декларация, обращением к потенциальным единомышленникам. Профессионалам, которым предлагали стать имажинистами – *«музыканты, скульпторы и прочие: ау?».*

Но при обращении к литераторам, художникам и музыкантам заведомо неуместна такая форма, как «приказы». А призывать розничного покупателя стать имажинистом было попросту нефункционально.

При всем сходстве с футуристским манифестом имажинистская декларация от него качественно отличается. Футуристы рекламировали свой «товар», имажинисты же, обращаясь к другим «товаропроизводителям», рассуждали о **технологии** производства.

В имажинистской декларации эксплицитно не определялось главное: какова суть «уникального торгового предложения», что за преимущества должен получить принявший его.

Энергия и агрессия теряли смысл. Обозначенным группам адресатов предлагалось как раз то, что для них ценности не имело.

Авторы декларации не могли не заметить противоречия. Они поступали вопреки логике, потому как не считали уместным назвать истинного адресата. Но современникам он был очевиден.

Манифест адресован партийному руководству, т.е. власти.

С учетом новых идеологических установок авторы манифеста и объявили себя рабочими. Буквально – «мастеровыми искусства».

Это опять влияние футуристского опыта. Например, 15 марта 1918 г. в Москве по стенам домов были расклеены экземпляры листовки, так называемой «Газеты футуристов» с новой декларацией, авторы которой характеризовали себя: «Мы, пролетарии искусства…» [30].

Комфутовское фиаско имажинисты тоже учли. Истинный адресат получил возможность оценить, насколько они тактичны – по сравнению с футуристами. Готовы сотрудничать, но ничего не требуют взамен. Обходятся без идеологических установок, признавая монополию партии в данной области. Все это играло роль «уникального торгового предложения».

Целесообразен был и выбор главных противников. Да, футуристы первыми заявили о своей лояльности, но их попытки решать коммерческие задачи, опираясь на авторитет власти, постоянно вызывали ее раздражение. Так что имажинисты не посягали на партийные установки. Лояльность демонстрировали – Луначарскому.

Сам факт появления «группы имажинистов» подтверждал, что выбранная Луначарским политика в области культуры вполне эффективна: не только футуристы, но и другие интеллектуалы готовы сотрудничать с новым режимом.

Имажинисты заменили футуристов – на знаковом уровне. Луначарский теперь покровительствовал новому сообществу.

«Мастеровые искусства» получили больше, чем футуристы. Практически все издательские планы их финансировались, разрешалось открывать литературно-артистические кафе, торговать своими изданиями. В общем, позволили имажинистам жить литературой, чего они и добивались.

Скандальность же не требовалась. Так, Шершеневич сетовал: «После революции мы, имажинисты, попробовали “по традиции” пойти по этому пути. Но в изменившейся ситуации факт скандала стал давать уже другой резонанс. Реклама получалась печальная, протеста не получалось совсем» [54, с. 461].

Да, «не получалось». Так ведь и «протест» лишь имитировался. А все остальное удавалось, пока в сообществе оставался главный «реализатор» – Есенин. Более двух лет успех возрастал. На больший срок и не рассчитывали.

Если верить мемуарным свидетельствам имажинистов, бытовые проблемы вскоре минимизировались. Теоретики и «реализаторы» пользовались услугами лучших портных и сапожников, жили в хорошо отапливаемых

квартирах, платили кухаркам, готовившим, как повествовал, например, А.Б. Мариенгоф, не только свиные отбивные, но и «рябчиков, глухарей, пломбиры, фруктовые муссы, золотые ромовые бабы» [см., напр.: 31].

Уместно подчеркнуть: комфутовский проект и контрпроект имажинистов не были исключениями. Это лишь наиболее яркие примеры, отражающие суть новых условий «литературного быта».

Магистраль

Ситуация несколько изменилась в феврале 1921 г. Гражданская война заканчивалась, и правительство объявило о так называемой новой экономической политике.

В аспекте «литературного быта» принципиально важно, что открывались частные издательства, значит, у литераторов появились новые заказчики. Но главным все равно оставалось правительство, контролировавшее периодику. И в новой ситуации оно учитывало мнение читателей, т.е. розничных покупателей: не продано, значит – не прочитано [47, с. 117–134].

Власть по-прежнему субсидировала вполне лояльные писательские организации. Однако для получения статуса надлежало печатно объяснить, на каком основании сообщество было создано и что намерено делать.

С этой точки зрения примечательна статья Л.Н. Лунца, опубликованная в третьем номере журнала «Литературные записки» за 1922 г. Прагматику обозначал заголовок: «Почему мы Серапионовы братья» [29].

Как известно, группа сформировалась еще в 1921 г. Сначала – в качестве студии начинающих литераторов под руководством Е.И. Замятина. Поддержал ее и М. Горький. К моменту издания программного документа был выпущен сборник. Однако для его издания потребовалось столько усилий и ухищрений, что принято было решение начать рекламную кампанию [см.: 45; см. также: 48].

Название группы отсылало к циклу новелл Э.Т.А. Гофмана. Однако автор манифеста заявил: имеется в виду не ученичество, а отношение к художественному вымыслу, тут главное, «чтобы голос не был фальшив, чтоб мы верили в реальность произведения, какого бы цвета оно ни было» [29].

Критерий политического единства был отвергнут. Постулировалось: «Каждый из нас дорог другому как писатель и как человек».

Однако и без критерия не обошлось. Все же сначала – «как писатель». И только потом речь идет о «братской любви».

На уровне формализации мало что изменилось. Обозначены и критерий объединения, и теоретические установки, сказано, что они реализованы в публикациях. Эпатаж налицо: отрицается общность политическая и эстетическая. «Уникальное торговое предложение» – искренность.

Правда, неясен адресат. Если читатели, так они сами решали вопрос об искренности каждого автора, ознакомившись с его публикациями. Декларативные заявления тут не нужны. Значит, нефункционально «уникальное торговое предложение».

На самом деле манифест был вполне функционален. Потому как адресован партийному руководству, причем Лунц учитывал и комфутовское фиаско, и успех имажинистов.

Да, Лунц отрицал политическую общность участников объединения. Но в том же номере «Литературных записок» опубликованы автобиографии «серапионовых братьев», где лояльность новому режиму подразумевается, а в ряде случае акцентируется [44].

Мало того, Лунц оставил на усмотрение партийного руководства вопрос о верности идеологических установок каждого из «серапионовых братьев». Выбор идеальный: подразумевалось, что только большевистские идеологи могут решать, кто прав или ошибся.

Эпатаж тоже оказался вполне функциональным. Критики инкриминировали сообществу уклонение от политических требований, Лунц с ними полемизировал, и главная задача была решена: партийное руководство поддерживало новое сообщество, помогая утвердиться на литературном рынке. Лояльность, конформность, подразумевавшееся само собой признание главенствующей роли партии в области идеологии, наконец писательское мастерство – вполне достаточные тогда основания [см.: 21; 20; 39].

В дальнейшем сообщество распалось, каждый из участников действовал самостоятельно. Рекламная же технология «серапионовых братьев» отражает тенденцию. Две компоненты стали обязательными:

- **обозначение лояльности советскому режиму;**
- **обоснование деятельности сообщества в аспекте ценности для партийного руководства.**

Сообразно правилам действовали и недавние комфуты. Вновь использовали ребрендинг: в январе 1923 г. Маяковский обратился в ЦК партии с письмом, где просил субсидировать издательство и журнал «Левого фронта искусства» [см.: 19; см. также: 7].

Принятая в марте 1923 г. и затем опубликованная журналом лефовская декларация – синтез отрицания досоветского искусства и доказательств ценности группировки для правительства. Лидеры сообщества настаивали: они знают, что нужно сейчас государству. Предлагалось содействие в организации пропаганды, торговой рекламы и т.д. Завершался документ обозначением покорности: «Сейчас мы ждем лишь признания верности нашей эстетической работы, чтобы с радостью растворить маленькое “мы” искусства в огромном “мы” коммунизма» [9].

Пять лет спустя Б.Л. Пастернак в редакционной анкете, которую просил не публиковать, характеризовал Леф нелестно. Был, по его словам, удручен «избыточной советскостью, т.е. угнетающим сервилизмом, т.е. склонностью к буйствам с мандатом на буйство в руках» [1; ср.: 5, с. 256–257; 47, с. 128–129].

На самом деле рекламная лефовская стратегия типологически идентична футуристской – досоветской. Раньше считался неуместным сервилизм, и футуристы обозначали «протест», а в СССР легально протестовать можно было лишь против недостаточной лояльности, вот и приходилось «буянить» сервильно, т.е. предварительно запасшись «мандатом на буйство». Инерция налицо, однако – с учетом специфики эпохи.

Пытались «буйствовать» и теоретики Литературного центра конструктивистов. Сформировавшееся весной 1922 г. сообщество тоже начинало с отрицания эстетических принципов досоветской эпохи. И если лефовцы утверждали, будто знают, **что** правительству **нужно**, то их конкуренты приписали себе знание технологии, посредством которой достигаются **нужные** результаты. Группа осталась верна схеме и после ряда изменений в составе. Эпиграфом к декларации стал эффектный лозунг: «Конструктивизм – этап к искусству социализма» [см., напр.: 49; 18, с. 142].

Да, «бренд» использован уже известный. Конструктивизм ассоциировался, прежде всего, с архитектурой. Новое сообщество экстраполировало ассоциации на литературу [см., напр.: 11].

«Уникальное торговое предложение» – писательская технология, не только современная, но и соответствующая политическим установкам. Авторы манифеста утверждали, что «“конструктивизм” – упорядоченные в систему мысли и общественные умонастроения, которые подчеркнуто отражают организационный натиск рабочего класса».

Такова была теория. Десятилетия спустя Е.И. Габрилович, вспоминая о товарищах по ЛЦК, отметил: «Каждый писал по-своему, и уже потом наши главари разъясняли, в чем и как тут конструктивизм» [10, с. 96; ср.: 25].

У групп Леф и ЛЦК, пользовавшихся субсидиями официально, хоть и негласно, был конкурент, получавший гласное субсидирование. «Бренд» соответствовал: Российская ассоциация пролетарских писателей.

Как известно, «бренд» предложен был до Гражданской войны. Однако его значение модифицировалось в начале 1920-х годов, что обусловлено модификацией термина «пролетарская литература» [см.: 47, с. 125–134].

Согласно декларациям воспользовавшихся прежним «брендом» теоретиков нового сообщества, «пролетарская литература» вовсе не обязательно создается рабочими. Главное, чтоб выражала «идеологию пролетариата».

Разумеется, право решать, что же выражает «идеологию пролетариата», оставалось за большевистскими идеологами. Теоретики нового сообщества

объявили себя инструментом партии. К этому и сводилась прагматика «уникального торгового предложения» рапповцев. Оно было заранее согласовано, что подразумевало установку на гегемонию.

В рамках внутрипартийной конкуренции соперником рапповцев был А.К. Воронский. Как создатель и руководитель первого советского «толстого» журнала он получал официальное и весьма щедрое субсидирование. Авторитет редактора «Красной нови» считался к началу 1920-х годов бесспорным – «ветеран партии».

Сформировав группу «Перевал» из литераторов, печатавшихся в его журнале, редактор обходился до поры без программных документов. Около четырех лет минуло, прежде чем декларация была опубликована в февральском номере «Красной нови» за 1927 г. [здесь и далее цит. по: 17].

Характерно, что о «пролетариате» там нет упоминаний. Перевальцы – в противовес рапповцам – именовали себя «рабоче-крестьянскими писателями». Но суть не менялась: обозначение полной лояльности.

Далее это акцентировалось – наряду с противопоставлением рапповцам. Авторы декларации утверждали: «Писатели “Перевала” не присваивают себе права на гегемонию, несмотря на то, что они опираются на свою органическую принадлежность к революции, в которой большинство из них получило свое общественное воспитание».

Перевальским «уникальным торговым предложением» было сочетание высокого качества литературной продукции с большевистской программой и дисциплиной Синтез деклараций «Серапионовых братьев», ЛЦК и РАПП.

Таковы примеры, наиболее четко отражающие тенденцию. Соответственно, в 1927 г. Эйхенбаум отметил, что досоветские писательские объединения не тождественны советским. Как формально, так и функционально.

Изменения на уровне «литературного быта» обусловливались эволюцией издательской модели. Это и выявилось бы при сопоставлении «литературных фактов» в контексте «литературной эволюции». Работа шла.

Но в 1931 г. завершилось так называемое сворачивание нэпа. Все частные издательства были закрыты, правительство реализовало полностью вариант издательской модели, определенный в период Гражданской войны.

В 1932 г. декретивно были упразднены все «литературные группировки». Началась подготовка к Первому съезду Союза советских писателей [35].

Он состоялся в 1934 г. И основой единства было признано беспрекословное подчинение руководству партии. Критерий, понятно, «внелитературный».

После этого исследования в области специфики «литературного быта» стали крамольными. Оно и понятно: исследование прошлого оказалось нежелательным именно в силу возможности сопоставления с настоящим.

Библиография

1. Анкета Пастернака Бориса Леонидовича. 1928 г. // РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 2.

2. Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. Л.: Прибой, 1929. 310 с.

3. Ахматова А. Вечер. СПб.: Цех поэтов, 1912. 86 с.

4. Бальмонт К. Элементарные слова о символической поэзии // Горные вершины. М.: Гриф, 1904. С. 75.

5. Белая Г.А. Дон Кихоты 20-х годов. «Перевал» и судьбы его идей. М.: Советский писатель, 1989. 400 с.

6. Блюм А. За кулисами «Министерства правды». М., 1994. 320 с.

7. Брик О. Маяковский – редактор и организатор // Литературный критик. 1936. № 4. С. 128–129.

8. Бурлюк Д., Крученых А., Маяковский В., Хлебников В. Пощечина общественному вкусу // Пощечина общественному вкусу: [В защиту свободного искусства: Стихи, проза, статьи]. М.: Г.Л. Кузьмин, [1913]. С. 3–4.

9. В кого вгрызается ЛЕФ? // ЛЕФ. 1923. № 1. Март. С. 8–9.

10. Габрилович Е.И. Вторая четверть // Искусство кино. 1970. № 1. С. 96–125.

11. Ганн А. Конструктивизм. Тверь: Тверское изд-во, 1922. 72 с.

12. Городецкий С. Некоторые течения в современной поэзии // Аполлон. 1913. № 1. С. 46–50.

13. Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция. М: Федерация, 1929. 373 с.

14. Гумилёв Н. Наследие символизма и акмеизм // Аполлон. 1913. № 1. С. 42–45.

15. Декларация [имажинистов] // Сирена. Воронеж, 1919. № 4–5. 30 янв. С. 47–50.

16. Декларация [имажинистов] // Советская страна. М., 1919. 10 февр. № 3.

17. Декларация всесоюзного объединения рабоче-крестьянских писателей «Перевал» // Красная новь. 1927. № 2. С. 233–236.

18. Декларация конструктивистов. (Конструктивизм этап к искусству социализма) // ЛЕФ. 1925. № 3. С. 142–143.

19. Динерштейн Е.А. К истории образования «Левого фронта искусств» // De Visu. 1993. № 11. С. 3–9.

20. Докладная записка заместителя заведующего отделом агитации и пропаганды Я.А. Яковлева И.В. Сталину о ситуации в писательской среде // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953. М.: Международный фонд «Демократия», 2002. С. 39–40.

21. Записка Л.Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП (б) о молодых писателях и художниках // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953. М.: Международный фонд «Демократия», 2002. С. 36–37.

22. Зенкевич М. Дикая порфира. СПб.: Цех поэтов, 1912. 105 с.

23. Ивнев Р. Поэты и политика // Анархия. 1918. 31 мар.

24. Игорь Северянин. Пролог. «Эгофутуризм»: Апофеозная тетрадь третьего тома: Брошюра тридцать вторая. СПб. 1911. 3 с.

25. Киянская О.И., Фельдман Д.М. Карьера акмеиста: Материалы к биографии Владимира Нарбута // Киянская О.И., Фельдман Д.М. Очерки истории русской и советской литературы и журналистики 1920-х – 1930-х годов. Портреты и скандалы. М.: Форум, 2015. С. 57–103.

26. Лекманов О.А. О трех акмеистических книгах. М. Зенкевич. В. Нарбут. О. Мандельштам. М.: Intrada, 2006. 128 с.

27. Лившиц Б. Дубина на голове русской критики (разоблачение клеветы) // Футуристы: Первый журнал русских футуристов. 1914. № 1–2. С. 102–103.

28. Лившиц Б. Полутороглазый стрелец. Л.: Советский писатель, 1989. 720 с.

29. Лунц Л. Почему мы серапионовы братья? // Литературные записки. 1922. № 3. С. 30–31.

30. Манифест Летучей Федерации Футуристов // Газета футуристов. 1918. № 1. 15 марта.

31. Мариенгоф А.Б. Мой век, мои друзья и подруги // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М.: Московский рабочий, 1990. С. 339–368.

32. Мережковский Д. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб.: Типо-лит. Б.М. Вольфа, 1893. 192 с.

33. Милашевский В. Вчера, позавчера... Воспоминания художника. М.: Книга, 1989. 399 с.

34. Нарбут В. Аллилуиа! СПб.: Цех поэтов, 1912. 45 с.

35. О перестройке литературно-художественных организаций: Постановление ЦК ВКП (б) от 23 апр. 1932 г. // Правда. 1932. 24 апр.

36. Окороков А.З. Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М.: Мысль, 1970. 416 с.

37. Олимпов К. и др. Скрижали эгопоэзии. Манифест Вселенского эгофутуризма. СПб.: Тип. «Улей». 1912. 1 с.

38. Организация «Комфутов» // Искусство коммуны. 1919. № 8. 26 янв.

39. Постановление Политбюро ЦК РКП (б) о поддержке молодых поэтов и писателей // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953. М.: Международный фонд «Демократия», 2002. С. 41.

40. Ренников А. Берегите карманы! // Новое время. 1913. 10 апр.

41. Русские символисты: Вып. 1–3. М.: В.А. Маслов, 1894–1895.

42. Садок судей: [Вып. I]. СПб.: Журавль [1910]. 131 с.

43. Саянов В.М. Современные литературные группировки. Л.: Прибой, 1928. 100 с.

44. Серапионовы братья о себе // Литературные записки. 1922. № 3. С. 25–31.

45. Серапионовы братья. Альманах первый. Пг.: Алконост, 1922. 125 с.

46. Скабичевский А. Заметки о текущей литературе // Новости и биржевая газета. 1893. 18 марта.

47. Фельдман Д.М. Салон-предприятие: Писательское объединение и кооперативное издательство «Никитинские субботники» в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов. М.: РГГУ, 1998. 244 с.

48. Хеллман Б. Предисловие. Мы – Серапионовы братья // Серапионовы братья 1921: Альманах. СПб.: Лимбус Пресс; ООО «Издательство К. Тублина», 2013. С. 7–28.

49. Чичерин А., Сельвинский Э.-К. Знаем. Клятвенная конструкция (декларация) конструктивистов-поэтов. М.: К.П., 1923. 4 с.

50. Чудакова М.О. Примечания // Эйхенбаум Б.М. О литературе: Работы разных лет. М.: Советский писатель, 1987. С. 459–539.

51. Шершеневич В. Вдруг революционные // Раннее утро. 1918. 28 мар.

52. Шершеневич В. Открытое письмо поэту Рюрику Ивневу // Раннее утро. 1918. 11 апр.

53. Шершеневич В. Футуропитающиеся // Футуристы: Первый журнал русских футуристов. 1914. № 1–2. С. 86–91.

54. Шершеневич В.Г. Великолепный очевидец. Поэтические воспоминания 1910–1925 // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, 55. Шершеневича, Грузинова. М.: Московский рабочий, 1990. С. 461–511.

55. Эйхенбаум Б.М. Литературный быт // На литературном посту. 1927. С. 47–52.

References

Ahmatova A. Vecher. Saint Petersburg: Ceh pojetov, 1912. 86 p.

Anketa Pasternaka Borisa Leonidovicha. 1928 g. // RGALI. F. 379. Op. 1. Ed. hr. 24. L. 2.

Aronson M., Rejser S. Literaturnye kruzhki i salony. Leningrad: Priboj, 1929. 310 p.

Bal'mont K. Jelementarnye slova o simvolicheskoj pojezii // Gornye vershiny. Moscow: Grif, 1904. P. 75.

Belaja G.A. Don Kihoty 20-h godov. «Pereval» i sud'by ego idej. Moscow: Sovetskij pisatel', 1989. 400 p.

Bljum A. Za kulisami «Ministerstva pravdy». Moscow, 1994. 320 p.

Brik O. Majakovskij – redaktor i organizator // Literaturnyj kritik. 1936. N 4. P. 128–129.

Burljuk D., Kruchenyh A., Majakovskij V., Hlebnikov V. Poshhechina obshhestvennomu vkusu // Poshhechina obshhestvennomu vkusu: [V zashhitu svobodnogo iskusstva: Stihi, proza, stat'i]. Moscow: G.L. Kuz'min, [1913]. P. 3–4.

Chicherin A., Sel'vinskij Je.-K. Znaem. Kljatvennaja konstrukcija (deklaracija) konstruktivistov-pojetov. Moscow: K.P., 1923. 4 p.

Chudakova M.O. Primechanija // Jejhenbaum B.M. O literature: Raboty raznyh let. Moscow: Sovetskij pisatel', 1987. P. 459–539.

Deklaracija [imazhinistov] // Sirena. Voronezh, 1919. N 4–5. 30 Jan. P. 47–50.

Deklaracija [imazhinistov] // Sovetskaja strana. Moscow, 1919. 10 Feb. N 3.

Deklaracija konstruktivistov (Konstruktivizm jetap k iskusstvu socializma) // LEF. 1925. N 3. P. 142–143.

Deklaracija vsesojuznogo ob'edinenija raboche-krest'janskih pisatelej «Pereval» // Krasnaja nov'. 1927. N 2. P. 233–236.

Dinershtejn E.A. K istorii obrazovanija «Levogo fronta iskusstv» // De Visu. 1993. N 11. P. 3–9.

Dokladnaja zapiska zamestitelja zavedujushhego otdelom agitacii i propagandy Ja.A. Jakovleva I.V. Stalinu o situacii v pisatel'skoj srede // Vlast' i hudozhestvennaja intelligencija. Dokumenty CK RKP (b) – VKP (b), VChK – OGPU NKVD o kul'turnoj politike. 1917–1953. Moscow: Mezhdunarodnyj fond «Demokratija», 2002. P. 39–40.

Fel'dman D.M. Salon-predprijatie: Pisatel'skoe ob'edinenie i kooperativnoe izdatel'stvo «Nikitinskie subbotniki» v kontekste literaturnogo processa 1920–1930-h godov. Moscow: RGGU, 1998. 244 p.

Gabrilovich E.I. Vtoraja chetvert' // Iskusstvo kino. 1970. N 1. P. 96–125.

Gan A. Konstruktivizm. Tver': Tverskoe izd-vo, 1922. 72 p.

Gorodeckij S. Nekotorye techenija v sovremennoj pojezii // Apollon. 1913. N 1. P. 46–50.

Gric T., Trenin V., Nikitin M. Slovesnost' i kommercija. Moscow: Federacija, 1929. 373 p.

Gumilev N. Nasledie simvolizma i akmeizm // Apollon. 1913. N 1. P. 42–45.

Hellman B. Predislovie. My – Serapionovy brat'ja // Serapionovy brat'ja 1921: Al'manah. Saint Petersburg: Limbus Press; OOO «Izdatel'stvo K. Tublina», 2013. P. 7–28.

Igor' Severjanin. Prolog. «Jego-futurizm»: Apofeoznaja tetrad' tret'ego toma: Broshjura tridcat' vtoraja. Saint Petersburg, 1911. 3 p.

Ivnev R. Pojety i politika // Anarhija. 1918. 31 March.

Jejhenbaum B.M. Literaturnyj byt // Na literaturnom postu. 1927. P. 47–52.

Kiyanskaja O.I., Fel'dman D.M. Kar'era akmeista: Materialy k biografii Vladimira Narbuta // Kijanskaja O.I., Fel'dman D.M. Ocherki istorii russkoj i sovetskoj literatury i zhurnalistiki 1920-h – 1930-h godov. Portrety i skandaly. Moscow: Forum, 2015. P. 57–103.

Lekmanov O.A. O treh akmeisticheskih knigah. M. Zenkevich. V. Narbut. O. Mandel'shtam. Moscow: Intrada, 2006. 128 p.

Livshic B. Dubina na golove russkoj kritiki (razoblachenie klevety) // Futuristy: Pervyj zhurnal russkih futuristov. 1914. N 1–2. P. 102–103.

Livshic B. Polutoroglazyj strelec. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1989. 720 p.

Lunc L. Pochemu my serapionovy brat'ja? // Literaturnye zapiski. 1922. N 3. P. 30–31.

Manifest Letuchej Federacii Futuristov // Gazeta futuristov. 1918. N 1. 15 March.

Mariengof A.B. Moj vek, moi druz'ja i podrugi // Moj vek, moi druz'ja i podrugi: Vospominanija Mariengofa, Shershenevicha, Gruzinova. Moscow: Moskovskij rabochij, 1990. P. 339–368.

Merezhkovskij D. O prichinah upadka i o novyh techenijah sovremennoj russkoj literatury. Saint Petersburg: Tipo-lit. B.M. Vol'fa, 1893. 192 p.

Milashevskij V. Vchera, pozavchera... Vospominanija hudozhnika. Moscow: Kniga, 1989. 399 p.

Narbut V. Alliluia! Saint Petersburg: Ceh pojetov, 1912. 45 p.

O perestrojke literaturno-hudozhestvennyh organizacij: Postanovlenie CK VKP (b) ot 23 apr. 1932 g. // Pravda. 1932. 24 Apr.

Okorokov A.Z. Oktjabr' i krah russkoj burzhuaznoj pressy. M.: Mysl', 1970. 416 p.

Olimpov K. i dr. Skrizhali jegopojezii. Manifest Vselenskogo jegofuturizma. Saint Petersburg: Tip. «Ulej». 1912. 1 p.

Organizacija «Komfutov» // Iskusstvo kommuny. 1919. N 8. 26 Jan.

Postanovlenie Politbjuro CK RKP (b). o podderzhke molodyh pojetov i pisatelej // Vlast' i hudozhestvennaja intelligencija. Dokumenty CK RKP (b) – VKP (b), VChK – OGPU NKVD o kul'turnoj politike. 1917–1953. Moscow: Mezhdunarodnyj fond «Demokratija», 2002. P. 41.

Rennikov A. Beregite karmany! // Novoe vremja. 1913. 10 Apr.

Russkie simvolisty: Vol. 1–3. Moscow: V.A. Maslov, 1894–1895.

Sadok sudej: [Vol. I]. Saint Petersburg: Zhuravl' [1910]. 131 p.

Sajanov V.M. Sovremennye literaturnye gruppirovki. Leningrad: Priboj, 1928. 100 p.

Serapionovy brat'ja o sebe // Literaturnye zapiski. 1922. N 3. P. 25–31.

Serapionovy brat'ja. Al'manah pervyj. Petrograd: Alkonost, 1922. 125 p.

Shershenevich V. Futuropitajushhiesja // Futuristy: Pervyj zhurnal russkih futuristov. 1914. N 1–2. P. 86–91.

Shershenevich V. Otkrytoe pis'mo pojetu Rjuriku Ivnevu // Rannee utro. 1918. 11 Apr.

Shershenevich V. Vdrug revoljucionnye // Rannee utro. 1918. March 28.

Shershenevich V.G. Velikolepnyj ochevidec. Pojeticheskie vospominanija 1910–1925 // Moj vek, moi druz'ja i podrugi: Vospominanija Mariengofa, Shershenevicha, Gruzinova. M.: Moskovskij rabochij, 1990. P. 461–511.

Skabichevskij A. Zametki o tekushhej literature // Novosti i birzhevaja gazeta. 1893. March 18.

V kogo vgryzaetsja LEF? // LEF. 1923. N 1. March. P. 8–9.

Zapiska L.D. Trockogo v Politbjuro CK RKP (b) o molodyh pisateljah i hudozhnikah // Vlast' i hudozhestvennaja intelligencija. Dokumenty CK RKP (b) – VKP (b), VChK – OGPU NKVD o kul'turnoj politike. 1917–1953. Moscow: Mezhdunarodnyj fond «Demokratija», 2002. P. 36–37.

Zenkevich M. Dikaja porfira. Saint Petersburg: Ceh pojetov, 1912. 105 p.

А.Л. Юрганов

КАК ТОВАРИЩ СТАЛИН СТАЛ РУКОВОДИТЬ ЛИТЕРАТУРНЫМ ФРОНТОМ

Аннотация. *В статье речь идет о политике И.В. Сталина в области художественной литературы, о постепенном утверждении его культа в этой сфере. Один из главных инструментов этой политики – внесение в художественный дискурс идеи марксистской диалектики. Сталинская диалектика стала инструментом давления на писателей, терявших ориентацию в «правильном» описании действительности.*

Ключевые слова: *сталинизм, диалектика, история, советские писатели, И. Сталин, Л. Мехлис, идеологическая кампания, агитпроп.*

Юрганов Андрей Львович – доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ); профессор Школы-студии МХТ.
E-mail: Iurganov@yandex.ru

A.L. Yurganov. As Comrade Stalin Started to Govern the Literary Front

Abstract. *The article tells about I.V. Stalin's politics in literature and the gradual adoption of his cult in this area. One of the main methods of that policy was the use of the ideas of Marxist dialectics in literary discourse. The Stalinist dialectics served as the pressure on writers, who lost orientation in the «correct» description of reality.*

Keywords: *Stalinism, dialectics, history, Soviet writers, I. Stalin, L. Mehlis, ideological campaign, advocacy (agitprop).*

Yurganov Andrey L'vovich – Doctor of History,
Professor of Russian State Humanitarian University (RGGU),
Professor of the School-Studio of the Moscow art theatre.
E-mail: Iurganov@yandex.ru

Сталинизм – явление многослойное, толчком к его развитию послужило выступление Сталина в апреле 1929 г., когда он объявил о строительстве социализма в отдельно взятой стране, и если раньше врагов искали за пределами страны Советов во враждебном капиталистическом окружении, то теперь

задача борьбы за социализм в атмосфере «растущей» классовой непримиримости ставилась уже внутри страны.

Резкий поворот произошел во второй половине 1931 г., его можно проследить по журналу «На литературном посту». В первой половине года имя Сталина в журнале не встречается. О нем не говорят, его не цитируют, упоминают крайне редко и вскользь. Партийный авторитет не был авторитетом литературным, и РАПП[1] возглавляет своя когорта высших управленцев, ревниво следящих за возвышением соперника.

Внедрение культа Сталина в эту среду происходило постепенно и связано было с общей политикой подчинения науки, искусства, культуры идеологическому режиму с упором на жестко выраженную волю генерального секретаря партии большевиков. Первым шагом в этом процессе явилась речь Сталина 23 июня 1931 г. на совещании хозяйственных работников, в которой вождь сказал, что работать всем предстоит в новых условиях строительства социализма в отдельно взятой стране. Казалось бы, какое значение имеет совещание с хозяйственным активом для судеб науки, искусства и культуры? Ясно, что не сами литераторы, деятели искусства, ученые созрели для восприятия метафизического смысла этой речи, но идеологический аппарат Сталина сделал первый «предупреждающий» выстрел в советское общество, заявив о начале большой кампании по глубокой реорганизации его на новых началах. Смысл этой реорганизации открылся не сразу, но очевидно, что план ее уже существовал, и в определенной степени воплощался в действиях агитационного отдела партии, не говоря уже о самом Сталине.

В июльских номерах журнала «На литературном посту» за 1931 г. не было ни слова о Сталине и его речи. И вдруг в его августовском номере, где была опубликована редакционная статья «Речь тов. Сталина и задачи РАПП» (№ 24), начали так превозносить Сталина, что не оставалось никакого сомнения: статья готовилась в недрах агитпропа ЦК партии и предупреждала о серьезной реорганизации деятельности РАПП. В этой статье видны основные концепты идеологической кампании, однако сами литераторы еще не вполне понимали, к чему идет дело: они не улавливали всех идеологических хитрых уловок, которые содержались в планах этой глобальной перестройки.

1. РАПП (ВАПП, ВОАПП) – Российская ассоциация пролетарских писателей – литературно-политическая организация, оформленная в январе 1925 г. как основное звено Всесоюзной АПП (ВААП), существовавшей с 1924 г. Теоретическим органом был журнал «На посту». РАПП стала наиболее массовой пролетарской структурой в советской литературе. Лидерами РАПП были Д. Фурманов, Ю. Либединский. В. Киршон, А. Фадеев, Л. Авербах и др. В 1928 г. было организовано Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей (ВОАПП). В 1932 г. постановлением ЦК ВКП (б) все пролетарские ассоциации в литературе были распущены.

Рассмотрим исходные мотивы начатой кампании, касавшейся всех областей, особенно творческих – искусства и литературы. Первый тезис в редакционной статье – наиболее существенный: об «отставании» пролетарской литературы от «практики» социалистического строительства. «Практику» знает тот, кто ею руководит, – товарищ Сталин.

«…Огромное значение имеет выступление тов. Сталина для пролетарского литературного движения как указание путей его дальнейшей перестройки, большего включения пролетарских писателей в практику социалистического строительства, ускорения процесса ликвидации отставания пролетарской литературы от требований нового этапа социалистической стройки, – было прямо сказано: без выполнения указаний товарища Сталина теперь никак нельзя мыслить себя пролетарским писателем.

Каждый писатель, каждый кружок, вся РАПП в целом должны бороться за выполнение директив вождя партии и рабочего класса. Литературный кружок, который ничего не сделал для того, чтобы ускорить выполнение указаний тов. Сталина на своем предприятии, не может называться рапповским кружком» [15, с. 1].

После почти полного (и многолетнего) неупоминания Сталина в журнале такие слова могли вызвать даже растерянность: «Эта борьба за выполнение указаний Сталина должна проводиться каждым рапповцем у станка, в ячейке, на производственном совещании. Эта борьба должна проводиться каждым рапповцем и при помощи художественного слова. Каждый раздел, каждый абзац речи тов. Сталина – благодарная тема для художественного произведения. Ликвидация “бегства мужика из деревни в город” и по-новому вставший в связи с этим вопрос о рабочей силе, вытеснение ручного труда механизацией, изменение самого типа советского рабочего, борьба с “уравниловкой” и “обезличкой”, постановка тов. Сталиным вопроса о производственно-технической интеллигенции – разве это не темы для полноценных художественных произведений, разве это не нуждается в художественных произведениях, разве это не нуждается в художественном осмысливании в романе, рассказе, стихах, очерках, разве не должно быть мобилизовано вокруг этих тем внимание писательских кадров РАПП? Литературные кружки на предприятиях должны развернуть социалистическое соревнование между собой по лучшему художественному обслуживанию борьбы за выполнение поставленных тов. Сталиным задач на своем предприятии, в своей стенгазете, в своем районе» [там же].

Следующий идейный элемент кампании органично вытекал из предыдущего, – ведь надо было сделать так, чтобы критика шла не только сверху (в таком виде она плохо усваивается), но и со стороны самих писателей. Нужно было заставить их критиковать самих себя, добровольно обнажать вину перед партией, клясться, что такое больше не повторится, указывать на

тех, кто не раскаялся, но скрывает правду от партии… В редакционной статье говорилось, что речь тов. Сталина «должна вызвать новую волну широчайшей самокритики вокруг задач и темпов перестройки пролетарского литературного движения в соответствии с изменившимися условиями, – партийное требование "широчайшей самокритики" в РАПП – это прямое дополнение к тезису об "отставании" пролетарской литературы от практики строительства социализма в СССР. – В свете указаний тов. Сталина РАПП должен произвести проверку всей своей работы, политически осмысливая ее, борясь с различными проявлениями мелкобуржуазных и буржуазных влияний на пролетарское литературное движение и творчество писателей рабочего класса» [15, с. 2].

Подчеркивалось также, что деятельность РАПП не должна быть обезличенной, равно как и самокритика: «Особое значение для пролетарского литературного движения имеет постановка тов. Сталиным вопроса о ликвидации "обезлички". Есть ли в работе РАПП "обезличка"? Да, есть. Она есть и в практике руководства и выражается в наблюдающемся часто "общем" подходе к различным участкам нашего движения, в "отсутствии ответственности каждого за данную конкретную работу"».

Но и этого было недостаточно: указывалось на необходимость развертывания в РАПП «творческих дискуссий». Они были нужны не сами по себе, а только для того, чтобы писатели могли сами себя критиковать, обнажая свои неверные мысли, заблуждения, ложные идеи и т.д.

«Лозунг ликвидации обезлички имеет прямое и непосредственное отношение к вопросам творческой дискуссии в РАПП. Некоторые товарищи не понимают этого, полагая, что единственным выводом из этого лозунга тов. Сталина для пролетарской литературы является описание того, как ликвидируется обезличка на предприятиях. Если бы дело заключалось только в этом, все обстояло бы очень просто. Но мы не можем в качестве выводов из речи тов. Сталина предъявить движению лишь перечень вопросов, подлежащих описанию. Дело обстоит гораздо сложнее» [15, с. 3].

Что «дело» обстояло гораздо сложнее – чистая правда. Дабы писатель никогда не понял, что от него требуется, было сказано, что товарищ Сталин говорил в своей речи о борьбе за «ленинский метод пролетарской литературы». Что это за метод? «Дать художественный образ новой пролетарской интеллигенции может только такой художник, который умеет видеть действительность диалектически, в движении, в росте, который вооружен марксистско-ленинским мировоззрением» [15, с. 4]. Это требование таило в себе пугающую неопределенность: ведь чтобы стать пролетарским писателем, надо не только быть им по происхождению, но и овладеть диалектикой, ленинским методом, который очевидным образом не может быть усвоен сразу, а по смыслу редакционной статьи – присущ только одному Сталину…

Непостижимо, но факт: после такой редакционной статьи о вожде партии и его роли в литературном процессе по-прежнему выходили номера журнала «На литературном посту» без упоминания Сталина! При этом тематика статей полностью совпадала с тем, о чем говорилось в редакционной статье (№ 24). Например, в № 27 за 1931 г. публиковалась статья М. Гельфанда «Развертывание творческой дискуссии и некоторые вопросы борьбы на два фронта» – и ни слова о Сталине. В следующем номере журнала – статья Ю. Либединского «О показе героев и призыве ударников» – и вновь ничего о Сталине. В 29-м номере – статьи Б. Коваленко «Украинская пролетарская литература перед новыми задачами», С. Динамова «Против меньшевиствующего идеализма И. Беспалова» – и снова ничего о вожде партии.

В ноябрьских номерах подробно говорится о «развертывании творческой дискуссии», но даже без намека на Сталина. При этом активно обсуждаются основные «пункты» идеологической кампании – о самокритике, дискуссии и, конечно, о диалектическом методе, доходя до странных обобщений, в духе изначальной неопределенности: «…Диалектический материализм, “сторонником которого заявляет себя пролетарский писатель”, качественно выше мировоззрения Пушкина и Гёте. Но уровень овладения этим качественно высоким мировоззрением у большинства пролетарских писателей ниже, чем уровень овладения Пушкиным и Гёте мировоззрением своего класса, в свою эпоху» [6, с. 6].

В 33-м номере (ноябрьском) за 1931 г. была опубликована программная статья Л. Авербаха[2] «О партийно-политическом воспитании рапповских кадров», где обсуждали вопрос о том, как надо разворачивать творческие дискуссии и самокритику в РАПП. Авербах умудрился несколько раз процитировать А.В. Косырева и только один раз упомянул Сталина вскользь («он против мелкобуржуазной лакировки действительности»), без указания его работы. По тону статьи Авербаха видно, что он чувствовал себя настоящим руководителем РАПП, – это именно он ведет идеологическую кампанию, контролирует всех и судит всех…

24 ноября 1931 г. в газете «Правда» публикуется статья сталинского пропагандиста Льва Мехлиса «За перестройку работы РАПП». В ней делался акцент на том, что Сталин – это не только практик, но и великий теоретик партии... Этот вопрос для Сталина был очень болезненным. Он знал, что его никогда в партии не признавали теоретиком, а по неписаной договоренности руководить ею может только теоретик. Как быть?

2. Авербах Леопольд Леонидович (1903–1937) – советский критик, генеральный секретарь РАПП, член Союза писателей СССР, главный редактор журнала «На литературном посту»; расстрелян.

Мехлис явно намекал на то, что в руководстве РАПП – не настоящие теоретики, а схоласты: «…Наша партия борется и будет бороться против "теоретической" схоластики, оторванной от революционной практики». Он писал: «…Теоретическое обобщение революционной практики отстает на ряде участков идеологического фронта. Это отставание мы имеем и на участке нашей пролетарской литературы». Мехлис напомнил литераторам о теоретике Сталине и его марксистской диалектике: «…Наша партия показала блестящие образцы применения материалистической диалектики для анализа новых условий работы и перестройки соответственно с этим государственных, профсоюзных, комсомольских и партийных организаций. Историческая речь тов. Сталина на совещании хозяйственников 23 июня (1931 г. – *А. Ю.*) с постановкой решающих вопросов работы в новых условиях, в связи с изменениями в расстановке классовых сил в стране, является образцом ленинского стиля в работе – соединения американской деловитости и русского революционного размаха. В своей речи тов. Сталин поднял основные вопросы социалистического строительства на большую принципиальную теоретическую высоту и дал исчерпывающий ответ, как практически эти вопросы разрешить».

Статья довольно откровенно призывала критиковать… руководителей РАПП: «Литература перестала быть делом узкого круга лиц, перестала быть делом "избранных"… Все это надо было руководству РАПП учесть. Все эти факты вступают в прямое противоречие с групповой обособленностью, с элементами администрирования в руководстве массовой организацией пролетарских писателей. Это не может не тормозить развертывание творческих течений, творческого соревнования пролетарских писателей. Система взаимоотношений внутри РАПП должна быть кардинально изменена».

Мехлис своеобразно трактовал выход из ситуации «отставания» литературы: «Необходимо всемерное развертывание творческой дискуссии и самокритики в пределах единой партийной линии». В завуалированной форме требовалось признать свои ошибки перед партией и перестать своевольничать, как прежде: «Какие недостатки должны быть изжиты немедленно? Чтобы воспитать новые кадры писателей-ударников, призванных в литературу, чтобы поднять кадры пролетарских писателей на уровень ленинской непримиримости к оппортунистическим извращениям, надо подвергнуть развернутой критике, в первую очередь на страницах рапповской печати, ошибки, допущенные отдельными членами РАПП, в частности рядом руководящих товарищей».

Имена руководителей Мехлис не стал скрывать – это Авербах, Ермилов, Гроссман-Рощин, Либединский – основной костяк идеологов РАПП.

26 октября 1931 г. в журнале «Пролетарская революция» было опубликовано письмо Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма». Оно

затем появилось в осенних номерах всех основных периодических журналов (Большевик. 1931. № 19–20; Коммунистическое просвещение. 1931. № 23; Борьба классов. 1931. № 8–9).

Публикация в «Правде» ни словом не упоминает, что уже месяц, как увидела свет статья Сталина, касающаяся истории большевизма, – значит, месяц спустя после публикации агитпроп еще не подготовил (или не успел подготовить!) новую идеологическую атаку на советское общество с новым прославлением генерального секретаря партии.

Первое, что бросается в глаза, когда читаешь текст письма Сталина, – это не столько, что сказал, а то, как сказал. Агрессивная тональность письма не могла не напугать читателей. Речь шла о позиции историка А.Г. Слуцкого, высказанной им в статье «Большевики о германской социал-демократии в период предвоенного кризиса» и опубликованной в журнале «Пролетарская революция». Сталин писал о правоте большевиков по вопросу о диктатуре пролетариата и учил историков партии опираться не на бумажные документы (символ бюрократизма), а на реальные дела (практику) большевиков.

По мере превращения письма тов. Сталина в идеологическую акцию смысл публикации оказывался не контекстуальным, а метафизическим, – так, собственно, и возникал сталинизм в области идеологии: через превращение сказанного об одном в сказанное обо всем!..

Пока формировалась новая идеологическая кампания, Авербах пытался защитить себя и удержать власть в РАПП после острой и очень неприятной критики в «Правде».

В декабрьском номере «На литературном посту» (№ 34, 1931 г.) был опубликован редакционный материал под названием «Об очередных задачах перестройки РАПП. Резолюция по докладу Л. Авербаха на Пленуме РАПП 2 декабря 1931 г.». Авербах признал правоту Мехлиса и уже ссылался на письмо тов. Сталина, называя его «образцом большевистской идейной нетерпимости»: Оно «обязывает РАПП и всех его работников к пересмотру своих теоретических работ под углом зрения борьбы за ленинскую партийность теории, за овладение ленинским философским наследием как новой ступенью в развитии марксизма, за проверку теории требованиями практики и успешностью борьбы с классовым врагом и его влияниями на фронте литературной теории» [11, с. 3].

В сдвоенном номере журнала «На литературном посту» (№ 35–36, 1931 г.) были опубликованы выступления литераторов на пленуме РАПП с самокритикой. А. Безыменский, например, говорил не только о своих заблуждениях, но ставил вопрос и о руководителях Ассоциации: «Ощущая полноту ответственности за работу РАПП, я хочу помочь скорейшему и полному проведению директив партии. Да, я ошибался, я признаю свои ошибки, но как большевик, я обязан и буду бороться за проведение линии партии

помогать осуществлению ее директив. Касаясь доклада т. Авербаха, я должен сказать, что в нем не дано настоящего направления огня в свете директив партии. (Голос: “Правильно”. – Аплодисменты). <…> Товарищи, нужно решительно разделаться с этой системой. Это одна из самых важных директив партии. Но она осуществлена в докладе Авербаха более чем плохо. <…> Я лично заявляю, что безоговорочно присоединяюсь к статье “Правды”» [3, с. 23–24].

Безыменский спрашивал, искажая русский язык, но не искажая сути идеологической проработки: «Почему т. Авербах исключается из самокритики?» [3, с. 23].

Культ Сталина возникал на основе культа Ошибки, который вытекал из обязательной процедуры самокритики. Никто не мог уйти от критики себя и других: так подготавливалась почва для обвинений и преследований. Сталину не обязательно было придумывать вину, в атмосфере «самокритики» найти ее было нетрудно. Три смысловых концепта становятся главными в идеологии: это разоблачение «гнилого либерализма», отношение между «теорией» и «практикой» и совпадение / несовпадение с «генеральной линией партии». Через эти концепты, бесконечно повторяемые, осуществлялась структурная перестройка всех областей искусства, теоретического и методического знания [20, с. 68–70].

Кампания по письму Сталина в «Пролетарскую революцию» развернулась в декабре, и в последнем номере журнала «На литературном посту» (№ 35–36, 1931 г.) уже шел специальный редакционный материал: «Письмо Сталина и задачи ВОАПП. Постановление секретариата ВОАПП». Смысл этой кампании, как говорилось, – в усилении партийности в теории: «Письмо тов. Сталина в редакцию “Пролетарской революции” “о некоторых вопросах истории большевизма” ставит во весь рост задачу усиления борьбы за партийность в теории, против всех и всяческих враждебных марксизму-ленинизму систем и против гнилого либерализма по отношению к последним. Письмо особенно заостряет внимание на новых формах маскировки троцкизма, этого передового отряда контрреволюционной мировой буржуазии. Разоблачая Слуцких и Волосевичей, письмо показывает, как троцкизм пытается извратить историю большевистской партии, оклеветать ленинизм, противопоставить ему идеологию троцкизма…» [3, с. 1].

Культ Ошибки получил дальнейшее развитие. Его питательная среда – неопределенность смысла и возможность им манипулировать: «Проводя в жизнь указания партии, ВОАПП в основном успешно боролось против троцкизма, воронщины, переверзевщины, меньшевистствующего идеализма, деборинщины, лефовщины – литфронтовщины, – против правой опасности, как главной, и “левацкого” вульгаризаторства, – против великодержавного шовинизма и местного национализма, – против всех видов гнилого либера-

лизма и примиренчества к буржуазным антимарксистским теориям, – против искажений ленинской партийности в литературе и ленинского понимания культурной революции. Разработку этих вопросов необходимо проводить на основе непримиримой борьбы против оппортунистического "сплошного" классово-недифференцированного подхода к наследству, против тенденции отрицания и смазывания классовой специфики пролетарской, социалистической культуры, национальной по форме, – против ревизии ленинской теории критической переработки наследства, – против великодержавного ассимиляторства и национал-демократической трактовки проблем национальной культуры, – против "левацкого" вульгаризаторского, капитулянтского отказа от использования культурного наследства» [3, с. 2].

Сталинская диалектика постепенно, год за годом, становилась главным оружием в борьбе за абсолютную полноту личной власти. Выставлялись, как противоположности, тезисы, которые не оставляли никому ни единого шанса оправдаться, ибо при манипулировании ими можно обвинить в недостатке истины всякого человека, кроме одного – Сталина, с которым истина благополучно соединялась.

Первый номер журнала за 1932 г. вышел с программной речью Авербаха, произнесенной на пленуме РАПП, – «О перестройке РАПП». Он признал, что недооценил масштаб всей кампании: «…Последняя дискуссия показала, что мы не отдавали себе должного отчета в размерах необходимого поворота, темпах и содержании перестройки». Однако сдаваться он явно не хотел, – по-прежнему он говорил, как тот, кто руководит не только РАПП, но и всей развернутой кампанией, то ли делая вид, то ли искренне не понимая, что она острием своим направлена не только против членов РАПП, но и против его руководства – прежде всего. «Мы знаем, какое внимание уделяется т. Сталиным и всей нашей партией литературе и искусству, мы опровергли все эти теории не только теоретически, но и нашей практикой, практикой роста всего пролетарского искусства» [13, с. 6].

«Мы» – это он, Авербах, руководитель РАПП, исполнитель воли партии!..

Между тем вектор усвоения «диалектики» обозначался все более и более сталинским цитированием. В статье Ф. Панферова «Говорите голосом книг» ставился вопрос, который многих писателей заставлял задуматься: «Что значит быть писателем-материалистом, диалектиком? Это, во-первых, стоять на уровне идейного богатства Маркса – Ленина – Сталина, встать на культурный уровень класса, это, во-вторых, с ленинских позиций уметь вскрывать диалектику самой действительности, опыта, практики нашего класса. Лозунг "Магнитострой литературы" требует от писателя тщательного изучения богатства идей Маркса – Ленина – Сталина, лозунг "Магнитострой литературы"

требует от писателя тщательного изучения практики, опыта нашего класса, ставит перед писателем огромнейшие проблемы…» [13, с. 14].

В таком шаманстве текстов постепенно привыкал жить советский писатель. Юрий Либединский, например, узнал из статьи Панферова, что его роман «Рождение героя» является «результатом того, что у Либединского поиски мировоззрения были оторваны от практики нашего класса. Верно, и в теоретических установках т. Либединского были крупнейшие ошибки (ошибки идеалистического порядка). Но если бы т. Либединский при написании своего произведения (а мы не сомневаемся в его искреннем желании своим творчеством в меру своих сил помочь рабочему классу отыскивать наилучшие методы борьбы), если бы он при создании своего произведения тщательно проверил свои теоретические установки, идеи практикой нашего класса, если бы он тщательно изучил среду, окружающую членов ЦКК, комсомол, пионеров, если бы он через изучение практики класса выверил свои теоретические взгляды, – у него получилось бы нечто совсем иное, противоположное тому, чем является “Рождение героя”».

Верхом абсурда можно считать фразу Панферова – «Мы зовем писателей прощупать жизнь собственными руками». Однако в конкретной ситуации становления идеологии сталинизма слова о прощупывании жизни подкреплялись словами товарища Сталина, и уже не выглядели безумием, но обретали свою мифическую логику и оправдание: «“Теория есть опыт рабочего движения всех стран, взятый в его общем виде. Конечно, теория становится беспредметной, если она не связывается с революционной практикой, точно так же, как практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией. Но теория может превратиться в величайшую силу рабочего движения, если она складывается в неразрывной связи с революционной практикой, ибо она, и, только она, может дать движению уверенность, силу ориентировки и понимание внутренней связи окружающих событий” Вот что говорит Сталин. К этому мы зовем писателя, когда говорим, что жизнь надо прощупать собственными руками. Что это значит? Это значит – то, о чем ты пишешь, тебе надо изучить со всех сторон. Тебе надо изучить науку этого предмета-темы, философию этого предмета-темы, действительность этого предмета-темы, осветить действительность теорией, проверить, выверить теорию практикой, опытом класса» [13, с. 14].

Панферов хорошо усвоил сталинский урок. Он понял, что «практика нашего класса» выше всякой теории: «В ряде областей практика нашего класса обгоняет теорию, а для того, чтобы показать идеи нашего времени на злободневном материале, надо знать не только вчера, но и уметь заглянуть в завтра» [13, с. 15].

Даже после недвусмысленной критики в «Правде» Авербах сохранял стабильное положение в журнале «На литературном посту». В статье

Г. Корабельникова «Звенья перестройки» утверждалось, что «сущность задачи перестройки РАПП <…> в основном сформулирована т. Авербахом и в ряде выступлений в прениях по докладу». И ни слова о Сталине. Такая же картина в статье С. Кирьянова «За творческую перестройку» [9, с. 25–27] – положительные отклики на выступления Авербаха и умалчивание Сталина.

В новом, 1932 г., журнал начал кампанию против неоворонщины, – так стали называть статьи тех перевальцев, кто откликнулся на «ленинскую диалектику» своим объяснением ее сущности. В первом номере была опубликована статья М. Серебрянского под названием «Воронщина сегодня»:

«В общем оживлении классово-враждебных нам сил сегодня на идеологическом фронте в связи с успехами социалистического наступления голос неоворонщины далеко не последний в этом хоре. Распадается, но еще не окончательно распался “Перевал”, сохранивший еще некоторые силы» [16, с. 28].

В статье отмечалось, что неоворонщина стремится «удержать свое влияние на попутничество», приспосабливая «диалектику к своим целям и потребностям». Острой критике подвергалась статья Н. Замошкина в «Новом мире», в которой он, как говорилось, «протаскивает старую перевальскую теорию Горбова о едином потоке». Серебрянский отмечал, что в этой статье ни слова не сказано о том, что «борьба за творческий метод в советской литературе есть классовая борьба», ибо «воронщина и признание классовой борьбы вещи несовместимые».

Серебрянскому особенно не понравилось «приспособленчество» автора, выражающее себя в требовании прав «на ошибки, даже на искажение диалектики». В статье Замошкина высказывалась еще одна крамольная мысль о том, что стихийными диалектиками были почти все классические писатели. Вписать ленинскую диалектику в обычную основу писательского ремесла – как в основу стихийную, бессознательную, – с этим Серебрянский никак не мог согласиться: «Таким образом, метод диалектики реализуют в литературе все писатели прошлого и настоящего – от Ф.М. Достоевского до Ник. Тихонова. Беды нет, что различны эпохи, классы, идеи, которые выражались данными писателями. Беды нет, что проблема диалектико-материалистического метода в искусстве никем раньше не могла быть поставлена, как нет беды, наконец, в том, что между диалектиком-материалистом и диалектиком-идеалистом “дистанция огромного размера”. Но для сторонников теории “единого потока” литература едина и внеклассова. И классовой борьбы, разумеется, нет никакой!» [16, с. 30].

Раздражение вызвало замечание Замошкина о том, что диалектика может оказаться не диалектикой, а диалектической манипуляцией, если она лишь фикция. С внедрением «ленинской диалектики» в духе письма Сталина о непримиримости к врагам, нарастал градус борьбы с «отклонениями от

марксизма-ленинизма», и Серебрянский ставил уже такую задачу: «…не дискуссировать с воронщиной, с ее теоретиками, а добить ее навсегда и окончательно».

В 1937 г. А.К. Воронский[3] давал показания о разговорах с товарищами по «Перевалу», и он упоминал свои беседы о «движничестве» и диалектике в 1931 г.: «…в 1930–31 годах эта борьба достигла своего апогея, причем ВАПП имел явный перевес в журналах, в прессе, в издательствах, средства же “Перевала” были ограничены. Литературные собрания продолжались. Они не носили троцкистского характера. Часть из них происходила у Павленко, непричастного к троцкизму, часть у Катаева, тоже не являвшегося троцкистом, часть происходила открыто в помещениях союза. Очень большое внимание было уделено, помимо ВАПП, так называемому движничеству, творческому направлению, которое во главу угла ставило динамизм образов, языка, стиля, их психологизм; обсуждалось отношение динамизма к диалектике и т.д.» [19, с. 163].

Тему «неоворонщины», очень выигрышную в тот момент, взял на вооружение и Авербах, разоблачая ее в своем заключительном слове «О перестройке РАПП», опубликованном во втором номере журнала за 1932 г.

Авербах выбрал для себя роль главного оценщика «перестройки», допуская, впрочем, «самокритику критика»: «…Чем больше человек самокритикуется, чем больше он в дальнейшем очищает свои прежние работы от допущенных ошибок, тем большим авторитетом в данной области он становится, тем лучшим большевиком в части теории он является. Именно этим мы должны руководствоваться в нашей дальнейшей теоретической работе». Впрочем, под общий хохот, он заметил, что есть и такие, которые «на каждом пленуме отмежевываются от ошибок, потому что у них нет ничего другого… На фоне классовой борьбы в литературе мы имеем проявление гнилого либерализма, отсутствие достаточной классовой непримиримости в борьбе за линию партии против различных буржуазных и мелкобуржуазных влияний, мы имеем новую волну, я это прямо утверждаю, неоворонщины в искусстве. Этому нужно дать решительный отпор. Но в борьбе с классовым врагом нужно однако уметь не сбрасывать со счетов нашей литературы ни одного писателя, которого рабочий класс может переделать» [1, с. 5].

И вновь Авербах чудесным образом умудрился обойтись без цитат тов. Сталина, как будто их не обязательно повторять. В публикациях других

3. Воронский Александр Константинович (1884–1937) – писатель, литературный критик, теоретик искусства, создатель журнала «Красная новь», идеолог литературной группы «Перевал», сторонник Л.Д. Троцкого. В 1927 г. исключен из партии и отправлен в ссылку, в 1929 г. вернулся в Москву, работал в Гослитиздате; расстрелян.

авторов вновь стали мелькать одобрительные отзывы об Авербахе, – как будто не было призыва газеты «Правда» критиковать руководство РАПП [18, с. 20–22].

В пятом номере журнала «На литературном посту» были опубликованы материалы производственного совещания критиков РАПП (состоявшегося с 25 по 29 января 1932 г.). В статье А. Фадеева «Об одном споре всемирно-исторического значения» шла речь о теории Троцкого: он «фактически призывал к художественному разоружению пролетариата перед буржуазией. И последователи его – Воронский, Полонский, Горбов – они на брюхе ползли перед старой буржуазной литературой... Лефовщина, литфронтовщина – эти пытались ликвидировать наше пролетарское искусство и пролетарскую литературу “слева”. Они тоже не верили в возможность создания пролетариатом большой литературы» [17, с. 1–5].

И только партия, руководимая ЦК во главе с т. Сталиным, «возглавляет всемирно-историческую борьбу рабочего класса».

На этом совещании С. Кирпотин сделал большой доклад о письме Сталина, в котором отмечал ошибки Либединского и Ермилова в связи с неверной теорией «непосредственных впечатлений» и трактовкой психологизма в художественной литературе. Он говорил, что «основным критерием при анализе художественной литературы у нас должен быть критерий практики рабочего класса периода вступления в социализм». Стенограмма совещания зафиксировала тяжелую атмосферу самобичевания, поиска врагов, густой туман писательской вражды и злобы.

Уже в следующем номере, шестом, была опубликована эта речь Кирпотина на совещании. В ней был артикулирован лозунг «срывания масок», как одно из проявлений диалектико-материалистического метода [8, с. 8–9].

«Диалектика» увлекала критиков, и в том числе Кирпотина, своей необъяснимой (поистине революционной) широтой в правах на срывание масок, ведь «без умения правильно определить ведущее начало в диалектическом противоречии нельзя ни понять, ни применять ленинской диалектики». Ленин говорил о «ведущей стороне» в диалектическом противоречии, но что это такое, Кирпотин не уточнял, не старался понять, – он разоблачал своего товарища Либединского за неверно выбранное противоречие, – за то, что тот «идеалистически низводит социальные противоречия к противоречиям индивидуальной психологии… “Рождение героя” написано с точки зрения примата индивидуального над социальным. Ошибки мировоззренческого порядка неизбежно привели Либединского к ошибочному художественному произведению».

Вместе с тем Кирпотин говорил и о том, что «нельзя отразить в художественном произведении процесс победы социализма в нашей стране простой дедукцией художественных образов из генеральной линии партии».

А как же тогда правильно?..

Тут и возникает пока еще не вполне осознаваемая потребность в живом Авторитете, который один только и знает, как определить «ведущую сторону» в противоречии, только ему одному должно быть ведомо, какую сторону занять (или никакую!), только он должен судить, обладая правом на истину в глубинах диалектической неопределенности.

Кирпотин, возможно, и сам не заметил, как, споря с Либединским, уже не мог обойтись без авторитета Сталина, – его присутствие в системе разоблачений делала ее работоспособной: «…надо, вооружившись генеральной линией партии, передумав ее как следует, знать и видеть, как реально происходит процесс строительства социализма, в плоти и крови…» [8, с. 13]. Только Сталин знал, какова эта генеральная линия партии, только он мог судить об уклонениях влево и вправо от безупречной истины.

Литературные критики, вроде Кирпотина, еще не догадывались о том, какой их ожидал сюрприз в скором времени, когда в ответ на их наставительные рассуждения о том, чем является диалектика и чем она не является, будет сказано или… о непонимании ими роли индивидуального в культуре, или… о непонимании классового начала, – какая разница в чем упрекать, если «ключи» от вместилища истинного знания у одного лишь человека – генерального секретаря партии большевиков. В такую игру многим хотелось сыграть, многие желали слиться с диалектической истиной, стать первым в своем деле, но крайне редко кто осознавал опасные последствия такого соревнования. Между тем Сталин всегда заботился о том, чтобы в его «игровой клуб по интересам» заходило как можно больше посетителей, он всегда старался быть радушным, благожелательным и даже гостеприимным…

В седьмом номере «На литературном посту» за 1932 г. была опубликована статья А. Афиногенова, М. Лузгина, И. Серебрянского, А. Фадеева «За ленинизм в литературе. К итогам первого производственного совещания критиков РАПП», в которой отмечалось, что «положительным моментом совещания является то, что оно сумело пропитать свою работу борьбой за партийную линию в литературе, за реализацию тех указаний, которые даны в известном письме тов. Сталина…»

Вновь возникла диалектическая коллизия правильного и неправильного смысла, как вопрос о совпадении или несовпадении с генеральной линией партии: «У Ленина мы находим исчерпывающий ответ и на споры вокруг так называемого “психологизма”, одновременно направленный, с одной стороны, против лефовско-литфронтовского антипсихологизма, против мелкобуржуазной боязни раскрытия социальной психологии классов и общественных групп, а с другой – против тенденций индивидуалистического психологизма, отрывающего психологию от классовой практики» [7, с. 2].

Любой тезис – и за, и против психологизма – предполагал ложь: если утверждать значение психологического, то умаляется классовое, если утверждается классовое, то игнорируется индивидуальное: оценка истинного ответа зависит от того, у кого права на владение, пользование и распоряжение «генеральной линией».

В этой борьбе одной неопределенности с другой неопределенностью взращивался культ Ошибки, столь мучительный и страшный для пролетарских писателей, что в нем никакого другого чувства, кроме страха, физического и духовного, уже не оставалось. Приведу довольно значительный фрагмент из этой коллективной статьи, чтобы проиллюстрировать мертвящую силу сталинской диалектики «в действии»:

«На совещании была развернута критика ошибок как руководства РАПП в целом (лозунг "плехановской ортодоксии" в вопросах литературоведения, лозунг "одемьянивания", положение о том, что "ударник стал центральной фигурой пролетарского литературного движения" и пр.), так и критика ошибок отдельных руководящих работников РАПП. И в основных докладах, и в прениях на совещании наряду с критикой ошибок, идущих по линии деборинских и плехановских влияний (в статьях тт. Авербаха, Фадеева, Сутырина, Афиногенова и др.), была дана критика правооппортунистических ошибок т. Ермилова как в докладах тт. Кирпотина и Динамова, так и в докладе самого т. Ермилова, Либединского и Селивановского и фричеанских ошибок[4] т. Динамова. Ошибки т. Ермилова, относящиеся, главным образом, к его работам 1926–1928 гг., выражают влияние идеалистической системы Воронского, против которой всегда боролось пролетарское литературное движение. К этим ошибкам т. Ермилова относятся, несомненно, тенденции к абсолютизированию лозунга "живого человека", приводящие к подмене классово-политического анализа литературных явлений их отвлеченно-эстетической оценкой. Сюда можно отнести также механистическую трактовку Ермиловым категорий сознательного и подсознательного, что является выражением и прямых влияний воронщины и неправильных сторон эстетики Плеханова… Влияния воронщины сказались и на ошибках, совершенных т. Либединским (теория "непосредственных впечатлений", разрыв чувственного и логического и др.), выражавших деборинское[5] влияние и в теоретических работах, и в

4. Фриче Владимир Максимович (1870–1929) – советский искусствовед, литературовед, академик АН СССР (1929). В 1920-х годах директор Института русского языка и литературы, ответственный редактор журнала «Литература и марксизм».

5. Деборин Абрам Моисеевич (1881–1963) – советский философ-марксист, один из организаторов Института философии АН СССР, академик (1929). В 1926–1930 гг. – ответственный редактор журнала «Под знаменем марксизма». Критиковался в прессе как представитель «меньшевиствующего идеализма». В 1931 г. отстранен от

творческой практике т. Либединского (роман "Рождение героя"). Влияния воронщины сказались и на статьях тов. Селивановского, также разрывающего чувственное и логическое, строившего определение содержания поэзии в одной из своих статей с точки зрения критерия чувственности и совершившего грубые правооппортунистические ошибки в оценке идейной сущности конструктивизма и его роли в советской литературе. Все эти ошибки, идущие по линии влияния плехановщины, деборинщины, воронщины признаны и исправляются на практике. Это, однако, отнюдь не снимает как с руководства РАПП в целом, так и с самих ошибавшихся товарищей необходимости дальнейшей критики их ошибок, чтобы на объяснении сущности этих ошибок воспитывать новые кадры, приходящие в массовое литературное движение» [7, с. 4–5].

В том же номере была и такая публикация: «А. Камегулов о своих ошибках». В нем Камегулов сначала обратился к письму Сталина, имеющему «историческое значение», а потом поведал о своих заблуждениях: «Основное в том, что РАПП в своей борьбе с Литфронтом был целиком и полностью прав, что в своей борьбе с РАПП я наделал уйму ошибок, и нужно их теперь исправлять. Началом этого исправления ошибок я и считаю свое сегодняшнее выступление».

Казалось бы, и все... Ан нет! К этой публикации прилагался комментарий «От редакции»: «Печатая речь т. Камегулова, редакция отмечает, что т. Камегулов правильно указывает на декларативный характер своей самокритики, на то, что его отход от Литфронта не доказан еще на деле. Тов. Камегулов должен практической работой доказать свой полный разрыв с Литфронтом» [1, с. 47].

Одних слов недостаточно, нужны дела, чтобы тебе поверили! А это означает, что потребуются новые и новые признания в ошибках. И нет никакой уверенности, что поверят еще раз – ведь тот, кто сделал ошибку, может совершить ее вновь.

Ту же ситуацию «непрощения» ошибок мы обнаруживаем в материале девятого номера журнала – в «Напостовском дневнике». Ошибки не забываются, даже если их авторы покаялись, ибо ошибки, как грехи в христианской религии, не уходят никуда, остаются метафизическим злом, обозначая собой, если позволительна такая аналогия, «недостаток» в полноте марксистской истины.

«Товарищи Либединский и Ермилов, боровшиеся за генеральную линию партии и литературу, сделали ряд грубых ошибок правооппортунистического

должности директора института, продолжал работать в структурах Академии наук, преподавал в Школе особого назначения НКВД.

порядка. Эти ошибки признаны ими, раскритикованы в целом ряде статей, выступлений, брошюр, книг. Эти ошибки нужно критиковать дальше. Но нужно не выдумывать ошибки, а критиковать действительные ошибки. А “Смена” занимается именно выдумыванием ошибок, приписывая, например, т. Ермилову “оппортунистическую теорию” “неизбежных ошибок”» [10, с. 34].

Надлежало критиковать и критиков, особенно тех, кто был недобросовестен. Допускалась защита невинно раскритикованных, но не для того, чтобы усомниться в самой кампании, а для того, чтобы ни один критик не был слишком уверен в себе. Так, в редакционной статье «Против “левацкого” вульгаризаторства в конкретной критике», открывавшей 11-й номер журнала, говорилось, что «вместо действительной критики действительных ошибок, допущенных т. Митрофановым и нуждающихся в серьезном большевистском анализе, т. Красина взгляды героев приписывает автору, отсюда же, не утруждая себя размышлениями над характером ошибок т. Митрофанова, делает непосредственный вывод о том, что в повести “Июнь-июль” получилась по существу открытая пропаганда троцкизма-стэновщины»[6] [14, с. 2].

Двенадцатый номер журнала «На литературном посту» за 1932 г. оказался предпоследним и сообщил читателю, что, согласно Постановлению ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций», ликвидирована ассоциация пролетарских писателей (ВОАПП, РАПП). Во втором пункте постановления говорилось о необходимости объединить всех советских писателей в «единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем». В третьем пункте значилось – «провести аналогичное изменение по линии других видов искусств…» [12, с. 1].

Вслед за постановлением в журнале перепечатывалась статья «На уровень новых задач» из «Правды» от 9 мая 1932 г. В ней определенно говорилось об ошибках Л. Авербаха: «К числу наиболее ярких ошибок творческого порядка относится ставка на индивидуальный психологизм. Исходя из этого, развивалась идеалистическая теория “живого человека”, наиболее полно сформулированная в тезисе “Мир – это человек”. Этот вывод тесно был увязан с такой методологической установкой: “Анализ психологии индиви-

6. Стэн Ян Эрнестович (1899–1937) – философ, специалист по гносеологии, политический деятель. В конце 1920-х годов – член редколлегии журналов «Революция и культура», «Под знаменем марксизма», заместитель заведующего Агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП (б), заместитель директора Института К. Маркса и Ф. Энгельса. В 1928 г. обвинен в приверженности «правой оппозиции», в 1932 г. был исключен из партии, арестован и отправлен в ссылку. В 1936 г. вторично арестован; расстрелян. Термин «стэновщина» на языке сталинских пропагандистов означал синтез ошибок, как левых, так и правых («лево-правый блок»).

дуальной является лучшим путем литературы к пониманию психологии социальной" (см.: Авербах – "О задачах пролетарской литературы"). Но эта робинзонада не имеет ничего общего с марксизмом. Понять психологию отдельных личностей можно только через анализ общественных отношений, продуктом которых они являются».

Но чтобы не было перекоса лишь в сторону идеологии, был найден почти обязательный в такой ситуации «противовес» в виде обвинения в грубых политических ошибках, допущенных Авербахом в отношении «попутчиков»:

«Грубые политические ошибки допущены и в отношении к попутчикам. На страницах руководящего журнала "На литературном посту" в ряде статей культивировалась явно "левацкая" установка – "не попутчик, а союзник или враг" (№ 2, 1931 г.). Явно не понимая процесса поворота писателей, журнал выставляет лозунг: "Союзник или враг" – вот основная постановка вопроса, которую мы даем сейчас (№ 8, 1931 г.). Развивая эту неправильную установку журнала, т. Авербах пытался подвести под нее теоретическую базу. Схематизируя и вульгаризируя линию партии в отношении интеллигенции, он пишет… Авербах, согласно этим противоположным оценкам, соединял и правую, и левую стороны ошибок в своем мировоззрении, оказываясь по обе стороны заблуждений от непостижимой диалектической истины…»

В октябре 1932 г. Сталин собрал на квартире Горького рапповцев для беседы о причинах ликвидации их ассоциации. Прямо было сказано, что руководство не справилось с задачей объединить вокруг себя новые писательские массы: групповщина, администрирование – все это было ожидаемо услышать от вождя партии. Не вполне очевидно было, что зайдет разговор о диалектике. Сталин понимал, что это стержень всей новой ситуации в литературно-художественном процессе. Понимали это и писатели, но не так, как Сталин: они не могли никак освоить этот странный механизм, который в последний момент ускользал из их цепких рук, и никак не приближал к вожделенной диалектической истине, потому что всякое обвинение в чем-то и кого-то могло обернуться (и довольно легко!) обвинением против обвиняющего. Диалектика!

В шаманской речи Сталина слышалась провокационная нота: у писателей остаются еще колебания, даже не политические, а литературно-теоретические, их «надо изжить». Он подогревал настроение тех, кто жаждал играть в эту опасную игру: «Если вам не дают писать и отвечать на выдвинутые против вас обвинения, надо это ликвидировать» [4, с. 263].

Он остро говорил о рапповцах: «В свое время вы умели всех здорово критиковать. Теперь будут вас критиковать. К этой критике вы должны относиться терпеливо. Умели бить других – теперь потерпите сами и не рассматривайте всякую критику ваших действий, ваших ошибок как травлю» [4, с. 263].

Сталин сам начал разговор о диалектике: «Мне хотелось бы сказать несколько слов о романтизме и о диалектическом методе. У меня была на эту тему беседа с Авербахом, и у меня создалось впечатление, что эти проблемы вы ставите и пробуете разрешать неправильно. Почему вы требуете от беспартийного писателя обязательного знания законов диалектики? Почему этот писатель должен писать диалектическим методом? И что такое: писать диалектическим методом? Толстой, Сервантес, Шекспир не были диалектиками, но это не помешало быть им большими художниками. Они были большими художниками и в своих произведениях, каждый по-своему, неплохо сумели отразить свою эпоху. А ведь если стать на вашу точку зрения, надо признать, что они не могли быть большими и хорошими художниками слова, потому что не были диалектиками, т.е. не знали законов диалектики».

Казалось бы, по такой логике писатель может быть писателем и без диалектики! Это сказал Сталин! Но он имел в виду умерших писателей, а не живых, – к живым другой счет: «Этим я не хочу сказать, что знание законов диалектики для писателя вообще не обязательно. Наоборот, только овладев диалектическим методом мышления, писатель сможет по-настоящему распознать и осмыслить происходящие вокруг него явления и события».

Сталин упомянул писателя Леонова, его вопрос, – где бы научиться диалектике? Многие готовы были этот вопрос задать.

Но и Сталину важно на него ответить: «Леонов, например, просил меня сказать: нет ли, не знаю ли я такой книги о диалектическом методе, по прочтении которой сразу можно было бы овладеть этим методом. Вот до чего вы забили головы писателям вашим неправильным схоластическим толкованием применения законов диалектики к творчеству писателя».

Оказалось, что «знание этих законов дается не сразу». Сталин собрал писателей, чтобы донести до их сознания важную информацию – она вроде о «попутчиках», но на самом деле о нем: «В свое время я был тоже беспартийным, не знал законов диалектики и во многом не разбирался. Но старшие товарищи не оттолкнули меня из-за этого, а научили, как овладеть диалектическим методом. Научился я этому тоже не сразу. А вы в этих вопросах при подходе к беспартийным писателям проявили нетерпимость и полное неумение».

Сталин сказал, что он овладел диалектикой (пусть и не сразу!), а писатели не овладели, не понимают ее, и нет такого учебника, по которому можно было бы научиться. Остается сделать правильный вывод: у кого учиться диалектике? Правильно… – у Сталина, она ему открыта старшими товарищами, это намек на Ленина, учеником которого он считал себя. Значит, «ленинская диалектика» унаследована генеральным секретарем партии большевиков... Вождь преподал писателям пару уроков этой трудной науки: «…Диалектика предполагает не только отрицание старого, но и сохранение

его, это было бы неплохо. Надо писателю сказать, что литературному мастерству можно учиться и у контрреволюционных писателей – мастеров художественного слова. Но таких статей, к сожалению, я не читал у вас».

Не трудно представить судьбу такого советского писателя, который, поверив вождю, стал бы призывать учиться литературному мастерству у Мережковского или Алданова…

Второй урок касался романтизма. С одной стороны, романтизм, по словам Сталина, – «приукрашение действительности» (и это не нужно!), а с другой – идеализация нужна, чтобы увидеть будущее нового общественного строя: «Нам нужен такой романтизм, который двигал бы нас вперед». Но можно ли противопоставлять романтизм социалистическому реализму, ставшему «главным, основным течением в литературе»? Нет, конечно: «Надо только знать – когда, к чему и как применить тот или иной метод» [4, с. 265].

Все эти уроки демонстрировали, что ученики не справятся с диалектикой самостоятельно…

Диалектика, как главный метод советской литературы, обсуждалась в партии еще в марте 1930 г.; в предварительном проекте резолюции ЦК по художественной литературе, который представил Лазарь Каганович, этот метод именовался «диалектико-материалистическим». В январе 1931 г. о сущности этого метода говорилось так: «Метод материалистической диалектики не мирится с пассивно-созерцательным отношением к действительности, он требует от художников уменья найти основные тенденции развития, в сегодняшней действительности видеть ее завтрашний день» [4, с. 267]. В октябре 1932 г. ясности не прибавилось, кроме одной, – подлинным учителем для всех писателей является товарищ Сталин, ему одному открываются законы марксистской диалектики.

Такой стала, и утвердилась надолго, художественная политика, искоренявшая всякую попытку мыслить «художественность» вне марксистской диалектики, а значит, и вне политики партии, которую осуществлял Сталин.

Библиография

1. Авербах Л. О перестройке РАПП (заключительное слово) // На литературном посту. 1932. № 2. С. 1–12.
2. А. Камегулов о своих ошибках // На литературном посту. 1932. № 7. С. 44–47.
3. Безыменский А. Речь на Пленуме // На литературном посту. 1931. № 35–36. С. 20–24.
4. Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956 / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; состав. Л.В. Максименков. М.: МФД: Материк, 2005. 752 с.
5. Евсеев Ф. Опыт Ленинграда // На литературном посту. 1932. № 2. С. 20–22.
6. За дружную совместную работу с комсомолом // На литературном посту. 1932. № 31–32. С. 1–7.
7. За ленинизм в литературе. К итогам первого производственного совещания критиков РАПП // На литературном посту.1932. № 7. С. 1–5.

8. Кирпотин В. Ленин и литературная критика // На литературном посту. 1932. № 6. С. 1–13.

9. Кирьянов С. За творческую перестройку // На литературном посту. 1932. № 1. С. 25–27.

10. Напостовский дневник. Против опошления // На литературном посту. 1932. № 9. С. 32–35.

11. Об очередных задачах перестройки РАПП. Резолюция по докладу Л. Авербаха на Пленуме РАПП 2 декабря 1931 г. // На литературном посту. 1931. № 34. С. 1–5.

12. О перестройке литературно-художественных организаций. Постановление ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 г. // На литературном посту. 1932. № 12. С. 1.

13. О перестройке РАПП // На литературном посту. 1932. № 1. С. 1–9.

14. Против «левацкого» вульгаризаторства в конкретной критике // На литературном посту. 1932. № 11. С. 1–4.

15. Речь тов. Сталина и задачи РАПП // На литературном посту. 1931. № 24. С. 3–4.

16. Серебрянский М. Воронщина сегодня // На литературном посту. 1932. № 1. С. 28–32.

17. Фадеев А. Об одном споре всемирно-исторического значения. Заключительное слово на производственном совещании критиков РАПП 29 января 1932 года // На литературном посту. 1932. № 5. С. 1–5.

18. Фридман С. Лицом к творчеству // На литературном посту. 1932. № 2. С. 18–19.

19. Юрганов А.Л. А.К. Воронский в литературном и политическом процессе // Россия XXI. 2016. № 2. С. 150–183.

20. Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. 765 с.

References

A. Kamegulov o svoih oshibkach // Na literaturnom postu. 1932. N 7. P. 44–47.

Averbach L. O perestroike RAPP (zakluchitel'noe slovo) // Na literaturnom postu. 1932. N 2. P. 1–12.

Bezymenskii A. Rech' na Plenume // Na literaturnom postu. 1931. N 35–36. P. 20–24.

Bolshaia cenzura: Pisateli i zhurnalisty v Strane Sovetov. 1917–1956 / Pod obshei red. akad. A.N. Iakovleva; sost. L.V. Maksimenkov. Moscow: MFD: Materik, 2005. 752 p.

Evseev F. Opyt Leningrada // Na literaturnom postu. 1932. N 2. P. 20–22.

Fadeev A. Ob odnom spore vsemirno-istoricheskogo znachenia. Zakliuchitel'noe slovo na proizvodstvennom soveshanii kritikov RAPP 29 ianvaria 1932 goda // Na literaturnom postu. 1932. N 5. P. 1–5.

Fridman S. Licom k tvorchestvu // Na literaturnom postu. 1932. N 2. P. 18–19.

Iurganov A.L. A.K. Voronskii v literaturnom I politicheskom processe // Rossia XXI. 2016. N 2. P. 150–183.

Iurganov A.L. Russkoe nacional'noe gosudarstvo. Zhiz'nennyii mir istorikov apochi stalinizma. Moscow: RGGU, 2011. 765 p.

Kiriianov S. Za tvorcheskuiu perestroiku // Na literaturnom postu. 1932. N 1. P. 25–27.

Kirpotin V. Lenin i literaturnaia kritika // Na literaturnom postu. 1932. N 6. P. 1–13.

Napostovskii dnevnik. Protiv oposhleniia // Na literaturnom postu. 1932. N 9. P. 32–35.

O perestroike literaturno-hudozhestvennyh organizacii. Postanovlenie CK VKP(b) ot 23 aprelia 1932 g. // Na literaturnom postu. 1932. N 12. P. 1.

O perestroike RAPP // Na literaturnom postu. 1932. N 1. P. 1–9.

Ob ocherednyh zadachah pererstroiki RAPP. Resolucia po dokladu L. Averbacha na Plenume RAPP 2 dekabria 1931 g. // Na literaturnom postu. 1931. N 34. P. 1–5.

Protiv «levatskogo» vul'garizatorstva v konkrtennoi kritike // Na literaturnom postu. 1932. N 11. P. 1–4.

Rech Stalina i zadachi RAPP // Na literaturnom postu. 1931. N 24. P. 3–4.

Serebrianskii M. Voronshina segodnia // Na literaturnom postu. 1932. N 1. P. 28–32.

Za druzhnuiu sovmestnuiu rabotu s komsomolom // Na literaturnom postu. 1932. N 31–32. P. 1–7.

Za leninizm v literature. K itogam pervogo proizvodstvennogo soveshaniia kritikov RAPP // Na literaturnom postu. 1932. N 7. P. 1–5.

В.С. Парсамов

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ РОССИИ 1920-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 30-х ГОДОВ*

Аннотация. *Статья посвящена процессу формирования «научной» экспертизы в области исторического знания в СССР как неотделимой части складывающейся большевистской идеологии. История, упраздненная в 1920-е годы как учебная дисциплина, имела служебную функцию – доказать закономерность победы социалистической революции в России, что явно противоречило представлениям Маркса на этот счет. На первых этапах за роль главного эксперта боролись два видных партийных лидера: Троцкий и Покровский. Победа Покровского стала следствием не его научных достижений, а развернувшейся кампании по дискредитации Троцкого. Следующий этап был направлен уже против Покровского и связан с решением Сталина открыть исторические факультеты и возобновить преподавание истории в школе. И хотя Сталин, в отличие от Троцкого и Покровского, открыто не претендовал на роль главного эксперта в области исторического знания, он сумел создать многоуровненную научную экспертизу, полностью подконтрольную своему влиянию.*

Ключевые слова: *идеология, история, большевики, Троцкий, Покровский, Сталин.*

Парсамов Вадим Суренович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева, профессор Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: parsamovvs@gmail.com

* *Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров.*

V.S. Parsamov. Ideological Expertise and Historical Knowledge in Bolshevik Russia of 1920-ies – the First Half of 30-ies

Abstract. *The article is devoted to the formation of «scientific» expertise in historical knowledge in the USSR as an integral part of the shaping Bolshevik ideology. History, abolished in 1920-ies as an academic discipline, served to prove the logical victory of the socialist revolution in Russia, which opposed Marx's vision. At first the two prominent party leaders – Trotsky and Pokrovsky – fought for the role of the chief expert. Pokrovsky's victory was not the result of his scientific achievements, but of the mass campaign to discredit Trotsky. The next step was made against Pokrovsky and closely connected with Stalin's decision to open historical faculties and teach history at schools. And though Stalin, unlike Trotsky and Pokrovsky, did not openly claim the role of the chief expert in historical knowledge, he created the multilevel scientific expertise, fully controlled by him.*

Keywords: *ideology, history, the Bolsheviks, Trotsky, Pokrovsky, Stalin.*

Parsamov Vadim Surenovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief research fellow of the Institute of humanitarian historical and theoretical studies, named after A.V. Poletaev, Professor of the School of History of the National research University «Higher school of Economics».
E-mail: parsamovvs@gmail.com

Спор Троцкого и Покровского об особенностях исторического развития России: Мнения историков

Идеология советского государства, жестко противопоставляющая советскую и буржуазную науку, предполагала наличие собственной системы научной экспертизы. Наибольшее внимание большевистских лидеров вызывала история. Вопрос имел для них прежде всего практический характер: насколько соответствовала исторической закономерности в ее марксистском понимании Октябрьская революция? Поскольку революция была объявлена социалистической (пролетарской), а с точки зрения Маркса, как известно, Россия не входила в число европейский стран, на которые он распространял свою теорию, то, следовательно, и разговоры о возможности социалистической революции в России раньше, чем в европейских странах не соответствовали марксизму. Поэтому большевики вынуждены были возводить довольно сложные идеологические конструкции для камуфляжа этого несоответствия. Собственно говоря, здесь было два пути. Первый путь заключался в корректировке идей Маркса, что на первый взгляд соответствовало словам Ф. Энгельса, критиковавшего немецких социал-демократов, приехавших в Америку, за то, что «марксизм для них догма, а не руководство к действию» [15, с. 408]. Не случайно эту фразу любили повторять Ленин и Сталин. Второй

путь заключался в конструировании русской истории как процесса, проходящего через те же общественные формации, что и западноевропейские страны. Такая конструкция позволяла распространять и на Россию учение Маркса о пролетарской революции.

До победы большевизма споры о соответствии русской истории марксистской схеме велись в основном на периферии исторической науки. После большевистского переворота, а точнее по окончании Гражданской войны, когда большевики почувствовали себя победителями, полемика о марксизме в исторической науке заняла центральное место. В 1922 г. Троцкий выпустил сборник своих статей «1905», написанных по поводу и во время Первой русской революции [37]. Причины, заставившие Троцкого переиздать под одной обложкой свои старые работы, лежат в политической плоскости и связаны с его несогласием с ленинской Новой экономической политикой [31]. Однако нас в данном случае интересуют не политические разногласия, а «экспертная оценка», данная исторической концепции книги ее критиком М.Н. Покровским.

Эта полемика уже неоднократно привлекала внимание исследователей. Одним из первых еще при жизни Троцкого ее частично анализировал П.Н. Милюков, доказавший, что подлинно марксистской методологии у Покровского никогда не было, а за марксизм он пытался выдать широко распространенное среди историков его поколения увлечение «экономическим материализмом». Заимствуя у них, и, в частности, у самого Милюкова, схемы, Покровский доводил их до карикатуры при помощи марксистской терминологии. При этом его историографическая зависимость от идей Милюкова заставила последнего долгое время считать Покровского кадетом. Между тем Покровский делал быструю карьеру в большевистской партии и уже в 1917 г. был одним из ее лидеров. Однако, по мнению Милюкова, Покровский так и не стал ни последовательным марксистом, ни крупным историком: «Троцкий обошел его, так сказать, с тыла. И спорить ему приходилось не столько с Троцким, сколько с Ключевским и... Милюковым» [16, с. 375]. Современный историк В.Ю. Соколов, стараясь быть объективными, отмечает правду обеих сторон и говорит «о наличии творческого, полезного для марксистской историографии диалога двух виднейших деятелей партии» [33, с. 41]. Его коллега А.А. Чернобаев, в свою очередь, считает, что «Покровский обнаружил основную брешь, сквозь которую буржуазная историческая мысль опасно влияла на марксистскую историографию». И в то же время «Троцкий отметил отсутствие во многих работах ученого подлинной диалектики, его склонность к модернизации истории, непонимание относительной самостоятельности государства в отношениях с господствующим классом, искусственность построения теории торгового капитала» [40, с. 177]. Не берусь судить ни о том, чем может быть полезен для историографии «диалог двух

виднейших деятелей партии», ни о том, кто из них какую брешь у кого обнаружил. Скажу лишь, что проблемы научной историографии далеко не в первую очередь интересовали как Троцкого, так и его оппонента. Спор между ними шел об иных вещах.

Книга Троцкого «1905» в оценке Покровского

Полемика Покровского и Троцкого не может быть понята лишь в плоскости обсуждаемых в ней проблем. Самое бесперспективное – пытаться выяснить степень правоты каждого из участников дискуссии. Дело не в том, чья схема соответствует или не соответствует реальному историческому процессу. Скорее всего ни одна из них вообще с ним не соприкасается. И Троцкий, и Покровский решают другие задачи. Каждый из них стремится стать *главным экспертом* в вопросах марксизма, а в данном случае – марксистского понимания русской истории.

У нас нет оснований полагать, что в полемическом выступлении Покровского присутствует пласт политической интриги, связанный с наметившимися в 1922 г. разногласиями между Троцким и Лениным, хотя и исключать этого полностью также нельзя. Но даже если допустить, что в вопросах актуальной политики Покровский в 1922 г. был ближе к Ленину, чем к Троцкому, все равно это не снимает вопроса о его стремлении оставить за собой историографию как сферу, в которой он будет главным, если вообще не единственным экспертом. Не случайно (кстати, факт, отмечен самим Троцким), что в том же самом номере журнала «Красная новь» Покровский выступил не только против Троцкого, но и против Р.Ю. Виппера[1] [29, с. 33–36]. Если с Виппером, открыто стоящим на немарксистских позициях, разговор мог быть только сверху вниз и представлял интерес исключительно в перспективе дальнейших оргвыводов, то с Троцким ситуация была сложнее.

В 1922 г. Троцкий для всей партии – фигура, стоящая в одном ряду с Лениным. С его именем неразрывно связаны успех Петроградского восстания в октябре 1917 г. и победа в Гражданской войне. Поэтому Покровский не только резко ограничивает предмет открытой полемики, выводя за нее вопросы революции, но и начинает с прямого панегирика: «Книга великолепна как книга сама по себе. Она писалась по свежим следам событий и сохранила весь аромат нашей революционной весны» [24, с. 145]. Однако тему эстетических достоинств книги Покровский развивать не собирался. Он выступал не в роли критика, стремящегося выявить слабые и сильные стороны рецензируемой работы, а в роли эксперта, однозначно оценивающего ее «педагогическое значение».

1. О полемике Покровского и Виппера см.: [20. с. 209–226].

Необходимо учитывать, что в 1922 г. Троцкий, занимавший пост народного комиссара по военным и морским делам, неоднократно отклонял настойчивые предложения Ленина стать его первым заместителем по Совнаркому. Покровский же в это время занимал должность заместителя наркома просвещения, отвечающего за среднюю и высшую школу, а также стоял во главе Института Красной профессуры. Ленин требовал от него решительного насаждения марксизма в вузовском преподавании [28]. На основе марксизма Покровский составлял огромное количество учебных программ и к тому же был автором единственной полной истории России, написанной с марксистских позиций [26].

Правда, как уже отмечалось выше, для компетентного читателя «марксизм» этой книги был отнюдь не очевиден. Скорее в глаза бросалась его зависимость от схем Милюкова. Некоторую неловкость по этому поводу испытывал и сам Покровский, что видно из его предисловия, написанного к четвертому изданию, вышедшему как раз в том же 1922 г. Отмечая стремительные изменения, которые уже произошли и еще произойдут со времени написания книги как в историографии, так и в идеологии, Покровский как бы извиняется, что эти изменения не учтены в новом издании: «Книгу следовало бы переиздать к 1930 году – но ее спрашивают теперь, в 1922, и нет другого курса русской истории, более марксистского, чем настоящий: как ни мало он удовлетворителен с точки зрения *теперешнего* (курсив Покровского) марксизма» [25, с. 3].

Что же так беспокоило Покровского в собственном тексте, писавшемся десять лет назад? Основным вопросом для большевистских лидеров был вопрос о возможности социалистической революции в России. До октябрьского переворота этот вопрос представлял в основном теоретический интерес и большинством решался отрицательно. Россия является отсталой страной, не прошедшей еще через стадию капиталистического развития, а поскольку социализм мыслился «основоположниками» как логическое завершение изживших себя капиталистических отношений, то и получалось, что в России социализма в ближайшее время ожидать не приходится. Но Россию начиная с 1905 г. сотрясали революции, и их исход нужно было предвидеть и как-то осмыслить, оставаясь при этом в рамках марксистской идеологии. Тут и пригодились слова Энгельса о том, что учение Маркса не догма, а руководство к действию.

Наиболее «подкованным» в этой области оказался Троцкий, который в период Первой русской революции придумал «закон комбинированного развития» России. Согласно этому «закону», в России культурная и техническая отсталость соседствует с передовыми достижениями европейской цивилизации. Отсутствие прочного экономического фундамента затрудняет формирование классов и заставляет государство, находящееся в окружении более

развитых передовых европейских стран, напрягать все силы страны, чтобы поддерживать на необходимом уровне обороноспособность. Поэтому история России имеет не поступательный, а скачкообразный характер, позволяющей ей идти к социализму, «перепрыгивая» через ступени формационного развития.

Увеличивая как извне за счет западных инвестиций, так и изнутри за счет чрезмерных поборов свое административное, финансовое и военное могущество, русский абсолютизм увеличивал одновременно и пропасть, отделяющую его от народных масс. Чем больше увеличивалась эта пропасть, тем мощнее должен был стать неминуемо приближающийся социальный взрыв. При этом если на Западе буржуазия и пролетариат долгое время выступали как союзники в борьбе против феодализма, и это затрудняет и отсрочивает неизбежную борьбу между ними, то в России такого союза не было ввиду слабости русской буржуазии и неразвитости русского пролетариата. Поэтому революция, начавшаяся в 1905 г. как демократическая, вполне способна и должна была, по мнению Троцкого, перерасти в социалистическую. Но победа социалистической революции в России не означает победы социализма. Сначала он должен победить в Европе, а потом уже будет трансплантирован в Россию. До октября 1917 г. в ближайшем ленинском окружении Троцкий был едва ли не единственным человеком, верящим в возможность социалистической революции в России. Своей большой удачей он считал то, что ему удалось убедить Ленина совершить переворот 25 октября. Но даже несмотря на захват власти и выигранную Гражданскую войну, он продолжал считать, что социализм в России невозможен раньше его победы в развитых европейских странах.

В 1921 г. Троцкий говорил о реальной угрозе реставрации капитализма. Однако большевистские лидеры, которые вчера еще твердили о невозможности победы социализма в России, теперь, после собственной победы, не верили и не хотели верить в невозможность построения социализма в отдельно взятой стране. И хотя этот вопрос еще не встал в повестку дня, и мировая революция всё еще ожидалась, борьба против Троцкого уже началась. Вряд ли, развязывая полемику в июне 1922 г., Покровский просчитывал все ее далеко идущие последствия вплоть до полного устранения Троцкого. Но он, безусловно, оценил появление его книги, точнее ее первой главы как вторжение в собственно вотчину. Это и заставило его выступить экспертом – в качестве главного марксиста в области историографии. При этом предметом экспертизы стала та часть, в которой Троцкий дает «схему русского исторического развития до начала революции» [25, с. 145]. К тому же Покровский, как уже отмечалось выше, чувствовал некоторую неловкость за свою «Историю», где доказывал, что Россия, идя в целом тем же путем, что и Западная Европа, отстает от нее в своем развитии примерно на 100 лет. Как в отсталой стране

могла произойти социалистическая революция? На этот основной вопрос «марксистская» «История» Покровского ответа не давала.

В этом отношении позиция Троцкого была более выигрышной. Полемизируя с двумя крайними точками зрения – представлением о самобытности русской истории и представлением о России как стране европейского типа («Наша революция убила нашу “самобытность”») [37, с. 7], он показывал, почему социалистическая революция началась именно в России. Если в Европе абсолютизм следовал за общественным развитием и являлся его отражением, то своеобразие России заключалось в том, что в ней абсолютизм развивался наперекор общественному развитию.

Схему Троцкий заимствовал у П.Н. Милюкова, который в «Очерках по истории русской культуры» писал: «Дело в том, что у нас государство имело огромное влияние на общественную организацию, тогда как на Западе общественная организация обусловила государственный строй. Этот тезис кажется на первый взгляд парадоксом; он как будто резко противоречит той очень распространенной теории, что политический строй всякого государства должен быть “надстройкой” над экономическим “фундаментом”. Мы, однако, нисколько не отрицаем зависимости политической надстройки от экономического фундамента; напротив мы предполагаем лишний раз иллюстрировать эту зависимость на примере России. Именно элементарное состояние экономического “фундамента” вызвало у нас в России гипертрофию государственной “надстройки” и обусловило сильное обратное воздействие этой надстройки на самый “фундамент”» [17, с. 133–134].

Ничего нового, собственно говоря, к этой концепции Троцкий не добавил. Но не мог же он, считая себя подлинным марксистом и большевиком, согласиться с кадетским историком-идеалистом. Поэтому он счел необходимым, хотя бы чисто внешне, отмежеваться от своего источника, назвав его идеи «страшным преувеличением» и «нарушением всяких перспектив» [17, с. 20–21]. Между тем, как отмечал в свое время марксист Д.Б. Рязанов, в Германии «Очерки» Милюкова были восприняты как «марксистская история культуры России» и более того заимствованный Троцким тезис «вошел в новую социал-демократическую программу» [30, с. 527].

Разумеется, Покровский не мог не знать, что выступает против общепринятой в российской социал-демократии программы. Но, поскольку она все чаще подвергалась критике большевиков, то он, вероятно, не считал для себя обязательным придерживаться ее положений. К тому же это давало ему возможность зарезервировать за собой позицию главного большевистского эксперта в исторической науке. Поэтому не случайно свое опровержение Покровский начал с категорического неприятия этой идеи: «Схема эта, во-первых, не наша, а во-вторых, объективно не верна» [24, с. 145]. С точки зрения Покровского, русский абсолютизм выражал интересы торгового капитала.

При этом «если царские приближенные были акционерами, то сам царь годился в директора акционерной компании». Преимущественно военный характер русского царизма заключался, по Покровскому, не в отсталости страны, нуждающейся в защите от более развитых западных соседей, как считал Троцкий, «а в том, что это была новая страна, захваченная развитием торгового капитализма, и что ей приходилось отбивать себе место на солнышке у более старых, прочно укоренившихся конкурентов. Для этого русскому торговому капиталу пришлось сковать страну железной дисциплиной и выработать настоящую диктатуру. Воплощением этой диктатуры торгового капитала и было московское самодержавие» [24, с. 151]. Из этого следует, что в России, как и в Западной Европе, буржуазия обладала реальной политической властью, и что пролетариат эту власть отнял у нее в 1917 г.

Таким образом, Покровский признает неверными основные тезисы исторической схемы Милюкова–Троцкого. Он отрицает, что самодержавие в России развивалось на примитивной экономической основе, вопреки общественному развитию, и что русская буржуазия не имела политической власти.

Ответ Троцкого

Троцкий ответил на страницах «Правды» большой и обстоятельной статьей. Один из главных контраргументов заключался в том, что свою концепцию об особенностях исторического развития Троцкий обдумывал в тюрьме в 1905–1906 гг. Иными словами, это было не кабинетным умствованием, а следованием за революционной действительностью, «стремлением обосновать и теоретически оправдать лозунг завоевания власти пролетариатом» [38]. Этот, безусловно, сильный аргумент позволил Троцкому сразу перейти в контрнаступление и вернуть Покровскому обвинения в немарксизме и буржуазности, добавив к ним неспособность диалектически и вообще логически мыслить.

Характерно, что ни одна из спорящих сторон не обвиняет другую в незнании фактов. Оба «эксперта» настолько находятся во власти собственных схем, что совершенно не считают нужным соотносить их с исторической реальностью. Вместо этого оба манипулируют готовыми построениями, обильно сдабриваемыми цитатами из Маркса. Для Покровского вопрос решается так: если пролетариат в 1917 г. взял власть, а взять он ее мог только у буржуазии, то значит, русская буржуазия была у власти. Но Троцкого не переспоришь. По части словесной эквилибристики он был подлинным виртуозом. «Буржуазия не владела властью в целом, – объясняет он Покровскому, – а только приобщалась власти. Ходом событий, т.е. прежде всего военным разгромом и напором низов, щель между самодержавием и буржуазией разверзлась. Монархия в нее свалилась. Буржуазия попыталась встать

у власти целиком и непосредственно (март 1917 г.). Но власть вырвал рабочий класс, опираясь на крестьянскую армию (октябрь 1917 г.). Таким образом, результатом нашего запоздалого исторического развития в условиях империалистического окружения явилось то, что наша буржуазия не успела спихнуть царизм до того, как пролетариат превратился в самостоятельную революционную силу» [38]. Таким образом, вопрос о том, была ли буржуазия у власти или не была, решается не фактами, и даже не формальной логикой, а словесными выкрутасами, но еще в большей степени авторитетом самого «эксперта».

Другое дело вопрос об отсталости России. Факт настолько очевидный и подтверждаемый таким количеством примеров, что отрицать его огульно было бы сложно. И хотя ни для Покровского, ни для Троцкого не существовало фактов, которые нельзя было бы обойти, замолчать или исказить, здесь ситуация определялась безусловным и однозначным взглядом Маркса на Россию как отсталую страну восточного деспотизма, представляющую собой реальную угрозу для европейской цивилизации[2] [14]. Более того, Маркс специальным письмом в редакцию журнала «Отечественные записки» пытался предостеречь русских коллег от чрезмерно широкого понимания его теории и отчасти солидаризировался с Чернышевским в вопросе о возможностях общинного развития России и его критикой капиталистических отношений [14].

Вряд ли можно сомневаться в том, что Троцкий и Покровский были знакомы с марксовской оценкой России как «дикой», «азиатской» и «деспотической» страны. Вся концепция Покровского в отношении внешней политики России как грабительской и агрессивной, почти полностью построена на цитируемой работе Маркса, да и «диагноз», поставленный Троцким русскому самодержавию как полуазиатскому виду правления, также изрядно отдает «марксизмом»[3]. При чем же здесь социалистическая революция, характерная для зрелых форм капитализма? Разумеется ни при чем. Социалистической революции в ее марксистском понимании в России не произошло и произойти не могло. Сложность заключалась в том, чтобы выдать за нее большевистский переворот. И в этом Троцкий и Покровский были естественными союзниками. Спор фактически шел о том, чья фальсификация окажется лучшей, или, точнее, чья ляжет в основу официальной идеологии.

Оба они сходились в том, что Россия развивалась под сильным влиянием Запада. Оба они не могли не видеть, что Россия сильно отставала от Запада

2. Разбор этой работы с критическими замечаниями был сделан еще в 1908 г. Д.Б. Рязановым [30, с. 485–640].

3. «...царизм является промежуточной формой между европейским абсолютизмом и азиатским деспотизмом, – быть может, более близкой к последнему» [37, с. 21].

на путях капиталистического развития. Покровский, прямо противореча самому себе и не сводя концы с концами, утверждал, что Россия хотя и отставала на 100 лет, но ее развитие шло опережающими темпами, поэтому в ней раньше и произошла революция. Исходя из этого путаного тезиса, он пытался доказать развитость торгового капитализма в России широким размахом русской торговли уже XVI в. Троцкий вполне резонно утверждал, что опережающее развитие «объясняется именно чрезвычайной примитивностью и отсталостью русского хозяйства» [38]. Экономическая отсталость России усугубляется еще и тем, что ее рабочие и крестьяне, по мнению Троцкого, находятся под двойным гнетом. Во-первых, под гнетом собственных капиталистов и помещиков, а во-вторых, под гнетом европейского капитала, который давит на российскую экономику и тем самым удваивает гнет ее собственных привилегированных классов. «Отсюда, появление у нас новейшей капиталистической промышленности в окружении хозяйственной первобытности: бельгийский или американский завод, а вокруг – поселки, соломенные и деревянные деревни, ежегодно выгорающие и проч. Самые примитивные начала и последние европейские концы. Отсюда – огромная роль западноевропейского капитала в русском хозяйстве. Отсюда – политическая слабость русской буржуазии. Отсюда легкость, с какой мы справились с русской буржуазией. Отсюда – дальнейшие затруднения, когда в дело вмешалась европейская буржуазия…» [39]. Анафорические конструкции этого пассажа, усиливающие антиномию, призванную выразить противоречия русской истории, должны также подвести читателя к главной мысли Троцкого: социалистическая революция в России победила, а социализм не победил и победить при сохраняющихся буржуазных режимах на Западе не может.

Продолжение спора

В своем ответе на ответ Троцкого Покровский привел вышеприведенную цитату Троцкого, с изъятием из нее последней фразы о «затруднениях». Таким образом, тезис о легкости победы «социалистической революции» был лишен своего антитезиса, ставившего под сомнение успех социалистического строительства в России. Под всем же остальным Покровский, по его собственным словам, «подписывался обеими руками». Он даже признал, что «Запад XVI в., в образе голландского и английского капитала, “тащил на буксире” тогдашнюю Россию». Правда, и здесь сделал оговорку: «Только ведь нужно было, чтобы было, что тащить – буксир-то тянет баржу, а не пустое место» [27]. Формально соглашаясь с рядом положений Троцкого, Покровский не упускает главного – утвердить за собой роль эксперта в области марксизма. Снисходительно и «компетентно» он констатирует: «Признав, что давление Запада на Россию было в первую голову давлением экономическим,

тов. Троцкий сделал уже большой шаг в направлении к материалистическому объяснению русской истории, далеко уйдя вперед от Плеханова» [27].

Но и соглашаться полностью с Троцким Покровский не спешил. В качестве главного аргумента он привлекает цитаты из «Капитала» Маркса о первоначальном накоплении в развитых европейских странах. При этом хорошо известный ему факт, что Маркс вовсе не имел в виду Россию, Покровский пытается обойти при помощи «остроумной» подмены социологии биологией: «“Колониальная система” была приложима только в странах с жарким климатом и цветнокожим населением, или ее можно мыслить и в обстановке сибирской тайги, либо северно-русского болота? Необходимо ли для этого, чтобы по степям бегали страусы, по лесам бродили носороги или достаточно лисицы, соболя и горностая» [27].

Если Покровский стремится к примирению позиций и снисходительно готов признать, что «т. Троцкий стоит почти целиком на нашей, т.е. общемарксистской позиции» [27], то Троцкий отнюдь не собирался складывать оружие. Он с еще большей настойчивостью приписывает Покровскому отрицание экономической отсталости России (хотя Покровский примиренчески готов, хоть и с оговорками, ее признать), и еще больше усиливает свой тезис о примитивности экономического базиса, на котором строилась российская государственность. Полемика пошла по новому кругу. Покровский опять утверждает, что полемические стрелы Троцкого летят не в его сторону и опять приписывает Троцкому «внеклассовую схему» русского абсолютизма. Желая оставить за собой последнее слово и назвав свою статью выразительным «Кончаю…», Покровский «кончает» весьма грозно: «Я вполне готов “на этом кончить”, что касается нашей газетной полемики, по крайней мере. Но не зарекаюсь когда-нибудь не в виде газетного фельетона, а в более “тяжелой” форме объяснить интересующимся, как возникла та “внеклассовая” схема, которая сыграла в исторической экскурсии тов. Троцкого роль расчетов Тосканелли» [27].

Итак, каждый участник полемики остался не только при своем мнении, но при своем желании быть единственным экспертом в области марксистского понимания истории. Покровский, видимо, полагал, что поле битвы осталось за ним. Но Троцкий, не желая идти по третьему кругу в перетирании одного и того же, поступил более рационально. Свой развернутый ответ Покровскому от 1 июля он включил в качестве приложения к своей книге «1905», в том же году выпустил ее вторым изданием, и далее она стала переиздаваться с ежегодной регулярностью вплоть до 1926 г.

Покровский ставит точку

Но и Покровский не собирался складывать оружие и в 1925 г., в самом начале новой кампании по травле Троцкого, организованной Сталиным, он, как и обещал, сумел объяснить «в более "тяжелой" форме» истоки и причины троцкизма. Его статья «Троцкизм и "особенности исторического развития России"», впервые опубликованная в третьем номере «Коммунистического интернационала» за 1925 г., представляет собой откровенный политический донос: «Теория русского исторического процесса у т. Троцкого отнюдь не случайна, но была им выработана как одно из орудий в его борьбе с ленинизмом» [29а, с. 41]. Начавшийся как псевдонаучный спор закончился как политическое изобличение.

Сталин против Покровского

Покровский мог торжествовать. Кажется, репутация главного эксперта в области марксистского понимания истории осталась за ним. Но не все было так гладко. В 1926 г. вышло очередное издание книги Троцкого «1905» все с тем же ответом Покровскому. Для читателя, следящего за полемикой двух большевистских лидеров, это означало, что Троцкий не собирается «разоружаться» и признавать правоту своего оппонента. Правда, его авторитет в 1926 г. был уже далеко не тот, что в 1922 г. Уже в следующем 1927 г. он будет снят со всех постов и исключен из партии.

Карьера же Покровского, казалось бы, шла стремительно в гору. В 1928 г. его 60-летний юбилей был превращен в подлинный триумф историка-марксиста. И тем не менее уже были запущены механизмы, которые в итоге приведут к посмертному краху Покровского и его «школы». В 1925 г. Сталин в одном из своих писем завел речь о кадровом обновлении в высших партийных кругах и, в частности, как бы обмолвился: «У нас в России процесс отмирания целого ряда старых руководителей из литераторов и старых "вождей" тоже имел место. Он обострялся в периоды революционных кризисов, он замедлялся в периоды накопления сил, но он имел место всегда. Луначарские, Покровские, Рожковы, Гольденберги, Богдановы, Красины и т.д., – таковы первые пришедшие мне на память образчики бывших вождей-большевиков, отошедших потом на второстепенные роли» [34, т. 7, с. 43]. Из этого списка только А.В. Луначарский, М.Н. Покровский и А.А. Богданов были на первых ролях в большевистской партии и по-прежнему играли эти роли в 1925 г. Но для Сталина они уже «списаны», и важно отметить, что еще ничего не подозревающий Покровский – среди них.

То что это была не случайная обмолвка, видно из другого письма Сталина от 7 марта, являющегося ответом двум слушателям Института Красной профессуры Цветкову и Алыпову. Эти «товарищи» обратились к Сталину

с рядом вопросов о происхождении самодержавия в России [текст письма см.: 18, с. 242]. Поскольку это письмо неоднократно анализировалось в современной литературе [18, с. 242; 36, с. 374–375; 5, с. 294–297; 44, с. 47–54], остановимся лишь на некоторых интересующих нас моментах, которым не уделялось должного внимания. Два слушателя первого курса при подготовке к семинару по происхождению русского самодержавия пользовались, как видно из их письма, помимо «Истории» С.М. Соловьева, докладом Сталина «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», прочитанным на X съезде РКП (б) 10 марта 1921 г., книгой Покровского «Русская история в самом сжатом очерке», материалами его полемики с Троцким 1922 г., а также письмом Ленина к Покровскому, в котором Ильич высоко оценил книгу марксистского историка[4].

Как следует из письма Цветкова и Алыпова, их не интересует момент научного поиска. Истину они ищут не в источниках и трудах профессиональных историков, а у большевистских вождей. Студентов смутило высказывание Сталина, относящееся к Венгрии, Австрии и России: «В этих странах капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия» [34, т. 5, с. 34]. В этой фразе Цветков и Алыпов усмотрели совпадение с мыслью Троцкого о том, что необходимость внешней обороны придавала ускоренные темпы государственному развитию России, опережающие ее экономические и социальные возможности. В общем совпадение это действительно было, и оно было не случайно. Как уже отмечалось, именно такая трактовка образования русского государства была заложена в программу российской социал-демократии. Но именно с этой точкой зрения спорил Покровский, и, как полагают студенты, с ним был согласен Ленин. Но Покровский выступал и выступает против Троцкого, и Сталин уже совершенно открыто в 1927 г. выступал против Троцкого, но при этом совпадал с ним в таком важном вопросе. При этом партийный авторитет Сталина рос так же стремительно, как падал авторитет Троцкого. Поэтому студенты и обратились к Сталину как к главному эксперту. Будущие «красные профессора» уже с первого курса хорошо усвоили, что вопросы историографии решаются не в научных дискуссиях, а в «экспертных заключениях» партийных руководителей.

Единственное, чего они не учли, это то, что для самих партийных руководителей в области идеологии не было ничего определенного и постоянного. Значение имело не то, как формулируется та или иная идея, или как она

4. Об этом письме см. ниже.

соотносится с действительностью, а то, кто ее формулирует. Троцкизм в 1927 г. уже расценивался Сталиным как тяжкий грех, а в самом ближайшем будущем он будет считаться преступлением. Между тем в письме Цветкова и Алыпова весьма недвусмысленно проступало противопоставление: Ленин и Покровский против Троцкого и Сталина. Отсюда понятно то раздражение, с которым Сталин отвечал своим корреспондентам. Пренебрегши традиционным обращением «Товарищи!», он начал сразу и резко: «Ваш запрос от 1. III. 1927 г. считаю недоразумением». Далее Сталин разъяснил учащейся молодежи, что он вообще не касался вопроса о происхождении русского самодержавия, и троцкистскую мысль об образовании государства «*не* в результате экономического развития, а в интересах борьбы с монголами и другими народами Востока» переадресовал своим корреспондентам: «За это противопоставление должны отвечать вы, а не я» [34, т. 9, с. 176]. Тем не менее Сталину пришлось высказаться по главному вопросу, интересующему авторов письма: кто прав Троцкий или Покровский? Ответ был таков: «Теорию т. Троцкого я не разделяю в корне, а теорию т. Покровского считаю в основном правильной, хотя и не лишенной крайностей и перегибов в сторону упрощенного экономического объяснения образования самодержавия» [18, с. 243].

Историки по-разному интерпретируют этот пассаж Сталина, точнее ту его часть, которая относится к Покровскому. Первый публикатор этого отрывка и письма студентов М.В. Нечкина видела в этом доказательство того, что Сталин «не всегда был против Покровского» [18, с. 242]. По мнению А.Л. Юрганова, «в отношении концепции М.Н. Покровского Сталин высказался благожелательно, но сдержанно» [44, с. 53]. Более точно суть высказывания Сталина пояснил Р. Тагер: «…значимость Покровского как теоретика истории, его весомость как политической фигуры, равно как и его услуги в антитроцкистской кампании, не позволяли Сталину из политических соображений отвергнуть позицию Покровского. И поэтому тем более важен тот факт, что единственное сколько-нибудь существенное критическое замечание Сталина было направлено против Покровского, а не Троцкого; более того, эта критика была такого рода, с которой охотно и всецело согласился бы и сам Троцкий» [36, с. 374].

Однако суть не только в том, что Сталин втайне был солидарен с Троцким, а не с Покровским. При желании он легко мог встать на сторону Покровского, а потом так же легко занять другую, прямо противоположную позицию, благо большевистские схемы представляли удобный материал для идеологических игр. Сталину важно было уже сейчас, в 1927 г., лишить Покровского пусть пока неофициально и непублично, но зато в глазах его учеников права на высшую идеологическую экспертизу в вопросах истории. Сам же Сталин пока выступил скорее в роли третейского судьи, а не эксперта. Он как бы встал над схваткой, оставив студентов в недоумении, на чьей

же стороне истина. Звонок уже прозвенел, но Покровский его не расслышал. О том, как Сталин вел борьбу против школы Покровского, существует огромная литература [45; 46; 43; 42; 16; 40; 21; 22; 10; 1; 11; 2; 8], что избавляет нас от необходимости изложения фактической стороны дела и позволит сосредоточиться на вопросах научной экспертизы.

Поворот к истории

С именем Покровского, как известно, связаны ликвидация историко-филологических факультетов и изъятие истории из школьного преподавания. История оказалась на уровне вспомогательной дисциплины при обществознании и использовалась в основном для обоснования закономерного характера смены исторических формаций и неизбежности социализма. Экспертом в исторических вопросах должен был выступать не практикующий историк, а историк-марксист или даже просто марксист. При этом статус такого «эксперта» напрямую определялся его биографией: он должен был играть заметную роль в исторических событиях, приведших к победе октябрьского переворота. Таким образом, авторитетность экспертизы, с одной стороны, зависела от властных полномочий «эксперта», а с другой – сама давала власть применяющему ее лицу. В любом случае в роли главного «эксперта» должна была выступать авторитетная и хорошо узнаваемая личность.

В начале 1930-х годов ситуация начала кардинальным образом меняться. Сталину не нужно было доказывать неизбежность и закономерность победы социализма в СССР. Ему не нужны были авторитетные эксперты, особенно в той области, в которой его собственные знания были ограничены. Под конец жизни Покровский столкнулся с тем, что его схема стала публично подвергаться критическим оценкам. Причем спорил с ним уже не Троцкий, а люди с менее яркой биографией и более скромными интеллектуальными возможностями. И что интересно, Покровский уже не отвечает им в том высокомерном и учительском тоне, каким он мог позволить себе отвечать Троцкому. Более того, он начинает признавать ошибки и каяться. «Совершенно ясно, – писал он в 1931 г., – что в ряде отдельных формулировок, иногда очень важных, старые изложения моей концепции звучали весьма не по-ленински, а иногда были попросту теоретически малограмотны» [23]. И все-таки Покровский не терял надежды и собирался при помощи новой («окончательной») схемы поправить собственное положение, хотя и предчувствовал, что его снова могут обвинить в ошибках. «Свободна ли эта окончательная схема от ошибок? Никак не могу обещать...»

Задача, которую решали Троцкий и Покровский, в общем, понятна: придумать такую схему, которая могла бы примирить марксизм с русской историей. Для этого нужно было не только не считаться с историческими фактами,

но и искажать по мере необходимости сам марксизм. Все это было настолько очевидно, что обвинения в схематизации истории и искажении учения Маркса, выдвинутые против Покровского, не могут и сейчас вызвать сомнений. Однако результаты этих обвинений выглядят, по меньшей мере, сомнительно.

Формирование экспертной системы в советской историографии 1930-х годов

Разгром Покровского не дал и не мог дать ничего позитивного в плане развития исторической науки, поскольку велся не ради нее, а был подчинен новой задаче – укреплению личной диктатуры Сталина. В научной сфере формирующийся культ означал введение некой универсальной науки, к которой должны были сводиться все реально существующие научные дисциплины. В 1939 г. Сталин сформулировал этот принцип так: «Есть одна отрасль науки, знание которой должно быть обязательным для большевиков всех отраслей науки, – это марксистско-ленинская наука об обществе, о законах развития общества, о законах развития пролетарской революции, о законах развития социалистического строительства, о победе коммунизма» [34, т. 14, с. 328].

Соответственно и эксперт должен не только обладать знаниями в своей профессиональной сфере, но еще быть «ленинцем». При этом, что значит быть «ленинцем», намеренно не пояснялось. Но уже к моменту этого выступления Сталина всем было ясно, что только он один является единственным и верным «ленинцем», в руках которого находятся «экспертные» ключи от всех отраслей знаний. Однако важно не констатировать в очередной раз эту простую истину, а понять, как это произошло.

В год смерти Покровского решением ЦК ВКП (б) «Наркомпрос впервые ввел в учебные занятия средней школы систематический курс истории» [9, с. 30]. Первая проблема, возникшая в связи с этим, – отсутствие программ и учебников. Вспомнили, что еще в 1920 г. Ленин высоко оценил только что вышедшую книгу Покровского «Русская история в самом сжатом очерке»: «Очень поздравляю Вас с успехом, – писал Ленин, – чрезвычайно понравилась мне Ваша новая книга: “Русская история в самом сжатом очерке”. Оригинальное строение и изложение. Читается с громадным интересом. Надо будет, по-моему, перевести на европейские языки». Правда, далее шло «одно маленькое замечание»: «Чтобы она была учебником (а она должна им стать), надо дополнить ее хронологическим указателем. Поясню свою мысль: примерно так: 1) столбец хронологии; 2) столбец оценки буржуазной (кратко); 3) столбец оценки Вашей, марксистской, с указанием страниц Вашей книги. Учащиеся должны знать и Вашу книгу и указатель, чтобы не было верхо-

глядства, чтобы знали факты, чтобы учились сравнивать старую науку и новую» [12, т. 45, с. 24].

Письмо было впервые опубликовано в четвертом номере журнала «Архивное дело» за 1928 г. На праздновании 60-летнего юбилея Покровского в Центрархиве оно было вслух зачитано Адоратским. Сам же юбиляр в ответной речи «скромно» прокомментировал это письмо: «Т. Ленин тепло отнесся к “сжатому очерку” потому что он там нашел развитие своих идей, научно обоснованных». Речь шла о центральной идее книги Покровского – возникновении Московского государства на основе торгового капитала [13, с. 73]. Отрывок из этого письма был процитирован в составленном наркомом Просвещения РСФСР А.С. Бубновым проекте постановления о преподавании всеобщей и русской истории в средней школе от 14 марта 1934 г. [9, с. 30–34]. Книга сразу же была переиздана, а руководителем авторского коллектива учебника по истории СССР был назначен ученик Покровского Н.Н. Ванаг. Несмотря на молодость (ему тогда было 33 года), Ванаг уже успел побывать к этому времени и троцкистом, и поклонником Покровского, успел покаяться в своих «идеологических ошибках» и осудить своих вчерашних единомышленников [3, с. 95–102; 4, с. 36].

В марте 1934 г. в Кремле состоялась встреча Сталина с историками, на которой зашла речь об учебниках. Поднявшись на трибуну с учебником [7] в руках, Сталин сказал: «Меня попросил сын объяснить, что написано в этой книге. Я посмотрел и тоже ничего не понял» [6, с. 97]. Характерно, что Сталин не спорит по существу. Он как бы оставляет за специалистами содержательную сторону. Но он, как и Покровский, апеллирующий к студенчеству, которое, якобы обеспокоено ложными идеями Троцкого, вводит целевую аудиторию – «сына» – и отводит себе роль арбитра, встающего на сторону целевой аудитории. Вместе с тем это подается не как истина в последней инстанции, а всего лишь как мнение частного лица, не понявшего, как и его сын, о чем идет речь в учебнике.

Истиной в последней инстанции мог быть только Совет народных комиссаров и Центральный комитет ВКП (б). Любая полемика с этими органами изначально считалась недопустимой. В постановлении этих «авторитетных» инстанций от 15 мая 1934 г. говорилось о том, что «преподавание истории в школах СССР поставлено неудовлетворительно. Учебники и само преподавание носят отвлеченный, схематический характер. Вместо преподавания гражданской истории в живой, занимательной форме и изложения важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей – учащимся преподносят абстрактные определения общественно-экономических формаций, подменяя, таким образом,

связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами»[5] [9, с. 45–46].

Пока еще речь не шла о «школе» Покровского. Вместо нее козлом отпущения сделали раскритикованный Сталиным учебник А.И. Гуковского и О.В. Трахтенберга. В журнале «Борьба классов», издаваемом ЦК ВКП (б), появилась разгромная рецензия, написанная «бригадой истории» Института Красной профессуры С. Сергеевым, Е. Косминским, О. Липатовой и И. Суховым. Авторы, следуя почти текстуально Постановлению от 15 мая 1934 г., назвали учебник «скучным, сухим и бесцветным». Учебник действительно открывал большие возможности для критических замечаний, но всё дело в том, что сами эти замечания были продиктованы именно сталинским выступлением и постановлениями партии и правительства. Поэтому ключевыми словами становятся «неясности, неточности, противоречия», «нельзя ничего разобрать», «покрыто мраком неизвестности», «совсем не объясненным» и т.д. Учебнику в целом присущи «вялое и тягучее социологизирование», «методологическая путаница», «совершенная беззаботность в отношении исторических фактов», «нечеткость и беспорядочность мысли и изложения», «стилистическая неряшливость» [32, с. 116] и т.д. Оценки эти вполне справедливы, но продиктованы они не результатами объективной экспертизы, а руководящим действием партийных документов. Это особенно видно там, где эксперты дают рекомендации авторам. Например, «конкретно исторические факты» должны иллюстрировать «ленинское положение, что крепостничество в России известно со времени “Русской правды”» [32, с. 117]. Или же при описании крестьянских восстаний «необходимо было подчеркнуть важнейшее замечание товарища Сталина, исключительно ярко характеризующее идеологию вождей крестьянских восстаний» [32, с. 119].

Возвращение истории в школу и вузы началось не с позитивных предложений о том, как и на основе чего строить преподавание, а с ревизии в первую очередь «марксистских» работ историков предшествующего десятилетия. Но при этом сам «марксизм» с прибавившимся к нему «ленинизмом» оставался, разумеется, безгрешным и неприкасаемым. Поэтому «разнос» учебника второстепенных авторов, работающих в русле идей Покровского, вполне мог восприниматься как частный и неудачный случай, к самому Покровскому не имеющий отношения. Постановление от 15 мая 1934 г. называло два главных «греха» преподавания истории: отсутствие занимательной формы и схематизм. Сам Покровский с его «Сжатым очерком», конечно, мог быть обвинен в схематизме, но не в отсутствии занимательности. И хотя он подвергался в конце жизни спорадической критике, еще ничего не пред-

5. Этим же Постановлением было решено открыть с 1 сентября 1934 г. исторические факультеты в Московском и Ленинградском университетах.

вещало полного разгрома его трудов и его «школы». В 1934 г. его работы могли взять и в качестве образца, и в качестве примера искажения исторического процесса. Поэтому Н.Н. Ванаг, которому поручено было возглавить авторский коллектив, с одной стороны, вполне адекватно расценил всю эту ситуацию и заговорил о необходимости «перестройки всего нашего исторического сознания», а также о том, что историки должны пройти «курсы ликвидации их недостаточной квалификации» [3, с. 104]. Но, с другой стороны, он вряд ли считал главным объектом критики именно Покровского. На всякий случай счел возможным сохранить некоторые приемы своего учителя в «новом» подходе к истории.

В июле 1934 г. конспект нового учебника поступил на рассмотрение Сталина, А.А. Жданова и С.М. Кирова. Именно они стали первыми экспертами «нового» осмысления истории. Ни один из них не был ни профессиональным историком, ни теоретиком марксизма, но их мнение, точнее мнение Сталина, руководившего всем процессом, было обязательным для исполнения. Следует обратить внимание на то, что если Троцкий и Покровский мерялись своими личными авторитетами и заслугами в сфере применения марксизма к истории, то теперь ситуация была иной. Сталин не пытался широко демонстрировать собственное понимание марксизма и уже тем более он не мог опираться на собственные наработки в этой сфере. Высший авторитет переходил с личности на полностью подконтрольный ему партийно-бюрократический аппарат. Этим давалось понять, что даже самая выдающаяся личность может ошибаться, а обезличенная партия – никогда. Именно такая партия стала вырабатывать неоспоримые критерии для экспертной оценки любого профессионального труда.

За полтора года после публикации майского Постановления 1934 г. ситуация мало изменилась. Авторы раскритикованного учебника А.И. Гуковский и О.В. Трахтенберг, чьи имена не назывались ни в сталинском выступлении по их учебнику, ни в Постановлении от 15 мая 1934 г., никак не тянули на солидного врага, чья методология должна быть полностью уничтожена. Оба они были включены в комиссию по написанию новых учебников. Поэтому историки не очень представляли, куда дует ветер. Нужен был конкретный и зримый враг, в близости к которому могли быть обвинены все «красные профессора». Такой фигурой мог стать только покойный Покровский.

В январе 1936 г. было издано новое Постановление Совнаркома и ЦК ВКП (б) о преподавании истории в школе и одновременно появились в печати «Замечания» Сталина, Кирова и Жданова на конспект учебника Ванага. В новом постановлении осуждалось уже не плохое преподавание истории вообще, а непосредственно «школа» Покровского. Имя Покровского стало удобным символом для обозначения всего того плохого, что было в преподавании истории и с чем теперь активно боролась партия и изживали сами

историки. И речь теперь уже шла не об отсутствии занимательности и схематизме, а о прямом вредительстве, проявившемся в «попытке ликвидации истории как науки» [35].

В замечаниях на конспект учебника Ванага имя Покровского не называлось, но, как показала в свое время М.В. Нечкина, критиковались в основном те места, где чувствовалось влияние Покровского [18, с. 240]. «Эксперты», познакомившись с конспектом учебника Ванага, пришли к выводу, что «группа Ванага не выполнила задания и даже не поняла самого задания». Авторов обвинили в том, что они написали «конспект русской истории, а не истории СССР (подчеркнуто в оригинале. – *В. П.*), т.е. истории России, но без истории народов, которые вошли в состав СССР». В 1920-е годы термин «история СССР» не использовался. Покровский и его школа, продолжая дореволюционную традицию, писали историю России. Видимо, Сталин, считавшийся среди большевиков специалистом по национальному вопросу, стремился придать русской истории национально окрашенный характер. Из этого вытекало и более частное замечание – «немотивированным остается создание Союза ССР» [18, с. 122].

Остальные замечания сводились к тому, что авторы недооценивают «контрреволюционную роль русского царизма во внешней политике», не различают понятия «реакция» и «контрреволюция», «революция вообще», «революция буржуазная» и «революция буржуазно-демократическая». И в то же время авторов упрекали в использовании «затасканных, трафаретных определений» вроде «полицейский террор Николая I», «разинщина», «пугачевщина», «наступление помещичьей контрреволюции в 70-х годах XIX столетия», «первые шаги промышленного переворота», «первые шаги царизма и буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг.» и т.д. В заключении Сталин и его «соавторы» выдвинули требование: «Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР – это, во-первых, – и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и вообще мировой истории – это, во-вторых» [18, с. 122].

Итак, по мнению экспертов, группа Ванага не справилась и даже не поняла стоящей перед ней задачи. Но самое интересное заключается, пожалуй, в том, что экспертное заключение было оформлено и представлено на страницах центрального органа партии как самодостаточный текст. Читатель не имел возможности познакомиться с самим конспектом учебника и самостоятельно оценить его научный и педагогический уровень, а авторы были лишены возможности публично ответить своим экспертам. Если в 1922 г. газета «Правда» предоставляла место для полемики двум ярким интерпретаторам марксизма применительно к русской истории и предоставляла читателю самостоятельно судить о степени правоты каждого из них, то теперь ситуация

изменилась. «Экспертная» оценка центрального органа партии, подписанная лично Сталиным, не предполагала не только какого-либо ответа, но даже знакомства с тем, что оценивалось. Более того, эта «экспертиза» становилась директивой для всех авторов учебников, а также для всех экспертов, оценивающих эти учебники.

Такое положение не было, разумеется, случайным. Для того чтобы оставить за собой монополию на «истину в последней инстанции», необходимо было лишить возможности претендовать на эту монополию кого бы то ни было. Но единственный «самый главный эксперт» не мог физически читать всё подряд. Эта проблема решалась путем выстраивания обезличенной многоуровненной экспертизы. При этом каждый ее уровень не может считаться окончательным.

Коллектив Ванага был не единственным коллективом, работающим над учебниками. К 1936 г. было закончено несколько проектов, и для их рассмотрения была создана комиссия под председательством А.А. Жданова. Эта комиссия должна была объявить конкурс на написание учебника по истории и сформировать экспертную группу для чтения поступающих на конкурс рукописей. Кроме того, предполагалось, что отобранные комиссией учебники пройдут еще одну экспертизу на уровне школьных учителей, которые должны были высказать не только *свое* мнение, но и протестировать учебники на учащихся различных способностей. К участию в конкурсе допускались «все желающие без всяких ограничений, как отдельные лица, так и коллективы (группы авторов, институты и т.д.)». Были установлены огромные размеры премий: за первое место – 100 тыс. руб., за второе – 75 тыс., за третье – 50 тыс., за четвертое – 25 тыс. руб.[6] [19].

Среди экспертов были не только партийные деятели и школьные учителя, но и профессиональные историки, в том числе и выдающиеся, например, С.Б. Веселовский и Е.В. Тарле. Историографическим фоном для написания учебников стала развернувшаяся кампания по разгрому «школы» Покровского. Казалось бы, всё складывалось как нельзя лучше: открытый для всех конкурс, широкая сеть экспертизы, вместо вульгарных схем, насаждавшихся Покровским, призыв насытить историю фактами и сделать ее, как призывал Н.И. Бухарин, «красочной как сама жизнь». И между тем на «выходе», оказался убогий учебник А.В. Шестакова «Краткий курс истории СССР» [анализ этого учебника см.: 16, с. 381–387] и примерно аналогичные учебники по зарубежной истории. Правда, первую премию Шестаков не получил (ее не

6. Для сравнений: средний заработок работника вуза в 1936 г. составлял 338 руб.: [41, с. 10].

получил никто), ему присудили вторую, но его учебник на долгие годы стал единственным в своей возрастной группе школьным учебником в СССР.

Почему же несмотря на всенародный конкурс, многоуровненную экспертизу, строгий отбор и т.д., не было создано действительно яркого, свободного от схем и трафаретов школьного учебника? Самый простой и очевидный ответ на этот вопрос заключается в политическом режиме, сложившемся в 30-е годы в стране. Однако это общее положение как бы объясняет всё и в то же время мало что проясняет в конкретной ситуации.

Сталин вовсе не собирался освобождать историю от схематичности и превращать ее написание в свободный и творческий процесс. Более того, он, скорее всего, не имел ничего против «схем» Троцкого или Покровского. Ему принципиально важно было, чтобы эти «схемы» не связывались с конкретными именами и не придавали авторитетности их авторам. Если Сталин сам лично не создавал историографических схем, непосредственно связанных с его именем, то это не потому, что ему не хватало образования. Он занимал принципиально иную позицию. Ни Троцкий, ни Покровский не пытались управлять историографическим процессом, они претендовали на то, чтобы создавать его собственными руками. Покровский устранял «буржуазных» историков, как устраняют конкурентов, чтобы расчистить для себя место. Точно так же поступал Троцкий, видевший в Покровском своего конкурента. Сталин же в принципе не хотел иметь дело с конкурентами. Он предпочитал быть арбитром, а не игроком. Он как бы открывал перед всеми равные возможности: любой человек мог стать автором учебника, любой учитель или даже ученик мог стать экспертом и т.д. Но всё заключалось в том, что никто – ни один автор, ни один эксперт – не знал, по каким правилам нужно «играть». Со «школой» Покровского боролась сама его «школа». Шестаков, выпускник Института Красной профессуры был учеником Покровского, славословил его, а потом поливал грязью. Но было бы ошибочным делать из этого вывод, что ценой предательства он «купил» победу в конкурсе учебников и звание члена-корреспондента АН СССР. Его коллега Ванаг тоже был учеником Покровского и тоже предал его, тоже писал учебник и был… расстрелян в 1937 г. Совершенно очевидно, что на месте Шестакова мог оказаться Ванаг и наоборот. Мы никогда не сможем понять, почему учебник Ванага не понравился Сталину, а учебник Шестакова понравился. Этого не могли понять и их «эксперты», готовые любой из этих учебников признать единственно правильным и любой отвергнуть.

Такое положение порождало полную растерянность и страх, усиливающийся еще репрессиями. После того как учебник Шестакова был принят правительственной комиссией, почти вся она, за исключением Жданова и Быстрянского, была расстреляна. Погибли и многие историки как «школы» Покровского, так и те, кто не имел к ней отношения. Уцелевшие случайным

образом ученые при всем желании руководствоваться любыми схемами, цитатами и т.д. вынуждены были каждый раз угадывать мнение вождя.

Подведем итоги. Советская экспертиза в области исторической науки в 1920–1930 гг. прошла ряд этапов. С самого начала она должна была носить подчеркнуто идеологический, а не узкопрофессиональный характер. Поскольку история была упразднена как самостоятельная научная дисциплина и преподавалась как часть обществознания, то и требования к ней предъявлялись вполне определенные: исторически доказать закономерность победы социалистической революции в России вопреки совершенно определенному мнению Маркса на этот счет. Иными словами, нужно было марксизм увязать с русской историей. В роли главного эксперта здесь должен был выступать человек, имеющий, с одной стороны, прочную репутацию «марксиста», а с другой – опыт практического участия в октябрьском перевороте. Лучше всего на эту роль подходил Ленин, но его больше занимали вопросы практической политики. Поэтому теоретический спор за экспертное лидерство разразился между Троцким, вторым после Ленина политиком, и Покровским, первым «марксистским» историком.

Поскольку спор велся в условиях острой политической борьбы, направленной на политической уничтожение Троцкого, то победа осталась за Покровским. Между тем реальным победителем оказался Сталин. Но Сталин не собирался вести «научную полемику» с Покровским, и дело было не в том, что он мог бы ее проиграть. К началу 30-х годов у него уже было достаточно властных ресурсов, чтобы обеспечить себе «победу» в любом теоретическом споре. Сталин ставил более глобальную задачу – восстановить историю в ее правах, вернуть исторические дисциплины в школьное и вузовское преподавание. Покровский, уже умерший к тому времени, выбирается в качестве «врага», победа над которым должна освободить историю от схем и упрощенства, насытить ее живым содержанием и показать ее национальное единство. Казалось бы, это открывает возможности для подлинного научного творчества. Однако никто не собирался отказываться от «марксизма-ленинизма» и при этом никто, кроме Сталина, не мог взять на себя смелость объявить себя главным экспертом в этой области.

Историки оказались между двух огней. Следование «марксистским» схемам было чревато обвинением в «покровщине» или еще хуже – в «троцкизме». Живое изложение исторических фактов могло навлечь обвинение в отклонении от «марксизма-ленинизма». В такой же растерянности пребывали и эксперты. Пожалуй, наиболее безопасным путем здесь было соотнесение исторического события с высказыванием по его поводу Маркса или Ленина, а еще лучше Сталина, если таковое имелось. С возвращением истории как самостоятельной дисциплины развивается целая система научной экспертизы. В роли экспертов выступают кафедры, исследовательские институты,

диссертационные советы, ВАК и т.д. Но результаты официальной экспертизы не могли быть эффективными, поскольку никто из экспертов не имел точных критериев оценки. Именно отсутствие ясного понимания, чего от них хотят, порождало удивительное «единомыслие» среди историков. Как только из политбюро ВКП (б) исходила некая информация, содержащая критические оценки в адрес какого-либо ученого, то «научное сообщество» тут же давало единую «экспертную» оценку трудам этого ученого. Таким образом, научная экспертиза, как и сама историческая наука, стала одним из проводников государственной идеологии.

Библиография

1. Ананьич Б.В., Панеях В.М., Цамуталли А.Н. Предисловие. Сергей Федорович Платонов. Биографический очерк // Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы Следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб.: БАН, 1993.

2. Артизов А.Н. М.Н. Покровский: Финал карьеры – успех или поражение // Отечественная история. 1998. № 1. С. 77–96; № 2. С. 124–142.

3. Артизов А.Н. Николай Николаевич Ванаг (1899–1937) // Отечественная история. 1992. № 6. С. 95–102.

4. Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М.: РОСПЭН, 2001. 320 с.

5. Володьков О.П. К вопросу об отношении И.В. Сталина к концепции торгового капитализма М.Н. Покровского // Вестник Омского Госуниверситета. 2012. № 2 (64). С. 294–297.

6. Гуковский А.И. Как я стал историком // История СССР. 1965. № 6. С. 76–99.

7. Гуковский А.И., Трахтенберг О.В. История. Эпоха феодализма. М.: Учпедгиз, 1933. 262 с.

8. Дубровский А.М. Историк и власть. Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск: Изд-во Брянского ун-та, 2005. 800 с.

9. Историю – в школу: Создание первых советских учебников [сб. мат.]. М.: Архив Президента РФ, 2008. 304 с.

10. Калистратова Т.И. Институт истории ФОН МГУ – РАНИОН (1921–1929). Н. Новгород: Нижний Новгород, 1992 (1993). 215 с.

11. Кривошеев Ю.В., Дворниченко А.Ю. Изгнание науки: Российская историография в 20-х – начале 30-х годов XIX века // Отечественная история. 1994. № 3. С. 143–158.

12. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1965–1975. 55 т.

13. Ленин В.И. Письмо М.Н. Покровскому // Архивное дело. 1928. Вып. 4 (17). С. 73.

14. Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // URL: http://scepsis.net/library/id_883.html (Дата обращения: 14.02.2017.)

15. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 50 т. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1964. Т. 36. 806 с.

16. Милюков П.Н. Величие и падение М.Н. Покровского. (Эпизод из истории науки в СССР) // Современные записки. 1937. Кн. 65. С. 368–387.

17. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: [Изд. 5-е, испр. и доп.] СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. Ч. 1. VIII, 293 с.

18. Нечкина М.В. Вопрос о М.Н. Покровском в постановлениях партии и правительства 1934–1938 гг. о преподавании истории и исторической науки (к источниковедческой стороне темы) // Исторические записки. 1990. Т. 118. С. 232–246.

19. Об учебниках по истории // Известия. 1936. 16 марта. С. 4.

20. Парсамов В.С. Журнальные рецензии как форма «классовой борьбы». М., 2017. С. 209–226.

21. Перченок Ф.Ф. «Дело Академии наук» // Природа. 1991. № 4. С. 96–104.

22. Перченок Ф.Ф. Академия наук «на великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. 1991. Вып. 1. С. 163–235.

23. Покровский М.Н. О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России // Борьба классов. 1931. № 2. С. 78–89.

24. Покровский М.Н. Правда ли, что в России абсолютизм «существовал наперекор общественному развитию»? (По поводу вступительной главы последней книги тов. Троцкого) // Красная Новь. 1922. Кн. 3 (май-июнь). С. 144–151.

25. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. Изд. 4-е. М.: Госиздат, 1922. Т. 1. 268 с.

26. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен / [Соч.] М.Н. Покровского, при участии Н.М. Никольского и В.Н. Сторожева. М.: Мир, 1910–1912. 5 т. (изд-е вышло в 10 кн.).

27. Покровский М.Н. Своеобразие русского исторического процесса и первая буква марксизма (Нечто вроде ответа т. Троцкому) // Правда. 1922. 5 июля. С. 4.

28. Покровский М.Н. Чем был Ленин для нашей высшей школы // Правда. 1924. 27 января. С. 3.

29. Покровский М.Н. Профессор Р. Виппер о кризисе исторической истории // Под знаменем марксизма. 1922. № 3. С. 33–36.

29 а. Покровский М.Н. Троцкизм и «особенности исторического развития России» // Покровский М.Н. Марксизм и особенности исторического развития России. Л.: «Прибой», 1925. С. 40–54.

30. Рязанов Д.Б. Очерки по истории марксизма. М.: Московский рабочий, 1923. 640 с.

31. Сахаров В.А. Политическое завещание Ленина: Реальность истории и мифы политики (Глава 1. § 2. Первый кризис НЭПа) // http://leninism.su/books/4135-politicheskoe-zaveshhanie-lenina-realnost-istorii-i-mify-politiki.html?showall=&start=7

32. Сергеев С., Косминский Е., Липатова О., Сухов И. [Рец. на:] История. Эпоха феодализма. А. Гуковский и О. Трахтенберг. Изд. Учпедгиза, 1933. 263 с. // Борьба классов. 1934. № 5–6 (июнь). С. 116–119.

33. Соколов В.Ю. История и политика (к вопросу о содержании и характере дискуссий советских историков 1920-х – начала 1930-х гг.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990. 200 с.

34. Сталин И.В. Сочинения: В 13 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. 13 т.

35. Сталин И.В., Жданов А.А., Киров С.М. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // Правда. 1936. 26 января. С. 3–4.

36. Тагер Р. Сталин. История и личность. М.: Весь мир, 2005. 864 с.

37. Троцкий Л.Д. 1905. М.: Госиздат, 1922. 427 с.

38. Троцкий Л.Д. Об особенностях исторического развития России. (Ответ т. М.Н. Покровскому) // Правда. 1922. 1 июля. С. 2.

39. Троцкий Л.Д. Об особенностях исторического развития России (Ответ т. М.Н. Покровскому) // Правда. 1922. 1 июля. С. 3.

40. Чернобаев А.А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М.Н. Покровского. М.: Изд-во «Лит», 1992. 235 с.

41. Численность и заработная плата рабочих и служащих в СССР. (Итоги единовременного учета за март 1936 г.). М.: Ред.-изд. управ. ЦУНХУ Госплана СССР и в/о «союзоргучет», 1936. 312 с.

42. Энтин Дж. Интеллектуальные предпосылки утверждления сталинизма в советской историографии // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 149–155.

43. Энтин Дж. Спор о Покровском продолжается // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 154–159.

44. Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. 765 с.

45. Barber J. Soviet Historians in Crisis, 1928–1932. London; Basingstoke: Macmillan press, 1981. XIII, 194 p.

46. Enteen G. The Soviet Scholar-Bureaucrat: M.N. Pokrovski and the Society of Historians. Pennsylvania: The Pennsylvania, 1978.

References

Anan'ich B.V., Panejah V.M., Camutalli A.N. Predislovie. Sergej Fedorovich Platonov. Biograficheskij ocherk // Akademicheskoe delo 1929–1931 gg.: Dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannogo OGPU. Vyp. 1. Delo po obvineniju akademika S.F. Platonova. Saint Petersburg: BAN, 1993.

Artizov A.N. M.N. Pokrovskij: Final kar'ery – uspeh ili porazhenie // Otechestvennaja istorija 1998. N 1. P. 77–96; N 2. P. 124–142.

Artizov A.N. Nikolaj Nikolaevich Vanag (1899–1937) // Otechestvennaja istorija. 1992. N 6. P. 95–102.

Barber J. Soviet Historians in Crisis, 1928–1932. London; Basingstoke: Macmillan press, 1981. XIII, 194 p.

Bovykin V.I. Finansovyj kapital v Rossii nakanune pervoj mirovoj vojny. Moscow: ROSPJeN, 2001. 320 p.

Chernobaev A.A. «Professor s pikoj», ili Tri zhizni istorika M.N. Pokrovskogo. Moscow: Izd-vo «Lit», 1992. 235 p.

Chislennost' i zarabotnaja plata rabochih i sluzhashhih v SSSR. (Itogi edinovremennogo ucheta za mart 1936 g). Moscow: Red.-izd. uprav. CUNHU Gosplana SSSR i v/o «sojuzorguchet», 1936. 312 p.

Dubrovskij A.M. Istorik i vlast'. Istoricheskaja nauka v SSSR i koncepcija istorii feodal'noj Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930–1950-e gg.). Brjansk: Izd-vo Brjanskogo un-ta, 2005. 800 p.

Enteen G. The Soviet Scholar-Bureaucrat: M.N. Pokrovski and the Society of Historians. Pennsylvania: The Pennsylvania, 1978.

Gukovskij A.I. Kak ja stal istorikom // Istorija SSSR. 1965. N 6. P. 76–99.

Gukovskij A.I., Trahtenberg O.V. Istorija. Jepoha feodalizma. Moscow: Uchpedgiz, 1933. 262 p.

Istoriju – v shkolu: Sozdanie pervyh sovetskih uchebnikov [sb. mat.]. Moscow: Arhiv Prezidenta RF, 2008. 304 p.

Jentin Dzh. Intellektual'nye predposylki utverzhdlenija stalinizma v sovetskoj istoriografii // Voprosy istorii. 1995. N 5–6. P. 149–155.

Jentin Dzh. Spor o Pokrovskom prodolzhaetsja // Voprosy istorii. 1989. N 5. P. 154–159.

Jurganov A.L. Russkoe nacional'noe gosudarstvo. Zhiznennyj mir istorikov jepohi stalinizma. M.: RGGU, 2011. 765 p.

Kalistratova T.I. Institut istorii FON MGU – RANION (1921–1929). N. Novgorod: Nizhnij Novgorod, 1992 (1993). 215 p.

Krivosheev Ju.V., Dvornichenko A.Ju. Izgnanie nauki: Rossijskaja istoriografija v 20-h – nachale 30-h godov XIX veka // Otechestvennaja istorija. 1994. N 3. P. 143–158.

Lenin V.I. Pis'mo M.N. Pokrovskomu // Arhivnoe delo. 1928. Vyp. 4 (17). P. 73.

Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij: V 55 t. Izd. 5-e. Moscow: Politizdat, 1965–1975. 55 vol.

Marks K. Razoblachenija diplomaticheskoj istorii XVIII veka // URL: http://scepsis.net/library/id_883.html (Data obrashhenija: 14.02.2017.)

Marks K., Jengel's F. Sochinenija: V 50 t. Izd. 2-e. Moscow: Politizdat, 1964. T. 36. 806 p.

Miljukov P.N. Ocherki po istorii russkoj kul'tury: [Izd. 5-e, ispr. i dop.] Saint Petersburg: Tip. M.M. Stasjulevicha, 1904. Ch. 1. VIII, 293 p.

Miljukov P.N. Velichie i padenie M.N. Pokrovskogo (Jepizod iz istorii nauki v SSSR) // Sovremennye zapiski. 1937. Kn. 65. P. 368–387.

Nechkina M.V. Vopros o M.N. Pokrovskom v postanovlenijah partii i pravitel'stva 1934–1938 gg. o prepodavanii istorii i istoricheskoj nauki (k istochnikovedcheskoj storone temy) // Istoricheskie zapiski. 1990. Vol. 118. P. 232–246.

Ob uchebnikah po istorii // Izvestija 1936. 16 marta. P. 4.

Parsamov V.S. Zhurnal'nye recenzii kak forma «klassovoj bor'by». Moscow, 2017. P. 209–226.

Perchenok F.F. «Delo Akademii nauk» // Priroda. 1991. N 4. P. 96–104.

Perchenok F.F. Akademija nauk «na velikom perelome» // Zven'ja: Istoricheskij al'manah. 1991. Vyp. 1. P. 163–235.

Pokrovskij M.N. Chem byl Lenin dlja nashej vysshej shkoly // Pravda. 1924. 27 janvarja. P. 3.

Pokrovskij M.N. O russkom feodalizme, proishozhdenii i haraktere absoljutizma v Rossii // Bor'ba klassov. 1931. N 2. P. 78–89.

Pokrovskij M.N. Pravda li, chto v Rossii absoljutizm «sushhestvoval naperekor obshhestvennomu razvitiju»? (Po povodu vstupitel'noj glavy poslednej knigi tov. Trockogo) // Krasnaja Nov'. 1922. Kn. 3 (maj-ijun'). P. 144–151.

Pokrovskij M.N. Professor R. Vipper o krizise istoricheskoj istorii // Pod znamenem marksizma. 1922. N 3. P. 33–36.

Pokrovskij M.N. Russkaja istorija s drevnejshih vremen / [Soch.] M.N. Pokrovskogo, pri uchastii N.M. Nikol'skogo i V.N. Storozheva. M.: Mir, 1910–1912. 5 t. (izd-e vyshlo v 10 kn.).

Pokrovskij M.N. Russkaja istorija s drevnejshih vremen. Izd. 4-e. M.: Gosizdat, 1922. T. 1. 268 s.

Pokrovskij M.N. Svoeobrazie russkogo istoricheskogo processa i pervaja bukva marksizma (Nechto v rode otveta t. Trockomu) // Pravda. 1922. 5 ijulja. S. 4.

Pokrovskij M.N. Trockizm i «osobennosti istoricheskogo razvitija Rossii» // Pokrovskij M.N. Marksizm i osobennosti istoricheskogo razvitija Rossii. L.: «Priboj», 1925. S. 40–54.

Rjazanov D.B. Ocherki po istorii marksizma. M.: Moskovskij rabochij, 1923. 640 s.

Saharov V.A. Politicheskoe zaveshhanie Lenina: Real'nost' istorii i mify politiki (Glava 1. § 2. PERVYJ KRIZIS NJePa) // http://leninism.su/books/4135-politicheskoe-zaveshhanie-lenina-realnost-istorii-i-mify-politiki.html?showall=&start=7

Sergeev S., Kosminskij E., Lipatova O., Suhov I. [Rec. na:] Istorija. Jepoha feodalizma. A. Gukovskij i O. Trahtenberg. Izd. Uchpedgiza, 1933, 263 s. // Bor'ba klassov. 1934. N 5–6 (ijun'). S. 116–119.

Sokolov V.Ju. Istorija i politika (k voprosu o soderzhanii i haraktere diskussij sovetskih istorikov 1920-h – nachala 1930-h gg.) Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1990. 200 s.

Stalin I.V. Sochinenija: V 13 t. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1952. 13 t.

Stalin I.V., Zhdanov A.A., Kirov S.M. Zamechanija po povodu konspekta uchebnika po istorii SSSR // Pravda. 1936. 26 janvarja. S. 3–4.

Tager R. Stalin. Istorija i lichnost'. M.: Ves' mir, 2005. 864 s.

Trockij L.D. 1905. M.: Gosizdat, 1922. 427 s.

Trockij L.D. Ob osobennostjah istoricheskogo razvitija Rossii (Otvet t. M.N. Pokrovskomu) // Pravda. 1922. 1 ijulja. S. 2.

Trockij L.D. Ob osobennostjah istoricheskogo razvitija Rossii (Otvet t. M.N. Pokrovskomu) // Pravda. 1922. 1 ijulja. S. 3.

Volod'kov O.P. K voprosu ob otnoshenii I.V. Stalina k koncepcii torgovogo kapitalizma M.N. Pokrovskogo // Vestnik Omskogo Gosuniversiteta. 2012. N 2 (64). S. 294–297.

В.Н. Бабенко

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ПРАВОСУДИЯ (1917–1920)

Аннотация. *Анализируются проблемы становления и развития судебных органов в России после Октябрьской революции в 1917–1920 гг.*

Ключевые слова: *Октябрьская революция, РСФСР, судебная система, местные народные суды, революционные трибуналы, окружные суды.*

Бабенко Василий Николаевич – доктор исторических наук, профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН. E-mail: vasbabenko@mail.ru

V.N. Babenko. The October Revolution and Problems of Formation of the Soviet Justice System (1917–1920)

Abstract. *The author analyzes the formation and development of judicial bodies in Russia after the October revolution in 1917–1920-ies.*

Keywords: *October revolution, the RSFSR, legal system, local folk courts, revolutionary tribunals, district courts.*

Babenko Vasilii Nikolaevich – Doctor of Historical Sciences, Professor of Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), leading research fellow of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. E-mail: vasbabenko@mail.ru

Октябрьская революция 1917 г. привела к радикальным изменениям государственной системы и права. Наряду с упразднением дореволюционных органов власти и управления правительство большевиков приступило к преобразованию старой судебной системы.

В связи с тем что единой концепции создания новой системы судоустройства и судопроизводства не было, пришлось опираться в основном на

идейные установки, сформулированные В.И. Лениным и в программе РКП (б), которые сводились к необходимости ликвидации дореволюционных судебных органов и созданию «рабоче-крестьянских судов». В пореформенной России деятельность судов, считал В.И. Ленин, носила формально-декларативный характер, а буржуазно-помещичий суд служил только интересам эксплуататорского класса.

В статье «Очередные задачи Советской власти» В.И. Ленин отмечал, что «революционные массы после 25 октября 1917 г. вступили на верный путь и доказали жизненность революции, начав устраивать свои рабочие и крестьянские суды еще до всяких декретов о роспуске буржуазно-бюрократического судебного аппарата». Он подчеркивал, что «суд есть орган привлечения именно бедноты поголовно к государственному управлению (ибо судебная деятельность есть одна из функций государственного управления), что суд есть орган власти пролетариата и беднейшего крестьянства, что суд есть орудие воспитания к дисциплине» [5, с. 616]. Советское правительство отказалось использовать опыт судебной реформы 1864 г. В.И. Ленин считал, что важнейшей задачей социалистической революции являлось безусловное уничтожение всех прежних судебных органов.

Первым нормативным актом, положившим начало формированию советской судебной системы, стал Декрет о суде, принятый 7 декабря 1917 г. Советом Народных Комиссаров (СНК). Затем его стали именовать Декретом о суде № 1. В декрете указывалось, что ликвидации подлежат следующие органы, осуществлявшие в предшествовавший период правосудие: Правительствующий Сенат, судебные палаты, окружные суды, военные, морские и коммерческие суды. Упразднялись также прокуратура, адвокатура и органы предварительного следствия, приостанавливалась деятельность мировых судов. Мировые судьи получили при этом право участвовать в выборах местных судей. Это было обусловлено, отмечал М.В. Кожевников, лояльным отношением некоторых из них к советской власти, а также тем, что в условиях недостатка надежных профессиональных кадров «можно было использовать бывших мировых судей как специалистов-юристов, осуществляя контроль над их деятельностью со стороны других членов суда – народных заседателей, представляющих рабочих и крестьян» [3, с. 21].

Однако еще до издания Декрета о суде № 1 во многих губерниях и крупных городах страны по инициативе «местных Советов создавались новые пролетарские суды, носящие различные наименования: революционные народные суды, следственные комиссии (с функциями суда), суды общественной совести и др.» [3, с. 15].

В соответствии с Декретом о суде № 1 в России учреждались местные суды и революционные трибуналы. Местный суд состоял из одного постоянного судьи и двух заседателей. Судьи должны были избираться непосредст-

венно населением. Однако в связи с отсутствием закона о порядке проведения выборов осуществлять избрание местных судей было поручено местным советам. Порядок избрания судей Советами формально сохранялся до принятия 16 августа 1938 г. Закона «О судоустройстве СССР, союзных и автономных республик», согласно которому судьи должны были избираться населением. Однако начавшаяся вскоре Вторая мировая война не позволила провести эти выборы. Только в декабре 1948 – феврале 1949 г. в СССР впервые были проведены выборы судей и народных заседателей населением страны [1, с. 184].

Подсудность местных судов распространялась в соответствии с Декретом о суде № 1 на уголовные дела, за которые назначалось наказание на срок до двух лет лишения свободы, и на гражданские дела, цена иска в которых составляла не более 3 тыс. руб. Отсутствие правовых актов, содержавших указания о санкциях, налагаемых за те или иные преступления, вело к тому, что на первом этапе вопрос о подсудности уголовных дел местным судам решался на основе судебной практики и лишь затем эта подсудность была санкционирована государством в законодательном порядке.

Уездные съезды местных судей являлись кассационной инстанцией для рассмотрения жалоб на приговоры и решения местных судов. Для крупных городов такой инстанцией был городской съезд судей, на который приглашались все местные судьи. Кассационные жалобы рассматривались судом в составе не менее трех местных судей.

Следует отметить, что наряду с местными судами в некоторых губерниях по инициативе НКВД РСФСР в соответствии с инструкцией «Об организации Советской власти в волостях» от 22 февраля 1918 г. создавались волостные суды. Они официально не входили в судебную систему страны, действовали неэффективно и просуществовали недолго. Это можно рассматривать как неудачную инициативу НКВД РСФСР в условиях отсутствия единой государственной судебной политики.

Декретом о суде № 1 были также учреждены революционные трибуналы. Идея их образования была заимствована из опыта Французской буржуазной революции. Во Франции первый революционный трибунал был создан как чрезвычайный судебный орган в августе 1792 г. В России революционные трибуналы рассматривали дела, связанные с контрреволюционными преступлениями, саботажем, злоупотреблениями государственных служащих, работников промышленности и торговли. Революционные трибуналы действовали в составе председателя и шести очередных заседателей. Их избирали на пленарных заседаниях губернских или городских советов. Предварительное следствие проводилось следственными комиссиями, создававшимися при исполкомах советов, и органами ВЧК. В связи с тем что подсудность ревтрибуналов не была четко определена, они «могли рассматривать практически

все дела, возбуждавшиеся правоохранительными органами в отношении представителей бывших эксплуататорских классов» [1, с. 156].

В Декрете о революционных трибуналах печати (принят СНК 28 января 1918 г.) указывалось, что они учреждаются при революционных трибуналах, и рассматривают дела о преступлениях, совершенных с использованием печатных изданий. Их избирали местные советы в составе трех судей на срок не более трех месяцев.

М.В. Кожевников выделяет следующие наказания, применявшиеся революционными трибуналами печати: 1) денежный штраф; 2) выражение общественного порицания (о котором доводится до всеобщего сведения способами, указанными трибуналом); 3) помещение на видном месте приговора или же специальное опровержение ложных сведений; 4) приостановка издания (временная или навсегда) или изъятие его из обращения; 5) конфискация в общенародную собственность типографии или имущества издательства, если они принадлежат привлеченным к суду; 6) лишение свободы; 7) удаление из столицы, отдельных местностей или пределов Российской Республики; 8) лишение виновного всех или некоторых политических прав [3, с. 42–43]. Следует особо отметить, что приговоры революционного трибунала печати обжалованию не подлежали и немедленно приводились в исполнение.

В Декрете о суде № 1 судам было формально предоставлено право использовать действовавшие ранее законы, если они не были до этого отменены органами Советской власти и не противоречили «революционному правосознанию». Однако в связи с тем что большинство законодательных актов царского и временного правительств противоречили декретам ВЦИК и СНК РСФСР, а также основным положениям программы партии большевиков, они, естественно, не могли применяться [1, с. 157].

В этом декрете определялся порядок образования судебных органов местными советами. Из этого следует, что суды были поставлены в прямую зависимость от местных органов власти. Последние постоянно вмешивались в их работу, навязывая свои решения по отдельным делам, а также предпринимали попытки рассматривать жалобы на приговоры судов.

В Декрете о суде № 1 не указывались судебные органы, к ведению которых относились уголовные дела, превышавшие пределы подсудности местных судов. В целом в нем лишь в общих чертах закреплялись основы судоустройства и судопроизводства, что свидетельствует об отсутствии теоретически обоснованной концепции построения советской судебной системы. Тем не менее он сыграл важную роль в период становления советского правосудия, так как в соответствии с ним были ликвидированы дореволюционные суды и созданы новые судебные органы – местные суды и революционные трибуналы.

28 февраля 1918 г. ВЦИК РСФСР принял Декрет о суде № 2, в котором предусматривалось учредить в городах и уездах окружные суды. Их члены избирались уездными и городскими советами. Председатель окружного суда и председатели уголовного и гражданского отделений избирались на общем собрании членов окружного суда. Право отзыва членов окружных судов было предоставлено избиравшим их советам, а председателя окружного суда и руководителей уголовного и гражданского отделений – общему собранию членов окружного суда.

Окружные суды рассматривали кассационные жалобы на решения местных судов. В губерниях и областях создавались областные суды в качестве кассационной инстанции для окружных судов. В ст. 4 Декрета о суде № 2 указывалось, что «для рассмотрения кассационных жалоб на решения окружных судов как по гражданским, так и уголовным делам постоянные члены окружных народных судов на общем собрании данной области избирают из своей среды надлежащее количество членов областного народного суда и председателей отделений» [4, с. 56].

В Декрете о суде № 2 осуществление предварительного следствия возлагалось на следственные комиссии в составе трех человек, которых избирали местные советы. Кроме того, в ст. 6 данного Декрета предписывалось учредить Верховный судебный контроль из представителей областных народных судов.

В соответствии с Декретом о суде № 2 были образованы только окружные суды. Областные суды и Верховный судебный контроль не были своевременно созданы. Поэтому в Декрете о суде № 3, принятом СНК РСФСР 20 июля 1918 г., было решено отказаться от их образования. Вместо предполагавшегося Верховного судебного контроля в Москве был учрежден Кассационный суд, к компетенции которого были отнесены вопросы рассмотрения кассационных жалоб на решения окружных судов. Кассационный суд состоял из гражданского и уголовного отделений. Его судьи назначались ВЦИКом из состава кандидатов, рекомендованных окружными судами и советами местных народных судей.

В данном декрете подсудность местных народных судов была значительно расширена. К их ведению были отнесены все уголовные дела, кроме дел о посягательстве на человеческую жизнь, изнасиловании, разбое и бандитизме, подделке денежных знаков, взяточничестве и спекуляции. Такого рода дела решались в окружных судах. Местным судам было предоставлено право решать гражданские дела, стоимость иска которых повышалась до 10 тыс. руб.

В то же время в данном декрете окружные суды были лишены права рассматривать в кассационном порядке жалобы на решения местных судов.

В связи с тем что в условиях становления советской судебной системы в правовых актах того периода не регламентировался в полном объеме порядок формирования и границы подсудности революционных трибуналов, их деятельность нередко дублировалась местными судами.

В Декрете СНК РСФСР «О революционных трибуналах» от 4 мая 1918 г. было предписано существенно их сократить. Они сохранились только в столицах, губернских городах и крупных промышленных центрах. К ведению революционных трибуналов относились дела, связанные с контрреволюционными выступлениями, саботажем и спекуляцией, с погромами, взяточничеством, подлогами, неправомерным использованием советских документов, хулиганством и шпионажем.

Революционный трибунал, учрежденный 16 мая 1918 г. при ВЦИКе РСФСР, рассматривал дела особой важности. Он состоял из председателя и шести членов, избиравшихся ВЦИКом сроком на три месяца. Сессии данного Революционного трибунала обычно созывал Президиум ВЦИК. Однако он мог также проводить заседания по собственной инициативе, по предложению СНК или Наркомата юстиции. При этом трибунале создавалась Центральная коллегия обвинителей в составе трех членов, которых избирал ВЦИК. Она участвовала в работе следственной комиссии и поддерживала обвинения по всем делам, рассматривавшимся в Революционном трибунале при ВЦИКе.

Процесс формирования советской судебной системы завершился в основном после образования Кассационного отдела при ВЦИКе РСФСР. Он рассматривал кассационные жалобы и протесты на решения революционных трибуналов. Кассационный отдел при ВЦИКе учреждался в составе председателя, назначавшегося СНК и утверждавшегося ВЦИК РСФСР, и двух постоянных членов. Одного из них делегировал ВЦИК, а другого – Наркомат юстиции. Поступавшие в него кассационные жалобы и протесты рассматривались в двухнедельный срок. Кассационный отдел имел право отменить приговор и передать дело для нового производства в уже рассматривавший его революционный трибунал, но с другим составом суда. Он мог также направить данное дело в другой революционный трибунал. В случае, когда выявлялось несоответствие меры наказания совершенному преступлению, Кассационный отдел обращался в Президиум ВЦИК с представлением об изменении наказания или прекращении дела без направления его в соответствующий суд для повторного рассмотрения.

В условиях гражданской войны деятельность судебных органов регламентировалась в «Положении о народном суде РСФСР» от 30 ноября 1918 г. В нем была значительно расширена подсудность народных судов. К их ведению теперь относились все гражданские и уголовные дела, кроме находившихся в компетенции революционных трибуналов. По данному Положению упразднялись все окружные суды, а также Московский кассационный суд.

В Положении предусматривалось также установление разного состава суда в зависимости от категории рассматривавшихся дел. Так, например, малозначительные гражданские дела единолично решались народными судьями, а дела, связанные с посягательством на человеческую жизнь, причинением тяжких телесных повреждений, изнасилованием, разбоем, подделкой денежных знаков и документов, взяточничеством и спекуляцией, рассматривались судом в составе одного народного судьи и шести народных заседателей. Другие гражданские и уголовные дела решались в народном суде, включавшем одного судью и двух народных заседателей. Положение от 30 ноября 1918 г. запрещало судебным органам ссылаться на законы дооктябрьского периода. В тех случаях, когда отсутствовали необходимые нормативные акты, судам рекомендовалось руководствоваться «социалистическим правосознанием» [1, с. 162].

Порядок избрания народных судей и заседателей в данном Положении практически не изменился. Кандидатуры судей рассматривались и утверждались местными советами. Кандидатуры народных заседателей рекомендовались общественными организациями рабочих, волостными и сельскими советами. Затем они проходили процедуру утверждения в исполкомах городских и уездных советов. В губерниях кассационные жалобы на приговоры народных судов рассматривал Совет народных судей.

В соответствии с «Положением о народном суде РСФСР», пересмотренном и утвержденном ВЦИК 21 октября 1920 г., начал применяться новый порядок избрания и отзыва народных судей. Их избирали по-прежнему местные советы, но утверждали уже вышестоящие губернские исполкомы советов. Однако отозвать народных судей могли лишь местные советы, избиравшие их на эту должность. Тем не менее это решение должно было обязательно утверждаться губернским исполкомом совета.

В Положении от 21 октября 1920 г. изменился также порядок проведения предварительного следствия. Так, по уголовным делам, рассматривавшимся судом в составе одного судьи и шести народных заседателей, требовалось проведение предварительного расследования. Для других уголовных дел органы милиции должны были провести дознание. В то же время судья получил право передавать дело народному следователю из Коллегии народных следователей, действовавшей при губернском Совете народных судей. Данное Положение предоставляло губернским исполкомам советов право избирать и отзывать следователей. Кроме того, в нем указывалось, что защита осуществлялась в виде общественной обязанности гражданина. При этом широко учитывались его профессиональные знания, образовательный уровень, партийный или служебный стаж. Кандидатуры защитников обсуждались и утверждались исполкомами местных советов. В связи с тем что в этот период многие судьи и адвокаты не обладали необходимыми юридическими

знаниями и профессиональным опытом, им разрешалось при принятии решений основываться на «социалистическом правосознании». В то же время от них требовали, чтобы приговоры не противоречили важнейшим направлениям политики Коммунистической партии и советского правительства.

Процесс совершенствования судебной системы затронул и деятельность революционных трибуналов. В «Положении о революционных трибуналах» от 12 апреля 1919 г. предписывалось значительно сократить их. Они могли учреждаться лишь при губернских советах, а также в городах, численность населения которых составляла более 200 тыс. человек.

Революционный трибунал состоял из председателя, судей и народных заседателей, избиравшихся губернским советом. В данном Положении указывалось, что революционные трибуналы должны были рассматривать дела с участием представителей защиты и обвинения.

В новом «Положении о революционных трибуналах», утвержденном ВЦИКом 18 марта 1920 г., было предложено включать в их состав также представителя губернской Чрезвычайной Комиссии (ЧК). Кроме того, при революционном трибунале учреждалась должность следователя-докладчика, который занимался подготовкой заключений о рассматривавшихся делах и представлением их на заседаниях революционного трибунала.

Важно отметить, что ВЧК, ее губернские и уездные чрезвычайные комиссии широко применяли право внесудебной расправы. После принятия 5 сентября 1918 г. СНК РСФСР постановления «О красном терроре» органами ВЧК были репрессированы 31 389 человек, из которых 6185 – были расстреляны, 14 829 – заключены в тюрьмы, 6407 – направлены в концентрационные лагеря, 4068 человек были взяты в заложники [8, с. 35].

В первые послереволюционные годы в РСФСР были также образованы специализированные судебные органы. Так, в составе Красной Армии, на железных дорогах и в действующих воинских подразделениях создавались революционные военные трибуналы для рассмотрения наиболее опасных преступлений, совершавшихся военнослужащими. Дела, связанные с дезертирством из рядов Красной Армии, рассматривали создававшиеся в соответствии с постановлениями Совета обороны от 3 июня и от 13 декабря 1919 г. уездные комиссии по борьбе с дезертирством. В том случае, когда на территории губернии не действовал революционный трибунал, такие дела направлялись в губернские комиссии по борьбе с дезертирством.

В период формирования новых судебных органов в некоторых губерниях РСФСР в условиях отсутствия необходимых законодательных актов и доступных судебных органов получила распространение практика несанкционированного присвоения судебных полномочий сельскими сходами. При этом их приговоры были более суровыми, нежели решения местных народных судов. Сельские сходы часто применяли высшую меру наказания. Тем не

менее «хотя подобные сходы и подрывали авторитет органов правосудия на местах, советская власть относилась к ним, – как отмечает Н.С. Лобырева, – в данный период достаточно лояльно» [6, с. 64]. Основным организаторам и исполнителям самосудов назначали наказания, в соответствии с которыми срок лишения свободы составлял от одного до шести лет [6, с. 63–64].

Проводившиеся преобразования судебных органов «в полной мере соответствовали, – подчеркивает В.М. Сырых, – курсу советской власти на беспощадное истребление ее врагов, стремлению запугать население и заставить его исполнять советские законы и иные нормативно-правовые нормы» [7, с. 84].

Таким образом, после победы Октябрьской революции велась достаточно активная законотворческая деятельность по созданию советской системы правосудия. Так, с ноября 1917 до конца 1920 г. были подготовлены и приняты три Декрета о суде, три Положения о революционных трибуналах, два Положения о народном суде, другие нормативные правовые акты.

Тем не менее основные принципы судоустройства и судопроизводства, нашедшие в них отражение, кардинально отличались от принципов, включенных в результате реформ в Судебные уставы 1864 г. Советским государством фактически были проигнорированы такие либеральные принципы судоустройства и судопроизводства, как независимость и отделение суда от административных органов, равенство всех перед законом, учреждение суда присяжных, введение мировых судов, отделение предварительного следствия от суда и др. Кроме того, законодатель рекомендовал всем судам в случае отсутствия необходимых правовых норм руководствоваться в судебной практике принципом революционного или социалистического правосознания, что нередко приводило к произволу и предвзятости в судопроизводстве. Это было обусловлено идейными установками В.И. Ленина и объяснялось тяжелыми условиями Гражданской войны.

Классовый характер судебной политики советского государства нашел отражение в выступлениях и работах бывшего прокурора СССР А.Я. Вышинского. К главным задачам советского суда он относил «осуществление твердой революционной политики», направленной против «меньшевистской, эсеровской и иных агентур иностранных разведок, против всех и всяких контрреволюционных подонков умирающих классов, против воров и расхитителей общественной собственности, против всех, кто пытается оказывать делу социализма свое сопротивление, пытается всячески пакостить и вредить партии, советской власти, рабочему классу» [2, с. 178]. О либеральном или гуманном характере правосудия в первые годы советской власти говорить бессмысленно. Можно ссылаться на то, что в период Гражданской войны и иностранной интервенции государство вынуждено было использовать все средства, включая и органы правосудия, чтобы защитить полученную

в результате Октябрьской революции власть. Но, конечно, нельзя забывать о том, что опыт применения чрезвычайных мер в первые послереволюционные годы впоследствии широко использовался в СССР во время массовых политических репрессий.

Вот так к концу 1920 г. в РСФСР была образована советская судебная система, которая фактически с незначительными изменениями просуществовала вплоть до распада СССР.

Библиография

1. Бабенко В.Н. Судебная система России: История и современность. 2-е изд. М.: ИНИОН РАН, 2007. 264 с.

2. Вышинский А.Я. Судоустройство в СССР. М.: Юриздат, 1940. 344 с.

3. Кожевников М.В. История советского суда, 1917–1956 гг. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1957. 383 с.

4. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: История, документы. М.: Мысль, 2003. Т. 5. 829 с.

5. Ленин В.И Очередные задачи Советской власти // Ленин В.И. Избранные произведения: В 3 т. М.: Политиздат, 1970. Т. 2. С. 592–625.

6. Лобырева Н.С. Сельский сход как нелегитимный орган народного правосудия, 1918–1920. На примере отдельных уездов Черниговской, Орловской и Брянской губерний // Закон и право. М., 2016. № 4. С. 62–64.

7. Сырых В.М. История государства и права России: Учебное пособие. 2-е изд. М.: Эксмо, 2007. 464 с.

8. Сырых В.М. Н.В. Крыленко – идеолог советского правосудия. М.: Рос. акад. правосудия, 2003. 431 с.

References

Babenko V.N. Sudebnaja sistema Rossii: Istorija i sovremennost'. Izd. 2. Moscow: INION RAN, 2007. 264 p.

Kozhevnikov M.V. Istorija sovetskogo suda, 1917–1956 gg. Moscow: Gos. izd-vo jurid. lit., 1957. 383 p.

Kutafin O.E., Lebedev V.M., Semigin G.Ju. Sudebnaja vlast' v Rossii: Istorija, dokumenty. Moscow: Mysl', 2003. T. 5. 829 p.

Lenin V.I. Ocherednyje zadachi Sovetskoj vlasti // Lenin V.I. Izbrannyje proizvedenija: V treh tomah. Moscow: Politizdat, 1970. T. 2. P. 592–625.

Lobyreva N.S. Sel'skij shod kak nelegitimnyj organ narodnogo pravosudija, 1918–1920. Na primere otdel'nyh ujezdov Chernigovskoj, Orlovskoj i Brjanskoj gubernij // Zakon i pravo. Moscow, 2016. N 4. P. 62–64.

Syryh V.M. Istorija gosudarstva i prava Rossii: Uchebnoje posobie. Izd. 2. Moscow: Eksmo, 2007. 464 p.

Syryh V.M. N.V. Krylenko – ideolog sovetskogo pravosudija. Moscow: Ros. akad. pravosudija, 2003. 431 p.

Vyshinskij A.Ja. Sudoustrojstvo v SSSR. Moscow: Jurizdat, 1940. 344 p.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Г.А. Борщевский

РЕФОРМА БЮРОКРАТИИ: СРАВНЕНИЕ ОПЫТА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И РОССИИ

Аннотация. *Великобритания и другие англосаксонские страны предприняли во второй половине XX в. радикальные реформы государственного сектора, послужившие образцом для аналогичных реформ во многих странах, в том числе в России. В статье подробно рассмотрен опыт реформ государственной бюрократии Великобритании в период руководства Д. Кэмерона (2010–2016). Предложена методика для оценки развития государственной службы в контексте социально-экономического развития, позволяющая сопоставить тенденции реформы в Великобритании с опытом других стран, в первую очередь России.*

Ключевые слова: *Великобритания, государственная служба, реформа, эффективность, индекс, социально-экономическое развитие, регулирование.*

Борщевский Георгий Александрович – кандидат исторических наук,
доцент Института государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ.
E-mail: ga.borshchevskiy@migsu.ranepa.ru

G.A. Borshchevsky. The Reform of Bureaucracy: Comparing the Experience of Great Britain and Russia

Abstract. *In the second half of the 20th century the UK and other Anglo-Saxon countries radically reformed the public sector, which served as a model for similar changes in many countries, including Russia. The article describes the reform of the state bureaucracy in the UK under the leadership of David Cameron (2010–2016) and the methods of evaluating the development of public service in socio-economic growth, which allows comparing reforms in the UK and the experience of other countries, primarily Russia.*

Keywords: *United Kingdom, public service, reform, efficiency, index, socio-economic development and regulation.*

**Borshchevsky Georgiy Aleksandrovich – candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (RANEPA).
E-mail: ga.borshchevskiy@migsu.ranepa.ru**

Россия имеет длительный опыт государственного строительства. В одни периоды развитие происходило преимущественно с опорой на собственные силы, в другие, как например в начале 1990-х годов, наблюдалось активное заимствование зарубежных управленческих технологий и практик. К настоящему времени оформилась система государственной службы, отвечающая современным политическим реалиям. Вместе с тем систематические попытки реформ продолжаются. Так, в 2016 г. утверждены Основные направления развития государственной гражданской службы РФ, рассчитанные до конца текущего президентского цикла [5]. Однако на политическом уровне наблюдается определенный кризис целеполагания в этой сфере. Характерен ли кризис идей и целей для госслужбы ведущих стран, в частности Великобритании? Каковы тенденции трансформации госслужбы? Насколько они близки к отечественным тенденциям? Как политические изменения и глобальная нестабильность воздействуют на состояние бюрократии?

Выбор Великобритании для изучения продиктован высоким уровнем ее экономического развития, положением одного из мировых лидеров, а также последовательностью в решении проблемы бюрократии. Именно у англосаксонских стран Россия заимствовала принципы «государственного менеджмента» (англ. *New Public Management, NPM*), являвшиеся идейной основой административно-политических реформ последних десятилетий.

Опыт исследования трансформаций госслужбы в Великобритании

Британская бюрократия напоминает бюрократию отечественную лишь до известной степени. Российское общество исторически отличалось этатизмом, чего нельзя сказать о Великобритании, где центральным звеном в управлении долгое время оставалась местная община. По этой причине государственная гражданская служба там возникла как служба обществу, а не государству (*public service*).

Постоянная государственная служба была организована лишь в середине XIX в. с учетом опыта колониальной администрации [21]. Она имела элитный «оксбриджский» характер, т.е. карьеру могли сделать только выпускники таких вузов, как Оксфорд и Кембридж. Подобная система перестала удовлетворять общественным требованиям, и после Второй мировой войны встал вопрос о ее реформировании. Работа в 1966–1968 гг. комиссии под руководством лорда Фултона завершилась публикацией доклада, в котором

основной акцент был сделан на открытости и профессионализации государственной службы, привлечении туда кадров из различных сфер [18].

В 1979–1986 гг. правительство М. Тэтчер предприняло меры по экономии бюджетных расходов, сокращению числа служащих и государственных программ. С 1988 г. начата программа «Новые шаги», направленная на сближение принципов госслужбы и бизнеса. Она предполагала широкую приватизацию, развитие финансового менеджмента в государственном секторе, децентрализацию управления, повышение качества публичных услуг, усиление мотивации служащих [14].

Органы исполнительной власти были разделены на две группы. В первую вошли министерства (*core departments*), осуществляющие планирование, во вторую – службы (*non-ministerial departments*) и агентства (*executive agencies*) с функциями по контролю и оказанию публичных услуг. Часть агентств была выведена из системы органов власти и преобразована в публичные корпорации, а остальные – в основном в сфере услуг – переданы частным компаниям. Вновь организованные структуры стали именоваться Кванго (от англ. *Quasi-Autonomous Non-Governmental Organizations, QUANGOs*). Отношения последних с правительством строятся на основании рамочных соглашений, содержащих показатели оценки результативности, а также условия трудовых отношений с их персоналом [10].

Всё это должно было способствовать снижению бюрократической волокиты за счет внедрения рыночной конкуренции при оказании услуг гражданам, а также снизить коррупцию вследствие разделения функций по принятию решений (министерства), их исполнению (агентства) и контролю (службы). Вывод части служащих за штат должен был снизить расходы.

Однако на деле этого не произошло. Многие агентства трансформировались в подразделения министерств, возникли вертикально интегрированные системы «министерство – исполнительное агентство», что противоречит изначальной идее [19].

Конфигурация органов власти усложнилась: теперь наряду с министерствами, службами и агентствами действуют так называемые общественные органы (*Public Bodies*) и отраслевые советы (*High Profile Groups*), где работают не госслужащие.

К числу гражданских служащих в Великобритании относятся работники центрального правительства, государственных корпораций, органов местного самоуправления, учреждений социального обеспечения, культуры, здравоохранения, образования, земельного планирования, жилищного строительства, утилизации отходов. Большая часть служащих утратили гарантию пожизненного найма и были переведены на срочные контракты.

Руководство госслужбой от имени монарха осуществляет премьер-министр. Он назначает руководителя аппарата правительства (*Minister for the*

Cabinet Office) и шефа гражданской службы (*Head of the Civil Service*). Действует Комиссия по гражданской службе, которая включает 11 членов, назначаемых королевой и не являющихся госслужащими. Так как государственная служба финансируется из бюджета, в ее регулировании активно участвует Казначейство[1].

Реформа в Великобритании стала образцом для аналогичных реформ во многих странах. Центральными аспектами этих реформ были экономическая эффективность, значительное политическое влияние на деятельность администрации, понимание государственной службы как публичной деятельности.

В результате реформ удалось изменить отношение общества к бюрократии. Если в 1983 г. деятельность чиновников положительно оценивали лишь 25% британцев, то в 2013 г. уже 53% [16]. Признается, что правительство добилось успеха в достижении стандартов качества услуг [4]. Эксперты из других стран, в частности России, чаще придерживаются комплементарного подхода к британской реформе и склонны рекомендовать ее в качестве образца для подражания [3].

Децентрализация функций была важным направлением реформы и ее результатам посвящен ряд исследований [11]. К. Худ рассмотрел трансформацию центральных ведомств Великобритании в течение 30 лет, сравнил достигнутые результаты с исходными целями и выявил расхождения между ними [13]. Причину этих расхождений другие эксперты описывают следующим образом: «Хотя программа реформы строилась на теоретических принципах NPM, фактически она была скорее результатом политического давления и вынужденных компромиссов, нежели последовательного системного планирования» [6].

Известный исследователь Б.Г. Питерс отмечает, что «попытки реформирования провалились и заглохли, ибо изначально отсутствовало понимание того, что такое государственная служба, для чего она нужна обществу и

1. План реформы, предложенный правительством Д. Кэмерона в 2012 г., содержит четыре направления и 18 мероприятий, в том числе: улучшение межведомственного взаимодействия, активное карьерное планирование персонала, личная ответственность руководителей, улучшение контроля. Предполагается, в частности, повышение роли министров (государственных секретарей) в кадровых назначениях, выведение отдельных вопросов из компетенции отраслевых ведомств на межведомственный уровень. Определены три основных вида деятельности госслужащих: 1) исполнительская деятельность (ею занимаются по статистике 7 из 10 служащих), 2) консультирование политических руководителей, 3) реализация программ и проектов. Констатируется, что на сегодня только треть государственных программ в Великобритании реализуется в срок и без превышения бюджетной сметы, а сам процесс реализации программ непрозрачен.

к какому результату должно привести ее реформирование» [20, p. 426]. Позднее было констатировано, что «отсутствует системное ви́дение реформы, выходящее за границы отдельных мероприятий» [22, p. 39].

Таким образом, единого мнения среди экспертов о результатах реформ в Великобритании нет, что указывает на необходимость исследований, основанных на более объективных данных.

Гипотеза, методология и эмпирическая база исследования

В настоящем исследовании мы исходим из того, что предметом деятельности аппарата государственной службы является реализация государственной политики в различных отраслях (сферах регулирования). Поэтому и оценку тенденций развития госслужбы следует осуществлять в разрезе отраслей.

Мы стремимся не только оценить тенденции реформы государственной службы в Великобритании, но и выработать методологический подход, позволяющий сопоставить их с опытом других стран, в первую очередь России. Таким образом, система ограничений исследования продиктована рядом факторов:

1. Несопоставимость методик национальных статистических наблюдений требует использования данных международных обследований.

2. Необходимость использования объективных данных обусловливает использование официальной статистики и отказ от экспертных методов.

3. Различия в содержании государственной службы разных стран предполагает отказ от прямых сравнений и анализ эффективности бюрократии в разрезе отраслей с использованием обобщающих индексов.

Учет этих ограничений предполагает использование двух групп статистических данных.

Первая группа содержит показатели социально-экономического развития (СЭР) анализируемой страны в разрезе отраслей. В качестве источника здесь используются материалы Всемирного банка, формируемые по единой для всех стран методологии и размещенные в открытом доступе [8].

Данные Всемирного банка структурированы по отраслям (здравоохранение, образование и наука, социально-трудовые отношения, торговля, экономическое планирование, финансовый сектор, строительство, государственное управление и безопасность, промышленность и энергетика, транспорт, сельское хозяйство и окружающая среда).

Каждая отрасль описывается значительным количеством показателей (от 260 для экономического планирования до 13 для науки); всего 2029 показателей. Все отрасли мы для удобства дополнительно делим на пять укруп-

ненных групп (социальная сфера; финансовая сфера; госбезопасность; промышленность, строительство, транспорт; сельское хозяйство и экология).

По всем отраслям собраны показатели за период с 2010 по 2015 г. В целях сопоставления тенденций те же показатели выявлены для России. Учитывались показатели, значения которых присутствовали за каждый год.

Индекс СЭР рассчитывался для каждой отрасли по формуле (1):

$$Ia = \frac{\sum_{i=1}^{N}\left(\frac{Xri}{Xbi}-1\right)*100}{N}, \qquad (1)$$

где:

I_a – отраслевой индекс СЭР для отрасли а,

$X_{r,i}$ – значение показателя i в отчетный год,

$X_{b,i}$ – значение показателя i в базовый год,

N – число учитываемых показателей.

Такой метод позволяет агрегировать большие массивы данных, имеющие различные единицы измерения, переводя их в процентные значения и рассчитывая средний прирост по всей выборке.

Показатели *второй группы* характеризуют развитие госслужбы.

Учитывая различия национальных законодательств, рассматривались работники, являющиеся госслужащими в каждой стране, т.е. постоянный аппарат центральных органов исполнительной власти. Для Великобритании – это ведомства в прямом подчинении правительства, а для России – федеральные органы исполнительной власти.

Органы законодательной, судебной власти, региональные и местные органы не рассматривались. Были исключены также служащие государственных компаний, корпораций и учреждений, не имеющих властных функций. Не учитывались военнослужащие и полицейские.

Для характеристики процессов в системе государственной гражданской службы использовался набор статистических показателей, присутствующих в статистическом наблюдении каждой страны. Такими показателями являются:

– фактическая среднегодовая численность государственных служащих;

– средний возраст государственных служащих;

– средний стаж лиц, замещающих должности государственной службы;

– доля лиц с высшим образованием среди государственных служащих;

– количество функций государственных органов, в которых осуществляется государственная служба;

– среднемесячный уровень оплаты труда государственных служащих, включая все положенные выплаты и премии, и ряд других показателей.

Набор показателей ограничен, но позволяет охарактеризовать общее состояние системы госслужбы страны. Все показатели приведены на конец года. Период анализа соответствовал показателям первой группы. Оплата труда учитывалась в национальной валюте.

В качестве государственных функций учитывались полномочия органов, в которых предусмотрена государственная служба, включая государственные программы, реализуемые по поручению правительства (*programs and policies*). Данный показатель характеризует объем государственного регулирования и, следовательно, нагрузку на аппарат государственной службы.

Значения показателей, характеризующих развитие госслужбы, собраны в разрезе ведомств по каждой стране. Количественные характеристики кадров госслужбы получены из национальной статистики; источником данных о функциях (программах) служили официальные ведомственные сайты.

Государственные органы распределены по отраслям регулирования. Основанием для отраслевой группировки органов послужила классификация показателей СЭР. Каждый орган отнесен к одной отрасли.

Далее рассчитаны значения отраслевого индекса развития государственной службы по формуле (2):

$$Ipa = \frac{1}{T}\sum_t \frac{1}{I}\sum_i \frac{\frac{1}{n}\sum_{oea} X_{o,t,i}}{\frac{1}{N}\sum_o X_{o,t,i}}, \qquad (2)$$

где:

I_{pa} – отраслевой индекс развития государственной службы в отрасли *a*,

I – число показателей, характеризующих развитие государственной службы,

$X_{o,t,i}$ – значения показателя *i* для государственного органа *o* за год *t*,

T – общее число лет, на которых проводится исследование,

N – число ведомств, осуществляющих управление в отрасли *a*.

Так как оба индекса I_{pa} и I_a выражены в процентах, их значения по каждой отрасли можно отразить на общей шкале координат. Взаимное соотношение индексов позволяет оценить особенности функционирования отраслевых систем государственной службы. Корреляция между значениями индексов указывает на характер их статистической связи. На основании выявленных тенденций сделаны выводы о трансформации института государственной службы на современном этапе.

Интерпретация эмпирических данных

Центральные ведомства Великобритании определяют государственную политику в отраслях и контролируют деятельность органов местного самоуправления (администрации городских районов, советы графств и окружные советы), перераспределяя государственные субсидии [12].

Структура ведомств в анализируемый период включает аппарат правительства, 25 министерств и 21 службу. Им подведомственны 373 агентства и общественных органа. Также существуют 79 отраслевых советов, десять государственных корпораций и три особых правительства – шотландское, валлийское и североирландское [15].

В начале радикальных реформ М. Тэтчер в 1979 г. общая численность гражданских служащих составляла 723 тыс. человек, при консервативном правительстве Дж. Мейджора в 1995 г. – 550 тыс., при лейбористском правительстве Э.Ч. Блэра в 1999 г. сократилась до 383 тыс. человек.

К 2004 г. завершился процесс организации Кванго. В них работали 380 тыс. человек из всех 523,5 тыс. служащих (73%). В 2010 г. при переходе власти к правительству Д. Кэмерона аппарат госслужбы составлял уже 1,5 млн человек, и ставилась задача его сокращения на 23% к 2015 г. [17].

Работники центральных ведомств составляют около трети от общей численности госслужащих, еще около 10% – это рабочие государственных предприятий, 50 тыс. человек – работники налоговых служб и около 30 тыс. – уголовно-исправительных учреждений. Таким образом, процесс увеличения численности аппарата наблюдается за счет персонала агентств, общественных органов и госкорпораций.

Материальное обеспечение госслужащих снижалось в ходе реформ относительно средней по стране оплаты труда. Если в 1970 г. отношение оплаты труда среднего госслужащего к средней зарплате по стране составляло 140%, то к 1993 г. оно снизилось до 87%, а на младших должностях до 54%. В дальнейшем это соотношение улучшилось за счет персонала Кванго.

В данном исследовании собраны данные о 76 центральных ведомствах, включая 21 министерство, 20 служб и 35 ведущих агентств. Среди агентств учитывались только подведомственные правительству, а не автономные агентства.

Анализируемые органы реализуют свыше 200 программ, детализованных на 2713 функций. Максимальное число функций у Министерства по делам бизнеса, инноваций и квалификаций (255), минимальное – у службы интеллектуальной собственности и службы по стандартам образования (по 10) [9].

В аппарате ведомств в конце 2015 г. работали 350 236 госслужащих, 22% которых заняты в Лондоне, остальные – в регионах.

Каждый пятый госслужащий (72 320) работал в системе Министерства труда и пенсионного обеспечения. Больша́я доля служащих относились к Налоговой службе (52 950), Министерству обороны (45 890), Национальной службе по контролю за правонарушениями (40 220) и МВД (25 480).

Видно, что наибольшие по штату ведомства действуют в сфере безопасности и перераспределения ресурсов. Минимальная численность служащих – в ведомствах, занятых реализацией совместных полномочий центра и регионов. Так, в Министерстве по делам Уэльса в Лондоне работали лишь 50 человек.

Наибольшая среднемесячная оплата зафиксирована в 2015 г. в аппарате службы по регулированию железнодорожного транспорта (37 685 фунтов стерлингов), минимальная – в агентстве по поощрению студентов (9390).

Средняя оплата по всем ведомствам составляла 20 507 фунтов. Для сравнения: минимальная зарплата в Великобритании, по статистике, около 900 фунтов, а персонал с высшим образованием получает от 1800 фунтов в месяц. Таким образом, оплата госслужащих центральных ведомств здесь достаточно высока.

Существует значимая ($p<0,001$) корреляция между численностью работников аппарата ведомства и их оплатой: в 74% случаев в ведомствах с более многочисленным персоналом уровень оплаты выше. В 99% случаев численность служащих выше в органах, у которых есть территориальные подразделения, т.е. аппарат в регионах. Доля оплаты столичного аппарата существенно выше доли численности этого аппарата.

Обращает на себя внимание отсутствие значимых корреляций между оплатой и численностью госслужащих, с одной стороны, и количеством функций ведомств – с другой. Это означает, что увеличение объема реализуемых функций не приводит к росту штата или повышению оплаты чиновников, не наблюдается и обратный процесс.

Около 20% госслужащих в Великобритании имеют высшее образование, и эта доля увеличивается; она на несколько процентных пунктов выше среднего значения по стране. Средний возраст госслужащих 36 лет с тенденцией к повышению, а средний стаж госслужбы у них составляет менее десяти лет, что указывает на наличие переходов из иных видов деятельности.

Все ведомства распределены по отраслевому признаку. Наибольшая доля ведомств (34%) относится к отраслям социальной сферы, меньшая – к сельскому хозяйству (13%) и промышленности (11%). К сфере финансов и безопасности относятся, соответственно, 22 и 20% ведомств. Выявлено, что в отраслях социальной сферы, финансов и промышленности доля функций органов-регуляторов пропорциональна доле самих этих органов.

Если считать все государственные функции (программы) равноценными, то распределение, отраженное на рисунке 1, указывает, что средняя нагрузка на правоохранительные ведомства выше, чем на сельскохозяйственные.

Рис. 1. Удельные значения показателей развития государственной службы Великобритании в разрезе укрупненных отраслей (%)

Источник: Здесь и далее составлено автором.

Распределение численности госслужащих показывает, что в ведомствах социальной сферы в среднем занято меньше персонала в сравнении с долей реализуемых функций, т.е. удельная нагрузка в среднем выше. Это же можно сказать о промышленности и сельском хозяйстве. В финансовом блоке доля функций и численности одинаковая, а в сфере безопасности занято непропорционально много сотрудников. В свою очередь, самые высокие зарплаты у чиновников в отраслях промышленности.

Полученные данные дополняют картину развития британской государственной службы, однако они еще не дают оснований судить о ее эффективности. Ответить на этот вопрос помогает расчет отраслевых индексов развития государственной службы и СЭР, согласно предложенной методике.

В среднем по всей системе государственных органов значение индекса развития госслужбы составило 98,6%, т.е. по сравнению с базовым годом к 2015 г. средние значения анализируемых показателей снизились на 1,4%. Сильнее всего снизились индексы в отраслях сельского хозяйства и торговли. Рост значений индекса отмечен в органах управления здравоохранением, экономическим планированием и безопасностью.

Расчет индексов СЭР продемонстрировал тенденцию к росту в большинстве отраслей. Среднее значение индекса СЭР в отчетном году составило 102,3%. Сильнее всего выросли индексы в отраслях финансов и экономиче-

ского планирования, однако отмечено их значительное снижение в промышленности.

На рисунке 2 представлено распределение значений индексов отраслевого развития СЭР и государственной службы. Шкала координат разбита на четыре квадранта так, чтобы каждая отрасль относилась к одному из них.

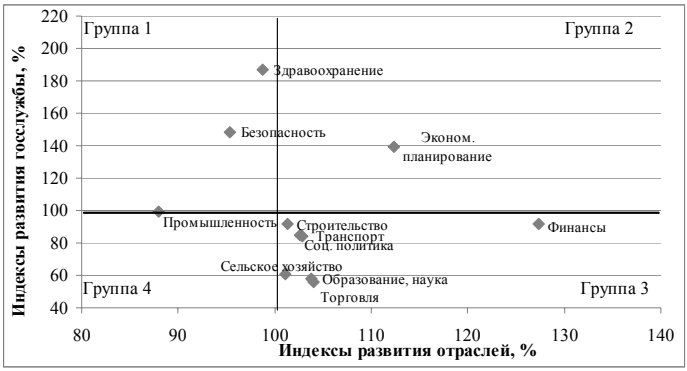

Рис. 2. Индексы развития отраслей и отраслевых систем госслужбы в Великобритании

Первая группа отраслей (здравоохранение и безопасность) характеризуется высокими значениями индекса развития госслужбы при низких значениях индекса СЭР. В органах управления здесь задействовано в среднем больше высокооплачиваемых и квалифицированных сотрудников, чем в других отраслевых органах, но их деятельность не ведет к улучшению показателей развития отрасли, напротив – они снижаются. Речь здесь идет об отраслях группы риска.

Вторая группа, в которую входит экономическое планирование, характеризуется высокими значениями обоих индексов, что указывает на сбалансированное развитие отрасли и отраслевых органов-регуляторов. Такое положение можно считать оптимальным.

Третья группа, в которую входит большинство отраслей, имеет высокие значения индексов СЭР при низких значениях индекса развития госслужбы. Это можно интерпретировать в двух аспектах.

Во-первых, эффективное развитие здесь происходит, вероятно, за счет рыночной саморегуляции при минимальном вмешательстве государственных

органов, которые не имеют достаточных полномочий (функций), кадров и финансовых ресурсов для активного регулирования.

Во-вторых, если предположить, что успешное развитие отраслей здесь достигнуто ранее благодаря усилиям отраслевых органов власти, то сейчас необходимо укрепление этих органов, чтобы они выполняли свои функции в дальнейшем. В нынешних условиях им может не хватить ресурсов для этого и есть риск постепенного ухудшение индексов СЭР. Отрасли этой группы требуют дополнительного изучения.

Наконец, четвертая группа имеет негативные сценарии динамики обоих индексов. В промышленности при среднем уровне развития госслужбы наблюдается сильная негативная динамика СЭР. Это наиболее проблемная сфера: ни рыночные регуляторы, ни аппарат государства не справляются со спадом в отрасли. На наш взгляд, здесь требуется усиленное внимание со стороны центрального правительства.

В целом можно заключить, что *степень влияния центрального правительства на развитие отраслей в Великобритании невелика*. Это подтверждается отсутствием значимых корреляций между индексами развития госслужбы и СЭР; *налицо разнонаправленная динамика развития аппарата госслужбы и управляемых отраслей*.

Общие тенденции и выводы, актуальные для России

Как уже указывалось, ввиду правовых и экономических различий, прямое сравнение систем государственной службы разных стран некорректно. Но если исходить из того, что госслужба в каждой стране создана для реализации политической повестки правительства, выраженной в форме отраслевых программ, а набор отраслей во всех развитых странах почти идентичен, то проблема несопоставимости преодолима.

Предложенная методика позволяет сопоставлять процессы развития бюрократии в разных странах, в данном случае – Великобритании и России. Используемые индексы предполагают сравнение внутри групп однотипных показателей, что делает сравнения корректными.

Выявлена статистически значимая корреляция между развитием СЭР Великобритании и России (76%). При индексе СЭР Великобритании, взятом в качестве независимой переменной, обнаружена регрессионная зависимость (R^2=0,66, P_{rob}=0,0000, const=19,7) с аналогичным показателем нашей страны (коэффициент 0,9).

В свою очередь, при индексе СЭР РФ в качестве независимой переменной также имеется регрессия (R^2=0,77, P_{rob}=0,0000, const=13,38) с коэффициентом для Великобритании, равным 0,64. Ясно, что здесь не учтено

множество сторонних факторов, однако можно сделать вывод о соответствии трендов СЭР обеих стран.

Для расчета индекса развития государственной службы России собраны и проанализированы данные для 81 федерального органа исполнительной власти (ФОИВ), в том числе 23 министерств, 33 служб и 25 агентств [4]. Структура ФОИВ РФ в целом похожа на описанную британскую систему. Такой облик она приобрела после административной реформы 2004 г.

Данные органы исполняют 5786 функций, а 76 ведомств Великобритании выполняют 2713 функций. Однако в Великобритании все они связаны с реализацией государственных программ, имеющих социально-экономический эффект, в то время как у ФОИВ РФ значительное число функций носят процедурный характер и не значимы для общества.

Наибольшее количество функций в России выполняют Министерство здравоохранения (298), Таможенная служба (231) и Министерство экономического развития (209). В Великобритании максимальное количество функций у Министерства по делам бизнеса, инноваций и квалификаций (255).

Минимальное количество функций в РФ у Росреестра (8), в Британии – у службы интеллектуальной собственности и службы по стандартизации (по 10). *В обеих странах максимум функций у министерств экономического блока, минимум – у ведомств в сфере регистрации прав и стандартов*.

Численность работников ФОИВ в 2015 г. составляла 30 675 в Москве и 423 283 в регионах. Почти четверть всех федеральных госслужащих занята в налоговой службе [1]. В сравнительно небольшой Великобритании в правительстве занято всего на 22% меньше госслужащих, чем в России (350 тыс.), а аппарат в Лондоне (76,5 тыс.) больше центрального аппарата ФОИВ. Наибольшая численность служащих занята в Минтруде и налоговой службе Великобритании, что сходно с российской тенденцией.

Около 90% госслужащих ФОИВ РФ имеют высшее образование (в Великобритании чуть больше 20%). Если доля лиц с высшим образованием в британском аппарате выше среднего показателя по стране всего на несколько процентов, то в России доля работников с вузовским дипломом – 24%, т.е. уровень образования госслужащих существенно выше среднего по стране.

Средний возраст госслужащих в Великобритании 36 лет при 39 – в России, и в обеих странах большинство служащих имеют стаж около десяти лет.

Средняя оплата труда федеральных гражданских служащих в России в 2015 г. составляла 74 080 руб. в месяц, что в 1,7 раз выше средней зарплаты специалиста с высшим образованием (43 тыс. руб.) [2]. Самая высокая оплата была в министерствах по делам Северного Кавказа (210 тыс.) и Дальнего Востока (154 тыс. руб.). Для сравнения укажем, что в Великобритании оплата госслужащих в центральном правительстве в 11,4 раза выше средней оплаты

специалистов с высшим образованием, т.е. *в обеих странах государственные служащие составляют элитную группу по оплате*.

В аппарате России выявлены корреляции между числом государственных функций и численностью госслужащих (35%), численностью госслужащих и уровнем их оплаты (84%).

Влияние численности территориального аппарата на общую численность госслужащих составляет 96%. Обнаружена регрессия (R^2=0,195; P_{rob}=0,0008; const = 41,8) между количеством государственных функций (независимая переменная) и численностью аппарата. Значение коэффициента слабо отрицательное. Это означает, что *логически ожидаемая положительная связь между численностью аппарата и количеством функций отсутствует как в России, так и в Великобритании*, о чем шла речь выше.

На рисунке 3 представлено распределение численности российских госслужащих, функций и количества ФОИВ по отраслевому признаку.

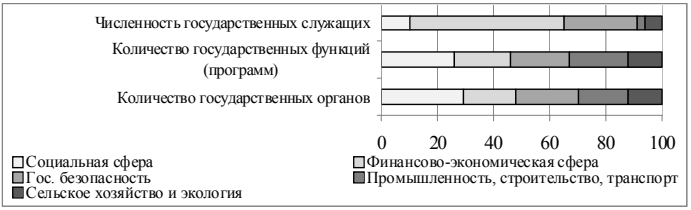

Рис. 3. Удельные значения показателей развития государственной службы России в разрезе укрупненных отраслей (%)

Видна значительная диспропорция между большой численностью госслужащих в органах финансовой сферы и малым объемом реализуемых ими функций. Наряду с этим госслужащие в органах социального и промышленного блоков исполняют непропорционально большой объем функций относительно их численности. Подобные диспропорции существуют в Великобритании в сфере безопасности, где численность аппарата завышена по отношению к объему функций (рис. 1). В отраслях промышленности, строительства и транспорта там, так же как и в России, малочисленный аппарат исполняет значительный объем функций.

Что касается распределения уровня оплаты госслужащих по отраслям, то, как видно в таблице 1, в России госслужащие, осуществляющие управление в отраслях промышленности, строительства и транспорта, получают оплату выше средней по системе ФОИВ на 15%, а госслужащие других отраслей,

напротив, ниже средней. Самая низкая средняя оплата в органах управления сельским хозяйством и экологической политикой.

Таблица 1

УДЕЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПО ОТРАСЛЯМ (%)

Страна	*Параметр*	*Отрасль*				
		Соц. сфера	*Фин. сфера*	*Безопасность*	*Промышленность*	*Сельск. хоз-во*
Великобритания	Государственные органы	34	22	20	11	13
	Государственные функции	34	20	26	12	8
	Государственные служащие	29	20	40	6	5
	Оплата труда госслужащих	101	107	106	113	93
Россия	Государственные органы	29	19	22	18	12
	Государственные функции	26	20	21	21	12
	Государственные служащие	10	55	26	3	6
	Оплата труда госслужащих	92	99	93	115	85

В Великобритании самая низкая оплата отмечена в аппарате ведомств сельского хозяйства и экологии, в других отраслях она выше средней.

По представленным косвенным данным можно предположить распределение приоритетов политического руководства: британское правительство демонстрирует повышенное внимание к отраслям государственной безопасности и промышленной политики, в которых занята доля госслужащих, превышающая долю реализуемых ими функций и получающих повышенную оплату. Для российского правительства можно предположить приоритетность органов управления в промышленности, строительстве и транспорте, а также в финансовой сфере.

Для проверки предположений служит расчет отраслевых индексов СЭР и развития госслужбы.

Для России средний индекс СЭР составил в отчетном году 104,5% по отношению к базовому году. Это говорит о том, что наши отрасли развивались динамичнее британских (там значение индекса 102,3%). Особый рост в России отмечен в отраслях экономического планирования (132,3%) и финансов (117,3), снижение – в промышленности (93,5%).

Индекс развития госслужбы в России составил 96,2% (в Великобритании 98,6%). Особый рост у нас отмечен в системах управления финансами (207%), торговли (139), строительства (111%), а снижение – в промышленно-

сти (70%), социальной политике (71), образовании и транспорте (по 72%), т.е. налицо противоречивая тенденция (рис. 4).

Рис. 4. Индексы развития отраслей и отраслевых систем госслужбы в России

Видно, что в отрасли здравоохранения при высоких затратах на госслужбе, динамика показателей СЭР ниже средних (группа 1).

В отраслях строительства, безопасности, торговли и финансов высокие значения обоих индексов указывают на относительно эффективное управление со стороны органов государственной службы (группа 2).

В сфере образования, транспорта и экономического планирования (группа 3) хорошая динамика СЭР наблюдается при относительно слабом потенциале федеральных органов власти. Вероятно, такой результат достигается за счет усилий субъектов РФ, которые не учитывались в исследовании, но реализуют немалый объем полномочий в этих отраслях.

В отраслях социальной защиты населения, промышленности и сельского хозяйства (группа 4) наблюдается нисходящая динамика обоих индексов, что указывает на существование системного кризиса, требующего вмешательства федерального Центра.

Выявлена статистически значимая ($p=0,0280$) корреляция (53%) между значениями обоих индексов по всем отраслям, а по укрупненным отраслевым группам она достигает 90%, что говорит о *существовании сильной положительной связи между развитием отраслей и соответствующих систем государственной службы в РФ*.

Количество отраслей в РФ, чьи показатели ухудшились по сравнению с базовым годом (здравоохранение, промышленность, сельское хозяйство и социальная политика) меньше тех, показатели по которым улучшились. Это вселяет оптимизм. При этом в трех «кризисных» отраслях из четырех наблюдается низкий уровень развития государственной службы. Видимо, саморегулирование в данных отраслях развито недостаточно, и для улучшения положения требуется укрепление отраслевого аппарата ФОИВ.

Обращает на себя внимание, что количество отраслей с высоким и низким значением индексов развития госслужбы примерно равное, т.е. имеются большие диспропорции внутри системы ФОИВ.

Заключение

Сопоставление тенденций за аналогичный период в двух странах позволяет сделать вывод, что в Великобритании снизились показатели развития в трех отраслях (промышленность, безопасность, здравоохранение), две из которых аналогичны российским. В этих отраслях индексы развития госслужбы выше средних, что указывает на неэффективное регулирование.

Решение здесь может состоять в частичном разгосударствлении промышленности и повышении эффективности управленческих расходов в здравоохранении и сфере безопасности.

В остальных отраслях, кроме экономического планирования, органы местной власти и негосударственные организации (НГО), по-видимому, успешно справляются с управлением отраслями. Это указывает на то, что реформы, начатые еще в эпоху М. Тэтчер, в настоящее время приносят свои плоды, и правительство консерваторов во главе с Т. Мэй, вероятно, будет придерживаться курса своих предшественников в отношении реформы бюрократии.

В дальнейшем целесообразно проведение более углубленного анализа с вовлечением материала других стран, в которых проходят аналогичные реформы государственной службы. Полученные в результате научные знания о закономерностях развития современного общества и управления им могут быть использованы в ходе проектирования текущих и будущих реформ. Кроме того, они вооружают политиков и дипломатов знанием сильных и слабых сторон организации системы государственной власти в тех странах, с которыми Россия взаимодействует на мировой арене.

Библиография

1. Государство, общественные организации. Росстат // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/state/ (Дата обращения: 18.11.2016.)

2. Заработная плата по уровням образования. Росстат // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/ labour_costs/# (Дата обращения: 21.11.2016.)

3. Оболонский А.В. Государственная служба Великобритании: Традиции и поиск новой парадигмы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2009. № 2. С. 57–80.

4. Официальный сайт правительства России // http://www.gov.ru/main/ministry/isp-vlast44.html (Дата обращения: 18.11.2016.)

5. Указ Президента РФ от 11 августа 2016 г. № 403 «Об основных направлениях развития государственной гражданской службы РФ на 2016–2018 гг.» // Собрание законодательства РФ. 15.08.2016. № 33, ст. 5165.

6. Уолкер Р.М., Бойн Д.А. Реформа государственного управления и повышение эффективности государственной службы: Эмпирическая оценка стратегии правительства Великобритании // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 2. С. 88–117.

7. Andrews R., Boyne G.A., Meier K.J., O'Toole L.J., Walker R.M. Representative Bureaucracy, Organizational Strategy, and public Service Performance. An empirical analysis of English local government // Journal of Public Administration Research and Theory. 2005. Vol. 15. P. 489–504.

8. Boyne G.A., Gould-Williams J. Planning and performance in public organizations: An empirical analysis // Public Management Review. 2003. Vol. 5. P. 115–132.

9. Civil Service statistics 2016. Statistical Bulletin Tables // UK Office of National Statistics. Available at: http://www.ons.gov.uk/employmentandlabourmarket/peopleinwork/publicsectorpersonnel/bulletins/ civilservicestatistics/2016 (Дата обращения: 18.11.2016.)

10. Deregulation and Contracting Out Act 1994. Available at: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1994/40 (Дата обращения: 14.11.2016.)

11. Dommett K., Flinders M. The Centre Strikes Back: Meta-Governance, Delegation, and the Core Executive in the United Kingdom, 2010–2014 // Public Administration. 2015. Vol. 93. Is. 1. P. 1–16.

12. HM Cabinet Official Website. Available at: https://www.gov.uk/government/organisations (Дата обращения: 18.11.2016.)

13. Hood C., Dixon R. A Government that Worked Better and Cost Less? Evaluating Three Decades of Reform and Change in UK Central Government. Oxford: University Press, 2015.

14. Improving Management in Government: the Next Steps. Efficiency Unit. London: Stationary Office, 1988.

15. Judge D. Political Institutions in the UK. Oxford: University Press, 2005.

16. Lewis L. Civil Service Reform – Trust on Trial // The Political Quarterly, 2014. Vol. 85. N 1. P. 84–86.

17. Lodge G. The Civil Service Reform Plan One Year On, and the International Evidence // The Political Quarterly. 2014. Vol. 85. N 1. P. 81–83.

18. Lowe R. The Official History of the British Civil Service. Vol. 1. Reforming the Civil Service: The Fulton Years, 1966–1981. London: Routledge, 2011.

19. MacCarthaigh M. From Agentification to De-agentification: The Changing Bureaucratic Model. Dublin: Institute of Public Administration, 2012.

20. Peters B.G., Savoie D.J. Civil Service reform: Misdiagnosing the Patient // Public Administration Review. 1994. Vol. 54. N 5. P. 418–426.

21. Report on the organization of the Permanent Civil Service. Ed. by S.H. Northcote, C.E. Trevelyan. London: G.E. Eyre, W. Spottiswoode, 1854.

22. Thomas P. Civil Service Reform: seven Crucial Tests for the New Reform Plan. London: Institute of Government, 2012.

References

Andrews R., Boyne G.A., Meier K.J., O'Toole L.J., Walker R.M. Representative Bureaucracy, Organizational Strategy, and public Service Performance. An empirical analysis of English local government // Journal of Public Administration Research and Theory. 2005. Vol. 15. P. 489–504.

Boyne G.A., Gould-Williams J. Planning and performance in public organizations: An empirical analysis // Public Management Review. 2003. Vol. 5. P. 115–132.

Civil Service statistics 2016. Statistical Bulletin Tables // UK Office of National Statistics. Available at: http://www.ons.gov.uk/employmentandlabourmarket/peopleinwork/publicsectorpersonnel/bulletins/ civilservicestatistics/2016 (Data obrashhenija: 18.11.2016.)

Deregulation and Contracting Out Act 1994. Available at: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1994/40 (Data obrashhenija: 14.11.2016.)

Dommett K., Flinders M. The Centre Strikes Back: Meta-Governance, Delegation, and the Core Executive in the United Kingdom, 2010–2014 // Public Administration. 2015. Vol. 93. Is. 1. P. 1–16.

Gosudarstvo, obshhestvennye organizacii. Rosstat // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/state/ (Data obrashhenija: 18.11.2016.)

HM Cabinet Official Website. Available at: https://www.gov.uk/government/organisations (Data obrashhenija: 18.11.2016.)

Hood C., Dixon R. A Government that Worked Better and Cost Less? Evaluating Three Decades of Reform and Change in UK Central Government. Oxford: University Press, 2015.

Improving Management in Government: the Next Steps. Efficiency Unit. London: Stationary Office, 1988.

Judge D. Political Institutions in the UK. Oxford: University Press, 2005.

Lewis L. Civil Service Reform – Trust on Trial // The Political Quarterly, 2014. Vol. 85. N 1. P. 84–86.

Lodge G. The Civil Service Reform Plan One Year On, and the International Evidence // The Political Quarterly. 2014. Vol. 85. N 1. P. 81–83.

Lowe R. The Official History of the British Civil Service. Vol. 1. Reforming the Civil Service: The Fulton Years, 1966–1981. London: Routledge, 2011.

MacCarthaigh M. From Agentification to De-agentification: The Changing Bureaucratic Model. Dublin: Institute of Public Administration, 2012.

Obolonskij A.V. Gosudarstvennaja sluzhba Velikobritanii: Tradicii i poisk novoj paradigmy // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija. 2009. N 2. P. 57–80.

Oficial'nyj sajt pravitel'stva Rossii // http://www.gov.ru/main/ministry/isp-vlast44.html (Data obrashhenija: 18.11.2016.)

Peters B.G., Savoie D.J. Civil Service reform: Misdiagnosing the Patient // Public Administration Review. 1994. Vol. 54. N 5. P. 418–426.

Report on the organization of the Permanent Civil Service. Ed. by S.H. Northcote, C.E. Trevelyan. London: G.E. Eyre, W. Spottiswoode, 1854.

Thomas P. Civil Service Reform: Seven Crucial Tests for the New Reform Plan. London: Institute of Government, 2012.

Ukaz Prezidenta RF ot 11 avgusta 2016 g. № 403 «Ob osnovnyh napravlenijah razvitija gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby RF na 2016–2018 gg.» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 15.08.2016. N 33, st. 5165.

Uolker R.M., Bojn D.A. Reforma gosudarstvennogo upravlenija i povyshenie jeffektivnosti gosudarstvennoj sluzhby: Jempiricheskaja ocenka strategii pravitel'stva Velikobritanii // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija. 2008. N 2. P. 88–117.

Zarabotnaja plata po urovnjam obrazovanija. Rosstat // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/ labour_costs/# (Data obrashhenija: 21.11.2016.)

Э.Э. Шульц

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМНОСТИ

Аннотация. *Проблема легитимности революции подразделяется на две части: легитимность антиправительственных выступлений и легитимность нового революционного режима. Второй пункт раскалывает общество на непримиримые лагеря, как это случилось с якобинцами и большевиками. Русская революция на февральском и октябрьском этапах, как и все ее предшественницы, в своей легитимности опиралась на действующий законодательный орган и на право силы. Но крайне левые в лице большевиков, в отличие от якобинцев, сумели благодаря достаточной социальной поддержке удержать власть и победить в Гражданской войне. Общество, уставшее от конфликтов и разрухи, признало новую власть или готово было ее терпеть.*

Ключевые слова: *Русская революция, 1917 г., легитимность революций, легитимизация итогов революции.*

Шульц Эдуард Эдуардович – кандидат исторических наук,
директор Центра политических и социальных технологий.
E-mail: nuap1@yandex.ru

E.E. Schultz. The Russian Revolution: The Problem of Legitimacy

Abstract. *The problem of the revolution competence is divided into two parts: the legality of anti-government protests and the legitimacy of the new revolutionary regime. The latter divides society into intransigent camps (the Jacobins and the Bolsheviks for example). The Russian revolution (February and October) like its predecessors was based on the acting legislative body and law power. But the extreme left wind – the Bolsheviks, unlike the Jacobins, managed to hold power and win the Civil war due to sufficient social support. Society, being tired of conflicts and chaos, recognized the new government or was ready to endure it.*

Keywords: *Russian revolution, 1917, the revolution competence, the legitimacy of revolution goals.*

Shults Eduard Eduardovich – Ph.D. (History),
Director of the Center of Political and Social Technologies.
E-mail: nuap1@yandex.ru

Один из ключевых вопросов истории Русской революции – вопрос о ее легитимности. Он актуален по сей день, разделяя российское общество и часть «Русского мира» на два непримиримых лагеря.

Представление о легитимности является краеугольным камнем социального поведения и социального протеста [см.: 1, с. 636]. Подрыв веры в справедливость и законность правительства и системы – основа протеста против власти. И здесь следует согласиться с Т. Гарром: «Легитимность правительств – это главная детерминанта того, будет ли народный гнев направлен против властей или канализирован в другого рода акции» [2, с. 34]. Проблема легитимности власти в случае смены системы и правителей рассматривалась Н. Макиавелли, Т. Гоббсом, Д. Юмом, Ф. Гизо, М. Вебером [1, с. 636; 3, с. 66, 68–69; 4, с. 159; 12, с. 133; 28, с. 664]. Речь идет не только о легитимности существующей власти, но и о легитимности (т.е. социальной поддержке) протестных выступлений, свержения правительства, а также каждого нового революционного правительства. Эта проблематика почти не получила освещения в политической науке и особенно это касается Русской революции.

Легитимность революции включает два аспекта: легитимность антиправительственных выступлений и легитимность нового революционного правительства. Легитимность борьбы с тираническим правлением признавалась общественной мыслью еще со времен Платона и Аристотеля; эта идея была подхвачена и развита деятелями Просвещения. Маркс считал, что легитимность создает сама революция [14, с. 120–121]. Так же считал и Ленин: «Русским рабочим, – писал он, – выпала на долю честь и счастье первым начать революцию, то есть великую, единственно законную и справедливую, войну угнетенных против угнетателей» [10, с. 67]. Высший авторитет – это «авторитет вооруженного народа», утверждал Ленин [9, с. 249].

Анализ источников по крестьянским волнениям 1905–1907 гг. в России, проведенный О.А. Суховой, позволяет сделать следующий вывод. В качестве важнейших условий этих волнений, как явствует из рапортов уездных исправников, служит «сила примера», т.е. других бунтующих в соседних деревнях, волостях и т.д. Дополнительным стимулом становилось отсутствие незамедлительной реакции со стороны карательных органов [18, с. 559–561, 564–566, 571]. Пример уже существующих антиправительственных выступлений легитимизирует новые выступления. Так было не только с крестьянскими бунтами, но и с распространением забастовочного движения и мятежей в воинских частях и гарнизонах.

Таким образом, антиправительственные выступления легитимизируются убеждением в тираничности и несправедливость правящего режима, верой в справедливость его свержения. Революция легитимна в силу того, что ведет к обновлению и более справедливому обществу. Однако легитимность самой революции не придает легитимности каждому революционному правительству.

Любой переворот легитимизирует новый переворот. Каждый революционный режим испытывает дефицит легитимности, а новые перевороты воспринимаются как восстановление справедливости либо общество становится индифферентным к ним.

Людовик XVI поставил свою подпись под текстом Конституции, присягнул ей на верность и выпустил манифест по случаю самороспуска Учредительного собрания, провозгласив: «Революция закончилась!» После этого французского короля все представители власти, пошедшие на уступки, или революционеры, захватившие власть и осуществившие свои реформы, с тех пор заявляли об окончании революции.

«Правильными» стали именовать те революции, которые достигли намеченных действующими элитами результатов и были свернуты. Любое неконтролируемое восстание начали рассматривать как бессмысленный бунт черни. Отсюда восхищение англичан «славной» революцией, их критическое отношение к революции 1640–1660 гг., неприятие Великой французской революции как во время, так и после нее. (Англия выступила инициатором интервенции против Франции для подавления революции.) Этот же принцип лежит в основе разделения на «хорошую Февральскую» и «плохую Октябрьскую» революции в России 1917 г. На нем же основан и противоположный подход к оценке этих событий. Каждое правительство объявляет революцию незаконным актом, направленным против порядка и общества. Революционные правительства применяют те же эпитеты и понятия к продолжению революции, которая должна закончиться, так как уже добилась победы и необходимых изменений. Это будет происходить с каждым правительством Франции 1789–1799 гг.; в революции 1848 г. во Франции (разгон июньского восстания); в Русской революции после февраля, когда все составы Временного правительства считали дальнейшую революцию, к которой призывали большевики, бессмысленной; после октября, когда большевики разгоняли Учредительное собрание и устраивали террор против левых эсеров и т.д.

Во время событий Февральской революции «восставшие» пришли в здание единственного сохранившегося представителя власти – Государственную думу. Депутаты во главе с председателем Думы Родзянко переложили ответственность на временный комитет Думы, который назвал имена членов нового правительства [16, с. 65]. Так и не начав сессию, приостановленную еще отрекшимся императором, Дума фактически самораспустилась в пользу будущего Учредительного собрания. Вакуум власти был заполнен Петроградским Советом. Этот вакуум появился не только потому, что некому было взять власть, но и потому, что ни одна власть не обладает достаточным авторитетом и силами для усмирения бунта и руководства страной, т.е. не имеет легитимности и достаточной социальной поддержки. Именно это обстоятельство определило «двоевластие» в России в период марта–октября 1917 г.

Проблему легитимизации не следует путать с вопросом преемственности власти или соответствия законам или нормам демократического устройства государства. Так, председатель Государственной думы Родзянко рассуждал о преемственности власти и удивлялся, что оказался не у дел [16, с. 65]. ЦИК Петроградского Совета правил до I съезда Советов от лица всех советов, а меньшевики и эсеры руководили ЦИК Петроградского Совета потому, что пропорциональной демократичной выборности в Советы не было, но это мало кого смущало. Сообразно этой логике «легитимности», был построен и процесс большевизации Советов и дальнейшего сращивания советской и партийной структур.

Процесс перехода от февральских событий к октябрьским демонстрирует изменения представлений о легитимности власти. Так, в формировании Временного правительства принимали участие представители Государственной думы – усеченного законодательного органа Российской империи – и представители «революционной толпы», оформившиеся как ИК Петроградского Совета. Первым руководителем Временного правительства стал князь Георгий Евгеньевич из рода Львовых, принадлежавших к Рюриковичам. То есть, с одной стороны, предпринимаются попытки обеспечить преемственность и легитимность власти, с другой – приобретает влияние «воля толпы» («улицы»). В ходе развития бунта Государственная дума и часть ее прежних деятелей, наиболее тесно связанных с прежним режимом, совсем сошли со сцены, а во главе правительства стал Керенский – социалист (трудовик), который «олицетворял» революционные массы и в котором далекие «от улицы» политические деятели желали видеть подобную фигуру. По определению Троцкого, он выступал «представителем революции» «как бы в качестве ее полномочного посла» [19, с. 193].

Постепенно акцент все больше смещался в сторону легитимности давления «улицы» на любую власть. Именно это обеспечило Советам возможность диктовать свою волю, которая выдавалась за волю народа. Это было не трудно, так как бунт и «улица» не представляют собой монолитной силы, принимающей единые политические решения. Эти политические решения принимают партии (в широком значении), получающие возможность прихода к власти в ходе протестного давления. Пока руководящие должности в Советах принадлежали меньшевикам и эсерам, Советы проводили линию на поддержку правительства, а оппозиционные большевики «вели атаку» на правительство, стремясь перераспределить власть в Советах. Добившись власти в Петроградском Совете, большевики лишили легитимности существующее Временное правительство, сменили его и обеспечили легитимность новому – СНК (которое тоже называло себя временным). Этот процесс происходил на фоне усиления легитимности «улицы» и «человека с ружьем», поэтому ни захват большевиками власти в Советах (и дальнейшая манипуляция составами

Советов), ни смена одного правительства на другое не вызвали возражений основной протестующей массы (в данном случае – гарнизонов, превратившихся к октябрю 1917 г. скорее в солдатско-матросскую вольницу, и рабочих).

Что касается легитимизации Лениным событий переворота 25 октября, то здесь примечательны следующие факты. Новое правительство не избирается на съезде, пока не взят Зимний и не арестовано Временное правительство. Временное правительство арестовано для расследования связи с корниловским мятежом [см.: 20, с. 281]. Легитимность захвата власти Ленин стремился обеспечить Советами, выставляемыми как истинно народная власть в противовес буржуазному Временному правительству. СНК, сформированный Лениным в качестве нового правительства, мало чем отличался от Временного правительства: такое же правительство, только из других двух партий, так же получившее поддержку Советов, как и предыдущее. В резолюции Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов записано, что «для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания», создается «временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров». Контроль за правительством будет осуществлять ЦИК Советов (так же, как de facto было и с Временным правительством) [15, с. 28]. Сам Ленин до поры до времени (до января 1918 г.) называл свое правительство «временным рабочим и крестьянским правительством» [8, с. 68]. Советы считались признанной народом властью, поэтому Ленину удается обеспечить обращение Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов о поддержке нового правительства и его курса, одобрение состава нового правительства II Всероссийским съездом Советов. Большевики проводят три основных декрета: «О мире», «О земле», «О рабочем контроле». Эти действия позволили Ленину в дальнейшем заявлять: «Социальную революцию выдумали не мы, – ее провозгласили члены съезда Советов, – никто не протестовал, все приняли декрет, в котором она была провозглашена» [11, с. 54]. При этом все принятые решения Ленин от лица СНК обязуется вынести на обсуждение и утверждение Учредительного собрания [5, с. 24; 6, с. 17]. Большевики еще не уверены в прочности своего положения, поэтому традиционно апеллируют к Учредительному собранию как признанному всеми партиями будущему законодательному органу. Опирался Ленин и на результаты выборов в Учредительное собрание, указывая, что даже в период, когда большевики были в опале и не могли полноценно участвовать в выборах, партия получила 25% голосов в Учредительном собрании, и фактически они, включая поправку об эсерах (на выборах была одна партия, затем она распалась), представили большинство в новом парламенте, который сами и распустили.

Установленная легитимная связь с Советами (Петроградский Совет и решения II съезда Советов) позволяла Ленину заявлять: «Поэтому абсолютно лживы, и только от врагов народа, только от врагов Советской власти исходят и могут исходить обманные заявления, будто большевистское правительство не есть Советское правительство. Напротив, только большевистское правительство может быть теперь, после II Всероссийского съезда Советов, впредь до созыва третьего, или впредь до перевыборов Советов, или впредь до составления нового правительства Центральным Исполнительным Комитетом, – только большевистское правительство может быть теперь признано Советским правительством» [7, с. 73].

Лишение части населения избирательных прав, запрет оппозиции, замена депутатов в советах на представителей большевиков, происходившая с января 1918 г. по всей стране (вошедшая в советскую историографию как «триумфальное шествие Советской власти»), привели к потере легитимности новой власти для большой части общества, что вызвало с лета 1918 г. Гражданскую войну.

Показательны и примеры двух Великих революций – Английской и Французской. Англичане вычеркнули с конца XVII в. до XIX в. из своей истории период революции 1640–1660 гг.: «Карл II вступил на престол сейчас же после мученической кончины своего отца. В правительственном издании парламентских статутов, появившемся в начале XIX в., вы не найдете актов гражданской войны, республики и протектората» [17, с. 5]. Настоящей революцией был признан переворот в 1688 г. против короля Якова II Стюарта, а на английский престол приглашен Вильгельм Оранский. Эти события вошли в историю под именем «Славной» революции, а за событиями 1640–1650 гг. закрепился образ кровавой смуты: «В сознании англичан переворот 1688 г. надолго был окружен ореолом, как наиболее светлый, лучезарный факт английской истории, и закрепил за собой имя “славной” революции, которую было бы преступно сопоставлять с мрачными событиями недоброй памяти 40-х и 50-х годов» [17, с. 5, 12].

Споры в обществе, а не только научные дискуссии, по поводу Великой Французской революции продолжаются во Франции по сей день. Как писал историк Французской революции Франсуа Фюре в 1978 г., подводя итог двум столетиям восприятия этого эпохального события, «по прошествии почти двухсот лет история Французской революции продолжает заниматься проблемой происхождения и, следовательно, национальной самоидентификации. В XIX в. эта история почти сливается с самим описываемым предметом, поскольку начавшаяся в 1789 г. драма разыгрывается вновь и вновь, с каждым новым поколением и вокруг одних и тех же ставок, одних и тех же символов и превращается или в идола, или вызывает лишь ужас и отвращение» [21, с. 16].

Отношение в Европе и США к якобинцам резко негативное, как в историографии, так и в художественной литературе. Во Франции большинство общества не считает их героями революции. Вот как сетовал на это советский историк Французской революции Манфред: «Все политические партии и группировки, все нюансы политической мысли – от Мирабо и Лафайета до Дантона включительно – все это остается по эту сторону, все это официально признано, освоено, исследовано французской университетской наукой. Это увековечено бронзой памятников, названиями улиц и кинотеатров, академическими изданиями, десятками защищенных докторских диссертаций. Все же, что левее Дантона – от Робеспьера и Марата до кордельеров и Жака Ру, – еще остается как бы официально не признанным. Те же зрительные впечатления в Париже дают тому подтверждения. Пройдите по улице Старой Голубятни. Здесь некогда, накануне и в начале революции, обитал Жан-Поль Марат. Но тщетно было бы искать среди великого множества вывесок, объявлений, плакатов, покрывающих стены домов старинной улицы, маленькую дощечку, напоминающую о том, что здесь жил Друг народа. Ее нет. Мне довелось как-то спросить профессора Марселя Рейнара, возглавлявшего кафедру истории Великой Французской революции в Сорбонне и жившего недалеко от улицы Старой Голубятни, почему нет мемориальной доски на доме, где жил Марат. Он развел руками. “Марат? Но муниципалитет не пойдет на увековечивание памяти Марата...” Это было понятно. Имя Марата тоже находится по ту сторону границы добра и зла...» [13, с. 210–211].

Памятники большевикам в виде скульптур, названий населенных пунктов, районов, улиц, объектов архитектуры и т.д. существуют в большом количестве и в современной России, где общество разделено на два непримиримых лагеря по отношению к революции 1917 г.

Историю пишут победители. Якобинская диктатура пала, была проклята соотечественниками и исследуется всего лишь как один из феноменов Великий Французской революции. Большевики победили, и революция в России слилась с их именем, они монополизировали Революцию и все, что с ней связано.

Легитимность выступлений против власти обеспечивается убежденностью в справедливости выдвигаемых требований и негодности правительства, ведущего несправедливую («антинародную») политику, а также ожиданием более совершенного создаваемого революцией общества. Однако легитимность революции (перемен) не обеспечивает безусловной легитимности любого революционного правительства. Поэтому несмотря на то что революция не признает преемственности власти и стремится кардинально менять эту власть, почти все революции XVII–XX вв. на своем первом этапе «опирались» на существующий законодательный орган. Стремление легитимизировать революционную власть вело во многих случаях к сохранению

монархии (в конституционной форме) или к ее последующей реставрации (чего не произошло в Русской революции). В течение многих лет и даже десятилетий легитимность революции ставится частью общества под вопрос, и легитимизация последствий революции для большинства общества происходит лишь с течением времени. Отношение к революции как и «узурпаторству» сменяется на отношение к власти как законной и уважаемой. Все это было в полной мере характерно для Русской революции.

Благодаря достаточной социальной поддержке большевики сумели удержать власть, победить в Гражданской войне. Общество, уставшее от длительного периода конфликтов и разрухи, признало новую власть или готово было ее терпеть. Хотя протестные выступления против большевиков происходили в армии, на флоте, в крестьянской и рабочей среде, стихая только к концу 20-х годов [см.: 22, с. 352–356; 26, с. 154–157]. У одних легитимизация опиралась на веру в строительство новой жизни (авторитет победившей власти и харизму лидеров), у других – на желание избежать силового противостояния (сила как фактор легитимности).

Библиография

1. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 602–643.

2. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. 461 с.

3. Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М.: Территория будущего, 2007. 336 с.

4. Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001. 304 с.

5. Декрет о земле // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. С. 24–27.

6. Ленин В.И. Доклад о мире 26 октября (8 ноября) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. С. 13–18.

7. Ленин В.И. От центрального комитета российской социал-демократической рабочей партии (большевиков). Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. С. 72–76.

8. Ленин В.И. Ответ на запросы крестьян // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. С. 68–69.

9. Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 37. М.: Политиздат, 1969. С. 235–338.

10. Ленин В.И. Революция в России и задачи рабочих всех стран // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 31. М.: Политиздат, 1969. С. 67–71.

11. Ленин В.И. Речь по вопросу печати. Заседание ВЦИК 4 (17) ноября 1917 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. С. 53–55.

12. Макьявелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макьявелли Н. Государь. М.: АСТ, 2012. С. 93–462.

13. Манфред А.З. Великая Французская революция. М.: Наука, 1983. 432 с.

14. Маркс К. Буржуазия и контрреволюция // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 6. М.: Политиздат, 1957. С. 109–134.

15. Постановление об образовании рабочего и крестьянского правительства // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. С. 28.

16. Родзянко М.В. Государственная дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции: В 22 т. Берлин, 1922. Т. 6. С. 62–73.

17. Савин А.Н. Лекции по истории английской революции. Изд. 2-е. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 388 с.

18. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008. 679 с.

19. Троцкий Л.Д. История русской революции. В 2 т. / Общ. ред. и вступ. ст. Н. Васецкого. М.: Терра, 1997. Т. 1. 400 с.

20. Троцкий Л.Д. История русской революции. В 2 т. / Общ. ред. и вступ. ст. Н. Васецкого. Ч. 2. М.: Терра, 1997. Т. 2. 400 с.

21. Фюре Ф. Постижение Французской революции / Пер. с фр. СПб.: Инапресс, 1998. 219 с.

22. Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917–1918 годы. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.

23. Шульц Э.Э. «Классовый подход» и «пролетарский характер» революции 1917 г. в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2014. № 3. С. 47–61.

24. Шульц Э.Э. «Теория революции»: К истории изучения, систематизации и современному состоянию // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2015. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». № 1 (198). Вып. 33. С. 167–172.

25. Шульц Э.Э. Русская революция и проблема модернизации // Вестник Российского университета дружбы народов. 2015. Серия «История России». № 3. С. 7–17.

26. Шульц Э.Э. Технологии бунта. (Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте.) М.: Подольская фабрика офсетной печати, 2014. 512 с.

27. Шульц Э.Э. Типология революций: история создания и современное состояние // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 1. С. 65–83.

28. Юм Д. О торговле // Юм Д. Сочинения в двух томах / Изд. 2-е, дополн. и испр. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 642–656.

References

Churakov D.O. Revoljucija, gosudarstvo, rabochij protest: Formy, dinamika i priroda massovyh vystuplenij rabochih v Sovetskoj Rossii. 1917–1918 gody. Moscow: ROSSPJeN, 2004. 368 p.

Dekret o zemle // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5-e. T. 35. Moscow: Politizdat, 1974. P. 24–27.

Fjure F. Postizhenie Francuzskoj revoljucii / Per. s fr. Saint-Petersburg: Inapress, 1998. 219 p.

Garr T.R. Pochemu ljudi buntujut. Saint-Petersburg: Piter, 2005. 461 p.

Gizo F. Istorija civilizacii v Evrope. Moscow: Territorija budushhego, 2007. 336 p.

Gobbs T. Filosofskie osnovanija uchenija o grazhdanine. Moscow: AST; Minsk: Harvest, 2001. 304 p.

Jum D. O torgovle // Jum D. Sochinenija v dvuh tomah / Izd. 2-e, dopoln. i ispr. T. 2. Moscow: Mysl', 1996. P. 642–656.

Lenin V.I. Doklad o mire 26 oktjabrja (8 nojabrja) // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5-e. T. 35. Moscow: Politizdat, 1974. P. 13–18.

Lenin V.I. Ot central'nogo komiteta rossijskoj social-demokraticheskoj rabochej partii (bol'shevikov). Ko vsem chlenam partii i ko vsem trudjashhimsja klassam Rossii // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5-e. T. 35. Moscow: Politizdat, 1974. P. 72–76.

Lenin V.I. Otvet na zaprosy krest'jan // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5-e. T. 35. Moscow: Politizdat, 1974. P. 68–69.

Lenin V.I. Proletarskaja revoljucija i renegat Kautskij // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5-e. T. 37. Moscow: Politizdat, 1969. P. 235–338.

Lenin V.I. Rech' po voprosu pechati. Zasedanie VCIK 4 (17) nojabrja 1917 g. // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5-e. T. 35. Moscow: Politizdat, 1974. P. 53–55.

Lenin V.I. Revoljucija v Rossii i zadachi rabochih vseh stran // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5-e. T. 31. Moscow: Politizdat, 1969. P. 67–71.

Mak'javelli N. Rassuzhdenija o pervoj dekade Tita Livija // Mak'javelli N. Gosudar'. Moscow: AST, 2012. P. 93–462.

Manfred A.Z. Velikaja Francuzskaja revoljucija. Moscow: Nauka, 1983. 432 p.

Marks K. Burzhuazija i kontrrevoljucija // Marks K., Jengel's F. Sochinenija. Izd. 2-e. T. 6. Moscow: Politizdat, 1957. P. 109–134.

Postanovlenie ob obrazovanii rabochego i krest'janskogo pravitel'stva // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5-e. T. 35. Moscow: Politizdat, 1974. P. 28.

Rodzjanko M.V. Gosudarstvennaja Duma i fevral'skaja 1917 goda revoljucija // Arhiv russkoj revoljucii: V 22 t. Berlin, 1922. T. 6. P. 62–73.

Savin A.N. Lekcii po istorii anglijskoj revoljucii. Izd. 2-e. Moscow: Gosudarstvennoe social'no-jekonomicheskoe izdatel'stvo, 1937. 388 p.

Shul'c Je.Je. «Klassovyj podhod» i «proletarskij harakter» revoljucii 1917 g. v Rossii // Vestnik Rossijskogo Universiteta Druzhby Narodov. Serija «Istorija Rossii». 2014. N 3. P. 47–61.

Shul'c Je.Je. «Teorija revoljucii»: K istorii izuchenija, sistematizacii i sovremennomu sostojaniju // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. Serija «Istorija. Politologija. Jekonomika. Informatika». N 1 (198). Vyp. 33. P. 167–172.

Shul'c Je.Je. Russkaja revoljucija i problema modernizacii // Vestnik Rossijskogo Universiteta Druzhby Narodov. 2015. Serija «Istorija Rossii». N 3. P. 7–17.

Shul'c Je.Je. Tehnologii bunta. (Tehnologii upravlenija radikal'nymi formami social'nogo protesta v politicheskom kontekste.) Moscow: Podol'skaja fabrika ofsetnoj pechati, 2014. 512 p.

Shul'c Je.Je. Tipologija revoljucij: istorija sozdanija i sovremennoe sostojanie // Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie. 2014. N 1. P. 65–83.

Suhova O.A. Desjat' mifov krest'janskogo soznanija. Ocherki istorii social'noj psihologii i mentaliteta russkogo krest'janstva (konec XIX – nachalo XX v.) po materialam Srednego Povolzh'ja. Moscow: ROSSPJeN, 2008. 679 p.

Trockij L.D. Istorija russkoj revoljucii. V 2 t. / Obshh. red. i vstup. st. N. Vaseckogo. Moscow: Terra, 1997. T. 1. 400 p.

Trockij L.D. Istorija russkoj revoljucii. V 2 t. / Obshh. red. i vstup. st. N. Vaseckogo. Moscow: Terra, 1997. T. 2. Ch. 2. 400 p.

Veber M. Osnovnye sociologicheskie ponjatija // Veber M. Izbrannye proizvedenija / Per. s nem. Moscow: Progress, 1990. P. 602–643.

Ю.В. Смородина

«МЯГКАЯ СИЛА» РОССИИ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Аннотация. *В сообщении идет речь о концепции «мягкой силы» России и путях реализации этой концепции. Рассматриваются внутриполитические и внешнеполитические методы, с помощью которых Россия может эффективнее использовать «мягкую силу».*

Ключевые слова: *«мягкая сила», «жесткая сила», внутренняя политика, внешняя политика, национальные интересы.*

Смородина Юлия Валерьевна – аспирант факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: juliacassis@yandex.ru

Yu.V. Smorodina. Russian «Soft Power» and Ways to Improve its Efficiency

Abstract. *The article studies the concept of Russian «soft power», the ways of its implementation, domestic and foreign political methods of effective use of the «soft power» by Russia.*

Keywords: *«soft power», «hard power», domestic policy, foreign policy, national interests.*

Smorodina Yulia Valirievna – Ph.D. student of the Faculty of Global Studies of Lomonosov Moscow State University. E-mail: juliacassis@yandex.ru

На рубеже XX–XXI вв. мир оказался на пороге новой эпохи. Процессы социального развития глобальны по своей природе, поэтому происходит переход к глобальному информационному обществу, формируются транснациональные информационные структуры. В современной мировой политике заметно возрастает влияние «мягких» инструментов воздействия на систему

международных отношений. Использование жестких, силовых методов становится всё менее эффективно и более опасно.

В меняющейся международной системе отношений успех страны определяется сегодня не только экономическими факторами, военной мощью или наличием природных ресурсов. Большая часть этого успеха зависит от наличия или отсутствия у страны «мягкой силы». «Мягкая сила» – это сочетание нескольких факторов: привлекательной для внешнего мира модели социально-экономического развития, культуры, политической системы и ценностных ориентаций. Большое значение имеет положительная и конструктивная деятельность, выходящая за пределы одного государства, помощь в разрешении конфликтов.

В последнее время в России развернулась широкая дискуссия о необходимости более широкого использования «мягкой силы» для достижения своих национальных интересов. Сегодня практически любое событие в мировой политике не происходит без использования «мягкой силы», многократно усиленной с помощью информационных и когнитивных технологий.

В течение почти столетия существования роль Советского Союза и России в качестве его преемницы на мировой политической арене постоянно менялась. Максимальное влияние СССР было достигнуто в 1945–1961 гг., после чего последовало снижение, особенно после 1968 г. [15]. Времена холодной войны характеризовались не только военно-политическим противостоянием двух сверхдержав – СССР и США, но и борьбой двух идеологий. Фактически идеологическое противостояние было борьбой «мягкой силы» двух стран. И у СССР, и у США были свои союзники, с помощью которых идеологии, условно говоря, «коммунизма» и «капитализма» транслировались остальному миру. После распада СССР Россия лишилась своей идеологии, общей системы ценностей и, как следствие, «мягкой силы» [2].

«Мягкая сила» Запада существенно способствует усилению таких информационных потоков, которые подогревают сепаратистские настроения в различных регионах Российской Федерации и ослабляют единство нации, ее национальную культуру. Политика «мягкой силы», дополненная новейшими технологиями, позволяет эффективно работать с сознанием людей, изменять историческую память, формировать новую систему ценностей, выгодную для проводящих эту политику элит. Тем не менее это может происходить только при отсутствии сколько-нибудь серьезного противодействия.

В этой ситуации есть только одно решение – разрабатывать собственную концепцию «мягкой силы».

Сегодняшняя Россия активно восстанавливает свое влияние в мире, однако делается это прежде всего с помощью «жесткой силы». Это вполне объяснимо: «Мягкая сила» – эффективное подспорье для других видов международных политических инструментов, но она не является их полной заменой.

Очевидно, что «мягкая сила» России не может опираться на ту же систему ценностей, на которую опирается «мягкая сила» западных стран, поскольку в этом случае Россия фактически попадет под идеологическую зависимость от США и Европы. Основой новой российской идеологии могут стать ценности мирного сосуществования народов: «Для реализации "мягкой силы" России необходимо создавать свою логическую связку, которая бы отвечала имиджу и миссии России в сложном многополярном мире. Это может быть логическая связка: Россия – гарантия безопасности. Миссия России – невзирая на лишения и нужды своего народа, не жалея сил и затрат, гарантировать безопасность и стабильность в регионе, на континенте и в глобальном мире в целом» [1, с. 18].

Необходимо сформировать образ России как страны, где бережно сохраняются богатые исторические традиции русской культуры, где уважаются культуры всех народов, где существует творческая свобода и плюрализм. Образ России должен быть образом страны, где интересы федерального центра и регионов согласуются – при уважении суверенитета и государственной целостности Российской Федерации. Позиционирование России как динамично развивающейся страны, члена БРИКС и ведущего государства Шанхайской организации сотрудничества, несомненно, усилит привлекательность ее «мягкой силы» [1].

Приоритетом политики «мягкой силы» должно стать предоставление систематической и всесторонней поддержки соотечественникам за рубежом, защита постоянно проживающих за границей российских граждан, помощь в реализации прав русскоязычного населения в иностранных государствах.

Улучшению имиджа России, конечно, будет служить улучшение условий жизни граждан страны, создание эффективной системы образования, расширение гражданских прав и свобод. Можно сделать вывод, что «мягкая сила» России не будет эффективна без проведения грамотной внутренней политики.

Библиография

1. Леонова О.Г. Мягкая сила: Инструменты и коэффициенты влияния // Обозреватель – Observer. 2014. № 3. С. 18–28.

2. Паршин П. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Аналитические доклады. М.: МГИМО-Университет, 2013. Вып. 1 (36). Март. 37 с.

References

Leonova O.G. Mjagkaja sila: Instrumenty i kojefficienty vlijanija // Obozrevatel' – Observer. 2014. N 3. P. 18–28.

Parshin P. Problematika «mjagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii // Analiticheskie doklady. M.: MGIMO-Universitet, 2013. Vyp. 1 (36). Mart. 37 p.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПОСТУПАЮЩИМ В ЖУРНАЛ «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР»

I

Ежеквартальный мультидисциплинарный научный журнал «Россия и современный мир» публикует статьи по социально-экономическим, историко-культурным и политическим проблемам России, а также статьи, анализирующие роль и место России в современной системе международных отношений.

Журнал не перепечатывает материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях или в сети Интернет. Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Перепечатка публикаций журнала в других изданиях возможна лишь с указанием автора, названия журнала, номера и года публикации.

При публикации материала редакция заключает с автором лицензионный договор, согласно которому автор предоставляет редакции неисключительные права на свою статью; это означает, что редакция получает право распространять печатные экземпляры журнала с этой статьей вплоть до полной реализации, размещать на ресурсах журнала в сети Интернет. Автор также имеет право републиковать текст в другом печатном или сетевом издании, включить в книгу, выложить в сети Интернет.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

II

Объем присылаемых рукописей не должен превышать 1 п.л.

В имени файла необходимо указать фамилию и инициалы автора статьи на русском языке, например Иванов П.С. Рукописи принимаются по электронной почте на официальный адрес редакции: rossovmir@gmail.com.

Редакция организует экспертизу материалов. Если статья требует доработки, автору посылается письмо с соответствующими рекомендациями по доработке текста на основании рецензии. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ с использованием материалов рецензии.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Главные требования к публикациям: наличие научной проблематики, соответствующей профилю журнала, новизна, хороший литературный язык. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать материалы рукописи, не меняя смысла представленной информации. Автор несет ответственность за содержание своей работы, за точность цитат, за корректность цитирования и отсутствие в тексте плагиата. Мнение автора может не совпадать с позицией редакции и членов редколлегии.

III

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. После этого приводится краткая аннотация и ключевые слова, употребляемые в тексте. Далее указываются фамилия, имя и отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, город, e-mail.

Далее инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова (не более 10) и сведения об авторе (авторах) даются в переводе на английский язык.

Цитируемые источники и литература оформляются однотипно. Список цитированных источников и литературы располагается после текста статьи, предваряется словом «Библиография» и располагается в алфавитном порядке под номерами. Сначала указываются русскоязычные издания, а затем иноязычные; нумерация сплошная. Для источников и литературы из электронных изданий указывается URL и дата обращения.

Список источников и литературы должен быть транслитерирован латинскими буквами; на английский язык переводятся только названия городов в библиографическом описании и буква р. – обозначение страницы. Транслитерированной список помещается в списке под названием «References». Этот список также располагается по алфавиту, но без нумерации. Для транслитерации допускается использование специализированных сайтов в сети Интернет, например: http://translit.net/.

Опубликованные источники и литература описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место публикации, издательство (для изданий книжного типа), год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: 1) Иванов И.И. Проблемы науки. М.: Наука, 2010. 250 с.; 2) Петров П.П. К вопросу о… // Россия и современный мир. М., 2011. № 4. С. 5–25.

В транслитерированном виде описание выглядит так: 1) Ivanov I.I. Problemy nauki. Moscow: Nauka, 2010. 250 p.; 2) Petrov P.P. K voprosu o… // Rossiya i sovremenny mir. Moscow, 2011. N 4. P. 5–25.

Архивные источники описываются так: фамилия автора, инициалы, название рукописи, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле (или те страницы, на которых помещен цитируемый документ). Или: название дела, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле. Например: 1) Багрицкая Л.Г. Письмо В.П. Катаеву от 7.10.1947 г. // РГАЛИ. Ф. 1399. Оп. 2. Д. 81. Л. 1–4 об.; 2) Жаворонков Б.И. Слово о Московском государственном историко-архивном институте // ГАРФ. Ф. Р8370. Оп 2. Д. 3. 3 л.; 3) Следственное дело А.Н. Гарри, 1930 г. // ЦА ФСБ. Д. Р-3346. 119 л.

В транслитерированном виде это описание будет выглядеть следующим образом: 1) Bagritskaya L.G. Pismo V.P. Kataevy, 7.10.1947 g. // RGALI. F. 1399. Op. 2. D. 81. P. 1–4 ob.; 2) Javoronkov B.I. Slovo o Moscovskom Gosudarstvennom istorico-arhivnom institute // GARF. F. R8370. Op. 2. D. 3. 3 p.; 3) Ugolovnoe delo A.N. Harry // CA FSB. D. P-3346. 119 p.

Источники и литература в электронном виде описываются по следующему образцу: 1) Всеобщая декларация прав человека. 1948. 10 декабря. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (Дата обращения: 25.12.2015.); 2) Vseobshhaya deklaratsiya prav cheloveka. 1948. URL: http://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights/index.html (Data obrasheniya: 25.12.2015.)

Фамилии зарубежных авторов даются в оригинальном написании.

В тексте статьи ссылки на каждую позицию списка приводятся в скобках, где указывается номер ссылки и через запятую те страницы, к которым отсылается читатель. Например [5, с. 38]. Отсылки к нескольким позициям приводятся в одних скобках через точку с запятой. Примеры: [1, с. 23–33; 2, с. 15]. Ссылки на тексты, размещенные в сети Интернет, даются без указания страниц. Например: [8].

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны только в тексте статьи.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru

Россия и современный мир № 3 – 2017 (96)

Дата регистрации 23.06.2009

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-36650

Верстка Н.М. Власова

Корректор
О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999г.
Подписано к печати 29.08.2017 г.
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Цена свободная
Усл. печ. л. 23,9 Уч.-изд. л. 18,2
Тираж 870 экз. Заказ № 115

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9